

Вятский государственный гуманитарный университет

**ВЕСТНИК
ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Научно-методический журнал

№ 11

Киров
2004

Главный редактор

В. С. Данюшенков

Редакционная коллегия:

Е. М. Вечтомов (зам. главного редактора),
В. Т. Юнгблюд (зам. главного редактора),
Е. О. Галицких (отв. секретарь),
В. А. Бердинских, А. М. Слободчиков,
В. Н. Оношко, Н. О. Осипова, В. Ф. Юлов,
Е. В. Алалыкина (перевод)

Адрес редакции: 610002, г. Киров, ул. Ленина, 111,
 тел.: (8332) 678-860 (научный отдел), (8332) 676-510 (издательство)

Редакторы: Т. Котельникова, О. Коробкова, О. Редькина, Ю. Болдырева
 Компьютерная верстка: Ю. Боброва

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
 (Министерство по делам печати, телерадиовещания
 и средств массовых коммуникаций)
 ПИ № 77-14376 от 17 января 2003 г.

ISBN 5-93825-175-3

СОДЕРЖАНИЕ

Данюшенков В. С. Реформа управления высшей школой 6

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

Вечтомов Е. М. Какая философия познания соответствует природе математики? 10
Берова И. В. Архитектурная модель в контексте культурного континуума 16
Счастливецва Е. А. Нежная душа Фридриха Ницше, или «Не давайте повод к состраданию» ... 22
Юлов В. Ф. Чем интеллект отличается от психики? 24

ИСТОРИЯ

Костин А. А. Позиция американской дипломатии по проблеме Истрии-Триеста на первой сессии парижского заседания СМВД (25 апреля – 16 мая 1946 г.) 35
Кузьмин Ю. М. Формирование партийно-политической системы в странах Западной Европы после Второй мировой войны 41
Кашкина В. М. Политика большевиков в вятской деревне: переход от «военного коммунизма» к нэпу (социальный конфликт и отношение к нему очевидцев) 48
Машковцева В. В. Конфессиональная политика государства по отношению к старообрядческой книжности (на материалах Вятской губернии второй половины XIX – начала XX в.) 53
Лытка Т. И. Ратенау. Становление промышленника (1884–1914 гг.) 59

КРАЕВЕДЕНИЕ

Вечтомова Ю. Е. Издательская деятельность Вятской ученой архивной комиссии 67
Дмитриенко А. А. Крестьянство и выборы в I и II государственные думы (на материалах Вятской губернии) 73
Никонов А. А. Два недавних землетрясения в Вятском крае 78
Валеев Н. М. Стахеевы и Россия 80

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Байкова О. В. Социолингвистическая характеристика российских немцев Кировской области 89
Березина Ю. В. Спирантизация как особенность консонантизма в речи российских немцев Кировской области 92
Казиков А. В. Метафорические конструкции с соматизмами 94
Кропотова Л. В. О разграничении значений глагола (на примере словарной статьи буквы «р» в немецких толковых словарях) 97
Лопатина Н. А. Семантическая структура направленного движения в немецком языке 104
Кондакова И. А. К вопросу переносного употребления топонима 108
Федоровская Т. Н. Языковые фантазии в книге Дж. К. Ролинг «Гарри Поттер и философский камень» 111

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

Клетцова Е. Ю. Реализация учебно-методического комплекса «Психология терпимого отношения» (на материале работы с молодежью) 114
Низовских Н. А. Психосемантический анализ жизненных ориентаций в исследовании российской ментальности 119
Ковров В. В., Машарова Т. В. Системный подход в обеспечении качества образования в вузе 129

ЕСТЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Пахомов М. М., Прокашев А. М., Пахомова О. М., Чичагова О. А. О тенденции природно-климатических изменений вятского края в голоцене	136
Семакина Е. М. Биоморфологический спектр флоры водных и прибрежно-водных семенных растений Кировской области	141
Черных В. В. О регулярных полукольцах с некоторыми условиями	147
Бобров Ю. А. О метаморфозе в развитии растений на примере видов семейства Грушанковые (Rugolaseae)	150

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Савиных С. В., Михайлова С. В. Государственные инвестиции в сфере образования и их влияние на макроэкономические показатели	155
Кислицына В. В. Эффективное распространение товара как фактор успешной деятельности предприятия	159
Кочеткова Е. А. Особенности транспортной рекламы	162
Чеглакова А. С. Изучение стиля жизни потребителей	163
Шалина Н. В. Новые тенденции в организации прямого маркетинга в России и за рубежом	166

УЧЕНЫЕ – ШКОЛЕ

Коршунова О. В. Интегрально-дифференцированный подход при изучении темы «Элементы СТО» в школьном курсе физики	168
Канин Е. С. Изучение линейной и кусочно-линейных функций	174

МОЛОДЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ

Белик А. А. К вопросу о преимуществах торговли вятских купцов в архангельском порту в первой половине XIX в.	181
Скутнев А. В. Материальное положение приходского духовенства в России после реформ 60-х гг. XIX в.	185
Бочков О. В. Личность налогового преступника	190
Гагарина Е. П. О соотношении понятий «концептуальная картина мира» и «языковая картина мира»	191
Костина Е. Г. Характеристика деятельности аппарата землеустройства в Вятской губернии в период столыпинской аграрной реформы	195

ПЕРСОНАЛИИ

Якову Петровичу Понарину – 70 лет	202
Юрию Михайловичу Рябову – 70 лет	203
Владимиру Федоровичу Юлову – 60 лет	205

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Варанкина В. И., Вечтомов Е. М. III Всероссийская научная конференция «Проблемы современного математического образования в вузах и школах России»	206
Савиных Н. П. Международная школа по теоретической морфологии растений «Конструкционные единицы в морфологии растений»	207
Кузьмина В. П. Межрегиональная научно-практическая конференция «Психология творческого самовыражения»	208
Черанева Е. К. Межрегиональная научно-практическая студенческая конференция «Актуальные вопросы психологии глазами молодых исследователей»	209
Машарова Т. В. Результаты научного симпозиума «Региональные аспекты становления гуманитарного знания: от педагогической научной школы к университетской парадигме»	210
Шалаева О. В. «Японский центр» в гостях у ВятГТУ	212

CONTENTS

Danushenkov V. S. Reform of management of higher education.	
Vechtomov E. M. What philosophy of knowledge corresponds to nature of mathematics	
Berova I. V. The Architecture's model in continuum of culture	
Schastlivtseva E. A. Delicate soul of Friedrich Nietzsche or "You don't occasion for compassion"	
Yulov V. F. What is the difference between intellect and psychics?	
Kostin A. A. Position of the American diplomacy on a problem of Istria-Trieste at the first Parisian session of CFM (April, 25 – May, 16, 1946)	
Kuzmin U. M. Forming of party political system in Western Europe after Second World War	
Kashina V. M. The Bolsheviks' Policy in the Vjatka Village: Transition from Military Communism to New Economic Policy (Sozial Conflict and Witnesses' Attitude to it)	
Mashkovtseva V. Y. The Confessional policy of the State forward book – culture of the old-believers (case of Vyatka region, fum of the XIX and XX centuries)	
Lypka T. I. Rattenau. Formation of manufacturer	
Vechtomova U. E. Publishing work of Vyatka scientific archives commission	
Dmitrienko A. A. Peasantry and 1 st and 2 nd State Dumas' elections (materials of Vyatska gubernia)	
Nikonov A. A. The two resent earthquake in Vyatka region	
Valeev N. M. The Stakheevs and Russia	
Baikova O. V. The Social-Linguistic characterization of Russian Germans living in Kirov region	
Berezina U. V. Spirantation as the phenomenon in the speech of the Russians Germans in the Kirov region	
Kazakov A. V. Metaphors with names denoting parts of a human body	
Kropotova L. V. About the differentiate of verbs (word article to the letter "r" in the Dictionary of the German Language)	
Lopatina N. L. The semantic structure of directive motion in German	
Kondakova I. A. Figurative Use of Place-Names	
Fedorovskaya T. N. Author's Fantasy in "Harry Potter and the Sorcerer's Stone" by J. K. Rowling	
Kleptsova E. Y. The realization of study-methodological complex "Psychology of tolerant attitude" (on the material of youth group)	
Nizovskich N. A. Psychosemantics analysis of vital orientations in Russian mentality's research	
Kourov V. V., Masharova T. V. "The systematic approach to the process of providing the higher education quality"	
Pakhomov M. M., Prokashev A. M., Pakhomova O. M., Chichagova O. A. About tendency natural-climatic changes of Vyatka region in Holocene	
Semakina E. V. Biomorphological spectrum of flora of water and coastal-water seed plants of the Kirov area	
Chernykh V. V. On regular semirings with some conditions	
Bobrov Yu. A. About metamorphosis in plants development on example of species family Pyrolaceae	
Savinykh S. V., Mikbailova S. State investments in sphere of education and their influence on activities macroeconomics	
Kislitsina V. V. The effective distribution of bakery product as a factor of successful producer's activities	
Kochetkova E. A. Peculiarity of transport advertisement	
Cheglakova L. S. The study of style of customer's life	
Shalina N. V. New tendencies of development of straight marketing in Russia and abroad	
Korsbunova O. V. Integrational-differentiational approach studying «Elements one hundred» topic in school module of physics	
Kanin E. S. Study of linear and piecewise linear functions	
Belik A. A. Study at the question about advantage of trade Vjatka merchants in Arhangelsk port in the beginning of the XIX century	
Skutnev A. V. The financial position of provincial clergy after the reforms of the 60 th in the XIX th century in Russia	
Bochkov O. V. Personality of tax criminal.	
Gagarinova E. P. About a parity of concepts "a conceptual picture of the world" and "a language picture of the world"	
Kostina E. G. The characteristic of activity of the device of land management in Vjatka province during the period Stolypin's agrarian reform	
Varankina V. I., Vechtomov E. M. III All-Russian scientific conference. Problems of modern mathematical education in universities and schools of Russia	
Savinykh N. P. International Workshop on plant's theoretical morphology "Construction units in plant's morphology"	
Kuzmina V. P. The psychology of creative self-expression	
Cheraneva E. K. A view of young researchers on actual problems in psychology	
Masharova T. V. The results of scientific symposium "Regional aspects of formation of humanitarian knowledge: from pedagogical scientific school to university paradigm"	
Shalaeva O. V. Japanese center at the VSHU	

РЕФОРМА УПРАВЛЕНИЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛОЙ

Сегодня мы живем во времена, которые характеризуются беспрецедентными изменениями в области социальной сферы, а конкретно, в области образования. Я буду говорить о высшей школе, о разработанной Советом Федерации концепции участия РФ в управлении государственными организациями, осуществляющими деятельность в сфере образования.

В концепции рассматриваются вопросы государственной политики Министерства образования и науки Российской Федерации (в дальнейшем – Минобрнауки России), Федерального агентства по образованию (в дальнейшем – Агентство) в части управления сетью подведомственных государственных организаций сферы образования. При этом основное внимание в Концепции уделяется преобразованию сети государственных образовательных организаций с учетом нового закрепления полномочий федеральных, региональных и муниципальных уровней управления в сфере образования. Рассматриваются подведомственные государственные организации, осуществляющие

- непосредственное предоставление образовательных услуг,
- иные организации, составляющие инфраструктуру образования,
- организации, обеспечивающие выполнение функций федеральных органов управления образованием.

Под государственными организациями для целей настоящей Концепции понимаются федеральные государственные учреждения (далее – учреждения), федеральные государственные унитарные предприятия (далее – унитарные предприятия) и открытые акционерные общества с преобладающим участием Российской Федерации в капитале (далее – ОАО).

Данная концепция ориентирована на все организации сферы образования независимо от их ведомственной принадлежности.

Под участием Российской Федерации в управлении государственными организациями для целей настоящей Концепции понимается осуществление федеральными органами исполнительной власти полномочий по управлению государственными организациями и распоряжению их имуществом (в т.ч. разгосударствление указанных организаций и/или изменение их организацион-

но-правовых форм) в объеме и в порядке, установленных законодательством Российской Федерации.

Объектом Концепции являются государственные организации, действующие в сфере образования (государственный сектор системы образования).

Предметом Концепции является определение подходов и основных принципов участия Российской Федерации в управлении государственными организациями, осуществляющими деятельность в сфере образования.

По состоянию на 01.01.2004 сеть государственных федеральных организаций системы образования, подведомственных Минобрнауки России, включает 4027 организаций, в том числе: учреждений высшего профессионального образования – 335, учреждений среднего профессионального образования – 616, учреждений начального профессионального образования – 2767, научно-исследовательских организаций – 158, учреждений дополнительного профессионального образования – 63, федеральных государственных унитарных предприятий – 88.

В структуре расходов федерального бюджета на образование наибольший удельный вес занимают расходы на высшее профессиональное образование (2002 г. – 55%, 2003 г. – 55,1%, 2004 г. по плану – 58%), начальное профессиональное (его доля несколько сокращается: 2002 г. – 22,8%, 2003 г. – 21,7%, 2004 г. – 21%) и среднее профессиональное (2002 и 2003 гг. – 12,9%, 2004 г. – 13%).

Число государственных вузов с 1990 по 2003 г. увеличилось в 1,27 раза.

Государственные вузы расположены по территории страны крайне неравномерно. Наибольшее число государственных вузов Российской Федерации сосредоточено в Центральном и Приволжском округах – 30% и 18% соответственно. Вместе с тем только в Москве и Санкт-Петербурге находится 22,5% государственных вузов Российской Федерации, в них обучается 19,4% студентов от общей численности студентов государственных высших учебных заведений страны.

Численность студентов вузов на 10 000 населения составила в 2003 г. 390 чел., из них 219 чел. на 10 000 населения обучались за счет бюджетных средств.

Государственная система высшего образования Российской Федерации в настоящее время имеет следующую структуру: университеты – 50% от общего числа государственных вузов, академии – 28%, институты – 22%.

Вместе с тем участие Российской Федерации в управлении государственными организациями, осуществляющими деятельность в сфере образования, необходимо рассматривать в контексте

ряда накопившихся проблем и негативных тенденций, среди которых наиболее существенными представляются следующие.

Количественный рост объемов подготовки в государственных учреждениях высшего профессионального образования сопровождается снижением качества подготовки выпускников. Несмотря на то, что эта тенденция затрагивает государственный сектор высшего образования значительно меньше, чем негосударственный, необходимы меры, направленные на более жесткий контроль результатов обучения, а также глубокий анализ структуры сложившейся сети учреждений высшего профессионального образования, включая их филиальную сеть, направленный на укрупнение элементов сети, интеграцию ресурсных возможностей вузов, создание признанных центров качества высшего образования, способных поднять планку требований к качеству подготовки на уровень лучших мировых стандартов. Важная роль в этой работе отводится ведущим университетам и университетским комплексам.

Изолированность многих учреждений высшего образования от научных организаций, в особенности на верхних ступенях высшего образования, приводит к схоластической подготовке студентов, затрудняет их включение в проектную и исследовательскую деятельность. Это ведет к старению научных и преподавательских кадров, снижению общего уровня как высшего образования, так и науки в целом.

Отсутствуют эффективные механизмы участия работодателей в определении задач и оценке результатов деятельности государственных образовательных организаций всех уровней, следствие этого – мотивация к софинансированию профессионального образования.

Недостаточен уровень трудоустройства выпускников государственных организаций сферы образования по полученным специальностям.

Образовательные организации располагают устаревшей материально-технической базой. В целом по системе образования степень износа основных фондов составляет более 31%, коэффициент обновления основных фондов (в сопоставимых ценах) – 1,0%. В аварийном состоянии находится 7% организаций начального профессионального образования, 5,5% – среднего и 5,4% – высшего.

Низка оснащенность учебного процесса современным учебным и лабораторным оборудованием, вычислительной техникой. В вузах число персональных компьютеров на 100 студентов составляет 6,3 ед.

Недостаточны темпы развития систем профессиональной переподготовки взрослых и непрерывного профессионального образования в целом (образования на протяжении всей жизни), в

их деятельности преобладают устаревшие технологии и практики обучения.

Все это создает социальную напряженность в обществе, для разрешения которой и была создана новая концепция реформирования управления образованием со стороны РФ.

Управление РФ образовательными учреждениями осуществляется путем:

- непосредственного участия Российской Федерации в управлении образовательными организациями (учредитель и собственник имущества, финансирующий деятельность организации, один из учредителей);

- косвенного участия Российской Федерации в управлении (предоставление субвенций бюджетам субъектов Российской Федерации на образование, распределение госзаданий на подготовку кадров, закупка необходимых услуг у организаций различных форм собственности);

- реализации Российской Федерацией правоустанавливающих функций и функций надзора в сфере образования, в том числе за использованием имущества образовательных организаций.

Для определения организаций, которые будут под непосредственным и косвенным управлением РФ, выделим основные и дополнительные критерии.

В управлении организациями, соответствующими дополнительным критериям, Российская Федерация сохраняет свое участие в той мере, в какой обеспечивается контроль за процедурами реорганизации образовательных организаций и влияние на профиль их деятельности. Эти организации, как правило, должны быть реорганизованы в форму государственных автономных учреждений (ГАУ) или государственных автономных некоммерческих организаций (ГАНО).

Изменение форм и объемов участия Российской Федерации в управлении государственными образовательными учреждениями высшего профессионального образования возможно

- при внесении в Бюджетный кодекс Российской Федерации поправок, изменяющих порядок доведения бюджетных средств до бюджетополучателей и расширение круга бюджетополучателей;

- преобразовании государственных образовательных учреждений высшего профессионального образования в иные организационно-правовые формы (ГАУ или ГАНО);

- изменении нормы Закона «Об образовании» (ст. 40, п. 2), согласно которой 170 чел. на 10 000 чел. населения обучаются в государственных вузах за счет средств федерального бюджета (например, исчисление этой нормы от возрастной когорты 17-23 лет).

При соответствующем изменении законодательства может быть оптимизирована сеть госу-

дарственных образовательных учреждений высшего профессионального образования, в том числе за счет перевода части из них в другие организационно-правовые формы (помимо государственного учреждения) или передачи в ведение субъектов Российской Федерации, при сохранении обязательств Российской Федерации участвовать в их финансировании через систему госзаданий или путем передачи субвенций бюджету субъекта Федерации.

Особое место в подготовке кадров высшей квалификации должно отводиться подготовке педагогических кадров для всех уровней образования как важнейшему условию обеспечения конституционных прав граждан Российской Федерации на образование.

В настоящее время подготовка педагогических кадров осуществляется государственными педагогическими вузами (федеральными и субъекта федерации), а также муниципальными высшими учебными заведениями, однако доля вузов субъектов федерации и муниципальных вузов в подготовке указанных кадров мала. Соответственно, передача государственных педагогических вузов в ведение субъектов федерации с целью их большей ориентации на региональные потребности в педагогических кадрах возможна только при условии финансирования Российской Федерацией госзаданий на их подготовку. В этом случае за Российской Федерацией должно сохраниться регулирование межрегиональных пропорций в обеспечении педагогическими кадрами. Аналогичный подход должен быть реализован для подготовки педагогических кадров для учебных заведений начального и среднего профессионального образования.

Подготовка педагогических кадров для высшей школы должна обеспечиваться вузами, находящимися, в основном, в ведении Российской Федерации.

При передаче образовательных учреждений системы профессионального образования в собственность субъектов федерации и, соответственно, их финансировании из региональных бюджетов они будут предоставлять бесплатные образовательные услуги только для жителей данного субъекта федерации. Жители других регионов смогут обучаться в образовательных учреждениях профессионального образования субъекта федерации только на платной основе. В силу этого Российская Федерация в среднесрочной перспективе должна сохранить участие в управлении (остаться учредителем и финансировать обучение по госзаданиям или на нормативно-подушевой основе) образовательными организациями, ведущими межрегиональную подготовку по сложным специальностям, если прием учащихся в них осуществляется преимущественно из других субъектов

федерации и большая часть выпускников направляется на предприятия за пределами данного региона (подготовка кадров ориентирована на межрегиональные рынки труда).

Под патронажем РФ остается 100 ведущих вузов страны, а остальные вузы до 2008 г. перейдут в ГАУ или ГАНУ.

Учреждения, не отвечающие предъявляемым требованиям, должны быть переданы в состав более развитых образовательных структур или ликвидированы с последующей передачей их имущественных комплексов на другие образовательные нужды или продажи.

В ходе реорганизации учреждений высшего профессионального образования специальной задачей является поиск эффективных механизмов интеграции государственных образовательных и научных организаций.

Основной формой такой интеграции могут служить университетские комплексы и исследовательские университеты.

При преобразовании образовательных организаций высшего профессионального образования в статус ГАНУ возможно расширение состава учредителей этих организаций за счет включения заинтересованных органов государственной власти субъектов федерации, крупных муниципалитетов, а также работодателей, при сохранении Российской Федерацией контроля за деятельностью организации.

Если все это проецировать на Кировскую область, то из 24 образовательных организаций вероятную возможность остаться на федеральном бюджете имеют два вуза – ВятГУ и ВятГТУ при следующих условиях:

1) в срочном порядке реализация инициативы вузов о создании в г. Кирове НИИ РАН по биологии и экологии как центра фундаментальных научных исследований;

2) более полное использование потенциала высшей школы в интересах ускорения темпов экономического роста на основе инновационных подходов, увеличение вклада вузов в структурную перестройку и технологическую модернизацию производства, рост культуры и образованности общества Вятского края;

3) усиление взаимосвязи высшего и общего среднего образования на основе преемственности содержания образования, укрепления его общенаучного и общекультурного ядра, отвечающего лучшим отечественным традициям и мировому опыту;

4) резкое сокращение сети филиалов в г. Кирове, которые рассеивают кадровый и научный потенциал вузов;

5) расширение доступности высшего образования с учетом реальной демографической ситуации и увеличением потребности в молодых

специалистах высшей квалификации. Осуществление с этой целью мер по укреплению государственного сектора высшей школы и более широкому привлечению на обучение в вузах на конкурсной основе за государственный счет наиболее подготовленной молодежи через систему олимпиад, научных и творческих конкурсов;

6) укрепление экономической базы развития высшего образования на основе увеличения вклада федерального бюджета в обеспечение конституционных гарантий бесплатного обучения в вузах на условиях конкурсного отбора, улучшение оплаты труда профессорско-преподавательского состава вузов, стипендий студентов, аспирантов и докторантов; создание инновационной инфраструктуры высших учебных заведений;

7) как говорит министр образования и науки А. Фурсенко, «мы должны выпускать профессионалов, конкурентоспособных на рынке труда».

Для осуществления вышесказанных условий, на мой взгляд, необходимо создать в департаменте образования Отдел профессионального образования, который бы курировал в том числе и высшую школу.

В п. 2. ст. 55 Конституции РФ сказано: «В Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина».

Критерии сохранения участия Российской Федерации в управлении государственными образовательными организациями.

Основные критерии

1. Организация осуществляет подготовку кадров для фундаментальных научных исследований, а также разработок по приоритетным направлениям науки, техники и технологий в широком диапазоне предметных областей и имеет потенциал для продолжения этой деятельности на требуемом качественном уровне.

2. Организация располагает уникальными научно-педагогическими школами и (или) уникальным учебным или исследовательским оборудованием, утрата которых приведет к снижению образовательного, научного и экономического потенциала страны, конкурентоспособности на мировом рынке образования, нанесет ущерб национальной безопасности.

3. Организация осуществляет образовательные программы, которые в соответствии с зако-

нодательством отнесены к исключительной компетенции Российской Федерации.

4. Организация является специальным образовательным учреждением для детей и молодежи с девиантным поведением.

Дополнительные критерии

5. Организация является системообразующей для региональной системы образования, выполняет, помимо подготовки кадров, функции регионального (межрегионального) научно-методического центра по широкому диапазону образовательных программ.

6. Организация является основным (единственным) поставщиком образовательных услуг по подготовке (переподготовке) специалистов определенного профиля (объем подготовки соответствующих специалистов составлял в течение последних трех лет не менее 25% от потребности).

7. В составе имущественного комплекса организации присутствуют ресурсные образовательные центры коллективного пользования и иные элементы инновационной инфраструктуры федерального значения или имущество организации в среднесрочной перспективе планируется использовать в рамках структурной перестройки системы образования в целях развития новых образовательных технологий, учебно-исследовательской деятельности и создания необходимых элементов инновационной инфраструктуры системы образования.

Приоритетными направлениями использования имущества являются:

– создание образовательных ресурсных центров по сложным и (или) новым специальностям, пользующимся повышенным спросом на федеральном рынке труда, а также других структур, обеспечивающих эффективную интеграцию научной и образовательной деятельности;

– развитие инфраструктуры по тем направлениям образования, которые обладают высоким потенциалом экспорта образовательных услуг.

8. Организация осуществляет подготовку кадров для отраслей, необходимых для выполнения Российской Федерацией государственных функций, предусмотренных Конституцией Российской Федерации (образование, медицинское обслуживание, органы соцзащиты и т. п.)

9. Организация обеспечивает обучение и/или содержание детей и молодежи с ограниченными возможностями здоровья, детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

Е. М. Вечтомов

КАКАЯ ФИЛОСОФИЯ ПОЗНАНИЯ СООТВЕТСТВУЕТ ПРИРОДЕ МАТЕМАТИКИ?

Рассматриваются и анализируются важнейшие течения в философии математики – фундаменталистское и социокультурное. Формулируется авторское понимание природы математики, философской базой которого служит умеренный платонизм. Статья основана на одноименном пленарном докладе автора, который был сделан на Всероссийской научно-методической конференции «Проблемы современного математического образования в вузах и школах России» в мае 2004 г., посвященной 90-летию юбилею ВятГУ.

Введение

Вопросы истории, оснований, методологии и философии математики тесно переплетаются между собой и способны оказать стимулирующее воздействие на обучение математике – возбудить настоящий интерес к ней и достичь большего понимания математики. Такие знания особенно важны преподавателям математики. Студентов – будущих учителей математики и математиков – нужно знакомить с важнейшими направлениями в основаниях математики и философии математики в целом. Поэтому представляется целесообразным увеличение числа часов на дисциплину «История математики» и расширение ее до курса «История и методология математики» для студентов математических специальностей педвузов и университетов.

В современной философии математики существует два главных противоборствующих течения – фундаменталистское и социокультурное, или нефундаменталистское. Дадим им краткую характеристику.

Фундаментализм. Математика принципиально едина и единственна: она имеет свои неизменные объект, предмет и общие методы познания, пользуется абсолютно истинной классической двузначной логикой. Другое дело, что математика делима на разные разделы, по методам и направлениям исследования. Среди математиков выделяются «геометры» (представители образного мышления)

ВЕЧТОМОВ Евгений Михайлович – доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой алгебры и геометрии ВятГУ, член-корреспондент РАЕ и РАЕН
© Е. М. Вечтомов, 2004

и «алгебраисты» (склонные к формально-логическому мышлению), доверяющие к интуиции или логике, радители аксиоматики или качественной теории. Но это не мешает математике быть *математикой!* Математики открывают знание. Математическая реальность имеет объективный онтологический статус. Обоснование математики можно провести на основе априорной природы исходных понятий. Утверждается надежность и достоверность доказательств в математике.

Социокультурное направление (см. [1]). Социокультурная философия науки, в частности математики, предполагает определяющее влияние культуры и социума конкретных стран и времен на стиль мышления, развитие и лицо науки. Подчеркивается наличие множественности математики, зависящих от времени и географии: математика разных стран и народов сильно варьируется. Нет единой, универсальной математики. Даже современная математика подразделяется нефундаменталистами на математику профессиональных математиков, математику математических логиков, инженерную математику, математику физиков, математику гуманитариев и т. д. Ставится под сомнение надежность и строгость математического доказательства. Математики изобретают новое знание, достаточно произвольно конструируют математическую реальность, опираясь на интуицию. Наряду с классической логикой существуют другие равноправные логики, скажем, интуиционистская логика. Социокультурная философия математики захватывает все большее число философов математики (назовем таких идеологов этого направления, как М. И. Панов и А. Г. Барабашев) и некоторых математиков (В. М. Тихомиров, В. А. Успенский).

§ 1. Различные взгляды на математику

Существуют различные философские подходы к пониманию математики. Сюда можно отнести и направления, сложившиеся в самих основаниях математики: логицизм, формализм, интуиционизм и конструктивизм, классическое, или теоретико-множественное, направление, включающее бурбакизм. Хорошо известны пифагорейзм, учение Платона и неоплатоников, теория универсальной характеристики Готфрида Лейбница, гносеология Иммануила Канта, феноменология Эдмунда Гуссерля, диалектико-материалистическая теория отражения, аналитическая филосо-

фия Людвиг Витгенштейна, критический рационализм Карла Поппера, эмпиризм Имре Лакатоша, психологизм Жана Пиаже и другие теории, по-своему объясняющие природу математики. В последнее время стало модным социокультурное толкование математики [1]. Математика определяется также как квазиэмпирическая наука, имеющая дело с гипотезами, всевозможными логическими и нематематическими допущениями [2]. В. И. Арнольд считает, что математика – часть теоретической физики. Разумеется, подавляющее большинство математиков и некоторые философы науки придерживаются фундаменталистских, т. е., как мы считаем, более реалистических и рациональных взглядов на природу современной математики (см., например, [3]). Мы сформулируем свое гносеологическое понимание математики, которое называем умеренным платонизмом.

Рассмотрим вкратце некоторые важные направления в философии математики.

1) Пифагорейзм. В философии *пифагорейзма* обожествлялось понятие натурального числа, и все знание, так или иначе, сводилось к первому натуральному числу 1. Мир устроен гармонично и выразим арифметически. Учение Пифагора есть одно из проявлений *логического атомизма* – первой теории познания, в основе которой лежит признание первоэлемента, или первоначала, будь то одна из стихий (вода, воздух, огонь или земля), мистический апейрон Анаксимандра, загадочный атом Демокрита или вездесущая единица у Пифагора. Открытие несоизмеримых отрезков нанесло сильный удар по философско-математической школе Пифагора, заставило ее представителей полностью и надолго перейти на язык элементарной геометрической алгебры.

2) Платонизм. Платон и неоплатоники считают математику «срединной» наукой, находящейся между Миром вещей и Миром идей. Математические понятия, как и любые другие универсалии, находятся в Мире идей. Математическая реальность существует и воплощается в человеческом сознании и окружающих нас вещах. Чувственные восприятия вещей, наблюдения и практическая деятельность человека служат лишь толчком к рефлексии, умозрительному постижению математики. Размышления настраивают сознание на определенную познавательную волну, а механизмом познания, открытия нового для человека знания, всегда и неизменно обитающего в Мире идей, является знаменитый сократовский диалог, или майевтика.

Ученик Платона Аристотель создал логику, первую систему дедукции. Им сформулированы и основополагающие законы логики: закон двойного отрицания, закон отрицания противоречия, закон исключенного третьего и закон силлогизма. Логика Аристотеля была господствующей вплоть до XIX в.

3) Теория познания Канта. Он считал, что только одного опыта недостаточно для познания. Необходимы априорные формы созерцания, не являющиеся врожденными. Термин «априорное знание» означает изначально присущее сознанию знание, независимое от опыта. В теории познания у Канта важнейшее место занимает априорная интуиция, лежащая в основе математической деятельности. Априорная интуиция предшествует всякому опыту. Здесь Кант выступает как предвестник брауэровского интуиционизма. Априоризм Канта не означает априорного бытия математической реальности. По Канту, в процессе созерцания мысль сама конструирует соответствующие математические объекты. Его позиция существенно отличается как от эмпиризма Локка и Юма, так и от платонистской точки зрения Декарта, Спинозы и Лейбница, согласно которой «объектом интеллектуальной интуиции являются априорные, врожденные идеи, постепенно раскрывающиеся перед «очами разума» [2, с. 37].

Кант утверждал, что любая вещь как объект познания выступает в двух принципиально различных ипостасях: она является нам в качестве «феномена», или «вещи в себе», и имеет объективную сущность и неисчерпаемое самобытное существование, что он называет «вещью-самой-по-себе», или «ноуменом». Фундаменталисты убеждены, что между явлением (феноменом) и сущностью (ноуменом) вещей нет непроходимой границы, что феноменологическое исследование объекта позволяет дать описание, адекватное его ноумену. В этом контексте феноменологическое исследование представляет собой математическое познание.

4) Взгляды В. В. Мадера. В самом начале своей книги «Введение в методологию математики» [2] В. В. Мадер отмечает, что все здание математики построено на допущениях, правомерность которых зачастую сомнительна. Вся классическая, т. е. теоретико-множественная, математика пронизана *гипотезами* – это исходные методологические принципы, онтологические предпосылки, многие логические и математические аксиомы. Элементы теории познания изложены Мадером в первой главе. Любое познание начинается с вопроса, «со знания о незнании». Исторически первой теорией познания явился *гносеологический атомизм*, приведший к необходимости описания и фиксации первичных понятий. Далее неминуемо возникает *герменевтический круг*, заключающийся в проблеме взаимодействия части и целого. В современном понимании это диалектика двух противоположных направлений познания – редукционизма и холизма. Как пишет Мадер, «выход из этого круга свелся к следующему. Сначала на интуитивной эмпирико-сенсуалистической основе

формируются наглядные эмпирические предпонятия. Затем выделяется структура целого и происходит восхождение на теоретический уровень. Первичные понятия на этом уровне определяются только своей ролью в описываемой системе, а их эмпирические прообразы (наглядные предпонятия) остаются вне теории.

Гносеологический атоанизм является, таким образом, доктриной, которая характеризует процесс формирования эмпирических предпонятий, на теоретическом же уровне ведущим принципом становится системный подход» [2, с. 21-22].

Мадер критикует теорию отражения, оставляя ей место только на эмпирическом уровне познания. Как показали исследования психологов, «человек не просто видит, а структурирует восприятие» [2, с. 34]. Сущность же явлений не может быть «отражена», но только угадана. Природа познания заключается в том, что «познание сущности явлений есть процесс моделирования этих явлений с помощью предугаданной схемы» [2, с. 23]. Механизм же познания состоит из двух дополняющих друг друга частей: 1) ознакомление с объектом изучения и накопление информации о нем; 2) осмысление полученной информации с помощью уже известных знаний, ее перевод на привычный язык. Как подобрать, угадать ту схему из знакомого списка, которая будет служить моделью исследуемого явления? Это во многом относится к сфере подсознательного. В своей книге Мадер обсуждает иерархическую структуру познания, проблемы математического языка и логики, вопросы обоснования математики.

Мадер считает, что по своему статусу математика является квазиэмпирической наукой. Это означает следующее. Современная математика является абстрактной наукой, ее эмпирические истоки остались в далеком прошлом. Математики исследуют математическую реальность, которая является сферой сознания, создается интуицией, а не существует априори. Математик наблюдает, экспериментирует только с идеальными объектами. «Математик не исследует готовое, заранее существующее, а в ходе эксперимента сам создает объект исследования» [2, с. 438]. С последним положением нам трудно согласиться. Мы считаем математику чисто теоретической, умозрительной наукой, изучающей универсальные абстракции, открывающей, а не изобретающей или произвольно конструирующей новое знание.

5) *Подход В. Я. Перминова.* Он изложен в его монографии «Философия и основания математики» [3]. Перминов дает онтологическое обоснование математики, основанное на априорном понимании природы исходных математических понятий.

Приведем поясняющую выдержку из этой книги: «Современная философия математики должна соединить в себе три разнородных положения, а именно, тезис об идеальности и формальности математических структур, т. е. представление о математике как о совокупности чисто мысленных конструкций, ограниченных только требованием непротиворечивости, тезис об априорности исходных математических представлений, заключенных в традиционных разделах математики, таких, как арифметика и элементарная геометрия, и тезис о реальности исходных математических представлений как непосредственно связанных с универсальной онтологией, лежащей в основе человеческого мышления. Задача книги состоит в том, чтобы показать возможность указанного синтеза и его продуктивность применительно к проблемам обоснования математики».

В теории познания у В. Я. Перминова важную роль играет понятие математической очевидности, которое он отделяет от интуиции. Очевидность есть непосредственное видение истины, а не прозрение. Им выделяется класс *аподиктических очевидностей* (наряду с классом *ассерторических очевидностей* опытного происхождения), носящих внеисторический и внеэмпирический характер и представляющих собой «некоторого рода бесспорные факты сознания» [3, с. 15]. Аподиктическая очевидность служит надежной основой математических доказательств. Другие два основополагающих положения философии математики В. Я. Перминова – это *априоризм*, освобожденный от заблуждений прошлого, и *праксеологизм*, означающий следующее. По Перминову, знание имеет только одно назначение – практическое, истинность понимается как практическая эффективность [3, с. 94, 99]. С этим положением мы согласны наполовину, признавая и чисто интеллектуальную роль знания.

Нам кажется, что поставленная задача В. Я. Перминовым успешно решена. Он сумел вернуть философии математики здравомыслие и реализм. И цитированная выдержка может служить предпосылкой и лейтмотивом адекватной и подлинной философии математики.

Выделим ряд основополагающих проблем, решаемых фундаменталистами и нефундаменталистами принципиально по-разному.

1. *Об объективном и вполне определенном характере математики.* Фундаменталисты решают этот вопрос положительно, а нефундаменталисты привносят в его решение много субъективного, изменчивого, зависящего от социально-исторических условий, мышления и математической деятельности отдельных людей.

2. *Едина и единственна ли существующая математика?* Как сказано выше, по мнению фун-

даменталистов, математика едина, однозначно предопределена и, стало быть, единственна. Нефундаменталисты признают принципиальную множественность математик и, соответственно, различие путей развития математики. Фундаменталист говорит: «Математика в России», а нефундаменталист скажет: «Математика России».

3. *Математики открывают или произвольно конструируют математическую реальность?* Фундаментализм поддерживает онтологический статус математических истин. Нефундаментализм считает математику продуктом человеческого сознания, существенно зависящего от тех социальных и культурных обстоятельств, в которых живет и мыслит человек.

4. *О достоверности математического доказательства.* Математическое доказательство надежно и достоверно, возможны лишь разные уровни его строгости (фундаментализм). Нефундаменталисты делают главный и решающий акцент на логико-математических установках (аксиоматике) и методологических принципах, лежащих в основе доказательства той или иной теоремы, которые меняются и не могут быть окончательными.

5. *Толкование априоризма.* Представители фундаментализма признают априорный характер (врожденный или нет) математических очевидностей, наших исходных представлений о пространстве и времени. А представители нефундаментализма априоризм в определенной мере приравнивают к интуиции.

6. *Исходные очевидности.* Фундаменталисты признают наличие объективных, непосредственно воспринимаемых очевидностей, лежащих в основе математической деятельности и способствующих (вместе с априорными представлениями и логикой) надежности и истинности математических рассуждений. Нефундаменталисты же не признают объективный характер очевидностей, которые для них являются интуитивными актами сознания субъекта, конструирующего математическую реальность.

7. *Роль логики в математике.* Математика – дедуктивная наука, опирающаяся на классическую логику (фундаментализм). У различных математик могут существовать свои – тоже разные – логики (нефундаментализм).

Социокультурное движение стремится перенести гуманитарные закономерности на сферу естествознания, на точные науки. Синергетика же, наоборот, естественнонаучную теорию нелинейных динамик, называемую И. Р. Пригожиным неравновесной термодинамикой, экстраполирует на всю культуру, на развитие общества. В строго научном плане подобные «поползновения» вряд ли правомерны. Истории человечества известны такие попытки – это и различные богословские

учения, и, скажем, дарвинизм, атоанизм или механицизм. Только математика, как универсальная и беспристрастная наука, является общей научной основой описания Мира.

§ 2. О подлинной природе математики

Нет сомнений в том, что математика в человеческом обществе зародилась как практическая необходимость в счете и измерениях. В результате длительной эволюции, наблюдений и приобретенного опыта сначала возникли «рабочие» правила и эмпирические умения, послужившие предпосылкой исходных математических предпонятий числа и геометрической фигуры. Так, наряду с натурфилософией появилась пранаука математика. Только в Древней Греции в школах Фалеса и Пифагора встала на ноги наука математика. Эмпирическая пранаука математика существовала задолго до этого в Китае, Индии, Вавилоне, Египте. Но именно появление и осознание возможности и необходимости логических рассуждений, дедукции, доказательств математических правил означало становление математики как науки.

Это внешняя сторона дела, но она убедительно показывает, что другой математики быть не могло (многообразие обозначений, систем счисления в разных странах несущественно). Закономерно не только единое содержание математики, но и вполне закономерен исторический путь ее развития (с небольшими нюансами на Востоке и Западе).

«Начала» Евклида – непреходящая истинная ценность во все последующие времена, первый образец настоящей науки. После Евклида математика на основе аристотелевской логики могла уже развиваться, исходя только из внутренних потребностей. Конечно, практика привносит новые задачи для математики, но для чистой науки это, в принципе, второстепенно.

Мы делаем вывод, что математика именно такова, какова и должна быть. Математическая реальность, возникающая в сознании человека, предопределена законами Мироздания. Она открывается человеку в процессе научного познания мира и своего мышления, которые неразрывны и принципиально едины. Математика не изобретается человеком, хотя и допускает разнообразие субъективных подходов и построений, возникающих в отдельных головах, что объясняется мощью того или иного интеллекта, глубиной проникновения в Истину. А глубина проникновения в математическую задачу, ее постановка и методы решения зависят от усердия человека, настраивающего свою мысль на соответствующую волну познания и ведущего своеобразный диалог с оппонентом, обычно – с самим собой. Успех такого диалога, приводящего к решению задачи, во многом определяется умением ставить нужные вопросы.

Важнейшими вопросами являются: Кто? Что? Где? Когда? Как? Какой? Сколько? Куда? Почему? Зачем?, последовательно отвечая на которые человек и познает Мир. В самом деле, КТО говорит о субъекте, ЧТО говорит об объекте и о содержании, ГДЕ — о пространстве, КОГДА — о времени, КАК — о форме и методе, КАКОЙ — о качестве, СКОЛЬКО — о количестве, КУДА — о направлении, ПОЧЕМУ — о причине и сущности, ЗАЧЕМ — о цели и смысле. Эти заглавные вопросы тесно связаны с основными философскими категориями, которые в системе образуют понятийную сеть, набрасываемую на изучаемые объекты, что позволяет конкретным наукам описывать их [4].

Математика изучает универсальные абстракции, укорененные в бытии посредством категорий *формы* и *количества*. Она вездесуща, широко применима к окружающей действительности через многочисленные модели, создаваемые математиками как по внутреннему побуждению и логике науки, так и благодаря запросам практики.

Таким образом, *объектом математики* как науки служат фундаментальные категории формы и количества, рассматриваемые в наиболее общем и чистом виде, проявляемые во всем мыслимом разнообразии. *Предметом математики* являются *математические структуры* и *математические модели* той или иной реальности, отражающие и уточняющие объект математики. А *общий метод математики* есть строгая дедукция, доказательство (см. [5]). Как в самой математике, так и в других науках, особенно в естествознании, широко применяется гипотетико-дедуктивная форма познания. Метод математического моделирования незаменим в приложениях.

Конечно, содержание математики постоянно меняется, обогащается, возникают новые разделы, направления исследований и, соответственно, новые конкретные методы математического познания. Объект математики и ее дедуктивный характер измениться не могут. Меняется ли со временем предмет математики? При данном нами определении предмет математики в принципе также сохраняется, меняется лишь его содержательное наполнение. Исторически изменяются, развиваются и совершенствуются, формируются и обновляются, становятся все более абстрактными только сами математические структуры и модели, расширяется и углубляется осознанная математическая реальность.

Математика исследует предметы и явления действительности с точки зрения «внешних» категорий количества и формы, проникая через них к содержанию и сущности изучаемых вещей. В этом и заключается *природа* науки математики. Математика сродни философии. Обе занимаются глобальными вопросами, изучают универсаль-

ные абстракции. Только философия пытается уловить «сущность», а математика успешно справляется с «явлением» [6].

§ 3. Умеренный платонизм — философская основа математики

Умеренный, освобожденный от крайностей и мистики платонизм, служащий реальной методологией действующих математиков, соответствует природе математики, является подходящей философией познания, способной правильно оценить, что такое математика. На наш взгляд, социокультурные изыски философов от математики [1], логические потуги, подвергающие ложной критике классическую математику (укажем, например,opus А. А. Зенкина «Ошибка Георга Кантора [7]»), рассуждения о множественности различных математик подрывают единую существующую математику. Все это говорит об избалованности философов науки: надуманность постановки ими вопросов, уход от решения действительно важных классических и современных проблем методологии и оснований математики, амбициозность по отношению к великим мыслителям прошлого, недостаточное знание и понимание самой математики. Конечно, имеются вдумчивые, настоящие исследователи философии математики. Приятно назвать замечательные и поучительные книги В. В. Мадера [2] и В. Я. Перминова [3].

Перечислим основные положения, которые могли бы составить соответствующую философию математики — *умеренный платонизм*.

1. Согласно Дойчу [8], цель науки — объяснение сущности явлений, т. е. выяснение природы и причин вещей. Мы согласны, что роль науки не сводится к инструментализму, к точным предсказаниям и прогнозам. Если быть честным, то *задача науки есть адекватное описание изучаемого объекта*, определенной реальности. Именно математические формулы и модели делают это лучше всего.

2. *Принцип универсальности разума* означает, что любые два разума в состоянии понять и выразить друг друга. Разум имеет общее интеллектуальное и информационное пространство, соединяющее людей, как воздух.

3. *Принцип единства мира*. Его можно трактовать как взаимосвязь, взаимозависимость, взаимоотражение всего происходящего в нашем трехмерном мире. Единство мира обосновывается предыдущим положением, всей человеческой практикой, исповедуемой реализм, методом математического моделирования, принципом математизации науки и принципом эстетического, или целесообразного, отбора знания, составляющими вкуче научную картину мира.

4. *Однозначная определенность исходных математических очевидностей*, первичной матема-

тической реальности, их связи с фундаментальными формами мышления. См. [3, с. 9].

5. *Онтологический статус понятий*, означающий существование идей в качестве почти эмпирической реальности. Идеи и вещи уравниваются в гносеологических правах. Для математика понятие треугольника не менее реально, чем треугольный предмет или чертеж треугольника. Математическая реальность (числа, геометрические фигуры, абстракции следующих уровней) вечна (она где-то уже существует и до ее открытия человеком), совершенна и, по существу, неизменна. Основные математические абстракции можно трактовать как феномены Гуссерля.

6. *Майевтика* (сократовский диалог, возможно, с самим собой) как единственный метод познания и обучения. Последовательность правильно поставленных вопросов (во многом они диктуются общими категориями) и ответов на них позволяет вытягивать новое для человека знание. Как цитировалось выше, «познание сущности явлений есть процесс моделирования этих явлений с помощью предугаданной схемы». Эта предугаданная схема и представляет собой результат интеллектуального диалога одного разума с другим, «трансляцию идей».

7. Математика определена и однозначно обусловлена своими объектом, предметом, логикой и методами исследования. Существуют только различные разделы математики и разнообразные направления ее развития, в совокупности образующие *единое древо математики*.

8. *Математическое доказательство принципиально надежно и достоверно*. Степень строгости доказательства зависит от тех требований, которые предъявляются к нему в той или иной ситуации.

9. Познание в математике представляет собой процесс восхождения к истине по чередующимся взаимосвязанным ступенкам математических моделей, имеющих большую или меньшую степень абстрактности и наглядности. При этом понятие модели трактуется двояко: 1) модель как идея вещи (это теория, знаковое моделирование); 2) модель как овещствление идеи (построение объекта, интерпретация, предметное моделирование) [9].

10. *Математика имеет априорные основания*. Это убедительно доказано В. Я. Перминовым в книге [3]. Читаем у В. Я. Перминова [3, с. 42]: «Математический априоризм диктуется самой практикой математического мышления». Существует и априорность пространственно-временных представлений, в определенной мере объективирующая субъективизм человеческих чувств. Это необходимая база для ориентации человека в окружающем мире и для познания этого мира.

11. Математика есть истина условного, а логика абсолютно истинна. Логика — раздел мате-

матики. Фактически *логика единственна — это аристотелевская, т. е. двузначная классическая логика*. Все многообразие мира можно достаточно адекватно выразить лишь двумя противоположностями типа: да — нет, истина — ложь, 1 — 0, вход — выход, белое — черное. Все другие логики формулируются в терминах обычной аристотелевской логики. Признанным языком формальной математики служит логика предикатов первого порядка (так называемый *тезис Гильберта*).

12. *Потенциальная возможность любого отдельного разума мысленно, рационально познать мир*, по крайней мере, его количественные, структурные и «формовые» характеристики. Здесь математику и логику ничем не заменишь.

13. *Математика — точная универсальная наука*, не являющаяся ни гуманитарной, ни естественной, ни технической наукой, оказывающая на другие науки и практику огромное влияние (инструментальное, прикладное, методологическое, гносеологическое). Вместе с тем математика — как учебная дисциплина — служит стержнем гуманитарного образования (А. Х. Назиев, А. Г. Мордкович).

Умеренный платонизм в математике означает математический реализм, господство разумного и рационального, признание объективного и непреходящего характера математики. См. также [10].

Замечание 1. Сказанное позволяет сделать ряд выводов по дидактике математики с точки зрения фундаментализма. Перечислим лишь некоторые из них. Это овладение основополагающей математической реальностью; особое внимание к языку и логике; приоритет классики и традиции; никчемность схоластических инноваций, в частности общих разговоров о гуманитаризации и гуманизации математического образования; знание основных вех истории и философии математики, включая формирование и развитие фундаментальных понятий, идей, методов и конструкций математики.

Замечание 2. Основаниями математического познания, способными прояснить подлинную природу математики, служат: 1) априорные представления; 2) математические очевидности; 3) логика; 4) практика (опыт и деятельность); 5) интеллектуальная интуиция. Любая философия математики должна учитывать все эти основания. Автор предполагает посвятить данной теме специальную статью.

Замечание 3. В заключение несколько слов о понимании самой философии. Сначала приведем авторитетные мнения Бертрانا Рассела и Т. И. Ойзермана. Рассел во введении к своей книге [11] назвал философию «Ничьей Землей», лежащей между точным знанием и догмами, т. е.

между наукой и богословием. Исходным же тезисом Ойзермана является такое понимание: «Философия существует только как философия, т. е. как неопределенное множество различных, противостоящих друг другу философских систем» [12]. По его мнению, философия не существует без своей генетической предпосылки – истории философии, допускающей «плюрализм философских учений».

Разделяя эти взгляды, мы формулируем следующее понимание философии. Во-первых, философия есть анализ генезиса интеллектуальных учений. Во-вторых, задачей философов является разработка собственных рациональных или трансцендентных мировоззренческих систем. Данные направления можно отнести к истории философии. Сугубо научным аспектом философии служит создание общей методологии, базирующейся на стройной системе философских категорий и общенаучных дефиниций.

Примечания

1. Стили в математике: социокультурная философия математики [Текст] / Под ред. А. Г. Барабашева. СПб.: РХГИ, 1999.
2. Мадер, В. В. Введение в методологию математики (Гносеологические, методологические и мировоззренческие аспекты математики. Математика и теория познания) [Текст] / В. В. Мадер. М.: Интерпракс, 1995.
3. Перминов, В. Я. Философия и основания математики [Текст] / В. Я. Перминов. М.: Прогресс-Традиция, 2001.
4. Вечтомов, Е. М. Философские категории и математика [Текст] / Е. М. Вечтомов // Сознание – мировоззрение – мышление: сб. науч. ст. Вып. 7. Киров: Изд-во ВятГУ, 2002. С. 59-69.
5. Вечтомов, Е. М. Единство математики [Текст] / Е. М. Вечтомов // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2003. № 8. С. 13-15.
6. Вечтомов, Е. М. Научное познание и математика [Текст] / Е. М. Вечтомов // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2002. № 7. С. 8-11.
7. Дойч, А. Структура реальности [Текст] / Д. Дойч. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2001.
8. Зенкин, А. А. Ошибка Георга Кантора [Текст] / А. А. Зенкин // Вопросы философии. 2000. № 2. С. 165-168.
9. Вечтомов, Е. М. Математическое познание: от модели к модели [Текст] / Е. М. Вечтомов, Г. А. Клековкин // Математический вестник педвузов и университетов Волго-Вятского региона. 2003. Вып. 5. С. 3-16.
10. Вечтомов, Е. М. Философия математики [Текст]: монография / Е. М. Вечтомов. Киров: Изд-во ВятГУ, 2004.
11. Рассел, Б. История западной философии [Текст] / Б. Рассел. М.: ИЛ, 1959.
12. Ойзерман, Т. И. Философия как история философии [Текст] / Т. И. Ойзерман. СПб.: Алетейя, 1999.

И. В. Берова

АРХИТЕКТУРНАЯ МОДЕЛЬ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНОГО КONTИНУУМА

«Панмифологизм» отечественного структурализма, пришедший на смену социологической марксистской картины мира, сегодня требует своей онтологизации. Семиотическая мысль, передающая в виде замкнутой семиосферы специфический образ бытия человека, определяемый термином культура, позволяет в чистом виде сформулировать ситуацию «вопрос – ответ». Перевести этот ответ через универсализацию дихотомии «объект – субъект» без саморефлексии сегодня невозможно. Семиотическое прочтение текстов, в том числе и архитектурного, через увлечение фонетическими моделями не позволяет в полной мере осветить механизм генезиса и развития пространственно-временной онтологии культуры. Код описывает лишь отраженный, спроецированный в наше геометризованное сознание процесс. Для описания культурного пространства в архитектурных текстах необходим более широкий и универсальный анализ – через архитектурную семиотику создать «несемиотический мир».

В этом контексте правомерно обращение к модели, обоснованной культурологическими исследованиями XX в. – пространственно-временному континууму культуры. В своих знаках и смыслах континуум развивается нелинейно, одновременно во многих измерениях пространства – времени. Архитектура как знаковая система функционирования и бытия культуры в контексте данной парадигмы предстаёт как текст, связанный временем с процессом трансляции форм и с пространством как центрированием смыслов в трансляционных процессах. Архитектурный текст как структура, моделирующая освоенное человеком пространство, пребывает не только в формах пространства и времени, в континуальной концепции она объединяет эти формы через длительности социокультурных систем. Если архитектура выступает как пространственно-временная реализация культуры, а культура – как системообразующее начало, определяющий фактор в социальной динамике, то архитектурная культура – это структурообразующая пространственно-временная система градостроительных и планировочных типов.

Специфическое свойство континуума как общенаучного понятия определило его структурноустойчивость как основу развития в простран-

БЕРОВА Ирина Валентиновна – кандидат искусствоведения, доцент, зав. кафедрой культурологии и рекламы ВятГУ
© И. В. Берова, 2004

стве, времени и их взаимодействии. Структурирование в этом контексте – это особое распределение элементов, которые являют первичные свойства континуума – детерминанты качеств и отношений элементов, глубинность пространства – времени, единство континуальности и дискретности, что и составляет субстанциональную базу континуума культуры.

В организации этой структуры особую значимость приобретают центр и периферия. Регионально-культурологический подход в разработке архитектурной модели бытия позволяет выявить строение архитектурной культуры, её элементы, системные связи, закономерности развития, а через эту модель – данное нам в ощущениях материальное и качественное богатство культурного «поля». В архитектурной модели роль центра есть способ актуализации культуры через архитектурные формы её бытия в настоящем. Центр концентрирует содержание, смыслы культуры, которые воссоздают детерминационные свойства культурного континуума в условиях социальных изменений. Архитектурный текст как многозначная и полиморфная система существует в контексте континуума, интертекстуально проявляясь в исторической и географической миграции пластических мотивов и структурных форм. Являясь точкой переустройства реальности и социального развития общества и человека, границей пересечения физического мира с духовным, архитектура рождает в процессе взаимодействия со всей совокупностью континуальных слоёв особый текст, выражающий общий смысл бытия культуры.

Архитектурный текст как элемент континуума представляет особое структурирование пространства – времени. С одной стороны, архитектура выступает как символическая структура реальности, с другой – как знак-язык. При этом как специфический знак не просто выявляет структуру пространства – времени, но и способы перемещения смыслов в этом пространстве – времени, построение его различных вариаций. Если рассматривать литературный текст как особым способом структурированное множество схем мышления, действия и поведения человека, направленных на раскрытие культурного смысла, его освоения и реализацию его содержания, то архитектурный текст – не только форма культуры, но и важный элемент её развития, организующий мышление, действие и поведение в сочетании частей и целого.

Основные функции центра в континуальности – определение настоящего и структурирование содержания в векторе субъективного трансцендирования, что согласовывает метроритмические характеристики культуры, отбирает актуальное и неактуальное, формирует нормативные и ценност-

ные ориентиры, проектируя таким образом целостность культуры. В континуальной модели культуры центр всегда соотносён с периферией – наименее насыщенной частью пространства культуры, где специфическим способом осваиваются культурные инновации, создаваемые центром. С этой точки зрения центр есть «способ концентрации содержания в пространстве культуры, а периферия – способ его распространения» [1].

Периферия, часто определяемая термином провинция, фактически воспринимается как инертная, пассивная часть культурного континуума, представляется как тот способ бытия культуры, в котором не проявляется творческая активность. Неправомерно было бы рассматривать провинцию как менее значительную часть культуры, ибо в ней объективируется отличная от центра плотность инновационных процессов, циркулирующих в пространстве – времени культуры. Если рассматривать центр и периферию (провинцию) как взаимодополняющие противоположности, где центр – генератор смыслов, способов выражения и норм их трактовки, то содержание, доходящее до периферии, обуславливается центром. И если пространственный центр задается параметрами времени в модусе настоящего, то время объективируется в пространстве, переводя свою процессуальность в структуры. Система отношений пространства и времени, опосредуясь бинарным противопоставлением центр – периферия, есть модель, задаваемая характеристиками данной парадигмы (центр – периферия) через векторы неподвижности и переменности. Элементы этих отношений в континууме культуры, как взаимодополняющие противоположности, совмещаются и взаимопересекаются, создавая оппозицию-диалог между актуальным и потенциальным в культуре. Анализ этой взаимосвязи вскрывает механизмы перераспределения от центра к периферии и обратно содержания смыслов культуры в её континууме. Исследование данных отношений через текст архитектурного творчества как «моделирующей структуры» представляется эффективным в изучении организации жизнедеятельности культурного организма – континуума. Архитектурный текст, представляя специфическую форму культуры и результат её развития, имеет следующие универсальные функции:

- закрепление присущих данному социуму видов деятельности и отношений – то есть архитектурный текст служит целям социализации личности;
- закрепление результатов процесса и форм общественной коллективной памяти;
- удовлетворение утилитарных и духовных потребностей индивида и социума;
- эстетическое воздействие на индивида: формирование художественного отношения челове-

ка к действительности, его ценностных ориентаций;

- воплощение системы идей, представлений о законах объективной действительности: архитектура – текст как средство выражения и формирования мировоззрения;

- форма художественного освоения мира, пространственное искусство (в ходе преобразования действительности создаются архитектурные образы, которые существуют в пространстве и не изменяются во времени).

Универсальность языка архитектуры – в возможности его прочтения всеми членами общества, ибо архитектурный текст как некая целостная система, складывающаяся из совокупности текстов быта, религии, народной культуры, государственности, стилей и т. д., определенным образом внутренне и внешне коррелирующих между собой, воспринимается человеком в данной культуре как своеобразный гипертекст. При этом архитектура – не просто непрерывно осуществляемое человеком утилитарное структурирование пространства – времени; в «окультуренном» через архитектуру континууме всегда, кроме функции, присутствует значение, которое через элементы архитектурного языка и правила их комбинации выявляет способы перемещения значения в этом пространстве – времени. В данном ракурсе архитектурный континуум предстаёт как целостное смысловое пространство, характеризующееся синхронной неоднородностью и диахронной неравномерностью в движении различных смысловых понятий.

Как своего рода культурный текст архитектура представляет «диалогический» синтез региональной специфики («внетекстового» контекста) и общемировой проблематики («интертекстуального» влияния). Стилиевой архитектурный код выражает актуализацию времени, представляя его бинарный аспект устойчивости – неустойчивости. В данном контексте стиль можно охарактеризовать как единство ставшего и становления, формы и содержания, определяемого идеями своего времени. Архитектурный стиль, таким образом, воплощает средствами своего языка целостность культурного континуума. При этом архитектурный стиль предстает как пространственно-временная среда, фиксируя непрерывность взаимопереходов времени в пространстве и обратно в культурном континууме, материализуя его «времяпротяженность», которая базируется на неперекодируемости глубины пространства--времени. Эти глубинные смыслы являют архитектурные архетипы, т. е. утилитарный смысл, а значит и человеческую полезность архитектуры. Стиль как модель целостности архитектурного пространства определяет особую характеристику культурного континуума, в которой особый

смысл приобретает алгоритм центр – периферия как процесс перехода становления в ставшее, как пространственно-временная актуализация континуума в архитектурном тексте. Через механизм стиля континуум синхронизирует региональную культуру с ритмом мировой, что ясно читается в текстах архитектурного творчества. В процессе отношения центр-периферия выявляется специфика и отличительные черты регионального пласта, его связь с территорией через национальные начала и характер адаптации к внешней среде. При этом провинциальная культура в архитектурных текстах своеобразна, но не уникальна, своеобразна, ибо кодирует мысль какой-либо территориальной общности, ее ментальную самоидентификацию, но не уникальна, так как не всегда моделирует общепистемологические проблемы современного этапа. Через континуум региональная культура воспринимает инновации мировой культуры, так же, как может вносить в неё свои коррективы.

Особое время, в котором существует провинциальная культура, оформляется рядом факторов, диктующих темпы этого времени, его интенсивность. Размеры территории по отношению к этой культуре выполняют двойственную функцию: при слабой связи и общении населения замедляются темпы развития; в то же время провинциальная культура способна вобрать многообразие культурных ареалов, совместить их. Такие процессы служат индикатором культурного напряжения, создавая условия для интенсификации творческой деятельности. Другой фактор, определяющий хронотоп, – наличие творческого субъекта, разнообразных культурных традиций.

Региональный субъект осуществляет отбор параметров культуры прошлого через свою мировоззренческую модель, определяемую специфическим внутренним кодом (ментальностью). Через историческое сознание региональный субъект включается в статус национальной и общечеловеческой культуры, возможности самораскрытия которой углубляются или уменьшаются в силу местной ментальности. Архитектурный текст как воплощение культурной модели прочитывается из «сопоставления его с объектом воссоздания – жизнью» [2]. В архитектурном творчестве невозможно создать целостное пространство, не зависящее от его функционального использования, что, в свою очередь, определяется социальной средой. То есть прочтение архитектурного текста, оторванного от его внетекстового «фона», невозможно, поэтому как средство «познания» мира, «узнавания», архитектура имеет дело не с изображением реальности, а с самой реальностью, следуя многообразию жизни, неисчерпаемой в своей полноте. Как особый текст, архитектура включает в себя проблему адекватности, отношения архитек-

турных знаков к внезнаковому миру, которое выражается через взаимосвязь элементов внутри всей системы культуры. Как отношение между моделью и объектом (жизнью) – это отношение аналогии, подобия. Модель всегда воспроизводит не весь объект, а определённые его стороны, функции и состояния, при этом важнейшим моментом процесса познания является факт отбора. Отражение фона (жизни) как неподвижного и меняющегося через элементы архитектурного текста показывает сам процесс жизнепротекания, пространственно маркирующего определённую географически «ограниченную» часть пространственно-временного континуума. Провинциальная архитектурная модель может быть определена как «различие в сходстве», и если в каждой моделирующей системе в отличие от целостности бытия всегда «воспроизводится не весь объект, а определённые его стороны», то зафиксированная в архитектурном тексте природа «неполноты» принципиально иная, чем та, которая присуща всем моделям вообще» [3]. В архитектурных формах находят отражение самые существенные смыслы бытия. Моделируя жизнь, архитектура служит средством передачи информации в знаках, которые идеографически воспроизводят жизненный объект в овеществлённой структуре выражения, конвенционально (символически) его обозначая.

Структура «культурной модели» всегда рассматривается через такие глобальные для нашего мышления парадигматические категории, как время и пространство. Современность воспринимает время однонаправленно, где главное – реальность как основополагающий модус бытия, существующего внутри времени. С такой позиции время есть процесс онтологический, поскольку в нём, через него бытие есть. Бытие тождественно времени, ибо вне времени бытия нет. Вводя в континуальную концепцию параметр традиции, мы констатируем, что в языке традиции время в чистом виде не существует, а присутствует вечность. Пространство как нечто однородное, количественное воспринимается нами через протяженность. Оно изотропно, в нём право и лево, верх и низ, Запад и Восток принципиально не различаются, отсюда как предел – представление о едином мире. Разнородность в такое пространство вносит искажение (гравитация Луивилля в современной физике), которое ответственно за то, что пространство не является строго одинаковым повсюду. Разнообразии культурного континуума, понимаемое нами как региональное искажение однородного пространства, находится в постоянном взаимодействии своих составляющих, непрерывном взаимопереходе и взаимоотталкивании. Содержание этих отношений выражается и в иконических знаках архитектурного текста. Сам архитектурный знак –

объёмный, трёхмерный – при своей иконичности конвенционален в отношении выражения и содержания. Через функции континуума региональная культура синхронизируется с ритмикой мировой культуры в отношении выражения и содержания. При выявлении инновационных центров определяется темп изменений на периферии. Иконичность в архитектурном тексте является той семиотической матрицей, по образу которой становится возможным моделирование различных содержательных систем.

Структурированность территориального пространства через архитектурный язык, коррелируемая континуумом, связана с коммуникацией, передачей сведений. Моделирующая и коммуникативная системы могут быть выражены более сильно или почти не ощущаться в том или ином конкретном выражении. Коммуникация, предполагая отношение, ставит проблему соотношения содержания через форму пространственного архитектурного творчества, и с этой точки зрения становится важнейшим показателем «нравственной ценности». Сам субъект, формируя архитектурную модель мироздания, наполняет ее важнейшим показателем человеческого бытия – категорией нравственности. Опираясь на утверждение Ю. М. Лотмана о том, что «нравственным понятием присущ локальный признак, а локальным – нравственный» [4], движение в географическом пространстве можно рассматривать как перемещение в религиозно-нравственных координатах, в пространстве временной региональной культуры это движение становится отношением традиций и современности. Архитектура основывается «на манифестации» некоего универсального признака человеческой культуры через её типологию. Описание типов культуры, ставя своей задачей структурирование «общей модели», неизбежно обладает признаками «пространственной характеристики». В архитектурном творчестве эта пространственная характеристика представляет модель реального мира, его абрис. Пространственное моделирование и объект отображения предполагают геоморфное отношение, в архитектуре оформленное морфологией объёмных элементов, одновременно отображая порядок внутренней организации осваиваемого человеком мира.

Проблематика «пространства» и связанная с ней «иконичность» выводит на представление о «мифологизме» как «особом феномене сознания» и «типологически» универсальном явлении. В модели мира, воспроизводимой «мифологическим сознанием», проявляются признаки «иконичности» и «пространственности». Такая модель мифологического типа демонстрирует особое понимание пространства, которое «представляется не в виде признаков континуума, а как совокупность отдельных объектов, моделирующих

непосредственные ценностные отношения» [5]. Аналогично пространственные отношения в архитектурной модели мироздания при ясно выраженной дискретности, сливаясь континуальным началом, типологически оказываются сведены к мифу. Подобная «гетерогенность» как свойство нашего сознания здесь рождает такие континуальные «механизмы», как форма мышления в пространственно-образной структуре (морфология архитектурного сооружения) и онтологически обусловленные пласты, изоморфные мифологическому припоминанию. Мифологическое сознание, центрирующее ось континуума, подчиняясь циклическому движению времени, отражает однократные и незакономерные явления, вневременные, бесконечно репродуцируемые, стабильные; а с другой стороны, оно соотносится с линейным временным движением, которое фиксирует не закономерность, а аномалии, то есть периферийно изо- и геоморфично отмечает однократные и случайные события, что воспринимается как периферийное нарушение некоторого искомого порядка.

Через мифологическое сознание «микрокосм внутреннего мира человека и макрокосм окружающей его Вселенной отождествляется» [6]. В архитектуре мифологический контекст включает в себя существенный прагматический аспект, который «перекодируется» в иконический знак. Как любой текст, архитектурный есть продукт впитывания какого-либо другого текста, определяемого спецификой бытия и творческим потенциалом субъекта архитектурного творчества. Прагматическая составляющая архитектурной модели мироустройства строится на специфике социо-культурного типа – то есть того, что архитектурный текст означал для создавшего его коллектива (субъекта). Эстетическое восприятие архитектурного знака предполагает механизм переключения из прагматической системы коммуникации в художественную, сохраняя в сознании субъекта связь с обеими [7]. При этом механизм «работы текста» предполагает не только трансформацию текста в сознании воспринимающего. Сама архитектурная реальность организует личность воспринимающего и приводит к изменению сознания реципиента. Между воспринимающим и архитектурным текстом образуется «диалог», усложнённый авторским кодом. Поэтому «внутренняя неоднородность» архитектурно-теоретической модели всегда преломляется творческим сознанием субъекта как особой характеристикой культурного континуума.

Проекция этих положений на региональную модель пространственно-временного континуума позволяет осмыслить жизнь провинциального общества через архитектурный текст. Здесь значимость приобретает представление о «несистемных»

и «неупорядоченных» элементах не как о «второстепенных» или «незначительных», а как о совершенно необходимых, без которых невозможно представить существование самой системы и самого «порядка». Эта внутренняя неоднородность культурной модели есть необходимость, без которой невозможно её существования как «целого». Структурное ядро и периферийные составляющие неизбежно дополняют друг друга. При разнородных художественных впечатлениях общие черты, транслируемые центром, позволяют свести «разнообразие» к единству, а этому единству проявлять своё разнообразие в его периферийности. Разнообразие в типах моделирования в той или иной степени гарантирует «целостность» самого процесса моделирования объекта, а отдельные системы складываются в целое именно «благодаря» взаимной неоднородности. Можно говорить, что культурному континууму в равной мере применим закон для сверхсложных систем кибернетического типа. В соответствии с ним «устойчивость целого возрастает с возрастанием внутреннего разнообразия системы» [8]. Каждая система внутри организма континуума приводит к превращению ее в своеобразную «культурную личность». Эта отдельная «культурная личность» – замкнутый имманентный мир с собственной внутренней структурно-семиотической организацией, собственной памятью, индивидуальным поведением, интеллектуальными способностями и механизмом саморазвития» [9]. Эти внутренние миры, понимаемые нами как региональный компонент, есть личностные миры, между которыми устанавливаются соответствия, имеющие метафорический характер. Установление соответствия сопряжено с трудностями «перевода», порождающего «новый мир», чётко определяемого в своей индивидуальности.

Инвариантная модель континуума состоит из разных интегрированных структур, разным образом моделирующих реальность. На всех уровнях континуума наблюдается «биполярность», при этом двухполюсная организация культуры принимает более сложные вторичные формы. Рассмотрение региональной модели через тексты архитектурного творчества как языка культуры приобретает смысл только через «бинарную» оппозицию. Установить равновесие между компонентами типологической схемы – значит дать переоценку «той стороны» культуры, которая считалась «неактуальной», значит справедливо перевести её в ранг равного члена, составляющего части культуры как целого. Структурирование частей целого, динамичного по своей природе, также является динамичным, внутренне противоречивым явлением со сложной системой отношений внутри себя, выступающей в «иконической», «пространственной» и «мифологической» формах.

Реализация времени в пространственном континууме есть сложный, пульсирующий «диалог», а не одна направленная рецепция. Любая генерирующая система не может работать в условиях изоляции от внешних потоков информации. Одно звено в цепи модели вне этой цепи не может быть изучено. Кроме того, многовекторность отдельных звеньев общей культурной картины мира всегда включает контакт личный, вносящий субъективное отражение объективного, «выражение сознания», то есть «отражения отражения». Континуум, заполненный разнотипными, находящимися на разном уровне организации семиотическими образованиями, – не что иное, как отдельные «семиотические личности», замкнутые сами на себя, самостоятельные единицы. Это придаёт внутреннее разнообразие организации континуума, при этом не нарушающее целостность системы. Таким образом, в целостном континуальном механизме отдельные его пласты, продолжая существовать как целое, становятся частью, в определённых отношениях изоморфной всему текстовому миру. Подобный «вертикальный изоморфизм, существующий между структурами разных иерархических уровней, порождает явление, когда сообщение, введённое в целостную систему, тиражируется на более низких уровнях» [10].

Рассматривая континуальность в разрезе «центр – периферия», следует отметить их способность меняться местами. В результате этого обмена создаются новые художественные формы, что проявляется в региональном моделировании текста. Континуум культуры сложно сочетает в себе как повторяющиеся (обратимые) процессы, так и процессы необратимые, имеющие временной исторический характер. Здесь дихотомия «центр – периферия» объединяет циклические процессы и противоречит наличию необратимых» [11].

Диалогическая ситуация, кроме «взаимности» и «обобщности», подразумевает «дискретность», то есть возможность перерывов в информационной передаче. Передача «сообщения» между сторонами осуществляется в состоянии «паузы» принимающей стороны. То есть передача ведётся дискретными порциями с перерывами. Циклическое развитие культуры, как большинство динамических процессов в природе, «подчинено синусоидным колебаниям, и периоды наименьшей активности фиксируются как перерывы» [12]. Историко-культурный процесс наряду с «повторяющимися», «циклическими» и «обратимыми» процессами, и поэтому трансформирующимися в типологическое пространство как неравновесная система, рождает точки «бифуркации», в которых дальнейшее продолжение динамического процесса тяготеет к «случайному», «линейному»,

«необратимому» – и в этом смысле имеющему «временной» характер. «Случайным», «взрывным» выглядит выбор исторической динамики архитектурного текстового пространства, при этом чем более он непредсказуем и неожиданен, тем сильнее его влияние на культурную ситуацию после его реализации. «Вмешательство случая можно выделить как вмешательство мыслящего существа, творческого сознания» [13]. Если выбор точки бифуркации определяется случайностью, то чем сложнее по внутренней организации находящийся в состоянии развития объект, тем больше он включает в себя «случайного», тем непредсказуемее будет его поведение в точке бифуркации. При рассмотрении этого процесса возникает вопрос перехода от понимания личности-объекта как семиотической системы к человеческой личности-субъекту как к «мыслящему элементу внутри мыслящего же мира» [14].

В процессе реконструкции провинциального континуума в архитектурных текстах механизм ориентации на «иконический характер» знаковой деятельности, «пространственную природу художественного текста», «мифологический аспект» культурной организации и «личностное свойство» семиотической системы составляют параметры методологического подхода к анализу архитектурного мира сквозь призму культурной модели. Их динамическая трансформация вместе с окружающим миром через типологические сопоставления между противоположными элементами даёт «оперативную модель» периферийности, а в сумме – целую концептуальную модель объективной реальности, где факт – и исходная точка, и результат творческих усилий. Всякое интеллектуальное целое есть часть этого целого и целое по отношению к своим частям, есть диалог между разными частями внутри единого пространства, поскольку «нам всё необходимо, лишнего в мире нет».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Баркова, Э. В. Пространственно-временной континуум культуры [Текст] // Э. В. Баркова // Автореф. ... дис. д-ра филос. наук. Волгоград, 2003. С. 33.
2. Проблема сходства искусства и жизни в свете структурального подхода [Текст] // Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб., 1996. С. 382.
3. Лекции по структуральной поэтике [Текст] // Лотман Ю. М. и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994. С. 49.
4. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах [Текст] // Лотман Ю. М. Избранные статьи. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 408.
5. Миф – имя – культура [Текст] // Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Семиосфера. СПб., 2000. С. 531.
6. Происхождение сюжета в типологическом освещении [Текст] // Лотман Ю. М. Избранные статьи. Таллинн, 1992. Т. 2. С. 226.
7. Лотман, Ю. М. Культура и взрыв [Текст] // Ю. М. Лотман. М., 1992. С. 39.

8. Культура как коллективный интеллект и проблемы искусственного разума [Текст] // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб., 2000. С. 561.
9. Там же. С. 564.
10. О семиосфере [Текст] // Лотман Ю. М. Избранные статьи. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 18.
11. Вместо заключения о роли случайных факторов в истории культуры [Текст] // Лотман Ю. М. Избранные статьи. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 472.
12. О семиосфере [Текст] // Лотман Ю. М. Избранные статьи. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 194.
13. Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров (человек – текст – семиосфера – история) [Текст] / Ю. М. Лотман. М., 1996. С. 326.
14. Культура как субъект и сама себе объект [Текст] // Лотман Ю. М. Избранные статьи. Таллинн, 1993. Т. 3. С. 374.

Е. А. Счастливецва

НЕЖНАЯ ДУША ФРИДРИХА НИЦШЕ, ИЛИ «НЕ ДАВАЙТЕ ПОВОД К СОСТРАДАНИЮ»

Статья предлагает один из подходов к творчеству Ф. Ницше, при котором его философия рассматривается сквозь диалектику Гераклита. Болезненное состояние философа вскрыло спрятанное им самим Гераклитово видение гармонии противоположностей. Болезнь, жизненные неудачи и обостренное чувство неподлинности человеческого существа, ощущение моральной двойственности общества поставили Ницше «на границу смерти» и подвели к новой философии, в которой главную роль играл он сам, роль, которой суждено было стать легендой и «сверхчеловеком». К нравственности Ф. Ницше подходит с точки зрения ее историчности, применяя метод диалектики Гераклита.

Мои книги говорят только о моих преодоленьях.

Ф. Ницше

Ницше не был идеологом фашизма, как о нем иногда писали у нас (см.: [1]) и за рубежом (Д. Лукач). Не был он и «властной натурой», поборником всеохватывающего господства одних людей над другими, возвестившим «волю к власти» и «переоценку всех ценностей». Его сестра Элизабет Ферстер-Ницше, заполучив авторские права на тексты брата, сфальсифицировала архивные данные и собрала из черновики работу «Воля к власти» (см.: [9, с. 83]). Кем же был на самом деле этот странный гениальный философ, чье имя чаще других повторяется устами серьезных авторов?

Гераклит повлиял на Ницше гораздо сильнее, чем у нас принято думать. Еще в Шульпфорте он

СЧАСТЛИВЦЕВА Елена Анатольевна – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии и социологии ВятГУ
© Е. А. Счастливецва, 2004

философском обрамлении, приправленном жесточайшей иронией и, прежде всего, к самому себе – видеть то, чего нет на поверхности, изнанку жизни.

Возьмем, к примеру, слово «хотение». Оно уже в самом себе содержит слово «повелевать», так как в огромном большинстве случаев *хотение* проявляется там, где можно *ожидать* и воздействия повеления, поэтому хотение должно, по мнению Ницше, рассматривать под углом зрения морали. Слово «власть» Ницше отождествляет с жизнью, оно принимает биолого-психологическую характеристику, присущую самой «жизни» в ее непосредственных отношениях и взаимодействиях (см.: [4, с. 25]).

Науку о человеке – психологию – Ницше понимал как науку о стремлении к власти, называя ее «учением о развитии воли к власти». Однако мы будем понимать его слова в контексте хотения как инстинкта, имеющего обратной своей стороной акт «повелевания», поскольку хотение уже в самом себе подразумевает повиновение чьим-то желаниям. Тем не менее «преодоление морали», даже «самоопределение морали» – это название «долгой и тайной работы», предоставленной «самой тонкой, самой чистой и вместе с тем самой злобной современной совести как живому пробному камню души», говорит философ [4, с. 41]. Именно обманчивость мира являет нам «сущность» вещей, безотносительно нашему мышлению, сыгравшему с нами «величайшую шутку».

Однако не скепсис, но обостренное чувство несовершенства мира человеческих отношений, трагическое восприятие жизни сыграло с философом злую шутку. А может быть, именно это чувство послужило толчком к моральной переоценке? Еще в результате конфликта с Рихардом Вагнером Ницше самоустранился от светского общества. Мог ли он равнодушно смотреть на поступки великого музыканта, слушать его речи и оставаться спокойным, подчиняясь воле могучего Вагнера? Душевная катастрофа философа разразилась с феерической силой, пишет Галеви, Эсхил, современный Пиндар, все эти образы померкли. Пышные метафизические и религиозные декорации были сметены с лица земли, и искусство Вагнера явилось таким, каким оно было в действительности: «великолепным, но большим цветком пятнадцативековой человеческой культуры». Перед Ницше стоял совсем другой человек: энергичный, грубый, мстительный, завистливый работник (см.: [2, с. 126-127, 100]).

Ницше говорил: все глубокое любит маску. «Не должна ли только *противоположность* быть истинной маской...» [4, с. 46]. В человеке *тварь* и творец соединены: человек есть материал –

глина, грязь, обломок и хаос, но в нем есть также и творец, ваятель и седьмой день (см.: [4, с. 140-141]). Какая из этих черт окажется истинной? «Мы оплетены крепкой сетью и кожухом обязанностей и не можем выбраться оттуда... Норма, правило стесняют наш ум, поэтому тут нужна переоценка ценностей, при которой страдание показывает человеческую изнеженность и слабость».

Процесс жизни есть вечное *становление* (формула Гераклита), не укладывающееся в формулы, установления и правила. Свободный дух – единственно возможное правило для всех последующих истин, из которых свобода является высшей ценностью и целью человеческой жизни. Для бытия все необходимо, все составляет частицу сложного круговращательного механизма, в котором нелогичное сплетается с логическим, несправедливость со справедливостью, заблуждение с истиной. Даже в «самых тернистых и безотрадных полосах своей собственной жизни» можно находить утешение. Но то, как у нас принято думать по поводу морали, уводит человека от правды жизни, не приносит ему частичку свободы. Именно поэтому вся «история моральных чувств есть история заблуждения». Давайте посмотрим, к примеру, на жестоких людей, предлагает Ницше. Их жестокость – всего лишь «ступени *прежних культур*». Они показывают нам, чем мы когда-то были (см.: [4, с. 479]). А благодарность? Ведь это же обратная сторона мести, точнее, «более мягкая сторона мести». Предыстория ее такова. Благодетель вторгается в сферу могущественного человека, нарушив ее границы; чтобы не остаться в долгу, этот человек вторгается в сферу благодетеля посредством акта благодарности. Кто из нас сейчас может отрицать то обстоятельство, что в эпоху древних общество делилось на сильных и слабых, и «наша современная нравственность выросла на почве господствующих родов и каст»?

Слабость воспринималась как дурное состояние, недостойное подражания, «добро и зло» (при отсутствии их понятий) означали тогда то же, что знатность и бедность, господин и раб (см.: [4, с. 480]).

«Имморалист» Ницше ценит все достойные уважения качества: и благожелательность, и добродушие, и приветливость, и сердечную вежливость, – ведь именно они оказали, по его мнению, самое сильное влияние на рост культуры, в сравнении со страданием, милосердием и самопожертвованием. Благожелательность в общении, считает Ницше, незначительная, но весьма приятная вещь, располагающая к себе – улыбка глаз, рукопожатие, теплота, проявление дружеского расположения к собеседнику. Именно благожелательность создает атмосферу «неэгоистического ин-

стинкта» и располагает к общению. Ницше обращается к истокам альтруистического начала в нас и обнаруживает его, конечно, не в сострадании. Действительно, к понятию сострадания приходит даже не Платон, а далее Аристотель, и оно становится всеми признанной добродетелью во времена Христовы. Страдающий от недиагностируемой нервной болезни философ боролся с собой, и ему, страдающему, не сострадание важно было, а победа над своей болезнью. Причинять боль своим страданием кому-либо он не почитал за благо. «Жажда вызывать сострадание есть жажда наслаждения самим собою и притом за счет ближних», — говорит Ницше. Не давайте повод ближним для страдания, ибо несчастье, болезни вызывают у них невыносимую боль. Я страдаю, а вам я не хочу причинять никаких страданий.

«Мораль почитания» древнее, чем «неэгоистическая» мораль сострадания. Традиция почитания накапливается из поколения в поколение до такой степени, что возбуждает благоговение. «Хорошим называли всякого, кто по унаследованному инстинкту (легко и охотно) делал то, что считалось полезным (например, быть благожелательным, переживающим, любвеобильным для чего-нибудь)» (см.: [4, с. 503]).

В подтверждение необычайной впечатлительности природы Ницше, сыгравшей с философом «злую шутку», следует обратиться к его заключительному произведению «Ессе Ното» (1889) — апофеозу распадающегося сознания философа. То, что Ницше писал в этом произведении, подверглось превосходному перу Цвейга, выступив красноречивым свидетельством Гераклитова тона уже душевнобольного философа. «Ессе Ното» невольно выдает в Ницше страстного, но глубоко больного человека. Заметим, что поначалу врачи не могли поставить точный диагноз, отмечая, что физически он был здоров. Лишь в ходе болезни, наступившей Ницше в январе 1889 г., они констатировали у него прогрессивный паралич предположительно вследствие сифилитической болезни, которой Ницше мог заразиться в 1866–1870 годах (см.: [9, с. 83]).

Философ полагал, что decadence культуры, ее упадок начался с Сократа. Себя же он называл учеником философа Диониса, «скорее сатиром, чем святым». Орфическая философия — уже предфилософия Сократа в своей целостности бытия и логоса. Ницше, врожденный орфик, силой склонил себя к дионисийской тенденции имморализма (см.: [6, с. 106]). Борьба с болезнью только обострила Гераклитово чувство единения противоположностей. «Жизнь становилась для меня легкой, легче всего, когда она требовала от меня наиболее тяжелого», — писал Ницше. И С. Цвейг про него скажет: «Обладая от природы мягким, добродушным, обходительным и,

безусловно, доброжелательным характером, Ницше путем спартанского воспитания воли вырабатывает в себе неприступность и неумолимость по отношению к собственному чувству: полжизни он провел как бы в огне» [7, с. 119]. Он «часто бывал на границах смерти», а потому «знал о жизни больше» других.

В самых глубинных слоях человеческой психики, еще с древнейших времен, были заложены инстинкты самосохранения и удовольствия. Нравственности предшествует принуждение (и это с точки зрения современной теории права действительно так). Именно принуждением пользуются во избежание страданий; позднее нравственность становится обычаем, а затем и свободным повиновением, почти инстинктом. Первоначально связанная с удовольствием, она естественно называется добродетелью (см.: [4, с. 506]). Поэтому идея «вечного возвращения», остро чувствуемая Ницше, касается, прежде всего, того первобытного состояния человечества, когда оно умело избавляться от страдания естественным образом, соотносясь с пользой и инстинктом наслаждения. Сострадание же, говорит Ницше, — это вторичный элемент нравственности, недаром, по его мнению, за исключением нескольких философов, люди всегда ставили сострадание в иерархии моральных чувств не так высоко, ведь само по себе сострадание не имеет своей целью доставить удовольствие другому человеку, а скорее, похоже на самонаслаждение, на упивание собственным чувством и, во-вторых, не может доподлинно служить сопереживанием в той мере, в какой испытывает страдание другой человек («удовольствие от удовлетворения от обнаружения собственной силы») (см.: [4, с. 510]). Только подлинные страдания могут способствовать истинному избавлению от страдания путем нахождения источника новой силы и эмоционального подъема. И только подлинные испытания (граничащие со смертью) могут служить нам путеводителем в жизни. Но ценность их не в том, что нас кто-то спасет и нам помилосердует, а в том, что мы сами должны найти дорогу к самим себе и вернуть прежнее состояние удовлетворения и радости. Вот так Ницше нашел способ, благодаря которому Гераклитовы пути познания смогли привести его, в конечном итоге, к экзистенциальному пониманию проблемы постижения человеческого «я» и открыли смысл ницшевского сверхчеловека, а также и новое направление в развитии философской мысли.

Примечания

1. Андреева, И. С. Современные зарубежные исследования философии Ницше [Текст] / И. С. Андреева. М., 1984.

2. Галеви, Д. Жизнь Фридриха Ницше [Текст] / Д. Галеви. М., 1991.

3. Зелинский, Ф. Ницше и античность [Текст] / Ф. Зелинский // Ницше Ф. Философия в трагическую эпоху / Ф. Ницше. М., 1994.

4. Ницше, Ф. По ту сторону добра и зла. Казус Вагнер. Антихрист. Эссе Ното [Текст] / Ф. Ницше. Минск; М., 2000.

5. Патрушев, А. И. Жизнь и драма Фридриха Ницше [Текст] / А. И. Патрушев // Новая и Новейшая история. 1993. № 5.

6. Хапира, Е. Э. Фр. Ницше: «Рождение трагедии из духа музыки» [Текст] / Е. Э. Хапира // Вопросы философии. 2000. № 3.

7. Цвейг, С. Казанова. Фридрих Ницше. Зигмунд Фрейд [Текст] / С. Цвейг. М., 1990.

8. Чанышев, А. Н. Курс лекций по древней философии [Текст] / А. Н. Чанышев. М., 1981.

9. Эбаноидзе, И. Больше — поле битвы, чем человек [Текст] / И. Эбаноидзе // ГЕО. 2002. № 12.

В. Ф. Юлов

ЧЕМ ИНТЕЛЛЕКТ ОТЛИЧАЕТСЯ ОТ ПСИХИКИ?

В психологической и даже в философской литературе не всегда четко проводится различие между интеллектом и психикой. Автор предлагает свою концепцию, которая не только учитывает некий «здоровый смысл», но и обосновывается аргументами научного и философского характера. Четкое содержательное и функциональное различие психики и интеллекта позволяет дать перспективную теорию их взаимодействия.

Может ли интеллект включать в себя, кроме знаний, еще что-то нерациональное? По теме интеллекта существует огромный массив литературы, который непрерывно растет. Множество концепций широким веером распределяется по степени типичности/оригинальности. Можно выделить такие признаки интеллекта, которые признаются большинством авторов: а) все содержание интеллекта образуют знания; б) его процессуальность представлена рациональными актами; в) работа интеллекта сопряжена с феноменами памяти и внимания; г) наивысшая активность интеллекта выражена мышлением. Мы согласны с этими чертами и особо подчеркиваем значимость первого признака, которая определяет стратегию исследовательского подхода.

Некоторые отечественные и зарубежные авторы трактуют содержание интеллекта весьма расширительно, кроме знаний они включают в его состав чувства и эмоции (С. А. Рубинштейн, Ф. Т. Михайлов, Ю. М. Шилков и др.). Отсюда

ЮЛОВ Владимир Федорович — зав. кафедрой философии, доктор философских наук, профессор по кафедре философии ВятГУ
© В. Ф. Юлов, 2004

возникают кентаврообразные конструкты типа: «аффективный интеллект», «эмоциональное мышление» и т. п. Последнее образование примечательно, ибо самое большое число «кентавров» собралось на территории мышления. Нам представляется, что главной причиной здесь выступает недостаточный уровень анализа и абстрагирования.

Все согласны с тем, что сознание является сложнейшим целостным феноменом, в котором сплетены многие разнокачественные процессы. Но чтобы разобраться в таком клубке, нужно провести должные расчленяющие и изолирующие процедуры и затем выделить в сознании, как в гобелене, отдельные нити. И вот здесь мнения расходятся. Мы полагаем, что при всей специфике предмета главным требованием анализа остается доведение его расчленяющего действия до предельного упора. Если в результате остаются двойственные образования, то это означает, что требование оказалось не выполненным до конца. Конструкты типа «аффективного интеллекта» имеют право на существование, если предварительно даны отдельные и абстрактные характеристики аффективности и интеллекта. Только из одномерных понятий, отражающих качественную специфику разнородных уровней (областей) сознания, можно сконструировать двумерные и даже трехмерные концепты. Такие теоретические продукты дают картины сложных и интегральных образований, где можно проследить взаимные связи.

При недостаточном абстрагировании исследователя подстерегает главная опасность — нарушение содержательных границ. У представителей «недизъюнктивного анализа» оно реализуется путем связей включения одного в другое. Так, если С. А. Рубинштейн внес эмоции в состав мышления, то у Ю. М. Шилкова эмоции, сохранив статус чувственных переживаний, выросли за счет рационально-когнитивных актов. В «эмоциональном мышлении» интегральной основой выступает не *ratio*, а *emotio* [1, с. 103–106]. Обратную инверсию демонстрирует Ф. Т. Михайлов, внося аффекты в интеллект. Этой линии придерживается и У. Эко, полагая, что средства эмоционального воздействия не должны выноситься за рамки знаковых систем, ибо одной из функций знака является вызывание эмоций [2, с. 105].

Являясь чувственными образованиями, эмоции входят в состав сознания, но пребывают вне интеллекта. Когда М. Хайдеггер заявлял, что характеризовать мышление только с точки зрения логики — значит, судить о рыбе, выброшенной на сушу [3, с. 92], мы с его пафосом и иронией полностью согласны. Радикальный рационализм, игнорирующий роль «сердца», чувств, явно искажает место и роль интеллекта. Никто не спорит о том, что последний вписан в сложный контекст психического. Вопрос заключается в другом — ка-

кова связь рационального и нерационального? Переформулируем это в образах Хайдеггера: входит ли «вода» в «рыбу» или «рыба» плавает в «воде». Мы уверены, что немецкий мыслитель отдал бы предпочтение последнему варианту.

Человек обязан учиться на ошибках, особенно на тех, которые совершены великими мыслителями. В своем cogito Р. Декарт объединил все познавательные и некоторые жизненные способности субъекта. И, как полагает Ж. Делез, такое богатство исходной категории помешало ему четко отразить модусы мышления. Нечто подобное случилось и с В. Дильтеем, который взял за основу понятие «переживания». Поток жизни здесь перешел границы когнитивных, эмоциональных и волевых функций. Казалось бы, душевная структура самости обрела полное выражение. Но, как утверждает Ф. Родд, дильтеевское основное понятие стало явно проблематичным в контексте современных представлений [4, с. 18].

Нам представляется, что гегелевский принцип исходного абстрагирования и восхождения от абстрактного к конкретному не имеет альтернатив применительно к сознанию. Отделение интеллекта от аффективной и ментальной форм психики вполне оправдано их качественными различиями. Обратимся к аргументам авторитетного последователя идей К. Юнга – Ф. Нойманна. Он полагает, что уже древние мудрецы довольно точно угадали соотношение основных человеческих способностей. Если инстинкты связаны с телом, а страсти и аффекты – с сердцем, то разум сопряжен с головой. На языке современной психологии это означает, что аффекты и эмоции представляют самые нижние уровни психики, примыкающие к телу с его инстинктами. Вот почему эмоции, замыкающиеся на область бессознательного, часто мешают развитию мышления, что вынуждает индивида истощать свой запас эмоциональности.

Связь интеллекта с любым видом чувственности не может быть внутренней, предполагающей отношение включения, а может быть только внешней, реализуемой отношением дополнительности. Об этом уже шла речь, когда выявлялась спе-

цифика ментальной психики. Так, эмоции могут инспирировать и сопровождать когнитивные процессы, знаковые впечатления входят в композиционные соотношения с рациональными значениями. Однако здесь нет отношения имманентного включения, а существует связь соотношения одного с другим, где одно и другое сохраняет себя как одно целое (рис. 1). Такая дополнительность позволяет без смысловых деформаций рассмотреть активность интеллекта.

Жизненная форма как бытийственное условие активного существования интеллекта. Сам по себе интеллект явно не самодостаточен, его необходимым основанием выступает телесно-чувственная жизнь. Эта витальная стихия в своих относительно простых видах самодеятельна, но ее сложные виды требуют информационного обеспечения. Потребность в когнитивной информации и удовлетворяет интеллект. Истоки его зарождения тянутся в эволюционные глубины жизни, и у человека он достигает высокого уровня развития. Интеллект занимает место своеобразной надстройки над психобиотической системой индивида. Эта связь далека от механического соотношения, подобного связи элементов здания, ибо речь идет о сложнейших актах возникновения и развития знаний, обусловленных иерархией соматических и психических процессов.

Здесь можно обратиться к введенному М. К. Мамардашвили различению жизненной формы бытия и акта ума. Если оперировать понятиями и мыслить идеальными предметами, то требуется особое бытийственное состояние, в котором все это можно делать. Голым усилием мысли невозможно воспринимать, учиться, понимать; для всего этого надо сначала быть. Речь идет об особой личностной культуре, которая своими усилиями может противостоять естественным процессам энтропийного рассеяния. Индивид способен собрать свои жизненные силы, и только этим концентрированным существованием он обеспечивает готовность познания и его актуализацию. Такое бытие есть обязательное условие знания [5, с. 178]. И хотя данная форма все решает фактом своего существования и действия, нельзя актом

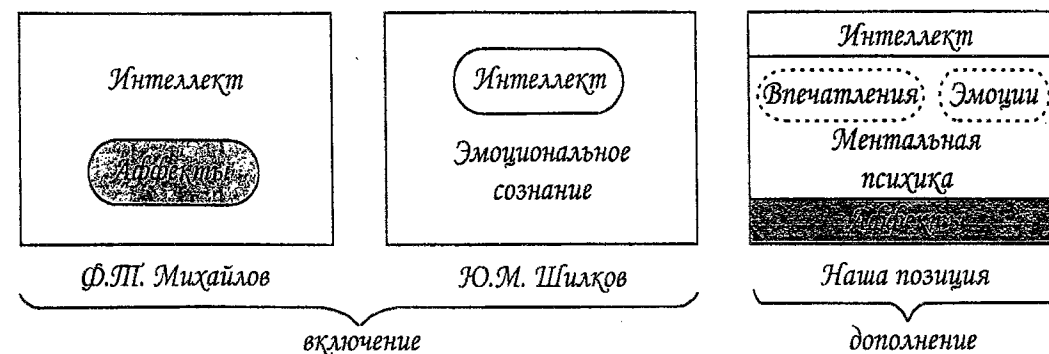

Рис. 1

ума стать на ее место. Связь сцепления такова, что жизненная форма обеспечивает лишь бытийственные условия для возможной активности интеллекта, но уже реализация этих потенций определяется самим умом [6, с. 239-240].

На необытийственный характер умственных процессов обратил свое внимание К. Юнг. Если человек владеет своими мыслями, то это нормальное состояние. Между самостью и знаниями здесь существует явная дистанция, которая позволяет Я осуществлять внешний контроль над работой интеллекта: начинать акт думания тогда, когда это надо, и прекращать его, руководствуясь жизненной целесообразностью. Патологическое состояние начинается тогда, когда уже мысли владеют индивидом: его преследуют навязчивые идеи, он живет в плену фантазии. Это означает, что дистанция между интеллектом и психологическим бытием исчезла, умственные акты вошли в самость и, обретя бытийственную силу, стали распорядиться жизненными поступками. Здесь контроль над разумом уже потерян, невротик не может произвольно включить действие своих познавательных способностей [7, с. 15-16].

Психические расстройства и практика их лечения еще раз подтверждают ошибочность стратегии «включения» интеллекта в психику или психики в мышление. Нормой является четкая демаркация между психикой как бытийственной самостью индивида и ее интеллектуальными средствами. Дистанция между «душой» и разумом выступает залогом психического здоровья, которое предполагает свободный контроль над активностью интеллекта со стороны Я (самости, психики, «души») (рис. 2).

Если сенсорные впечатления непосредственно связаны с интеллектом, то оставшиеся формы ментальной психики образуют бытийственное ядро личности. И все же интеллект не может обойтись без тесной и непосредственной связи с некоторыми элементами ментальной психики. Речь идет о сенсорно-чувственных впечатлениях, которые обеспечивают знаковую функцию. Чтобы испол-

нить данную роль, эти единицы чувственности не должны быть отделены от содержания интеллекта границей бытийственной психики. Такому условию как раз и удовлетворяют сенсорные впечатления, ибо они возникают и существуют за пределами онтической самости. Их источником выступает внешняя реальность; воздействуя на рецепторы тела, она порождает стимульные раздражения, которые затем преобразуются в чувственные модальности цвета, звука и т. п. Впечатления существуют актуально, время их жизни определяется ситуацией внешнего стимулирования. Вот почему «чувственные данные» занимают самый периферийный уровень ментальной психики, отделенный дистанцией от остальной чувственности, представляющей внутреннюю жизнь самого индивида. Такая раздвоенность ментальной психики позволяет ей одновременно выполнять две функции. С одной стороны, через веру/сомнение и эмоции она связывает интеллект с психическим ядром личности. Это позволяет контролировать работу ума, направляя ее на обслуживание потребностей. С другой стороны, ментальность выступает тем чувственным экраном, на котором не только запечатлеваются следы внешней реальности, но и воспроизводятся все виды невербального и вербального языка. Единицы интеллекта получают здесь возможность обрести чувственно-осязаемую форму (см. рис. 3).

Творческие возможности сенсорного культурного пространства неисчерпаемы, ибо его элементы наделяются значениями со стороны интеллекта. М. А. Холодная отмечает мировую тенденцию введения разных видов «пространства отражения». Здесь фигурируют «сенсорное пространство», «ментальное пространство», «семантическое пространство», «знаниевое пространство» и т. п. При этом кроме первого все остальные выражают способы организации знаний [8, с. 96-97]. Хотелось бы обратить внимание на исходное и базисное положение «сенсорного пространства».

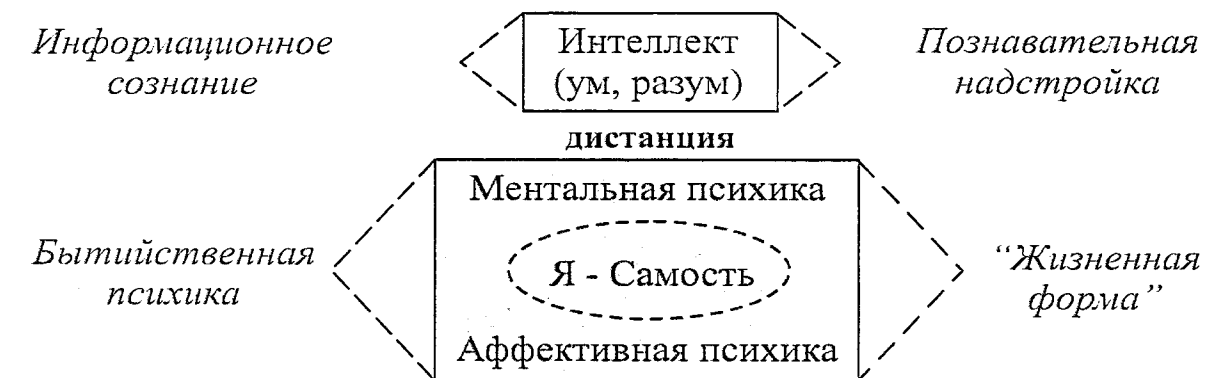

Рис. 2

Его единицами являются сенсорные впечатления, прошедшие путь становления и развития социального языка. Унаследовав от животного мира язык биотических сигналов, древние люди изобрели общественные знаки, ядром которых стало слово (речь). Как полагал Э. Кассирер, возник посредник между системами рецепторов и эффекторов, позволивший человеку задерживать свои ответы на вызовы внешней реальности. Если язык животных полностью интегрирован в работу органов чувств, ориентированных вовне, то социальный язык дал возможность конституироваться внутренней жизни, т. е. сознанию. Сохранив выразительную и сигнальную роли, новые знаки породили дескриптивную функцию, когда возможную ситуацию можно описывать без привлечения актуальных стимульных впечатлений извне. Такая репрезентация выключает органы чувств из внешней деятельности и превращает их в экран, который рассматривается изнутри [9, с. 174-178]. Если у животных чувственность работает только как прозрачное стекло, через которое видна внешняя среда, то ментальная чувственность человека действует гибче, демонстрируя возможности двух режимов – «прозрачного» и «непрозрачного». В последнем случае вербальные и невербальные знаки, подобно амальгаме зеркала, блокируют хаотический поток внешних стимулов, позволяя представлять искусственные «предметы»: рисунки, тексты, чертежи и т. п.

Необходимость функционирования ментальной психики в режиме непрозрачного экрана была обусловлена культурной стратегией человека. Становление культуры строится на познании возможностей, скрытых в закономерных глубинах природы, и на соответствующих реализациях. Для такого творчества стимульные воздействия непосредственной среды чаще всего выступают помехой. Вот почему у сенсорной чувственности

стала доминировать двойная роль: а) перекрывать поток извне и б) представлять внутреннее пространство для создания разнообразных знаков. Последняя функция в силу своей позитивности сложна и реализуется в совместной связи ментальной психики и интеллекта.

Семиотика доказала, что любой знак возможен лишь на основе некоторого материального предмета. Если последний попадает в зону действия нашей чувственности, то лишь тогда реализуется знаковая функция. В качестве материального носителя знаков выступает многообразие произведений культуры, начиная с бытовых предметов и кончая шедеврами искусства. Здесь открывает перспективу понимания мысль М. К. Мамардашвили о взаимосвязи внешнего и внутреннего пространства. Любой предмет культуры являет собой единицу внешнего пространства, ибо в нем сосуществуют характеристики физического и социального пространства. Если взять лист бумаги, то он имеет все размерности протяженности и, являясь продуктом особого производства, обладает потребительскими качествами товара. Я касаюсь его руками, и для меня он становится чувственным знаком, несущим для интеллекта то простое значение, что имеется бумажный лист, таящий в себе ряд деловых возможностей (написать, нарисовать, скомкать, сделать «птичку» и т. п.). Но вот я начертил на нем треугольник, увиденный рисунок стал чувственным знаком, и с ним сопряжено уже относительно сложное значение, которое фиксирует мой интеллект, прошедший курс школьной геометрии.

Уже этот нехитрый пример показывает сцепление внешнего и внутреннего пространства. Если мы вступаем в чувственный контакт с материальным телом, то в ментальной психике оно оборачивается впечатлениями, с которыми уже может действовать интеллект. Сенсорные модальности

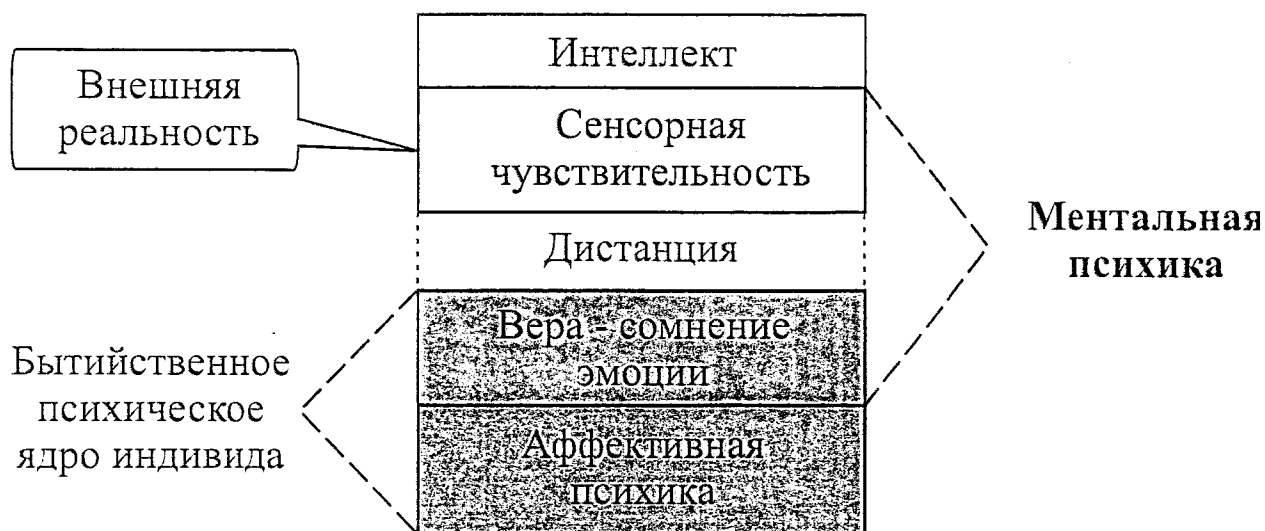

Рис. 3

становятся репрезентациями, переводящими внешний объект во внутренний план сознания. С этим внутренним предметом имеет дело разум, он превращает его в знаковую конструкцию, наделяя ее рациональным значением. Пространство чувственного экрана таит в себе бесконечный спектр возможных предметов, на это уже намекает творчество на листке-бумаги. А если мы имеем дело с более сложной техникой типа кино, телевидения, компьютера и т. п.? Современные виды социального языка открывают захватывающие перспективы, и в основе всего лежит эффект чувственного представления (репрезентации).

Сенсорное пространство выступает посредником между внешней реальностью и интеллектом. При этом действительность здесь фигурирует не только единичными фактами-событиями, а, главным образом, теми возможными связями, которые разрешены объективными законами. Вся человеческая культура ориентирована на открытие таких потенций. Вот почему конституирование языковых форм является совместным творчеством ментальной психики и интеллекта. Сенсорное пространство всегда предполагает сопряжение с определенными знаниями, ибо полноценная информация образуется сочетаниями чувственных знаков и интеллектуальных значений. Такой союз стал очевиден задолго до современной семиотики. О нем писали Платон и Аристотель, на него указывали средневековые мыслители, находя аргументы в философской теории познания. Психологический ракурс попытался определить Ф. Brentano. Он признал, что всякий психический акт сопровождается соответствующим ему актом сознания. Обязательным признаком первого является то, что он чувственно представляет внешний предмет и вызывает эмоции удовольствия/неудовольствия. Акт же сознания реализует познание и несет в себе знание предмета. Между актом психической репрезентации и познавательным актом устанавливается связь сопровождения [10, с. 77-83].

Соотношению между чувственными данными и актами сознания уделил особое внимание Э. Гуссерль. К ясным выводам, по его мнению, можно прийти только в ходе феноменологических процедур. После того как мы «вынесем внешний мир за скобки» внимания и перенесем его фокус на чистую деятельность сознания, мы поймем, что поток переживаний, инициированный извне, сам по себе представляет сырой и предварительный материал. На него направляется особая активность сознания, мы поймем, что поток переживаний, инициированный извне, сам по себе представляет сырой и предварительный материал. На него направляется особая активность сознания («ноэза»), в ходе которой переживания «наделяются смыслом» и конституируются во внутренний предмет («ноэму»). Многообразие

ноэм дает спектр различных ментальных представлений или внутренних объектов в форме ощущений и восприятий [11, с. 123-125, 200-203]. С этими предметами в дальнейшем имеет дело уже мышление. Сравнение позиций Ф. Brentano и Гуссерля сразу указывает на их существенное различие. Если у первого в связи чувственности и интеллекта фигурирует пассивное «сопровождение», то у второго акцент сделан на активности разума, который наделяет переживания смыслом. Эта кантовская в сути стратегия господствует в современных теориях сознания.

Роли ментальной психики и интеллекта неравноценны. Если участие последнего активно, то первая исполняет функцию пассивной и терпящей инстанции. Сенсорные впечатления изначально выступают сырьевым материалом, который организуется под воздействием когнитивных образований. И в дальнейшем, когда уже образовались продукты, сочетающие чувственность и знания, они становятся предметом для новых изменений со стороны еще более мощных средств разума. То, что ментальная психика в основном остается областью разнообразных внутренних предметов, тем чувственным экраном, на котором меняются объекты приложения интеллектуальных орудий, делает ее ключевым пространством сознания. Хотя двойственность книжного текста или чертежа как интеллектуального пространства очевидна, собственно пространством остается чувственное поле ментальной психики. Именно в местах его модальностей тянутся цепочки букв (или иероглифов), выстраиваются графические фигуры, проектируются разнообразные образы. В творении всего этого многообразия изначально участвует интеллект, но лишь через чувственные знаки он может явить свою телесность и обозначить ходы мысли.

В последнее время в моде термин «виртуальная реальность». Нам представляется, что речь идет о традиционном по сути языковом феномене, связанном с ментальным пространством. Уже в истоках становления культуры чувственно-когнитивные образования стали выстраивать между объективной реальностью и человеком искусственный мир артефактов. Образы собственных душ, души предков, духи природных стихий – вот первые компоненты виртуальной реальности (VR). Если Архимед начертил на песке геометро-физический чертеж и думает над ним, значит, появилась VR научного знания. Компьютерная графика и синхронизированные компенсаторные стимуляторы стали лишь новыми техническими средствами развития традиционной для человека VR. Она задана чувственной природой языка – к любому чувственному знаку обязательно приклеивается какая-то единица интеллекта (эффект агглютинации ментального и когнитивного). Другое дело,

что на экран ментальной психики все больше и больше попадает артефактов и сокращается объем впечатлений, даваемых естественной природой. Найти оптимальный баланс виртуального и естественного в сенсорном опыте – задача современной и будущей цивилизации (рис. 4).

Если аффекты и эмоции дают состояния психики, то интеллект в союзе с сенсорной ментальностью производит акты. Выяснилось, что по отношению к предмету сенсорного пространства интеллект проявляет активность. Каков же способ активности? В самом общем плане авторы здесь указывают на типичные характеристики деятельности: динамичность, процессуальность, функциональность и т. п. К этому списку нам хотелось бы добавить такую черту, как наличие отдельных актов. Данная особенность поможет начать различение активности ума и активности психики.

Некоторое вхождение в оппозицию состояния и акта можно найти у Дж. Серля. Вера, надежда, страх, желание – все это не акты, а состояния. Акты – это то, что делается [12, с. 98]. Такое различие нам кажется весьма перспективным при соответствующем истолковании. Примеры, указанные Серлем, дают основание отнести их, за исключением веры, к области аффективной психики. Ее состояния бытийственны, они охватывают все личностное ядро сознания и слабо поддаются контролю. Другое дело – акты интеллекта, когнитивный разум находится на периферии самости и подчиняется ее внешнему контролю. Если психические состояния отличаются диффузной целостностью, где невозможны какие-то обособленные структуры, то умственные акты строятся на различных видах дискретности. Они делятся на определенные интервалы времени, имея фиксирован-

ные границы, и локализуются в определенных регионах сенсорного пространства. Если в чувственном (аффективном) состоянии индивид преимущественно пребывает бессознательно, то многие моменты акта разума осознаются. Он начинается с целевого намерения и заканчивается фиксацией результата. Все это возможно, потому что содержанием интеллекта выступают знания или многообразие вполне определенных единиц познавательной информации. Если любая когниция несет конечную порцию сведений и воплощена в фиксированные знаки, то это значит, что она ранее стала продуктом когнитивного акта и может стать компонентом новой акции интеллекта.

Итак, аффективная психика демонстрирует состояния, а интеллект – акты. А что же с ментальной психикой? Ее ролевое участие раздваивается. Эмоции и вера/сомнение выступают верхними пластами бытийной чувственности, они возникают и существуют в качестве особых состояний личности. Действительно, невозможно локализовать пребывание в вере, но можно указать на определенное верование. Последнее является уже продуктом интеллектуального акта. Что же касается сенсорных впечатлений, то они уже участвуют в делах разума. Эта ментальная чувственность образует сенсорное пространство и в качестве разнообразных знаковых конструкций выполняет языковые функции.

Почему древние мудрецы рекомендовали мыслителям учиться управлять собой и, прежде всего, обуздывать свои страсти? Великие философы древности полагали, что для познавательного мышления, ищущего истину, требуется спокойствие души. Так, по мнению Лао-цзы, чтобы Дао, хотя бы частично, вошло в познающее сердце, в

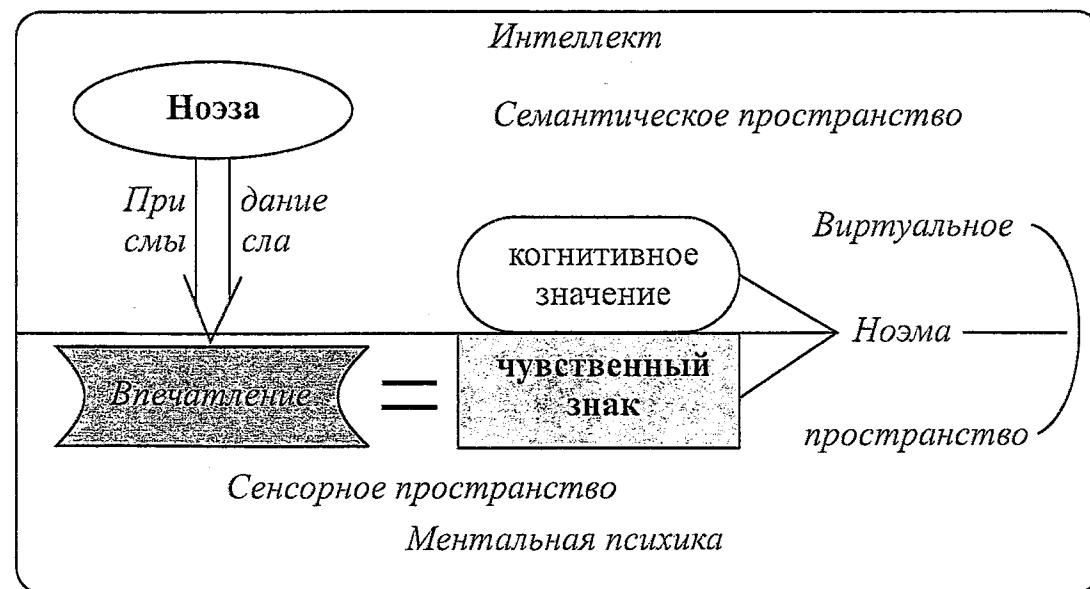

Рис. 4

нем должно установиться состояние «луна-в-воде». Представители греческой школы стоиков учили формированию «невозмутимой души», где нет сильных эмоций и господствует равновесие чувств. Некоторые современные психологи полностью отрицают такую установку из-за ее надуманности. Так, Ф. Перлз, П. Гудмен и Р. Хефферлин считают роль эмоционального опыта однозначно положительной. Эмоции являются необходимыми регуляторами энергии в жизненном поле «организм/среда» и носителями ценностной заинтересованности. Поэтому установка «владеть собой» антижизненна [13, с. 310-316].

У древних и современных авторов речь идет о принципиально разных ситуациях, последние обсуждают современные ситуации практически живущего человека, который формирует умственные гештальты для того, чтобы реализовать их в своем поведении. И здесь Перлз с коллегами прав в том плане, что в таком положении нужно не усмирять эмоции, а возбуждать их для того, чтобы мобилизовать всю энергию организма на претворение гештальта в эффективные поступки. Совершенно другое положение человека имели в виду древние философы. У них предполагается мыслитель, который отрешается от практической жизни, чтобы исполнить сложный интеллектуальный акт и получить самоценное знание («гештальт»). Здесь сильные эмоции могут стать помехой познанию (рис. 5).

Если брать типичную мыслительную ситуацию, то между психическим состоянием и актом ума возможны три общих соотношения: а) состояние препятствует акту; б) состояние нейтрально к акту; в) состояние способствует акту. Если две первые ситуации отрицательны для интеллектуальной деятельности, то последняя является оптимальной. Каковы же основные условия оптимума? Сложные умственные занятия требуют мобилизации всех сил личности, на достижение некоторой цели должны объединиться все уровни жизни: тело, аффективные потоки, ментальные состояния и интеллект. Если хотя бы один слой этой пирамиды выпадает, акт разума теряет всю необходимую опору. Допустим, у инженера-конструктора, работающего над сложным проектом, случился острый приступ радикулита, он не может сидеть за столом, но может волевым усилием организовать акты думания над проектом в кровати. Но, если

соматические сбои мыслитель может компенсировать волевым фактором, он, как правило, бессилен перед натиском стрессовых страстей. Аффективная психика непосредственно связана с телом и способна на высокоэнергетические импульсы. Эта чувственная стихия может погружать индивида в такие глубокие и вместе с тем интегральные состояния, которые исключают возникновение и развертывание сложных интеллектуальных актов. К примеру, у ученого умерла любимая жена, он потрясен горем невозполнимой утраты. Несомненно, что первые дни, недели и, может быть, месяцы после этого он не сможет как обычно вести свое исследование, драма жизни выбила его из «научного седла». Стало быть, для творчества наибольшие угрозы несет аффективная психика и именно она является главным предметом волевых усилий. Организация «собранных личности» (М. К. Мамардашвили) как раз предполагает выработку такого состояния души, чтобы выстроилась вся иерархия сил для производства разумного акта (см. рис. 6).

Понятие «когнитивность» лучше всего характеризует содержание интеллекта. Семейным смысловым сходством обладают слова-термины: интеллект – ум – рассудок – разум. Хотя понятие ментальности здесь широко практикуется, мы его оставим только для характеристики психики, тесно взаимодействующей с интеллектом («ментальная психика»). Для оценки же содержания интеллекта закрепим термин «когнитивность», такое разведение понятий снимет ненужный дубляж и придаст им специфическую определенность.

Область интеллекта весьма широка, и исследовательское внимание лучше сфокусировать на узловых вопросах: а) существует ли общий интеллект в некоторой связи со своими частичными формами; б) как внешние сигналы становятся внутренней для сознания информацией; в) каким способом наличные знания участвуют в рождении новых сведений; г) какова взаимосвязь ценностного и неценностного, вербального и невербального, осознанного и неосознанного в интеллектуальных актах? Вопрос о генеральном интеллекте возник на заре становления когнитивной психологии. Оказалось, что к интеллекту имеет прямое отношение большое множество разнообразных явлений сознания: память, вни-

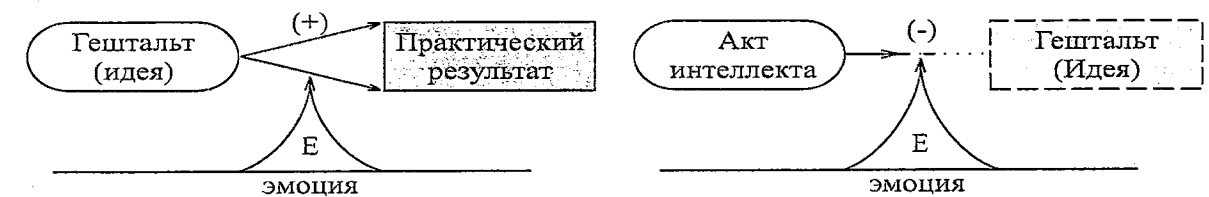

Рис. 5

мание, целеполагание, интуиция, мышление и т. п. В свою очередь, эти феномены расплываются в частных проявлениях. Можно ли весь этот калейдоскоп объединить универсальным понятием? Мнения психологов здесь разошлись по оппозиции положительного и отрицательного ответов. Мы полагаем, что тут может помочь опыт решения философской проблемы общего и единичного. Многие авторитетные мыслители прошлого весьма убедительно обосновали вывод, что всеобщее не может существовать самостоятельно, оно пребывает только в виде признаков единичных образований. Стало быть, автономного генерального интеллекта как такового нет, ибо он существует в уме каждого человека, проявляясь через многообразие специфических черт.

Интеллект способен раздваиваться на предмет и метод, и тем самым конструировать когнитивные структуры. Всеобщим свойством интеллекта можно считать производство особых структур. Этимология слова «структурировать» наводит мысль на область производства, где из некоторого сырья посредством технических инструментов изготавливают продукты с нужными свойствами. Различие лишь в том, что вместо материальных предметов разум имеет дело с сенсорной чувствительностью и идеальными образованиями знания. Этот информационный материал обладает структурными возможностями: а) свойство делиться на элементы, каждый из которых ограничен определенным знаком и специфическим значением (кодирование); б) информационный элемент способен, с одной стороны, сохранять свою знаково-смысловую форму (эффект «кристаллизации») и, с другой стороны, он таит в себе пластичность. При воздействиях извне эта единица готова изменить старую форму на новую в

Рис. 6

ходе той трансформации, которая преобразует композицию знак-значение (перекодирование). Стало быть, знание-информация обладает своеобразной двойственностью. Если в одной ситуации задаются одни требования, то когнитивное содержание выступает относительно завершенным продуктом, структура которого признается удовлетворительной. В другой ситуации ранг требований повышается, и эта же информация становится субстратным сырьем, несущим избыточную неопределенность и фрагменты беспорядочности, что ожидает структурной доработки. Различение знания на нормативный результат и предметный материал относительно, оно определяется целевыми характеристиками деятельности.

Если взять отдельную единицу информации, то она сама по себе измениться не может. Как и в любом производстве, здесь нужно иметь два компонента: сырье и орудие. Применительно к интеллекту первое назовем когнитивным предметом, второе — методом. Основное различие между ними сводится к выполнению разных функций. Предмет играет роль «что» и концентрирует в себе информацию в качестве материала, предназначенного быть той претерпевающей стороной, которой нужно придать новую конструктивную форму. Знание «что» является внутренним предметом интеллектуальной активности, его содержание ситуативно обновляется. Самыми простыми предметами выступают чувственные впечатления, задаваемые внешней средой, которым интеллект должен придать некоторые значения. Более сложными предметными образованиями становятся элементы эмпирического (обыденного или специализированного научного опыта) и теоретического знания. «Что» представлено здесь модельными конструкциями и преимущественно облечено в проблемную форму.

В отличие от предмета метод выполняет функцию «как». Он предназначен быть средством активного воздействия на знания «что» и придания им завершенной структурной формы. Хотя предмет конституируется первым и задает «коридор» возможного поиска элементов для средства, их содержание должно являть разные качественные уровни. Роль метода заключается в том, чтобы внести в субстрат предмета необходимое структурное улучшение. Это возможно лишь в том случае, если качество знаний «как» будет выше качества знаний «что». Характеристиками первых выступают фундаментальность, более высокая общность, структурная завершенность, предметная же информация должна проигрывать по данным параметрам. Другое измерение неоднозначности определяется функциональными местами. Если знания «что» играют роль пассивного предмета, лишь принимающего на себя воздействия извне, то знания «как» кон-

центрируют в себе активные усилия интеллекта, выступая орудием структурных трансформаций.

Если совместно с ментальной психикой интеллект структурирует эмпирический опыт и мышление, то аффективная психика лишь бытийственно регулирует эту активность. Как в эволюции человеческого рода, так и в индивидуальном развитии опыт имеет безусловную первичность. Познавательный опыт — это те достижения, которые человек унаследовал от животного мира и развил их. У опыта есть две детерминации: от внешней среды и от внутренних способностей индивида. Образования природы и социальной культуры воздействуют на человека и его рецепторный (ментальный) аппарат преобразует внешние стимулы в сенсорные впечатления. Последние становятся тем предметом, на который интеллект накладывает свои методы и тем самым чувственные знаки получают рациональные значения или образы. Такая двойная структура (знак — образ) присуща всем ощущениям и восприятиям как единицам опыта. В случае представления особыми чувственными знаками выступают слова и вербальные конструкции, свои значения они также получают от определенных методов интеллекта.

Жизненный опыт своеобразно сочетает в себе принудительность внешнего мира и свободную преднамеренность человека. Главное назначение опыта в том, чтобы обеспечивать своим носителям практические успехи. Если человек стал бы только реагировать на данности, он почти всегда был бы в проигрыше. Обратная картина свидетельствует о том, что опыт обеспечивает упреждающую подготовку к необходимым действиям. Объясняется это тем, что методы интеллекта действуют как предвосхищающие схемы (прототипы), они функционируют в режиме постоянной установки и готовят человека к активной встрече с типичными условиями жизни. Упреждающий эффект заключается в тех когнитивных ожиданиях, которые исходят от антиципирующих образов-схем опыта.

Когда появляются ожидаемые обстоятельства, то индивид демонстрирует готовность действия (план, программа и т. п.), что и дает ему нужные результаты. Эксперименты отечественных исследователей (Е. А. Сергиенко) выявили уже у трехнедельных младенцев поведение, направляемое антиципирующими схемами. Так, младенцы предвосхищают непрерывное движение объектов, стало быть, знают их постоянство и пространственную протяженность. К двум-трем месяцам дети осваивают гравитацию и причинность, в шесть месяцев они своими движениями учитывают закон инерции. При этом антиципирующие восприятия опережают моторику действий. Данный вывод опровергает кардинальные идеи Ж. Пиаже и А. Н. Леонтьева об изначальности

«моторного интеллекта». И так, в эмпирических актах опыта методы действуют как устойчивые установки, дающие определенные ожидания. Когда внешняя среда задает актуальный предмет, установка на него срабатывает и ощущение/восприятие подтверждают ожидаемое. Такое совпадение протекает быстро, почти мгновенно, и это отсутствие временной паузы создает эффект бездумности и автоматизма. Но вот наше ожидание не сбылось, и мы сталкиваемся с новым явлением. Это означает, что налицо проблемная ситуация, где практические действия парализуются и в этой паузе начинается мышление. Здесь интеллект вынужден производить другие акты, которых не было в опыте.

Прежде всего, разум оценивает ситуацию как проблемную и выявляет главные условия затруднения. Если это связано с появлением неожиданного факта, то соответственно формируется эмпирическая задача и её репрезентация может ограничиваться чувственными впечатлениями. Кроме того, интеллект может проявить инициативу и найти между разными продуктами опыта отсутствие связи, что приведёт его к постановке теоретической проблемы, включая её словесную формулировку. Все эти совместные действия интеллекта и ментальной психики составляют акт проблематизации.

Если в опыте на каждую типичную ситуацию имеется постоянный метод, то мышление демонстрирует высокую динамику своих методов. И это объясняется тем, что любая проблема выступает новым предметом, требующим и соответствующего когнитивного средства. Поиск и подбор нужного метода является самым сложным актом любого мышления. Если взять науку, то здесь он получил название «процесс гипотезирования». Когда метод подобран (произведен), начинается инструментальный этап, где метод применяется к проблеме и трансформирует её в искомый результат. Процедура его проверки и обоснования считается завершающим актом мышления.

Решающая роль интеллекта в мышлении очевидна, психические факторы здесь лишь дополняют и сопровождают действие знаний. Когда произведена рациональная оценка наличных образов и обнаружено какое-то отклонение от нормы связности, то здесь может появиться состояние удивления. Такая эмоция выражает реакцию психики на рациональное рассогласование, но она не может подменить оценку разума. Поиск метода также сопровождается некоторыми переживаниями, встроенными в процессы воображения и фантазии. Но если исследователь и признает наличие «чувства полета», «игры образов» и т. п., все эти модальности вызваны переживанием необычной, увлекательной и весьма свободной игры ума. И, наконец, общепризнанной стала ситуация инсайта, где творец переживает эк-

статические чувства по поводу совершенного открытия. Типичный пример: Архимед без одежды и с криком «эврика» бежит во дворец царя Гиерона. И здесь ясно, что сначала происходит рациональное открытие и уже потом наступает радость в форме аффекта.

Итак, можно сформулировать выводы: 1) граница между интеллектом и психикой пролегла по водоразделу «рациональное – чувственное», где первое покрывает все формы знания, а второе включает все переживания; 2) в психике следует выделять два разных пласта: аффективную и ментальную чувственность. Если первая состоит из всех бытийственных состояний (воля и т. п.), сильных (аффекты) и слабых переживаний (эмоции), то ментальную психику образуют сенсорная чувственность, состояния веры и сомнения; 3) аффективная психика представляет бытийственную самость личности и тем самым осуществляет внешний контроль над работой интеллекта. Не мысли владеют нами, а мы решаем, когда нам следует думать и познавать; 4) если психика даёт нам жизненные состояния, то интеллект производит познавательные акты по сквозной технологии, где знания структурируются в виде предмета, метода и результата; 5) работа интеллекта предполагает его тесную связь с ментальной психикой, что и демонстрирует эмпирический опыт. Сенсорные впечатления являются тот предмет, который обрабатывается методами интеллекта и, получая рациональные значения, превращается в ощущения и восприятия. Если ментальность предъявляет словесные знаки, то они получают смыслы также от когнитивных ресурсов интеллекта; 6) ментальная психика влияет на познание своими состояниями веры и сомнения. В эмпирическом опыте господствует вера, она закрепляет методы в виде постоянно действующих установок. В мышлении же действует циклическая смена: проблематизация протекает на основе сомнения, выбор метода сочетает

веру и сомнение, применение метода к проблеме сопряжено с верой, оценка результата колеблется между верой и сомнением, но заканчивается когнитивной уверенностью.

Итак, психика и интеллект суть различные образования, влияющие друг на друга из разных топосов организации человеческой личности.

Примечания

1. Шилков, Ю. М. Гносеологические основы мыслительной деятельности [Текст] / Ю. М. Шилков. СПб., 1992.
2. Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию [Текст] / У. Эко. СПб., 1998.
3. Heidegger, M. Was heist Denken? [Text] / M. Heidegger. Tübingen, 1961.
4. Роды, Фр. Жизненные корни гуманитарных наук [Текст] / Фр. Роды // Герменевтика. Психология. История. Вильгельм Дильтей и современная философия. М., 2002.
5. Мамардашвили, М. К. Проблема мира [Текст] / М. К. Мамардашвили // Мамардашвили М. К. Мой опыт нетипичен. СПб., 2000.
6. Мамардашвили, М. К. Классический и неклассический идеал рациональности [Текст] / М. К. Мамардашвили // Мамардашвили М. К. Мой опыт нетипичен. СПб., 2000.
7. Юнг, К. Г. Тэвистокские лекции. Аналитическая психология: ее теория и практика [Текст] / К. Г. Юнг. Киев, 1995.
8. Холодная, М. А. Психология интеллекта: парадоксы исследований [Текст] / М. А. Холодная. СПб., 2002.
9. Бюлер, К. Теория языка. Репрезентативная функция языка [Текст] / К. Бюлер. М., 2000.
10. Brentano, F. Психология с эмпирической точки зрения [Текст] / Ф. Brentano // Brentano F. Избранные работы. М., 1996.
11. Гуссерль, Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии [Текст] / Э. Гуссерль. Т. 1. М., 1999.
12. Серль, Дж. Природа интенциональных состояний [Текст] / Дж. Серль // Философия, логика, язык. М., 1987.
13. Перлз, Фр. С. Практикум по гештальттерапии [Текст] / Фр. С. Перлз, П. Гудмен, Р. Хефферлин // Перлз Фр. С. Внутри и вне помойного ядра. СПб., 1995.

ИСТОРИЯ

А. А. Костин

ПОЗИЦИЯ АМЕРИКАНСКОЙ ДИПЛОМАТИИ ПО ПРОБЛЕМЕ ИСТРИИ-ТРИЕСТА НА ПЕРВОЙ СЕССИИ ПАРИЖСКОГО ЗАСЕДАНИЯ СМИД (25 АПРЕЛЯ – 16 МАЯ 1946 г.)

В статье исследуется роль Соединённых Штатов в урегулировании итало-югославского территориального спора в конце 1945 г. – первой половине 1946 г. Рассматривается содержание переговоров глав внешнеполитических ведомств США, СССР, Великобритании и Франции по вопросу принадлежности Триеста. Показаны позиции госсекретаря Дж. Бирнса, чиновников государственного департамента и президента Г. Трумэна. Выявляется влияние этой проблемы на дальнейшее развитие американо-советских отношений.

В ходе завершения второй мировой войны Вашингтон столкнулся с односторонними действиями Москвы в освобождаемых советскими войсками государствах Центральной и Юго-Восточной Европы. Специалист Государственного департамента по Советскому Союзу, в 1945–1946 гг. специальный помощник государственного секретаря по связям с Белым домом Чарльз Болен писал: «В те дни советская сторона постоянно подчеркивала необходимость длительной дружбы между нашими двумя странами, утверждая, что нет ни одной причины, по которой мы не могли бы сотрудничать. Проблема, о которой некоторые из нас предупреждали в течение войны, заключалась в том, что большевики хотели большего, нежели разумная защита их границ; они хотели расширить свой контроль на Средиземноморье и Европу» [1]. Для Соединённых Штатов становилась очевидной необходимостью сдерживания распространения влияния СССР. Это, в свою очередь, требовало полного исключения любого советского проникновения в страны, освобождённые от фашизма англо-американскими войсками. Одним из таких государств являлась Италия, желавшая добиться минимального количества репараций и максимального размера восстановленных сил, а также сохранить свои колонии и довоенную границу с Югославией. Наиболее важным из этих вопросов Государственный

департамент считал сохранение в руках Италии её провинции Венеция-Джулия [2].

Эта провинция охватывала территорию между долиной реки По и дунайским бассейном. Её сердцевиной являлся выступающий в Адриатическое море полуостров Истрия, на котором находятся крупные портовые города Триест и Риека (Фиуме), связывающие Европу со средиземноморскими коммуникациями, а также Словенское Приморье. Истрия является естественным перекрестком, соединяющим Италию, Балканы и центральную Европу. В отечественной историографии из-за советско-югославского разрыва 1948 г. проблема Истрии-Триеста рассматривалась незаслуженно мало [3]. Отдельного исследования американской позиции в ходе послевоенного пограничного разграничения между Югославией и Италией нет, между тем рассмотрение данного вопроса является неотъемлемым для изучения истоков «холодной войны».

В ходе освобождения полуострова большую часть его территории заняли части Народно-освободительной армии Югославии, соединившиеся с войсками западных союзников в Триесте, находящемся на западе Истрии. Успех оккупировать почти всю Юлийскую Крайну, как югославы называли полуостров, новое белградское правительство, образованное лидером партизанской армии и компартии Югославии И. Броз Тито, потребовало передачи Истрии вместе с Триестом югославскому государству. Это требование, поддержанное Советским Союзом, в большей степени было справедливым, так как славянское население полуострова значительно преобладало над итальянским. Исключение составлял лишь город Триест. Кроме того, в составе Италии Истрия находилась лишь с 1920 г., когда под давлением союзников по Антанте была отдана Королевством сербов, хорватов и словенцев (Югославией) по Рапальскому договору как плата за итальянское участие в войне против Германии и Австро-Венгрии.

Во время освобождения полуострова от немецких войск в мае 1945 г. проблема Истрии-Триеста достигла пика своей остроты: велика была возможность вооружённых столкновений между англо-американскими и югославскими войсками, являвшимися союзниками по антигитлеровской коалиции. 20 июля начальнику штаба союзных войск в Италии генералу Моргану и югославскому генералу Ивановичу удалось заключить соглашение,

КОСТИН Алексей Александрович – кандидат исторических наук, доцент по кафедре всеобщей истории ВятГУ
© А. А. Костин, 2004

по которому была определена линия демаркации между зоной, оккупированной англо-американскими войсками, и зоной, контролируемой югославами. Эта так называемая линия Моргана носила временный характер, государственное разграничение должно было произойти в ходе подписания мирного договора с Италией.

В соответствии с решением Потсдамской конференции подготовка текста мирного договора с Италией была возложена на Совет министров иностранных дел. По признанию государственного секретаря Джеймса Бирнса, во время работы СМИА «самые тяжёлые моменты были связаны с обсуждением итальянских вопросов» [4]. Советская сторона требовала от Италии передачи Югославии всей области Венеция – Джулия, включая город Триест вместе с портом, совместной италийно-советской опеки Триполитании, и, кроме того, выплаты 100 миллионов долларов репараций Советскому Союзу и 200 миллионов Югославии, Греции и Албании [5]. Тем самым Москва увязывала решение триестской проблемы с двумя другими требованиями, ущемлявшими интересы не только Италии, но и США.

Очевидно, что расчёт Москвы строился на специальном завышении претензий к итальянской стороне, чтобы затем в ходе взаимных уступок вынудить итальянскую делегацию и стоявшую за ней американскую согласиться на передачу Триеста Югославии. Требование 100 миллионов долларов репараций вызвало негодование государственного секретаря. Соединенные Штаты уже потратили значительные деньги для предотвращения голода в Италии и не могли согласиться с тем, чтобы итальянское правительство передало Москве столь необходимые для восстановления страны различные оборудование, зарубежные активы и товарные поставки в качестве репараций.

Государственный департамент полагал, что территория должна была быть разделена по так называемой «линии Вильсона», границе, предложенной в 1919 г. американским президентом на основе расселения итальянцев, словенцев и хорватов. В Вильсон определял Триест итальянским городом, Риека должна была стать свободным городом, в то время как Задар являлся бы автономной частью Югославии. Сама Италия не имела в Венеции-Джулии ни одного военного подразделения и для защиты своих интересов целиком полагалась на британские и американские оккупационные войска, добываясь как минимум сохранения за собой Триеста с окружающей его областью [6].

На Лондонском заседании СМИА (11 сентября – 2 октября 1945 г.) никакого соглашения достичь не удалось, было лишь принято решение назначить специальный комитет для исследования вопроса на месте. СМИА оказался способ-

ным согласиться только на то, что до урегулирования вопроса Триест должен оставаться свободным портом, а итало-югославская граница должна соответствовать «в первую очередь этнической границе, оставляя минимум населения под иностранным правлением» [7].

Для более плодотворного обсуждения проблемы Бирнс предложил отправить комиссию экспертов от четырех участников СМИА, чтобы каждый из них рекомендовал линию границы, которую сочтёт лучше всего соответствующей этническому принципу, учитывая также географические и экономические факторы. Другие министры согласились, хотя В. М. Молотов настаивал, чтобы эксперты исследовали не всю Истрию, а только западную часть полуострова, но, не встретив поддержки, уступил точке зрения большинства.

В январе 1946 г. заместители министров иностранных дел определили состав комиссии экспертов. Американским представителем был выбран профессор Колумбийского университета доктор Филипп Мозли, который являлся специалистом по России и, кроме того, говорил на сербохорватском в отличие от не знавшего этого языка советского представителя. С начала марта до начала апреля 1946 г. четыре эксперта путешествовали всюду по Истрии, опрашивая местное население. Они проверяли статистику, насколько это было возможно. К востоку от линии Моргана комиссия засвидетельствовала югославские демонстрации, требовавшие передачи Истрии Югославии.

По возвращении комиссия представила министрам достаточно объективный отчёт, свидетельствующий, что население Триеста хочет, чтобы город был частью Италии. Советский представитель согласился с большинством. Болен объясняет это тем, что тот либо не мог противоречить неопровержимой природе очевидности, либо был ужасно плохо проинструктирован. Как бы то ни было, Молотов осудил отчёт комиссии, заявив, что она не имела никакого права давать рекомендации министрам иностранных дел, которые должны самостоятельно принимать решения. Он сказал, что комиссию послали к Триесту, чтобы получить факты, а не делать какие-либо выводы [8]. В результате после месяца исследований этнической принадлежности полуострова и сотен интервью местного населения СМИА не смог прийти к единому мнению. Единственным изменением были уточнение предложенных сторонами вариантов границы и знание волеизъявления населения спорной территории.

Российская линия проходила много западнее других, давая Югославии не только всю Венецию-Джулию, включая Триест и Горицию, но также и итальянские города Тарвизио, Чивидале, Монфальконе и Читтанова (Cittanova) [9]. Американская, английская и французская линии совпали

примерно на севере, где они следовали старой границе, существовавшей до первой мировой войны между Италией и Австро-Венгрией. Все три линии отдавали Италии не только вышеназванные четыре итальянских города, которые русские предоставили бы Югославии, но также Горицию и Триест. На юге линии расходились. Французская линия следовала за рекой Квито (Quieto) к морю, таким образом предоставляя Югославии юго-западную часть Истрии вместе с городами Паренцо (Parenzo), Пула и Альбона (Albona). Английская линия отдавала юго-западную часть полуострова Италии, включая Пулу и Паренцо. Американская линия на юге проходила восточнее остальных, отдавая Италии юго-восток Истрии вместе с городом Альбона и угольными шахтами Арса (Arsa).

Исходя из данных этнического расселения, советская рекомендация отдавала Югославии почти полмиллиона итальянцев, Италия югославского населения не получала. Американский проект дал бы Белграду приблизительно 50 000 итальянцев, а Риму более 150 000 югославов. Английский вариант соотношения незначительно отличался от американского в пользу югославского государства. Этнически французская линия была более всего сбалансирована: Югославия получила бы 130 000 итальянцев, Италия – 115 000 югославов. Все эти числа являются приблизительными [10].

На первой сессии Парижского заседания СМИА, проходившей 25 апреля – 16 мая 1946 г., советская сторона, как и прежде, выступила за предоставление почти всей территории полуострова, включая Триест, Югославии. Молотов утверждал, что Триест экономически и исторически является частью Югославии, а итальянцы среди населения города представляют лишь небольшой анклав. Подобный исход приводил к тому, что итальянское население Истрии оказалось бы в коммунистической стране, в то время как ни один югослав не попал бы в Италию. Американское предложение находилось на противоположном конце спектра. Оно подразумевало передачу большей части территории Италии, отдавая многочисленное югославское население под итальянское управление. Британское решение было подобно американскому, французская рекомендация представляла собой компромисс между англо-американской и советской линиями [11].

После того как Совет выслушал требования югославского вице-президента Э. Карделя и итальянского премьер-министра А. Де Гаспери, Молотов в начале мая снова поддержал югославские требования, утверждая, что Триест в итальянских руках в случае повторения фашизации Италии будет служить плацдармом для итальянской агрессии в Истрию. Советский министр подытожил: лишить Югославию Триеста было бы несправед-

ливым наказанием. В ответ Бирнс заметил, что наказанием будет являться передача югославам области с населением больше чем 300 000 человек, которой они прежде никогда не обладали. Госсекретарь предложил СМИА пойти на компромисс, приняв французскую линию. Молотов отказался принять это предложение.

Не видя иного выхода, 2 мая французский представитель Бидо предложил попытаться достичь соглашения путём неофициальных встреч между министрами. Это была одна из немногих идей, на которые Молотов, Бирнс и Бевин могли согласиться. Однако неофициальные переговоры всего лишь дублировали формальные. Разногласия по вопросам границ, репараций и колоний преодолеть не удалось, и тон обсуждений стал более зловещим. Молотов многозначительно заявил своим коллегам, что «Советский Союз устоит на ногах независимо от того, получит он сто миллионов долларов репараций или нет», но никакого соглашения по итало-югославской границе «не может быть достигнуто без ясного решения вопроса репараций». Возмущенный Бирнс объявил, что Соединенные Штаты «не собираются этого делать, поскольку, помогая разрушенным войной государствам, и так уже выплачивают сотни миллионов долларов в счёт репараций других». Бевин ответил ещё более прямолинейно, сказав, что если Молотов подразумевает, что итальянское соглашение стоит 100 миллионов долларов, тогда вообще «никакого соглашения не будет» [12].

Заметив, что «более точное определение вне человеческих возможностей», Бидо указал, что французская линия границы хотя и не совершенна, но лучше других отражает этническое расселение на полуострове. Все другие министры согласились с его точкой зрения, но признать французскую линию отказались, сославшись на наличие других критериев разграничения, помимо этнического. Молотов требовал устранить «историческую несправедливость по отношению к югославам». Мало того, что Югославия заслужила Триест своим вкладом в борьбу с нацизмом, но также, по словам советского представителя, не имело смысла в экономическом отношении разъединять город со всей остальной областью. При этом Молотов недвусмысленно задался вопросом, нет ли возможности пойти навстречу и пожеланиям Югославии по вопросу о Триесте и пожеланиям Италии по вопросам колоний и репараций. Намёк был понятен. Уступчивость западных партнёров стимулировалась просто: советское согласие на сокращение размеров итальянских репараций и сохранение за Италией её колоний в обмен на Триест.

В ходе частной беседы советский посол во Франции А. Е. Богомолов сказал Болену по-дру-

жески: «Я не понимаю вас американцев. Вы, как принято считать, являетесь самыми умелыми торговцами в мире, но при всём этом не готовы заработать на Триесте». В ответ советский дипломат услышал только одно: «Соединенные Штаты не торгуют судьбами людей» [13].

Вряд ли слова заместителя государственного секретаря можно считать искренними. По его собственному признанию, он ответил «несколько пафосно» [14]. Либо судьба итальянского народа была в представлении Болена важнее судьбы хорватов и словенцев, либо гарантом счастливого будущего всех народов Истрийского полуострова было следование их развития американскому, а не советскому курсу. Последнее было возможно только в случае передачи как можно большей части полуострова под итальянское управление. Скорее всего, как и других американских дипломатов, его волновали не судьбы народов, а недопущение распространения советского влияния на геополитически важный район. По мнению американских историков, для Государственного департамента критерий этнической принадлежности дополнялся экономическими соображениями. Соединенные Штаты полагали, что предложенная ими граница основана на разумном этническом распределении и оставляет Италии некоторые ценные активы, включая жизненно важные угольные шахты [15].

В таких условиях, пытаясь найти компромисс между советской и американской линиями, Бирнс предложил СМВД провести в Истрии плебисцит и дать населению полуострова возможность самому решить, в какой стране им жить. Как та или иная область проголосует, так и распределить итальянское и югославское управление. Молотов возразил, что результат может оказаться «очень причудливым» — эффект шахматной доски, не обеспечивающий никакого политического или экономического единства. Бевин и Бидо также не поддержали идею госсекретаря, опасаясь, что югославские коммунисты могут управлять выборами и сфальсифицировать результаты, неблагоприятные для Италии.

Советский министр соглашался на плебисцит только в случае его проведения на территории всей провинции Венеция-Джулия и решения судьбы всего региона в целом, а не каждой области по отдельности. Молотов не забыл напомнить американскому коллеге о своём предложении: если бы Истрию с Триестом можно было отдать Югославии, для СССР было бы «возможно занять более благоприятное отношение к желаниям Италии в отношении колоний и репараций». Глава советской делегации объяснил, что Советский Союз разрешит Италии быть единственным опекуном одной или двух её прежних колоний [16] и потребует только «чрезмерно скромные»

100 миллионов долларов репараций. Югославия, гарантировал Молотов, откажется от своих требований против её соседа взамен Триеста. Бирнс категорично отклонил это предложение [17].

В сложившейся ситуации глава Государственного департамента попытался договориться с советским министром лично. 5 мая 1946 г. госсекретарь Дж. Бирнс, его советник Б. Коэн и помощник Ч. Болен были приглашены на обед в советское посольство в Париже. С советской стороны помимо Молотова присутствовали его заместитель А. Я. Вышинский и сотрудник центрального аппарата НКВД В. Н. Павлов. Состоявшаяся беседа проходила на высоких тонах и началась с обсуждения выступления У. Черчилля в Фултоне.

Во время этой частной встречи Бирнс предложил поручить экспертам наметить новую линию границы Юлийской Краины так, чтобы она прошла между линиями, предложенными англичанами и французами, причем возможно ближе к французской линии. При этом он дал понять, что он готов принять линию Morgana. По мысли Бирнса, эта новая линия, намеченная экспертами, должна быть утверждена министрами в качестве временной границы между Югославией и Италией и оставаться в силе в течение года. Окончательное решение о границе между Италией и Югославией должно быть принято Генеральной Ассамблеей Объединенных Наций, которая разработает рекомендации о том, чтобы новая граница была признана обязательной для обеих сторон.

Молотов ответил, что, по его мнению, для решения этого вопроса можно избрать один из двух путей: или провести референдум во всей Юлийской Краине, или сейчас решить вопрос о Триесте в пользу Югославии, пойдя навстречу Италии в других вопросах, включая вопрос о колониях и репарациях. Если будет принято решение передать Триест Югославии, то всё будет ясно, и другие вопросы, относящиеся к мирному договору с Италией, будет решить нетрудно. Италии можно было бы передать под опеку что-либо из её бывших колоний, признав, что Югославия могла бы, получив Триест, сократить свои репарационные претензии к Италии или вовсе отказаться от них. Временное же решение, предложенное американским госсекретарём, по словам советского министра, будет только разжигать страсти между югославами и итальянцами, а передача Италии окруженного со всех сторон югославскими территориями Триеста будет занозой в теле Югославии. Молотов снова повторил Бирнсу аргументы в пользу передачи Триеста Югославии, указав, как пример решения аналогичного вопроса, на Львов и на обмен населением между СССР и Польшей при решении вопроса о советско-польской границе.

В ответ Бирнс заявил, что он никак не может согласиться на передачу Югославии Триеста, в котором 3/4 населения составляют итальянцы. Он предложил вынудить Италию отказаться от него в пользу СССР, США, Англии и Франции, которые будут держать город в своих руках в течение года. Если четыре державы в этот срок не договорятся, то передадут Триест в ведение Совета по опеке ООН. Таким образом, государственный секретарь советовал ограничиться пока принятием вышеизложенных временных решений и перейти к рассмотрению мирных договоров с остальными странами.

Молотов заметил, что министры приехали в Париж не для принятия временных решений, а для подготовки мирных договоров, и что временное решение по итало-югославской границе будет представлять собой рану. Молотов упрекнул Бирнса в том, что своими предложениями США не содействуют урегулированию вопросов договора с Италией, и перешёл к оценке всей внешней политики США. Завязалась словесная дуэль двух министров, обвинявших государство своего соперника в стремлении к мировой гегемонии. В диалог вмешался Вышинский, упомянув американскую интервенцию в Сибири в 1919 г. Это переполнило чашу терпения Бирнса. Государственный секретарь поспешил закончить неконструктивный разговор и вскоре покинул советское посольство [18].

Джеймс Бирнс всё больше убеждался, что достичь какого-либо согласованного решения не удастся и пришло время заканчивать сессию. Имея согласие президента Г. Трумэна, в условиях отсутствия какого-либо прогресса в решении этого и других вопросов американский дипломат предложил отложить все дела до мирной конференции, созвать которую планировалось в середине июня, а пока забыть разногласия и торжественно встретить первую годовщину Дня Победы. За это время, по мнению госсекретаря, заместители иностранных дел могли продолжить согласование некоторых пунктов [19]. Расчёт главы Госдепартамента строился на передаче решения судьбы Триеста в руки 21 государства. На Парижской мирной конференции численное соотношение сторонников американского курса и последователей советской политики было не в пользу последних. Такое превосходство должно было, по мысли Бирнса, дать Соединённым Штатам возможность сохранить Триест за Италией.

Кроме того, уже в первые месяцы 1946 г. под давлением своих английских коллег аналитики Государственного департамента стали склоняться к признанию того, что время работает на Москву. Это подтверждалось целым потоком информации от американских дипломатов в освобождённых советскими войсками странах, свидетельствовавшей об активной деятельности Кремля по советиза-

ции этой части Европы. Вывод напрашивался сам собой: чем дольше откладывается заключение мирных договоров с Италией, Венгрией, Румынией и Болгарией, тем лучше коммунистическое влияние будет укреплено. В деле Италии это в первую очередь касалось Истрии, в основном оккупированной югославскими войсками.

В отличие от Великобритании Соединенные Штаты были намерены принять ряд советских предложений, надеясь для сохранения некоторого своего влияния использовать экономические пункты соглашений. Вашингтон надеялся замедлить включение Восточной Европы в советскую систему утверждением принципов свободой торговли и навигации. Такие пункты, по мнению Государственного департамента, могли бы гарантировать, что к экономическому проникновению западных компаний восточноевропейские государства отнесутся так же, как к советскому проникновению. Англичане относились к такой уверенности скептически, считая, что американцы слишком преувеличивают возможные результаты. Американское намерение, по их мнению, было проявлением «необоснованного оптимизма» [20].

На заседании СМВД французский и британский коллеги согласились с предложением американского госсекретаря перенести дела на Парижскую конференцию, но Молотов заметил, что согласно Московскому соглашению никакая мирная конференция не может быть проведена, пока министры иностранных дел не достигнут согласия по основным проблемам. Бирнс расценил заявление Молотова как намеренное затягивание заседаний Совета министров для того, чтобы на неопределённый срок оттянуть начало Парижской конференции. Целую неделю главы внешнеполитических ведомств четырёх держав безрезультатно пытались наметить решение «основных проблем». Наконец, 16 мая было решено прервать работу на месяц и вернуться в Париж 15 июня.

Вернувшись в США, Бирнс выступил с заявлением по радио. По признанию государственного секретаря, он попытался отбросить пессимистические настроения и продемонстрировать решимость политики Вашингтона. Сказав, что «достижение мира между народами является длительным, трудным процессом, требующим терпения и твердости», Бирнс добавил, что, если мирную конференцию не удастся созвать этим летом, США будут добиваться своего через Генеральную Ассамблею ООН. Глава Госдепартамента призывал «бороться за мир с такой же силой, как во время войны. Нет такого железного занавеса, через который чувства всего человечества не смогли бы проникнуть». Это выступление оскорбило Молотова, который в ответ заявил в Москве, что Америка стремится к мировому господству и подстрекает к войне против СССР [21].

После прекращения первой сессии Парижского заседания СМИА Триест стал болезненно острой темой в без того напряжённых отношениях между Западом и Москвой. Виною тому явилось начало кровавых столкновений между итальянскими и славянскими националистами, местами вылившихся в настоящие уличные бои. Это породило быстро распространявшиеся слухи о том, что обе стороны планировали военный переворот. 20 мая боевой корабль «Fargo», самое крупное судно военно-морского флота США в Средиземном море, пришвартовался в гавани Триеста. Еженедельник «Newsweek» заключил, что «батарея шестидюймовых корабельных орудий молчаливо подчеркнула твёрдое намерение государственного секретаря Джеймса Бирнса и министра иностранных дел Эрнста Бевина защитить подавляющее итальянское большинство населения города от друга России маршала Тито» [22].

По словам сенатора Артура Ванденберга, проблема Триеста таила в себе «настоящий фейерверк» [23]. Для Соединённых Штатов эта проблема рассматривалась в русле интересов Италии, а не Югославии. Американские должностные лица понимали всю полноту негативных последствий в случае ослабления в экономическом или в военном отношении своего «потенциального партнёра на юге Европы и в Средиземноморье», коим в условиях становления просоветских режимов в юго-восточных государствах становился бывший союзник нацистской Германии. Италия должна была остаться в пределах западной сферы. Это требовало поддержки со стороны США итальянского стремления сохранить Триест за собой.

Чарльз Болен объяснял позицию США так: «Мы поддерживали Италию, потому что понимали, что город должен находиться под суверенитетом той страны, к которой по национальному составу относится большинство его жителей. Несмотря на газетные сообщения, было немного свидетельств тому, что политическое давление американцев итальянского происхождения играло роль в этом вопросе. Такое давление могло быть, но тот факт, что Тито тогда был заодно с Советским Союзом, и определил нашу поддержку Италии» [24]. Таким образом, для Соединённых Штатов определение принадлежности Триеста означало не столько разрешение итало-югославского пограничного спора, сколько ограничение пределов советского влияния. Как и во время Триестского кризиса мая 1945 г. [25], США в очередной раз подкрепили дипломатическое воздействие угрозой применения военной силы. Демонстрация военной мощи достигла поставленной цели. Последующие сессии СМИА и ход Парижской мирной конференции показали, что СССР был вынужден учитывать тот факт, что американская дипломатия никогда не согласится на передачу Триеста Югославии.

Примечания

1. *Bohlen, C. E.* Witness to History, 1929 – 1969 [Text] / С. Е. Bohlen. N.Y., 1973. P. 254.
2. *Rabel, R. G.* Between East and West: Trieste, the United States, and the Cold War, 1941-1954 [Text] / R. G. Roberto. Durham, 1988. P. 1-17, 26-51; Gormly, James L. Collapse of the Grand Alliance, 1945-1948 [Text] / James L. Gormly. Baton Rouge; L., 1987. P. 34-36.
3. *Аникеев, А. С.* Югославия в европейской политике Великих держав в годы «холодной войны» (конец 40-х – начало 50-х) [Текст] / А. С. Аникеев // Славяноведение. 1992. № 5. С. 70-82; Виноградов, А. Великие державы и мирное урегулирование с Италией. 1945-1947 гг. [Текст] / А. Виноградов // Вопросы истории. 1989. № 7. С. 60-72; Гибианский, А. Я. К истории Триестского кризиса 1945 г. [Текст] / А. Я. Гибианский // Славяне и Россия. М., 1972. С. 289-296; Гибианский, А. Я. Советский Союз и новая Югославия. 1941-1947 гг. [Текст] / А. Я. Гибианский. М., 1987; Гибианский А. Я. Триестский вопрос в конце второй мировой войны (1944 – 1945 гг.) [Текст] / А. Я. Гибианский // Славяноведение. 2001. № 3. С. 3-26; № 4. С. 5-32; История дипломатии. Т. IV [Текст]. М., 1975; Международные отношения после второй мировой войны. Т. II [Текст]. М., 1963; Протопопов, А. С. Внешняя политика Италии после Второй мировой войны. [Текст] / А. С. Протопопов. М., 1963; Тахненко, Г. 50 лет назад заключен мирный договор с Италией [Текст] / Г. Тахненко // Международная жизнь. 1996. № 10. С. 86-93; и др.
4. *Byrnes, J. F.* All in One Lifetime [Text] / J. F. Byrnes. N.Y., 1958. P. 358.
5. Советско-американские отношения. 1945-1948 [Текст] / под ред. Г. Н. Севостьянова. М., 2004. С. 206.
6. Foreign Relation of United States: Diplomatic Papers. [Далее – FRUS] 1945. [Text]. Vol. IV: Europe. Washington, 1968. P. 1034-1057; Gormly, James L. From Potsdam to the Cold War: Big Three Diplomacy, 1945 – 1947 [Text] / James L. Gormly. Wilmington, 1990. P. 73-75.
7. *Wolff, R. L.* The Balkans In Our Time [Text] / R. L. Wolff. Cambridge, 1956. P. 307.
8. *Bohlen, Cb.* Op. cit. P. 253-254.
9. Здесь и далее в скобках даны географические названия, современное название которых на русском языке установить не удалось.
10. *Wolff, R.* Op. cit. P. 308-309.
11. FRUS. 1946. Vol. II: The Council of Foreign Ministers. Washington, 1972. P. 149-153, 178-184, 207-208; Ward, Patricia D. The Threat of Peace: James F. Byrnes and the Council of Foreign Ministers. P. 92-94.
12. FRUS. 1946. Vol. II. P. 215-222.
13. *Bohlen, Cb.* Op. cit. P. 254.
14. Ibid.
15. *Rabel, R.* Op. cit. P. 85-95; Gormly, J. Op. cit. P. 137.
16. Официально советская делегация требовала для итальянских колоний совместной опеки Италии с одним из союзных государств. См.: Советско-американские отношения. 1945-1948. С. 227.
17. FRUS. 1946. Vol. II. P. 225-235, 237-245.
18. Советско-американские отношения. 1945 – 1948. С. 223-226; FRUS. 1946. Vol. II. P. 247-249; Ward, P. Op. cit. P. 95-96.
19. *Byrnes, J. F.* Op. cit. P. 358-359.
20. *Gormly, J.* Op. cit. P. 138.

21. *Byrnes, J. F.* Op. cit. P. 359.
22. *Newsweek.* 1946. May, 20. P. 40-41, July, 8. P. 34, July, 15. P. 40; FRUS. 1946. Vol. II. P. 506-7; Rabel, R. Op. cit. P. 90-91; Bogdan C. Novak. Trieste, 1941-1954: The Ethnic, Political, and Ideological Struggle. Chicago, 1970. P. 252-57; Gormly, J. Op. cit. P. 155.
23. *Gormly, J.* Op. cit. P. 136.
24. *Bohlen, Cb.* Op. cit. P. 253.
25. Подробнее см.: Юнгблюд, В. Т. Политика США в Югославии в 1941-1945 гг. [Текст] / В. Т. Юнгблюд, А. А. Костин. Киров, 2004. Гл. V.

Ю. М. Кузьмин

ФОРМИРОВАНИЕ ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматривается ситуация в партийно-политической сфере стран западноевропейского региона после второй мировой войны. Автор анализирует программные установки ведущих партий, указывает их место в партийно-политическом спектре XX в. Особое внимание уделяется положению в двух странах – ФРГ и Франции. В заключение отмечается, что большим влиянием среди населения пользовались партии, выступающие за реформирование по образцу президента США Ф. Рузвельта и к концу XX в. большинство стран Западной Европы, пройдя различные варианты формирования партийно-политической системы, пришли к двум ее разновидностям: американской и английской.

Вторая мировая война внесла серьезные изменения в партийно-политическую систему стран этого региона. В первую очередь это касается тех государств, в которых в 1920-1930-е гг. были установлены авторитарные и тоталитарные режимы, а также государств, которые в годы войны были оккупированы.

Традиционно политические партии распределяются по следующей шкале: правые, центристские и левые (на флангах также выделяют крайне правые и крайне левые, а в центре – право- и левоцентристские партии).

Определяющими факторами этого распределения являются следующие:

1. Каким образом конкретная политическая партия относится к государственной власти.
2. Как она понимает функции государства.
3. Каковы ее концепции экономического развития страны, а именно взгляд на институт частной собственности и на налоговую политику.
4. Какое внимание она уделяет социальным проблемам и как видит пути и методы их решения.

КУЗЬМИН Юрий Михайлович – кандидат исторических наук, доцент по кафедре всеобщей истории ВятГУ © Ю. М. Кузьмин, 2004

На правом фланге находятся консервативные партии. Они делают ставку на частнопредпринимательскую инициативу и, соответственно, являются сторонниками низких налогов. По их мнению, вмешательство государства в экономику должно быть ограниченным, но само государство должно быть сильным. Государственный сектор должен быть минимальным. Социальные проблемы для консерваторов не являются приоритетными.

Центр политического спектра традиционно занимают либеральные партии. Суть их позиции – экономика, основанная на рыночных отношениях при минимальном участии государства. Рыночные механизмы достаточно эффективны для того, чтобы обеспечить саморегуляцию. То же самое касается и гражданского общества в целом – либералы и здесь не допускают вмешательства, а уж тем более насилия со стороны государства. За государством признается одна функция – поддерживать порядок, обеспечивать безопасные условия жизни для граждан, следить за тем, чтобы соблюдался существующий закон.

Левый фланг представлен социал-демократическими (социалистическими) партиями. Их позиция диаметрально противоположна позициям консерваторов. Социал-демократы выступают не только за активное вмешательство государства в экономику, но и за его непосредственное участие в экономической деятельности. Экономика должна иметь два взаимодействующих и взаимодополняющих сектора: частный и государственный. Социальные проблемы для социал-демократов являются приоритетными. Они предлагают финансировать многочисленные социальные программы за счет бюджетных средств. Однако оборотной стороной медали становится неизбежное повышение налогов.

На крайне левом фланге находятся коммунистические партии. Их отличительная черта – принципиально негативное отношение к частной собственности. Коммунисты выступают за огосударствление экономики, развитие ее на плановых началах. При этом решение всех социальных проблем также ложится на плечи государства, т. е. на бюджет. Идеал коммунистов – гармонично развитое общество, в котором полностью обеспечена социальная справедливость, нет бедных и угнетенных, общество, в котором каждый работает по способностям и получает по потребностям. Но практически реализовать данный идеал невозможно. Это связано с тем, что исчезает мотивация труда, неизбежным становится прямое или скрытое принуждение. Кроме того, стремление все планировать и распределять порождает огромный бюрократический аппарат, который начинает довлеть над обществом.

В этом случае приходится жертвовать правами и свободами человека и, как следствие, обще-

ство неотвратно скатывается к жестким диктаторским, тоталитарным режимам, прямо противоречащим теоретически рисуемому идеалу.

Рассмотрев предложенную классификацию, проанализируем партийно-политическую систему в странах Западной Европы после второй мировой войны.

Партии правого толка, прежде всего консервативного направления, которые не принимали участия в движении Сопротивления и порой сотрудничали с оккупантами, были дискредитированы.

С другой стороны, резко возросло влияние тех партий, которые активно участвовали в движении Сопротивления: коммунисты, социал-демократы, христианские демократы.

В 1939 г. в мире насчитывалась 61 коммунистическая партия, в которых состояло 4 млн. человек, в том числе в странах Запада — 1,5 млн., а в 1947 г. — 76 партий, насчитывающих 20 млн. человек, из них в странах Запада — 4,8 млн. [1, с. 26].

Особенно сильные позиции имели коммунисты во Франции и Италии, численность ФКП в 1945 г. достигла 900 тыс. чел. [2, с. 182], а ИКП — 1 млн. 700 тыс. чел. [3, с. 226]. В Западной Германии весной 1946 г. в коммунистической партии состояло 205 тыс. человек [4, с. 127].

Более того, коммунисты вошли в правительства 9 стран Западной Европы (Италия, Франция, Австрия, Бельгия, Дания, Норвегия, Исландия, Финляндия, Люксембург).

Говоря о теоретических взглядах западноевропейских коммунистов в эти годы, отметим, что они не отказались от положений марксизма-ленинизма (диктатура пролетариата, установление советской республики, построение социализма), но они не выдвигали эти требования в качестве ближайших политических задач. Их основная цель на ближайшую перспективу — создание новой, «передовой» или «прогрессивной» демократии, при этом планировались коренные социально-экономические и политические преобразования (национализация банков и промышленности, передача земли крестьянам, а также участие рабочих в контроле и управлении предприятиями).

Традиционно сильные позиции имели социалисты и социал-демократы. В программы ряда этих партий после второй мировой войны были внесены определенные дополнения (уничтожение

остатков фашизма, демократизация политической жизни, национализация банков и промышленности, улучшение системы социального страхования и повышение жизненного уровня населения). Они по-прежнему считали, что социальные преобразования можно осуществить без революции, путем реформ. Отметим, что во всех странах Западной Европы, за исключением Италии и Франции, эти партии были более многочисленными, чем коммунистические. После войны представители социалистических и социал-демократических партий вошли в правительства 12 стран Западной Европы.

Большое влияние после войны приобрели христианско-демократические партии, что было обусловлено рядом обстоятельств: ростом религиозных настроений; обещаниями социальных реформ; симпатиями той части электората, которая хотела перемен, но не разделяла коммунистических и социалистических идей.

Исходя из ситуации в послевоенной Европе, христианские демократы включили в свои программы положения об аграрной и налоговой реформах, государственном регулировании экономики, уничтожении нацизма и фашизма, ликвидации крупного капитала, расширении демократических свобод.

Кроме того, они осуждали классовую борьбу и проповедовали сотрудничество в духе «христианской этики и морали». Их конечная цель — создание «христианской цивилизации». Отметим, что христианских демократов поддерживали и те слои, которые ранее следовали за правыми партиями.

Особо подчеркнем, что после войны все ведущие партии стран Западной Европы поддерживали идеи социального реформирования.

Таким образом, в послевоенной Западной Европе складывается несколько отличная от предшествующего периода партийно-политическая система.

В начале XX в. она включала в себя три группы партий — социал-демократы (социалисты), консерваторы и либералы и выглядела следующим образом (рис. 1).

В межвоенный период партийно-политический спектр партий расширяется — возникают коммунистические и фашистские (национал-социалистические) партии, и партийно-политическая система выглядела так (рис. 2).

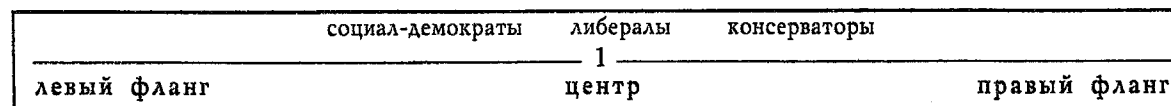

Рис. 1

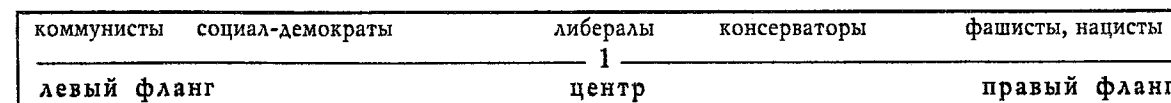

Рис. 2

Сразу же после второй мировой войны данная схема выглядит уже несколько иначе (консерваторы смещаются влево, исчезают крайне правые партии) (рис. 3).

Таким образом, свои позиции сохранили четыре основных политических течения, идеология крайне правых была дискредитирована политической тоталитарных Германии и Италии. Правда, позднее в ряде западноевропейских стран появляются партии крайне правого толка, но какой-то серьезной роли в политической жизни стран они уже не играют.

Послевоенный период можно считать качественно новым этапом в развитии политических партий. Отметим, что их правовое регулирование долгое время отставало от их действительной роли в обществе. Резко возросшие роль и значение политических партий подтолкнули законодателей к конституционному регулированию их статуса. Это, прежде всего, коснулось стран романо-германской системы права. Свидетельством этого могут служить первые послевоенные конституции (Франция 1946 г., Федеративная Республика Германия 1949 г., Италия 1947 г.). В этих конституциях содержались более или менее развернутые положения о роли политических партий. Так, статья 21 Основного закона ФРГ отмечает, что партии содействуют формированию политической воли народа [5, с. 74].

В этих конституциях содержались также некоторые принципы организации и деятельности партий, более детально эти положения были позднее развиты в законах о партиях, например Закон ФРГ о политических партиях от 24 июня 1967 г. [6, с. 312–330].

То есть политические партии получили признание де-юре, стали конституционно-правовым институтом. Они стали органической, неотъемлемой частью государственного механизма.

Важно отметить такое положение в ряде конституций и законах о партиях как возможность запрещения политических партий. Так, вышеотмеченная статья 21 Основного закона ФРГ предусматривает возможность запрещения политических партий Конституционным судом, если они «по своим целям или поведению своих сторонников стремятся причинить ущерб основам свободного демократического порядка, либо устранить его, или поставить под угрозу существование Федеративной Республики» [7, с. 74–75]. Наиболее известные случаи роспуска политических партий: в октябре 1952 г. была распущена нео-

нацистская Социалистическая имперская партия, а в августе 1956 г. — Коммунистическая партия Германии.

А теперь проанализируем ситуацию с формированием партийно-политической системы в двух странах — ФРГ, в ней в довоенный и военный периоды (1933–1945 гг.) существовала монополия одной политической партии, и Франции, которая в годы второй мировой войны была оккупирована и вследствие чего в ней была ликвидирована партийно-политическая система.

Кроме того, отметим, что после второй мировой войны и ФРГ и Франция стали парламентскими республиками, но партийно-политические системы этих стран очень сильно отличались друг от друга. В конечном счете оказалось, что в ФРГ до настоящего времени сохранилась созданная после войны партийно-политическая система, а во Франции она претерпела серьезные изменения после создания в 1958 г. Пятой Республики.

ФРГ. Стабильность германской демократии в значительной мере базируется на стабильности партийной системы.

Политические партии в стране возникли еще при монархическом режиме, но они имели весьма ограниченные возможности воздействия на формирование политической жизни Германии.

В период Веймарской республики существовало множество политических партий, которые, ввиду сильных идеологических различий, едва ли были способны вступать в прочные коалиционные образования и заключать приемлемые компромиссы. Кроме того, в стране были крупные партии, находившиеся в принципиальной оппозиции к демократическому режиму.

Формирование партийно-политической системы после второй мировой войны в западной части Германии проходило в сложных условиях оккупации. Тем не менее по сравнению с партийной системой кайзеровской империи и Веймарской республики партийная структура ФРГ приобрела совершенно новый характер: идеологические барьеры в значительной мере были устранены, в отношении демократии стал господствовать консенсус.

Отметим, что сразу же после окончания войны в западных зонах оккупации был введен т. н. «политический карантин», который запрещал деятельность партий вплоть до 1946 г. Его цель — выравнивать стартовые условия для всех политических партий. Дело в том, что в годы войны свои организационные структуры сохранили толь-

Рис. 3

ко две политические партии (КПГ, СДПГ), которые в основном выражали интересы рабочего класса. Таким образом, необходимо было организационно сформировать широкий спектр политических партий, а уже после этого предполагалось разрешить их деятельность в условиях проведения выборов в земельные ландтаги.

КПГ в западных зонах оккупации являлась частью действовавшей с 10 июня 1945 г. в советской зоне оккупации общегерманской КПГ, а в последующие годы стала самостоятельной.

СДПГ во главе с О. Гротеволем, воссозданная в Берлине в июне 1945 г., рассматривала себя как общегерманскую партию. Однако ее лидеры, находившиеся в западных зонах оккупации, отказались признать полномочия Берлинского ЦК. К. Шумахер летом 1945 г. создал собственное «бюро» в Ганновере, а к концу этого же года его лидерство признали все социал-демократические организации западных зон. Окончательное конституирование СДПГ западных зон произошло в апреле 1946 г. на съезде в Ганновере. Партия отказалась от единой теории и объявила себя объединением людей, придерживающихся различных направлений веры и мышления, но признающих основные ценности демократического общества — свободу, справедливость и солидарность. Взгляды немецких социал-демократов на новую организацию Германии определялись двумя главными целями:

1. Создание действительно социальной демократии на основе преобразования экономической структуры.

2. Наискорейшее обретение национальной независимости посредством политики национальных интересов [8, с. 172–173].

Что касается партии правого толка, то инициатором ее создания выступили лидеры прежней партии Центра, которые отказались от реставрации веймарской многопартийной структуры. Был взят курс на создание одной крупной партии на биконфессиональной основе, т. е. с участием католиков и протестантов, хотя первоначальное ядро партии составляли сторонники католической партии Центра прежней Веймарской Республики. Задача этой партии — консолидировать общество на базе христианской этики и противостоять усилению левых движений.

В основу идеологической платформы было положено несколько составляющих:

1. Католическое социальное учение. Его основой являются положения о свободе личности,

социальной функции собственности, принцип субсидиарности (решения и ответственность распределяются снизу вверх: от каждого индивида — через семью, различные ассоциации и союзы, общины, земли — до государства в целом), положения о воспитательной роли семьи и церкви, поддержке частной инициативы и мелкого собственника и их защита от монополий и государства.

2. Неолиберальные концепции, которые нашли свое выражение в сформулированной Л. Эрхардом и рядом немецких экономистов доктрине «социально-ориентированного рыночного хозяйства».

3. Консервативно-протестанские учения, особенно сильные на севере Германии.

Ее электорат составляют представители всех социальных слоев, однако главной опорой партии являлись работодатели, особенно представители крупного и среднего финансово-промышленного и торгового капитала.

Еще в период действия политического карантина в ряде земель стали возникать христианские кружки, началась разработка партийной программы. К 1947 г. во всех трех зонах оккупации была создана ХДС. В 1946 г. в Баварии был создан Христианско-социальный союз — это ХДС Баварии, но он как партия самостоятелен и организационно совершенно независим от ХДС. Позднее он установил с ХДС отношения «содружества».

В Западной Германии создавались и многие другие политические партии, но не все из них сохранились. Среди сохранившихся наиболее жизнеспособной оказалась либеральная СвДП, которая позднее стала играть важную роль в партийной системе ФРГ.

В последующие годы число партий, представленных в парламенте, сократилось до трех (ХДС/ХСС, СДПГ, СвДП). После образования единой Германии их стало пять. Но в этой партийной системе обе главные партии — ХДС/ХСС и СДПГ — стали столпами и действительными контрагентами, как при двухпартийной системе. Но они, как правило, недостаточно сильны, чтобы править без маленькой третьей партии — СвДП, а позднее и без «зеленых» (Коалиция «Союз-90» — «зеленые»). Все вышеобозначенные партии этой системы считаются «опорой государства» и являются «лояльными к конституции».

На рис. 4 представлена партийно-политическая система ФРГ, возникшая после второй мировой войны и просуществовавшая без серьезных изменений до 1990 г.

Рис. 4

Таким образом, в стране возникла многопартийная система с доминированием двух политических партий — ХДС/ХСС и СДПГ.

Вновь подчеркнем, ФРГ принадлежит к числу немногих демократических государств, в которых основы правового статуса партий, их организационные принципы и задачи урегулированы конституцией и специальным законом о партиях (ст. 21 Основного закона и Закона о партиях от 24 июля 1967 г.).

Особое выделение политических партий в конституции имеет две причины:

— творцы конституции хотели в противоположность Веймарской республике создать возможность запрещать те политические партии, которые направляют свою активность на подрыв демократического строя и, в конечном счете, на его ликвидацию;

— они полагали необходимым конституционно-правовым образом легитимировать партии в качестве органов формирования политической воли [9, с. 157].

Таким образом, развитие партийной жизни в ФРГ имело серьезное преимущество по сравнению с Веймарской республикой. Это выразилось в складывании незначительного числа партий с шансом перехода власти от одной крупной ведущей партии к другой. Правда, в послевоенной истории ни одна из этих двух ведущих крупных партий не имела в парламенте абсолютного большинства. Поэтому им приходилось заключать коалиции с одной или двумя небольшими политическими партиями.

Франция. После освобождения страны политическая обстановка Франции определялась огромным влиянием движения Сопротивления, подъемом антифашистского, демократического и рабочего движения.

Правые партии, которые дискредитировали себя поддержкой правительства Виши, сотрудничавшего с оккупантами, потеряли прежнее влияние. Резко упало влияние партии радикалов, которая бездействовала в годы войны.

Таким образом, на первый план выдвинулись политические партии и различные группировки, которые активно участвовали в движении Сопротивления. Самой крупной из них была коммунистическая партия. Она полагала, что в данный момент перед страной стоят задачи восстановления экономики, обеспечения демократических прав и свобод, проведения независимой внешней политики.

После войны укрепила свои позиции социалистическая партия, сохранившая свое старое название — Французская секция рабочего Интернационала — СФИО (Section française d'Internationale ouvrière — SFIO). В эти годы «отец-основатель» партии Леон Блюм разрабо-

тал теоретические основы демократического социализма. Выступая 20 мая 1945 г. на конференции секретарей федерации СФИО, он следующим образом определил новую идеологию партии: «Сохранять и расширять права человеческой личности в обществе, полностью подчиненном интересам коллективного блага, — это сама формула социализма. Именно она содержится в этих двух словах: «социал-демократия», которые не случайно соединены. Это есть синтез, который Жорес в течение всей своей жизни пытался осуществить между основными понятиями марксистской критики и старыми принципами революции 1789 г.» [10, с. 61]. Особо выделим, что ядром блюмовской концепции демократического социализма являлась теория о мирном вращении социализма в капитализм, который после второй мировой войны, по мнению Л. Блюма, полностью изменил свою природу.

Вновь возникшие партии начинают активно проповедовать реформистские идеи. Первую попытку сочетать реформистскую пропаганду с массовым типом организации предприняло католическое Народно-республиканское движение (МРП), образованное в 1944 г. То, что эта партия фактически создавалась на религиозной основе, было закономерным: на этапе, когда традиционные партии (и их лозунги) были дискредитированы, объединить электорат можно было только на базе наиболее общих, классово нейтральных ценностей. Католические ценности, в значительной мере сохранявшие свою притягательность для широких слоев населения, были в этом плане наиболее удобными [11, с. 47–48]. В основе программы партии лежала концепция государства, активно вмешивающегося в экономические и социальные отношения. Вслед за Дж. Кейнсом руководители МРП полагали, что только государственное регулирование экономики через государственные заказы, кредиты, ставку учетного процента может предотвратить кризисы [12, с. 187]. Эта концепция являлась одной из разновидностей концепции «государства всеобщего благоденствия».

Однако МРП не смогла трансформироваться в крупную христианско-демократическую партию, пользующуюся устойчивой поддержкой религиозного электората, по образцу ХДП в Италии или ХДС в ФРГ. Причины этого можно найти в том, что партия осуществила резкий переход от довольно смелых реформистских идей к консервативной политике. Участие МРП в прагматической коалиции «третьей силы» (в качестве правого крыла) привело к тому, что идеи «социально-католицизма» начали восприниматься в устах лидеров партии «как простая риторика, лишенная всякого практического смысла» [13, с. 60].

После освобождения Франции от оккупации «независимые», совершенно дискредитированные

определенной ответственностью за поражение страны в войне и установление режима Петена, долгое время не могли организовать. Лишь в декабре 1945 г. бывшие деятели Демократического альянса образовали Республиканскую партию свободы (ПРА), куда вошли также остатки других правых группировок. Эта партия занимала правый фланг политического спектра Франции. Ее лозунги: экономический либерализм и «защита свобод», «сохранение духовных ценностей католицизма», яростный антикоммунизм. Лидеры партии крайне враждебно встретили национализацию части производственной и финансовой систем [14, с. 74]. Однако в обстановке первых послевоенных лет ни антикоммунизм, ни тем более проповедь принципов экономического либерализма не могли привлечь достаточно широкую аудиторию.

Данную особенность попытались учесть некоторые политики во главе с П. Рейно, создавшие в 1946 г. еще одну группировку «независимых» под названием Независимые республиканцы. В основу их программы было положено требование реформ в сочетании с порядком, справедливостью и свободой. Но одновременно они отвергали государственное регулирование экономики и тем самым лишали лозунг реформ всякого смысла.

Аналогичную позицию занимала родственная Независимым республиканцам Республиканская группа социального и крестьянского действия (РГСКД).

По мере увеличения политического веса «независимых» среди них усиливалась тенденция к объединению. В 1948 г. был образован Национальный центр независимых, куда вошли РПА и Независимые республиканцы. В 1951 г. к ним присоединились РГСКД, а также незначительная группировка, называвшая себя Демократическим союзом независимых. Вновь созданная организация, сплотившая «независимых» всех оттенков, стала называться Национальным центром независимых и крестьян (СНИП).

Говоря о центристских партиях, отметим, прежде всего, радикальную и радикал-социалистическую партии. Радикалов вновь возглавили Э. Даладь и Э. Эррио. В своих программных установках эти партии проповедовали идеи консерватиз-

ма, хотя относили себя к левому лагерю. Исходя из традиционных для радикалов требований свободы личности и защиты мелкой собственности, они возражали против национализации промышленности и государственного планирования.

В 1947 г. де Голль основал новую политическую партию – Объединение французского народа (РПФ). Образованием этой партии было положено начало попыткам добиться замены Четвертой Республики, олицетворявшей в глазах де Голля «исключительный режим партий». По социальной базе РПФ занимала место между «независимыми» и МРП, но при этом находилась ближе к последней. Данная особенность объяснялась, прежде всего, реформистским «родством» двух партий. Де Голль уверял французов в том, что эта партия не просто превзошла традиционное деление на правых и левых, но и восприняла от них то, что генерал считал характерными чертами обоих лагерей: «Мы унаследовали от левых их стремление к социальному прогрессу; от правых то, что они не единожды доказывали – благородство и национальную традицию» [15, с. 150]. Это была политическая партия, которая отстаивала в сфере социальной и экономической принципы, которые сочетали либеральные свободы с более активной деятельностью государства по регулированию всех сфер общественной жизни. В государственно-правовой области эта партия – один из ярых защитников и приверженцев режима сильной власти.

Возникновение МРП и РПФ показывает, что в среде французской буржуазии происходит поворот от традиционных либеральных и консервативных взглядов к доктринам реформизма и «дирижизма».

Таким образом, после войны в стране продолжала существовать многопартийная система, что объяснялось двумя важными обстоятельствами: во-первых, пестротой классово-социальной структуры, во-вторых, исторической традицией [16, с. 42-43]. На рис. 5 – партийно-политическая система Франции после второй мировой войны до 1958 г.

Отметим, что в отличие от Конституции ФРГ первая послевоенная Конституция Четвертой Республики Франции 1946 г. очень слабо регулиро-

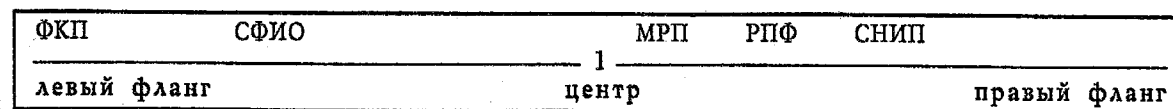

Рис. 5

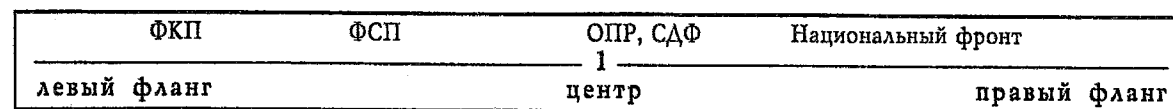

Рис. 6

вала партийно-политическую систему страны. И только Конституция Пятой Республики 1958 г. закрепила существование политических партий, ст. 4 установила основы деятельности партий и указала, что они «содействуют выражению мнений голосованием» [17, с. 33]. Однако специального закона о политических партиях так и не было принято (на рубеже 80–90-х гг. были введены в силу только нормы о финансировании партий). Таким образом, эти важнейшие элементы политической системы действуют на основе закона об ассоциациях 1901 г.

Говоря о последующем развитии партийно-политической системы Франции, отметим, что с 1976 г. партия Объединение французского народа, которая на протяжении предшествующего периода меняла названия (1955 г. – Национальный центр социальных республиканцев, 1958 г. – Союз за новую республику, 1967 г. – Союз демократов в защиту Пятой Республики, 1971 г. – Союз демократов в защиту республики), объединившаяся с Демократическим союзом труда (создан в 1959 г.) в 1962 г., носит название Объединение в поддержку Республики (ОПР).

Кроме того, укажем, что Республиканская партия радикалов и радикал-социалистов, а также Народно-республиканское движение (Демократический центр с 1966 г., Центр социальных демократов с 1976 г.), т. н. «умеренные» партии (Республиканская партия свободы, независимые республиканцы, крестьянская партия социального действия), которые на протяжении 40–70-х гг. изменяли свои названия, объединялись с различными политическими силами и разбегались, создали в 1978 г. Союз за французскую демократию (СФД).

В последующие годы политическая программа ФКП претерпела существенные изменения. Партия отказалась от многих догматических построений, которые не отвечали реалиям современного общественного развития. Произошло определенное сближение ФКП с французскими социалистами за счет восприятия многих социал-демократических постулатов.

Социалистическая партия, которая в годы Четвертой Республики принадлежала к числу наиболее влиятельных парламентских партий и активно участвовала в правительствах этой Республики, после образования Пятой Республики пережила глубокий кризис. Партия самораспустилась и практически была воссоздана на новой основе в 1971 г. и окончательно приняла ныне существующее название – ФСП.

В 1970-е гг. в стране возникло два партийных блока, которые стали соперниками на выборах: левые (ФСП, ФКП) и правые (ОПР, СФД). См. рис. 6: современная партийно-политическая система Франции.

Таким образом, послевоенный период партийно-политического развития стран Западной Европы показал, что большим влиянием среди населения пользуются партии, выступающие за реформирование существующих структур с позиций социально-ориентированной модели. Можно сказать, что довоенная социально-экономическая идеология и практика американского президента Ф. Рузвельта получает широкое развитие в послевоенной Европе.

С другой стороны, в Западной Европе проявились две тенденции в формировании партийно-политической системы: многопартийная система с доминированием двух партий (ФРГ) и классическая многопартийная система (Франция). Последующие годы показали, что наиболее оптимальным является первый вариант, и в большинстве стран Западной Европы, в том числе и во Франции, стал использоваться немецкий вариант партийно-политической системы. Хотя германская модель базируется на англо-саксонской партийно-политической традиции. Речь идет о том, что в США с XIX в. существует классическая двухпартийная система (республиканцы – демократы), а в Великобритании – многопартийная с доминированием двух партий (лейбористы – консерваторы). К концу XX в. большинство стран Западной Европы, пройдя различные варианты формирования партийно-политической системы, пришли к двум ее разновидностям: американской и английской.

Примечания

1. Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории [Текст]. Т. 6. М., 1981.
2. Смирнов, В. П. История Франции в XX в. [Текст] / В. П. Смирнов. М., 2001.
3. История Италии [Текст]. Т. 3. М., 1971.
4. Иерусалимский, В. П. Годы становления и борьбы [Текст] / В. П. Иерусалимский. М., 1970.
5. Конституции зарубежных стран [Текст]. М., 2000.
6. Тихомиров, Ю. А. Курс сравнительного права [Текст] / Ю. А. Тихомиров. М., 1996.
7. Конституции зарубежных стран [Текст]. М., 2000.
8. Зонтхаймер, К. ФРГ сегодня. Основные черты политической системы [Текст] / К. Зонтхаймер. М., 1996.
9. Там же.
10. Цит. по: Сироткин, В. Г. История Франции: Пятая Республика [Текст] / В. Г. Сироткин. М., 1989.
11. Чернега, В. Н. Буржуазные партии в политической системе Франции. Третья – Пятая республики [Текст] / В. Н. Чернега. М., 1987.
12. Смирнов, В. П. Указ. соч.
13. Салмин, А. М. Промышленные рабочие Франции [Текст] / А. М. Салмин. М., 1984.
14. Чернега, В. Н. Указ. соч.
15. Де Голль, Ш. Мемуары надежда [Текст] / Ш. де Голль. М., 2000.
16. Сироткин, В. Г. Указ. соч.
17. Конституции зарубежных стран [Текст]. М., 2000.

В. М. Кашина

**ПОЛИТИКА БОЛЬШЕВИКОВ
В ВЯТСКОЙ ДЕРЕВНЕ: ПЕРЕХОД
ОТ «ВОЕННОГО КОММУНИЗМА»
К НЭПУ (СОЦИАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ
И ОТНОШЕНИЕ К НЕМУ ОЧЕВИДЦЕВ)**

Статья раскрывает социальный конфликт в вятской деревне в период перехода от «военного коммунизма» к нэпу в восприятии очевидцев. В ней приводятся данные об уровне экономического развития вятской провинции на пороге наповских преобразований, соответствующие этому изменения в социальной структуре, их эволюция в период нэпа. На фоне этого воссоздается картина сложных противоречивых отношений внутри крестьянского населения, а также его отношений с властью на базе большого фактического материала, отложившегося в крестьянских письмах, в сводках и отчетах партийных и советских органов.

Политика «красногвардейской атаки на капитал» как в российской деревне в целом, так и в вятской деревне в частности, не выдержала испытания временем. Хотя она и позволила большевикам удержаться у власти в результате насилия над собственным народом, однако очевидное ее неприятие значительным большинством заставило власть в целях собственного самосохранения отступить. К тому же не оправдались надежды большевиков на мировую пролетарскую революцию. Предполагалось, что пролетариат Запада, прежде всего немецкий как наиболее организованный и развитый, поможет российскому в становлении экономики. Но мировая революция «запаздывала». Все это вместе взятое заставило большевиков пересмотреть экономический курс и перейти от политики «военного коммунизма» (этой «красногвардейской атаки на капитал») к новой экономической политике (нэпу).

В связи с этим несомненный интерес представляет отношение самого населения к таким переменам в действиях власти. Поскольку Вятская губерния в этот период по-прежнему оставалась преимущественно крестьянской, то деревня была барометром общественных настроений губернии. Усталость общества от военно-революционного лихолетья, не принесшего воплощения ожиданий, приводит к различным общественным настроениям: от неприятия власти и проводимой ею политики до необходимости сделать решительный скачок в социализм, призванный быстро покончить со всеми трудностями и непреходящими жизненными проблемами.

Для лучшего понимания процессов, происходящих в вятской деревне периода нэпа, имеет смысл дать некоторую историческую справку.

КАШИНА Валентина Михайловна – кандидат исторических наук, доцент по кафедре истории и краеведения ВятГУ.

© В. М. Кашина, 2004

К 1917 г. Вятская губерния представляла аграрный северо-восточный район страны, где 95,7% населения проживало в сельской местности [1]. Индустриальное развитие делало лишь первые шаги. В значительной мере продолжало господствовать традиционное общество, слабо втянутое в систему рыночных отношений при сильных позициях общины и господстве общинных форм мировоззрения.

Аграрные отношения здесь отличались специфическими особенностями, выделявшими ее из числа губерний Европейской России. Прежде всего, незначительная распространенность дворянского землевладения, преимущественно в южных уездах, где земля была плодородной. Значительная часть земли находилась в руках государства, а потому основная масса крестьянства губернии не испытала на себе помещичьего гнета. Средний надел вятского крестьянина был выше, чем в центральных губерниях [2]. Однако за средними показателями – значительная неравномерность земельного обеспечения [3], существенная разница в посевах, еще большая неравномерность в распределении скота [4]. Таким образом, несмотря на относительную зажиточность вятского крестьянства по сравнению с положением крестьян центра России, здесь шел процесс углубления социальной дифференциации. При этом некоторые исследователи сравнивали середняка земледельческих уездов Вятской губернии с зажиточным крестьянином, подчеркивая, что он не имел резких антагонистических противоречий с кулачеством [5]. Индустриальное развитие губернии определяли лишь мелкие предприятия легкой и пищевой промышленности (исключение составляли Сарапульский и Глазовский уезды) с незначительным количеством работающего на них рабочего класса [6; 7]. На большинстве территории продолжало господствовать традиционное общество, слабо втянутое в систему рыночных отношений, при сильных позициях общины в хозяйственной жизни и менталитете деревенского населения. При такой социальной структуре большевики не могли иметь серьезной поддержки вятского населения. Это со всей очевидностью показали события периода «военного коммунизма». Антибольшевистские восстания Вятской губернии по числу, продолжительности, количеству участников, силе сопротивления большевикам занимали одно из первых мест в Европейской России. Социальную базу этих восстаний составляли крестьяне-середняки, основная масса вятского крестьянства.

В результате «красногвардейской атаки» большевиков периода «военного коммунизма» был ликвидирован класс помещиков, в определенной степени подверглась ограничению экономическая мощь сельской буржуазии. В ходе аграрной рево-

люции большинство земель оказалось в общинном пользовании. Крестьяне не знали точно, на какой срок, какие земли и в каком размере находятся в их пользовании. Довольных переделом оказалось немного. Поэтому последовал нескончаемый процесс ежегодных переделов земли внутри общины. Крестьяне оставались в плену своих представлений о возможности всеобщего справедливого поравнения. Большевики же рассчитывали, что крестьяне изживут иллюзии относительно уравнилельного землепользования и будут готовы к социалистическим преобразованиям.

В ходе землеустроительных работ происходило административное разрушение крестьянских общин. Однако нельзя говорить, что землеустройство и связанные с ним переделы противоречили интересам трудящейся массы деревни. Следствием этой работы явилось осереднячивание деревни.

Экономические трудности и война обусловили особую активность государства и правящей партии в регулировании социально-экономических процессов в деревне. Несмотря на проводимую большевиками в деревне политику поравнения, южные уезды Вятской губернии (Елабужский, Малмыжский, Сарапульский, Уржумский) отличались относительной зажиточностью даже после красногвардейского эксперимента. Именно эти уезды, а также Глазовский и Яранский, были основными центрами производства зерновых культур Вятской губернии, преимущественно ржи и ячменя. Они вместе не только обеспечивали потребности губернии в зерне, но и вывозили его в другие районы страны [7]. Таким образом, южные уезды губернии представляли крупный район торгового зернового производства. Таким он оставался и после проводимой политики «военного коммунизма», хотя и значительно оскудел. Поэтому вполне объясним интерес к характеру аграрных отношений в этом регионе и восприятию местным населением новой экономической политики большевиков.

Известно, что именно южные уезды губернии отличались наибольшим сопротивлением проводимой советской властью политике «военного коммунизма». Так, например, в Уржумском уезде решительное сопротивление тактике твердых цен на хлеб в свое время оказали 18 волостных советов из 21 [8]. Твердые цены отменялись во многих волостях Малмыжского, Яранского уездов [9]. В результате провала продовольственной политики советской власти в Малмыжском уезде не удалось наладить здесь снабжение голодающих волостей, в то время как мешочники вывезли около 300 тыс. пудов хлеба [10]. А в Елабужском уезде ежедневно перерабатывали на самогон до 5000 пудов зерна [11].

Тенденция саботажа продовольственной политики большевиков достигла своего апогея на

II Вятском губернском съезде советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. Он повысил закупочные цены в 2-3 раза против существующих [12]. Реакция центра последовала незамедлительно. В советах были организованы перевыборы и произведена чистка.

После окончания гражданской войны сельское хозяйство Вятской губернии находилось в состоянии глубокого кризиса. Вся посевная площадь губернии составила 64,4% довоенного уровня [13]. Сокращение произошло, главным образом, за счет сокращения посевов основных хлебных культур, а также льна, занимавшего ранее важное место. Снизилось поголовье скота по сравнению с 1913 г. на 48,5% [14].

Особенно тяжелыми оказались голодные 1920–1921 гг. В основе голода – не только непродуманная политика большевиков и сокращение посевных площадей, но и низкая урожайность основной продовольственной культуры – ржи. За этот период урожайность ржи упала с 45 пудов с десятины до 20, т. е. более чем на 50% [15]. Валовой сбор зерна составил третью часть сбора 1913 г. [16]. В начале 1921 г. в губернии насчитывалось 10,3% безлошадных, 6% бескоровных хозяйств [17]. Следует заметить, что хотя вятская деревня в результате проведенных большевиками мероприятий осереднячилась, но сельское хозяйство носило все более потребительский характер.

Такова кратко история аграрных отношений в вятской деревне накануне нэпа. Исправить положение дел в деревне призван был нэп.

Годы нэпа – годы больших перемен. Это время, когда в общественной жизни находила отражение борьба самых противоречивых тенденций. Экономика была стержнем, вокруг которого «крутились» события. Предпримем попытку показать жизнь вятской деревни в проявлениях крестьянской реакции на происходящее. Это важно, так как и в 20-е гг. XX в. Россия оставалась крестьянской страной. Более того, в эпоху войн и революций степень ее аграризации заметно усилилась. Значит, от процессов, происходивших в деревне, зависело очень многое в раскладе событий того времени. нэп начался в деревне и в ней же нашел свое завершение.

Проводя политику нэпа, советское руководство продолжало ломку старой, традиционной России для построения нового общества, хотя и иными методами по сравнению с «военным коммунизмом». Происходили изменения и в самой личности крестьянина. Нэпом ему давалась возможность проявить хозяйственную смекалку и стать хозяином положения, улучшить свое благосостояние. Об этом свидетельствует письмо крестьянина П. А. Буркова из д. Крутенка Красавской волости Котельничского уезда Вятской губернии в

«Крестьянскую газету». Он выражает надежду, что крестьянин станет «сельским хозяином», будет «умело вести хозяйство по-новому». Пока же крестьяне «живут по-старому без травосеяния и не принимают культуры в своих хозяйствах и учета нет над своим хозяйством». По его мнению, рачительное ведение хозяйства: хорошая обработка и удобрение земли, умелый уход за скотом – способны сделать крестьянское хозяйство зажиточным, а сам крестьянин «увидит жизнь новую», «будет мужик думать о тех машинах, которые облегчат труд лошади и человека» [18]. Но такая психология была далеко не у всех.

Введение нового курса сопровождалось агитационно-массовой работой. В первой половине 1921 г. повсеместно проводились митинги, собрания, конференции, агитнедели и месячники пропаганды. С 17 по 19 июня в губернии находился агитационно-инструкторский поезд «Октябрьская революция». Возглавлявший его председатель ВЦИК М. И. Калинин выступил с речами на стадионе «Динамо» г. Вятки, перед крестьянами сел Бахта, Кстинино, в Вятском пединституте [19].

Особенностью вятской деревни того периода явилась ситуация, что продналог здесь оказался выше продразверстки в 1,5 раза [20]. Размеры продналога в первые годы нэпа составили по Вятской губернии около 10% по отношению к валовому сбору, а продразверстка в среднем по потребляющим губерниям – 8,4% [21]. Это потребовало при проведении пропаганды делать упор не на размер налога, а на свободу распоряжаться излишками. Кстати, о размере налога вятские крестьяне узнали не до весеннего сева, как это предусматривалось, а во время уборки урожая. Поэтому и воспользоваться предполагаемыми его преимуществами по сравнению с разверсткой (свободно распоряжаться излишками, иметьощернения как старательные и т. д.) не представлялось возможным. Местным уездным властям предписывалось воздержаться от распространения сведений о крестьянских ходатайствах о понижении ставок продналога, а печатным органам запрещалось публиковать данные о размерах налога до особого распоряжения президиума губисполкома [22]. Агитация за продналог и его выгоды для крестьянства в условиях постигшего губернию неурожая и голода 1921 г. успеха не имела. К тому же у крестьян, очевидцев непоследовательности действий советской власти, были все основания для сомнений, что продналог вводится «всерьез и надолго». «Крестьяне жили с мыслью, что все, что засеяно, будет забрано» [23].

Начало нэпа вятский крестьянин встретил настороженно. В сводках губчека за 1921 г. настроение крестьян оценивалось как подавленное, отмечалось ухудшение отношения к коммунистам

повсеместно [24]. Подтверждение тому – письма крестьян во властные структуры. Так, крестьяне Кончауровской волости Уржумского уезда писали: «Население не понимает, что у нас в РСФСР власть Советов, и живет в ожидании какой-то новой власти. Граждане до того напуганы местной Советской властью, что они питают злобу... К продналогу, как и к Советской власти, относятся неудовлетворительно» [25]. Основания для этого были: низкая квалификация работников налоговых служб, их недостаток и отсутствие опыта, несовершенство налогового законодательства и его непонятность для крестьянина (бедные хозяйства иногда облагались более высоким налогом, чем зажиточные, так как учитывались не фактически засеянные земли, а причитающаяся хозяйству пахотная земля, которую бедняк не всегда был в состоянии обработать). Все это вело к потоку жалоб. Крестьяне дер. Вязовой Котельничского уезда обращались во ВЦИК: «У нас берут все, а нам не дают ничего. Никто не разъясняет, к чему собирают хлеб и кому раздают» [26]. О том, что не устраивало крестьян-бедняков, говорится в письме крестьянина П. И. Бажина из дер. Старые Копки Малмыжского уезда от 13 июня 1925 г.: «Когда пришел 1922 год и 1923–1924 годы, то пришлось платить, опять-таки бедному мужику больше, а у богатых-то скотина племенная и т. д... В настоящее время в нашем крае есть организации как сельхозтоварищество, также Кульсельсоюз (видимо, местная кооперативная организация. – ред.), которые торгуют всеми производимыми продуктами крестьянства, продукт у крестьян скупают дешево, а фабричное производство продают дорого... А сейчас мелкие кузницы... обладываются патентом и т. д., также и вододействующие мельницы тоже обладываются патентом, уравнильным сбором и государственной рентой, а ведь это все падает на шею крестьянам. Когда дождет бедный человек правды?» [27]. Крестьяне указывали на непосильность, неправильность начисленного налога и просили о его сложении [28].

Своеобразной оказалась реакция властей на эти ходатайства: «...в целях устранения срыва налоговой кампании... не рассматривать никаких ходатайств... о сложении и понижении налогов вследствие неурожая...» [29]. К уклоняющимся от налога принимались жесткие меры, определяемые центральными органами: арест до двух недель, наложение налоговой пени в размере до 1/5 причитающейся доли налога в данный срок, запрет на торговлю на местных рынках продуктами, подлежащими налоговому обложению, а иногда и закрытие местных рынков [30]. Особые сессии губернского ревтрибунала получили из центра полномочия взимать налог в двукратном размере, вплоть до конфискации имущества пол-

ностью или частично, лишать земельных наделов [31]. Таким образом, на практике – возврат к политике «военного коммунизма». В селения, уклоняющиеся от выполнения налога (Омутнинский, Нолинский, Вятский, Котельничский, Слободской уезды), вводились военные отряды, их содержали за счет крестьян [32]. В пяти северных уездах за время продналоговой кампании 1921–22 гг. было зафиксировано 21898 случаев административного воздействия со стороны местных властей. Сюда во время сбора налога был мобилизован весь губернский судебный аппарат [33]. Вернулись и к политике натравливания одной части деревни на другую: мобилизации голодающих крестьян в те места, которые сопротивляются налогу [34]. Партийные организации, контролируя советские органы, проводившие сбор налогов, вели лицемерную политику: с одной стороны, осуждали их за массовые аресты, конфискации имущества и содержание арестованных в холодных помещениях, с другой стороны, требовали принимать решительные меры по выполнению налога. Коммунистам же предписывалось показывать пример выплаты налога [35].

Неприятие первых шагов нэпа на вятской земле вылилось в такие формы, как утайвание объектов обложения, коллективные протесты, отказ от уплаты [36]. Информацию о результатах этой политики можно найти в докладной записке Вятского губисполкома в Президиум ВЦИК: «...все чаще поступают сведения о полном разорении сотен хозяйств, истреблении скота, распродаже инвентаря и построек, массовых выездах из пределов губернии» [37]. Предпринимаемые властями чрезвычайные меры успеха не имели: продналог 1921 г. губерния выполнила лишь на 64% [38].

Ситуация с налогом заставила центральную власть изменить тактику следующего хозяйственного года (декрет ВЦИК от 17 марта 1922 г.): на 1922–1923 гг. устранялась многочисленность видов натуральной оплаты и предусматривалась возможность замены налога на хлеб другими продуктами; сняты недоимки за 1921 г., предоставлены льготы маломощным хозяйствам; а при поступлении налога в срок его общий размер снижался на 10% [39]. Однако это не привело к улучшению положения: налог оставался в целом непосильным [40]. После неоднократных обращений в центральные органы ставка единого натурального налога была понижена для всей губернии на 50%. Но даже этот налог губерния могла бы выполнить, только значительно сократив свои внутренние потребности. К тому же власть опять запоздала с доведением налоговых заданий до крестьян [41]. В результате, хотя выполнение налогового задания за 1922 г. увеличилось и составило 83,4%, задание не было выполнено [42]. Для многих крестьянских хозяйств налог оставался по-прежнему неподъемным.

Немаловажную роль в этом сыграла непоследовательная и недальновидная политика местных органов власти.

Имели место в губернии случаи несвоевременного и недостаточного использования льготного фонда. Так, во время обследования низовых Советов губернской комиссией РКИ в 1924 г. было установлено, что Вятскополянский волостным исполкомом не были рассмотрены 150 заявлений по поводу скидок малоимущим хозяйствам волости, несмотря на наличие неизрасходованного для этих целей льготного фонда в размере 30 тыс. руб. [43]. Несвоевременное предоставление скидок населению, задержка с рассмотрением жалоб в волостных и уездных комитетах по два-три месяца приводили к тому, что значительное число лиц, возбуждающих ходатайства, попадало в списки недоимщиков и к ним применялись административные меры: штрафы, описи имущества. На 1 января 1925 г. сельскими советами Вятской губернии было составлено 2214 описей имущества, подвергнуто штрафу 4306 недоимщиков и 469 дел передано в суд [44].

Применение административных мер по сбору налога, организация территориальных «троек», мобилизация в деревню партийных и советских работников из губернского и уездных центров – все это дестабилизировало социальную обстановку в деревне. Как результат – негативное отношение крестьян к советской власти и правящей партии [45]. Насильственное изъятие продуктов крестьянского труда приходило в противоречие с крестьянским представлением о справедливости.

На 1925–1926 гг. сельскохозяйственный налог в целом по стране был снижен на 40% [46]. В губернии размер налога составил 66% от предыдущего года [47]. Проводилась разъяснительная работа о едином сельскохозяйственном налоге. С этой целью в губернии были выпущены три специальных номера «Вятской правды», листовки «Как самому крестьянину вычислить, сколько платить сельхозналога» [48]. Однако местные органы власти не отказались и от метода нажима. Так, в отчете Георгиевского волисполкома Слободского уезда в качестве основной причины невыполнения крестьянами сельхозналога указывалось на «отсутствие нажима на неплательщиков» [49]. Вместе с тем снижение налога, широкая разъяснительная работа, ограничение административных взысканий дали свои плоды. Например, общее собрание крестьян Яранской волости, отметив справедливость новых налогов, единогласно постановило, что налог «надо внести в срок, полностью и принять меры к тому, чтобы не было утайки» [50]. В целом в губернии за 1921–1925 гг. произошло увеличение посевных площадей зерновых культур на 28% и достигло 92,4% к уровню 1913 г. [51]; сокращалось число безлошадных хозяйств:

1923 г. – 44,9%, 1924 г. – 24%, 1925 г. – 22,7% и бескоронных – на 41% за 1922–25 гг. [52]. Валовая продукция сельского хозяйства к концу 1925 г. достигла 87% довоенного уровня. Увеличивались поступления в казну, улучшалась ситуация с продалогом: в 1924 г. его выполнение составило 98% и наблюдался его рост (1922 г. – 81,3%; 1923 г. – 87%) [53].

Таким образом, проведенное исследование показывает, что экономика неповской деревни оказалась в тисках противоречий. Новые явления были далеко не однозначными. Это не приносило удовлетворения ни политическому руководству, ни самой крестьянской массе. Более того, как известно, во второй половине 20-х гг. в деревне, а также в городе начали нарастать хозяйственные трудности. Это заставляло власть искать выход из сложившегося положения. Одна из проблем деревни того времени – это не отвечающий потребностям страны рост сельскохозяйственного производства в условиях начавшей форсированной индустриализации и экономическая отсталость деревни. На почве недовольства ситуацией проявилось стремление наиболее радикальных представителей власти, поддержанное частью населения, достичь как можно быстрее желаемого и обещанного светлого будущего. На практике это привело к череде бесконечных импровизаций и социальных экспериментов в деревне. Попытки их немедленной реализации обернулись событиями, известными как «великий перелом».

Как выглядел «перелом» в сознании и понимании людей, испытавших его, – это результат будущего исследования.

Примечания

1. См.: Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. по Вятской губернии [Текст]. Вятка, 1916. С. 1.
2. См.: Статистика землевладения. 1905 г. [Текст]. Вып. VIII. С. 48.
3. См.: Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. по Вятской губернии [Текст]. Вятка, 1916. С. 168.
4. См.: Установление и упрочение Советской власти в Вятской губернии [Текст]: сб. документов. Киров, 1957. С. 81.
5. См.: Вятское хозяйство [Текст]. 1919. № 10. С. 26.
6. См.: Там же.
7. См.: Обзор вятской губернии за 1913 г. [Текст]. Вятка, 1914. С. 36.
8. См.: Известия Вятского губисполкома [Текст]. 1918. 19 апр.
9. См.: II Вятский губернский съезд советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов [Текст]. Вятка, 1918. С. 37; 49.
10. См.: Установление и упрочение Советской власти в Вятской губернии за 1913 г. [Текст]: сб. документов. Киров, 1957. С. 505–506.
11. См.: Вятская правда. 1918. 2 апр.
12. См.: Известия Вятской губернии. 1918. 25 апр.

13. См.: ЦГАНХ (Центральный государственный архив народного хозяйства). Ф. 478. Оп. 2. Д. 675. Л. 38.
14. См.: Очерки истории Кировской организации КПСС [Текст]. Ч. 2. Киров, 1965. С. 94.
15. См.: Статистический ежегодник. Вятская губерния за 1922 г. [Текст]. Вятка, 1924. С. 126–127.
16. См.: Загвоздкин, Г. Г. Под знаком серпа и молота [Текст] / Г. Г. Загвоздкин // Энциклопедия земли вятской (ЭЗВ). Т. 4. С. 362.
17. См.: Отчет Вятского губисполкома VIII съезду Советов [Текст]. Вятка, 1921. С. 5, 55.
18. См.: РГАЭ (Российский государственный архив экономики). Ф. 396. Оп. 7. Д. 14. Л. 74–75.
19. См.: Загвоздкин, Г. Г. Под знаком серпа и молота [Текст] / Г. Г. Загвоздкин // ЭЗВ. Т. 4. С. 358.
20. См.: ГАКО (Государственный архив Кировской области). Ф. 875. Оп. 1. Д. 284. Л. 56.
21. См.: Кабанов, В. В. Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма» [Текст] / В. В. Кабанов. М., 1988. С. 187.
22. См.: ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации) Ф. 130. Оп. 5. Д. 525. Л. 22.
23. См.: ГАСПИ КО (Государственный архив социально-политической истории Кировской области). Ф. 1. Оп. 2. Д. 62. Л. 24.
24. См.: Там же. Ф. 2. Л. 11; 63; 65–66; 70–72.
25. См.: ЦГАОР (Центральный государственный архив Октябрьской революции) Ф. 1235. Оп. 99. Д. 206. Л. 5.
26. См.: Там же. Л. 4.
27. См.: РГАЭ. Ф. 396. Оп. 3. Д. 212. Л. 77.
28. См.: ГАКО. Ф. 737. Оп. 1. Д. 1724. Л. 18; 143; Д. 1709. Л. 226; 245; Д. 1710. Л. 534; 554.
29. См.: Вятская правда. 1921. 2 сент.
30. См.: ГАКО. Ф. 737. Оп. 1. Д. 1655. Л. 264; 332.
31. См.: Продовольственная газета. 1921. 16 июня.
32. См.: ГАКО. Ф. 737. Оп. 1. Д. 1676. Л. 31.
33. См.: ЦГАОР. Ф. 1235. Оп. 100. Д. 194. Л. 40.
34. См.: ГАКО. Ф. 737. Оп. 1. Д. 1657. Л. 5.
35. См.: ГАСПИ КО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 17. Л. 158; Д. 1. Л. 205.
36. См.: Правда. 1921. 18 ноября.
37. См.: ЦГАОР. Ф. 1235. Оп. 99. Д. 206. Л. 24–25.
38. См.: ГАКО. Ф. 737. Оп. 1. Д. 1655. Л. 259.
39. См.: Беднота. 1922. № 12.
40. См.: ГАРФ. Ф. 1065. Оп. 2. Д. 155. Л. 5; 7.
41. См.: ГАКО. Ф. 737. Оп. 1. Д. 1655. Л. 336.
42. См.: Там же. Д. 239. Л. 193.
43. См.: Совещание по вопросам советского правительства [Текст]. Вятка, 1925. С. 104.
44. См.: Там же. С. 88.
45. См.: РГАЭ. Ф. 478. Оп. 15. Д. 10. Л. 1; 25; 36; 54; 127; 147; 177.
46. См.: ЦГАНХ. Ф. 7733. Оп. 3. Д. 1040. Л. 49.
47. См.: ГАКО. Ф. 1373. Д. 61. Л. 341.
48. См.: Отчет Вятского губисполкома (с 1 октября 1923 г. по 1 марта 1925 г.) [Текст]. Вятка, 1925. С. 83–84.
49. См.: ГАКО. Ф. 935. Оп. 1. Д. 539. Л. 1.
50. См.: Там же. Ф. 3802. Оп. 1. Д. 6. Л. 17.
51. См.: Статистический справочник по Вятской губернии за 1925 г. [Текст]. Вятка, 1926. Л. 59.
52. См.: Хозяйственная конъюнктура Вятской губернии за 1924/25 г. [Текст]. Вятка, 1925. С. 37.
53. См.: Загвоздкин, Г. Г. Под знаком серпа и молота [Текст] / Г. Г. Загвоздкин // ЭЗВ. Т. 4. С. 361; 365.

В. В. Машковцева

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА ПО ОТНОШЕНИЮ К СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ КНИЖНОСТИ (НА МАТЕРИАЛАХ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В.)

В статье рассматривается восприятие старообрядцами древней книги дониконовского письма, отношение официальных властей и Русской православной церкви к старообрядческой книжности. Освещается их деятельность по выявлению и пресечению работы книгопечатников, организация обысков с целью изъятия книг из домов и молелен старообрядцев. Статья написана на основе архивных материалов, большая часть которых впервые введена автором в научный оборот.

Книжная культура – неотъемлемый и богатейший пласт мировой культуры в целом. С особым благоговением и почитанием старообрядцы относились к древним, дониконовского письма книгам, рассматривая их как источник непререкаемой истины. По мнению известного исследователя старообрядчества А. В. Карташева, именно исправление книг по «греческим новопечатным» образцам и изменения в обрядовой стороне религии привели к расколу в Русской православной церкви. Согласен с ним и Н. Н. Покровский, указавший, что особую значимость старообрядчеству придавало его возникновение «в форме протеста против никоновского исправления старых книг» [1]. Эту реформу Никон провел во имя осуществления через Москву идеи Вселенского Православного Царства. Для психологии, души русского человека было невозможно поверить в то, что русские обряды и книги являются неверными по сравнению с греческими, ведь он был убежден: именно Москва как Третий Рим сохранила «праведную», подлинную православную веру. Следовательно, если обнаружались какие-то неточности, ошибки, обусловившие разницу между русскими и греческими книгами и обрядами, то, в соответствии с суждениями русского христианина, виновны в этом греки. Более того, торопливость, с которой осуществлялась правка книг, и насильственное введение новопечатных книг были восприняты старообрядцами как знак наступления царства антихриста. Антихрист же, писал старец Ефрем (Потемкин), есть не кто иной, как сам патриарх Никон. Так, по образному выражению А. В. Карташева, «нетактично вводимая Никоном правка книг по темпу, по широте охвата, по чуждости своего источника и по обидности ее для... под-

МАШКОВЦЕВА Виктория Вячеславовна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и краеведения ВятГГУ.
© В. В. Машковцева, 2004

линного православного самосознания русских людей» привела к волне всеобщего протеста [2]. В 1724 г. в Тюменском уезде добровольно лишили себя жизни через самоожжение местные старообрядцы. Перед смертью они изложили причины своего самоубийства митрополиту Антонию: «Сего ради оставляем дома, и все имение свое, и идем на вольную смерть: за старопечатные седми соборов книги, как святые нас учили» [3].

Книга была настолько нужна и близка душе старовера, что «даже говоря о важнейшем», он вспомнил о ней [4]. Одна из главных черт старообрядческой книжности (как и всей традиционной книжной культуры) – преемственность. Через книгу осуществляется процесс накопления и передачи духовного опыта человечества. Для старообрядцев это прежде всего христианская вера, религиозные обряды и обычаи. Книга рассматривалась ими как носитель святости и неизменных традиций. «За эти книги дед погиб, отец и я в тюрьме сидели. Мы-то им свой долг заплатили. А ты чем право (посмотреть книги, лежавшие в красном углу избы) докажешь?» – так сформулировал свой «долг» по отношению к «истинной» книге один крестьянин-федосеевец [5]. Книги могли принадлежать не только отдельным людям. Во многих старообрядческих общинах имелись достаточно большие библиотеки (100 и более книг). Такие книги, принадлежавшие всей общине, назывались «соборными». Чтение книг считалось духовным подвигом, поэтому не случайно грамотные старообрядцы – знатоки религиозной литературы – пользовались особым уважением своих единоверцев.

Большую часть книг, хранившихся в домах старообрядцев и их общественных молельнях, составляли книги богослужебные, литургические. Особое внимание, которое уделяли староверы такой литературе, объясняется тем, что «неизмеримо важной своей функцией в преддверии Второго пришествия старообрядчество считает... молитвенную службу Господу» [6]. Старинные книги бережно хранились, переписывались и передавались по наследству.

Осознание своей ответственности за книгу побуждало старообрядцев бороться за сохранение книг, возвращение «тетрадок», «листов» и книг, изъятых представителями официальной власти. При этом они подавали прошение на имя вятского губернатора, епископа и даже самого императора. Однако в большинстве случаев книги не возвращались крестьянам-староверам, а, по рассмотрению в Вятской духовной консистории, самые опасные из них, с точки зрения церкви, отправлялись в ризницу кафедрального собора для секретного хранения или во второй департамент МВД; богослужебные книги отсылались в местную единоверческую церковь и, наконец, книги,

которые могли быть использованы при работе в миссионерском отделении, передавались в семинарское правление, епархиальную библиотеку или библиотеку братской противораскольнической школы. Так, 31 октября 1867 г. при обыске в доме крестьянина деревни Горки Большепорецкой волости Малмыжского уезда Ивана Ивановича Уточкина была найдена старинная книга в кожаном переплете, содержание которой составляли сказания о различных предметах христианской веры. Вятская духовная консистория обнаружила в ней некоторые несоответствия учению Русской православной церкви, например, «в трактате... о пришествии антихриста говорится, что в то время посланы будут от Бога Енох и Илия, как писано в 11 главе Апокалипсиса, чего вовсе нет в обозначенной главе» [7] и т. п. В соответствии с указом Святейшего Синода от 30 апреля 1858 г. книга Уточкина была отправлена в семинарское правление для использования при работе в миссионерском отделении.

При обыске в домах крестьян Глазовского уезда Архипа Вахрушева и его отца Авраама были обнаружены книги религиозного содержания, в числе которых молитвы («Да воскреснет Бог» и др.), статьи «об Адаме, о суете земной жизни, о пустынночестве, о страданиях Христовых, о приближении смертного часа, о страшном суде, о мучении грешников и блаженстве праведников, ... о Рождестве Христа Спасителя» и др. [8]. Часть из них, по заключению консистории от 14 декабря 1872 г., содержала негативные отзывы в адрес официальной церкви и ее духовенства, как-то: «Ах, увы, увы, благочестие, увы древнее! Кто лучи твои вскоре потемни? Кто блистания так измени?.. Седьмиглавый змий тако учини. Весь церковный чин зверски преврати. Все предания злобно истреби. Церкви Божия осквернилася, жалом новшества умертвишася... Все пастыри помрачались, в еретичестве потопилися» [9]. Вследствие обозначенной причины консистория сочла необходимым препроводить данные книги в епархиальную библиотеку при кафедральном соборе.

В библиотеку братской противораскольнической школы, как «полезные для справок в потребных случаях», были отправлены Шестоднев, Минея праздничная, Златоуст, Меч духовный, Служба в неделю Пасхи, изъятые у старообрядцев Фомы Коротаева и Степана Чернышова. Большая часть этих книг издавалась в не разрешенных правительством типографиях [10].

В Синодике за усопших, обнаруженном в доме крестьянина починка Прасковского Шишкинской волости Орловского уезда Павла Агалакова, протопоп Аввакум и «подобные ему противники церкви» были представлены как мученики за «святое дело». В силу этого книгу не вернули владельцу, а отправили на хранение в Вятскую епар-

хиальную библиотеку. Аналогично поступили с Шестодневником, Путешественником, Требником и рукописной тетрадкой, поскольку они, по замечанию протоиерея С. Кашменского, содержали в себе «довольно нелепостей», например «мысли об антихристе, не согласные с учением православным» [11].

Книги, противоречащие учению Русской православной церкви, были изъяты Глазовским уездным исправником у крестьян починка Чернышевского Мухинской волости Зота и Василия Чернышовых. Например, при рассмотрении двух рукописей – Цветников, содержащих цитаты из Священного Писания, Кирилловой книги, Книги о вере, Катехизиса, были обнаружены «злонамеренные и вредные приписки», как то: «Много свидетельства Св. Писания указуют нам, яко Никон Еретик и богоотступник»; «Восприимут человецы печатью три тайны антихристовы... Три тайны суть три перста десныя руки окажутся: первый перст лев, второй сказуется змий, третий сказуется лживый пророк, посреде же сам сатана...»; «По истине может глупый понять, что не пастыри то волки, хищники, разбойники, новые жиды... потому что все книги вопиют. Во время антихристово не будет ни жертвы, ни приношения, ни кадила... свящество истребится... агнец будет антихристов; ...Взяли агнец, да и кроетсяя и обманываете, человеки, мы истинные священницы и агнец у нас Христов ...» [12].

В текст одной из рукописей входило также стихотворение об антихристе: «Наступила зима, зело люта, уби виноград все зеленый. Дух антихристов возвыл на нас, смуги веру всю православную. Оскверни души христианские... Какowych святых мы лишилися, живем ныне гласа пастырей не слышим, наставляющих ко спасению. Не имеем мы покаяния, умираем мы без причастия... Скитаемся мы все без пастырей... Лица святителей не видим. Чин священнический серебром весь пленен...» [13].

В книге, содержащей учение Св. Геннадия Константинопольского о вере, в конце приводятся две повести о патриархе Никоне. В первой рассказывалось о том, что игумен Елизар во время чтения Евангелия будто бы видел на патриархе Никоне черного змия. Во второй повести перед читателями предстает патриарх Никон в окружении множества бесов, которые, посадив его на престол, кланяясь, обращались к нему со словами: «По истине ты любезный друг наш, так как помог нам крест Мариина сына изгнать, низложить и преодолеть» [14]. Чернышovy неоднократно обращались с просьбой вернуть отобранные у них книги. Свои ходатайства они направляли в Вятскую духовную консисторию, Святейший Синод (11.03.1892 г.), епископу Вятскому и Слободскому (7.11.1905 г.). В них крестьяне обязались даже

дать подписку в том, что не покажут и не будут читать свои книги никому из адептов Русской православной церкви. Но ни одно из прошений Чернышовых не было удовлетворено в связи с наличием в их книгах мыслей, направленных против вероучения официальной церкви и самого патриарха Никона. Изъятые книги остались храниться в ризнице кафедрального собора.

Среди книг, обнаруженных становым приставом Малмыжского уезда при обыске в доме крестьянки Соломонида Авдотьевой, оказалось «Слово от старчества». В связи с тем, что рукопись была направлена против солдатских наборов, употребления чая, сахару, помады, табаку, нового покрова платья, ее отправили к ключарю кафедрального собора для хранения в ризнице [15].

Вятская духовная консистория сочла «исполненными наглою клеветою и злостною бранью» на официальную церковь книги, отобранные становым приставом Нолинского уезда у старообрядца, унтер-офицера Семена Перминова, проживавшего в починке над Талым Ключом Сюминской волости Глазовского уезда. Среди них «Чин исповедания и перекрещивания», «Слово о каноне церковном», Канон, как подобает петь за творящих милостыню, Устав о поклонах, пище, молитвах, о поморских отцах и др. Например, в рукописной тетради «Толкование о крестном знамении» содержались «злоухление» на епископа Нижегородского Питирима и на всех православных; в рукописной книге «Из Соловецкого цветника» утверждалось, что «православных следует непременно перекрещивать, якобы держащихся всех ересей и во всем согласующихся с лютейшим еретиком папою Римским». Учитывая содержание книг, было решено отправить их в ризницу кафедрального собора для хранения [16].

В ряде случаев старообрядцы обращались за помощью к епархиальному начальству. Так, в 1868 г. дважды посылал «просительные письма» епископу Вятскому и Слободскому Аполлосу крестьянин Николай Порсев. В 1862 г. сарапульский городничий с полицмейстером Ижевской заводской полиции Романовским арестовали Аристарха Рябова за совершение им церковных служб по обрядам староверов-поповцев. Во время обыска в его доме были найдены и изъяты богослужебные книги. Среди них оказались и книги Н. Порсева: Общая Минея, Часослов, Требник. После рассмотрения всех книг в Вятской духовной консистории только две из них вернулись к своим владельцам: Часовник и книга Иоанна Златоуста, принадлежавшие мастерскому Оглоблину. Н. Порсев же своих книг не получил. С просьбой распорядиться о высылке ему книг из консистории он обратился к Аполлосу, епископу Вятскому и Слободскому. Однако в связи с тем, что в акте, составленном при обыске дома

А. Рябова, не была зафиксирована принадлежность указанных книг именно Н. Порсеву, просьба старообрядца не была удовлетворена [17].

Отстаивая свои права, старообрядцы обращались и в центральные органы власти. Например, в ноябре 1867 г. в Министерство внутренних дел поступило ходатайство Натальи Телициной. Помощник Глазовского уездного исправника Трапицын в ходе следствия по делу о распространении староверия крестьянином Иваном Седовым произвел обыск в ее доме и изъял несколько книг, в частности Часослов, Канонник, Часовник, Цветник, О страстях Христовых. По мнению Н. Телициной, данная экспроприация была осуществлена незаконно, поэтому она ходатайствовала о возвращении ей отобранных книг. Ранее она обращалась с такой просьбой к вятскому губернатору, но безуспешно. Подчеркивая важность для нее священных книг, Н. Телицина отметила, что она получила их от родителей по наследству. Однако все вышеперечисленные книги оказались «печатными в недозволенных типографиях», в связи с чем, по распоряжению епископа Вятского и Слободского Аполлоса, они были отосланы в семинарское правление для миссионерского отделения [18]. По выяснении обстоятельств дела прошение Н. Телициной не было удовлетворено и Министерством внутренних дел.

Подобное негативное отношение властей к старообрядческой литературе объясняется тем, что должностные лица видели в ней мощный рупор пропаганды староверия. По мнению обер-прокурора Синода Ахматова, «обращение в простом народе печатных раскольнических книг, особенно при содействии лжеучителей, не может быть безопасно для православия» [19]. С руководством Святейшего Синода были согласны и представители местной администрации, в частности, вятский губернатор выделил в качестве одной из главных причин развития старообрядчества распространение книг, изданных самими староверами [20]. В связи с этим губернатор в числе мер по искоренению старообрядчества назвал запрет на продажу такой литературы (а также икон, лубочных картин) книготорговцами, часто приезжавшими из Владимирской губернии [21].

Тем не менее известны случаи, когда книги, изъятые местными властями у старообрядцев, возвращались их владельцам. Как правило, это были единоверческие и синодальные издания, не имевшие отношения к общественным богослужениям. В частности, Вятская духовная консистория сочла «для православной веры и христианской нравственности не опасными и безвредными» [22] три старопечатные книги «расколоучительницы» Евдокии Селивановой: Устав о христианском житии, включающий в себя правила о пище и поклонах в праздничные дни и в период поста, о

епитимьях, налагаемых за грехи; Златоуст – собрание поучений Иоанна Златоуста, Григория Богослова, Ефрема Сирина и др.; Пролог за три месяца (март, апрель, май). 13 декабря 1884 г. Вятская духовная консистория постановила вернуть книги «по принадлежности». Однако отметим, что участь самой Евдокии Селивановой, обвиненной в распространении староверия, была предопределена судом: решением Вятского окружного суда от 12 сентября 1885 г. ее выслали в Закавказский край на поселение.

Книги, «для православия безопасные», оказались и среди литературы, изъятой у крестьянки Соломонины Авдотьевой, в частности: Канон пресвятой Богородице Казанской, Чин на разлучение души от тела, Канон святому Николаю Чудотворцу и др. После рассмотрения книг в Вятской духовной консистории они были возвращены их владельцу [23]. Получил обратно свои книги и старообрядец Федор Банщиков. Уржумское уездное полицейское управление препроводило их в Вятскую духовную консисторию, которая не обнаружила в них ничего противоречащего вероучению официальной церкви [24].

Большую роль в распространении старообрядчества играли типографии. В период с 1701 по 1918 гг. в стране существовало 40 старообрядческих типографий [25]. Организаторами многих из них являлись крестьяне-староверы, например А. А. Гребнев, И. И. Зыков, Д. Д. Крупин. Из среды «ревнителей древнего благочестия» вышли такие известные ценители и издатели книг, как К. Т. Соддатенков (1818–1901), О. В. Шевцов (1840–1908), П. А. Овчинников (1843–1912), Е. Е. Егоров (1863–1917), Ф. А. Каликин (1876–1971) и др. Как справедливо отмечает современный исследователь И. В. Починская, «возникновение старообрядческого книгопечатания принадлежит к числу закономерных явлений нашей культуры, вызванных к жизни практическими интересами и идеологическими ориентациями определенной части русского общества» [26]. Действительно, староверы, не приняв реформ патриарха Никона, отказались от использования «новоисправленных» книг. Вследствие этого они вынуждены были прибегнуть к переписыванию древних книг и перераспределению их в своей среде [27].

Однако неизбежностью являлось изнашивание книг в ходе их постоянной эксплуатации, а переписывание было трудоемким и длительным процессом. Кроме того, напечатанная книга позволяла избежать многих ошибок, которые порой допускались переписчиками в ходе работы, и, следовательно, была более точной. Вышеуказанные факты побуждали старообрядцев заняться издательской деятельностью и тем самым пополнить свой книжный фонд. Первая старообрядческая типография появилась в 80-е гг. XVIII в. в посаде Кли-

цы Сурожского уезда Черниговской губернии. Подчеркнем, что вплоть до 1905 г. старообрядческое книгопечатание находилось под запретом. Как светские, так и духовные власти занимали в этом вопросе непримиримую позицию. До выхода в свет закона «Об укреплении начал веротерпимости» продолжал действовать постулат, выдвинутый еще в начале XVIII в. московским архимандритом Златоустовского монастыря Антонием, а именно: старообрядческие издания «не только противны святой церкви, но и гражданству» [28].

Не случайно местные власти прилагали большие усилия с целью выявления и пресечения деятельности книгопечатников. Одна из типографий Вятской губернии, по сообщению пристава второго стана Сарапульского уезда, находилась в землянке, вырытой в огороде, возле жилой избы крестьянина деревни Сенихи, старообрядца Филата (по духовным росписям – Феофилакта) Порсева. По данным пристава, Ф. Порсев тайно печатал там книги. Несмотря на то, что вина крестьянина не была доказана, в его доме при обыске обнаружили 128 листов бумаги разного формата, две рукописные тетради, записки Священного Писания и типографские принадлежности [29]. Все это косвенно подтверждало деятельность Ф. Порсева по изданию книг. Во время проведения следственных мероприятий его не оказалось дома. По словам брата Тимона Порсева, Филат еще за две недели до этого ушел из дома, не известив никого о предполагаемом месте пребывания. Согласно показаниям односельчан, Ф. Порсев до 19 февраля 1862 г. не проживал в деревне Сенихе в течение двух лет [30]. Становой пристав установил, что в то время он находился за рекой Камой в деревне Маракуше Осинковского уезда. В связи с этим местному приставу было предписано следить, не пойдут ли Ф. Порсев там вновь. Таким образом, за старовером, подозреваемым в печатании книг, устанавливался строгий полицейский надзор.

Факты закрытия старообрядческих типографий, преследование их владельцев можно выявить и на общероссийском материале. В частности, в мае 1877 г. полиция обнаружила типографию в Москве в доме Алексея Овчинникова, где на четырех станках работали десять человек. В ходе следствия было изъято несколько десятков книг, хранившихся в типографии. Однако это не остановило старообрядцев: они не прекратили свою книгоиздательскую деятельность. Спусти несколько лет, в 1885 г., в Сырмятниках была вновь обнаружена типография Алексея Овчинникова, а в 1893 г. полиция закрыла типографию в селе Банееве Борисоглебского уезда Ярославской губернии, владельцем которой являлся брат Алексея Овчинникова – Андрей. Наконец, отбыв наказание и не побоявшись быть уличенными в противозаконной деятельности, Овчинниковы в

очередной раз попытались продолжить свою работу. В июле 1894 г. полиция выявила и закрыла типографию в городе Богородске Московского уезда, принадлежавшую Андрею Овчинникову. После этого книгоиздательская деятельность братьев Овчинниковых не возобновлялась [31].

В 1902 г. полицией был обнаружен книжный склад, где хранилась старообрядческая литература. Ее владельцем оказался Г. А. Клинов. Вскоре после этого закрыли типографию Д. Д. Крупина в селе Черкизово [32].

Только с изданием закона 17 апреля 1905 г. старообрядцы получили возможность легально заниматься книгопечатанием. Тогда появились типографии в Балахне, Нижнем Новгороде, Саратове, Уральске и других городах. Крупнейший в Вятской губернии старообрядческий книгоиздательский центр находился в селе Старая Тушка. В 1908 г., с разрешения Министерства внутренних дел, Лука Арефьевич Гребнев открыл там «типографию со словолитней для печатания на церковно-славянском языке старообрядческих богослужебных и других религиозно-нравственного содержания книг, а также изготовления необходимого для этой цели шрифта» [33].

Судьба А. Гребнева трагична. Родился он в октябре 1868 г. в деревне Дергачи Уржумского уезда в семье старообрядцев федосеевского согласия. В родной деревне он освоил иконописное мастерство, а, живя в Москве, работал в старообрядческой типографии Г. К. Горбунова. Вернувшись из Москвы опытным типографом, А. Гребнев в 1900 г. организовал в деревне Дергачи тайную типографию, которую впоследствии, в 1906 г. приобрела московская Преображенская община [34]. Таким образом, в течение нескольких лет А. Гребнев издавал книги, и в каждой из них на последней странице отмечал, что они печатались в Почаевской типографии [35].

Разрешенную законом типографию, как мы уже отметили выше, А. Гребнев открыл в селе Старая Тушка в 1908 г. Она размещалась на первом этаже двухэтажного деревянного дома. В ней печаталась богослужебная литература, а также поздравительные открытки к религиозным праздникам. Книги, издаваемые в тушкинской типографии, отличались высоким качеством. Они печатались на хорошей бумаге и одевались в кожаные переплеты. Благодаря доступной цене эти книги пользовались спросом не только в Вятской губернии, но и за ее пределами. Типография в Старой Тушке прекратила свою работу в 1915 г., а 18 октября 1918 г. была закрыта [36]. В указанном году прекратили свою деятельность многие типографии староверов. Это было связано с тем, что большевики рассматривали религиозно-издательские центры (в том числе старообрядческие) как «рассадники мракобесия» [37].

После этого, вплоть до 1929 г., А. А. Гребнев занимался меднолитным производством (литьем крестов, складней, икон, бытовой утвари).

Лука Арефьевич был также талантливым иконописцем, гравером, автором духовных стихов. Он занимался преподавательской деятельностью: учил детей старообрядцев в открытой при молельном доме школе. А. Гребнев известен как человек глубоко верующий. На протяжении семнадцати лет он был церковным старостой тушкинской поморской общины. О большом уважении, которым пользовался Лука Арефьевич у своих односельчан-единоверцев, свидетельствует тот факт, что он дважды избирался делегатом на Всероссийские съезды старообрядцев поморского толка, проходившие в г. Москве в 1917 и 1924 гг. В 1926 г. он был приглашен на очередной съезд поморцев в г. Саратов, но поехать туда не смог. А. А. Гребнев поддерживал тесные связи с руководителями старообрядческих поморских общин г. Москвы (Родионом Ивановичем Кистовым), г. Саратова (Федором Васильевичем Воробьевым) и др. [38]. В 1930 после раскулачивания он жил при старообрядческой молельне в селе Турек Уржумского Уезда, а в марте 1931 г. переехал в деревню Б. Пальники Немского района, где служил священником в местной поморской общине.

В феврале 1932 г. А. А. Гребнев вместе с несколькими односельчанами был арестован органами НКВД. По мнению сотрудника УФСБ по Кировской области А. Миклина, причиной ареста послужило активное противодействие староверов насильственной коллективизации [39].

Имеющиеся в нашем распоряжении источники позволяют более детально проанализировать причины ареста и ссылки А. А. Гребнева. В уголовно-следственном деле на А. А. Гребнева содержится информация о том, что, находясь в деревне Б. Пальники, он создал тайную крестьянскую организацию, основной целью которой было противодействие правительственным мероприятиям: организации колхозов, проведению хлебозаготовок, подписке на государственные займы. В группировку входило девять активистов из трех деревень – Б. Пальники, Медведково и Слудка. Согласно данным НКВД, «в процессе своей антисоветской работы группировка применяла такие методы антисоветской агитации, как запугивание крестьян скорой войной и падением советской власти, Страшным Судом, Антихристом и различными муками», а когда это не помогало, угрожала «виселицами и избиениями» [40].

Гребнев активно интересовался вопросами внешней политики, регулярно просматривал периодические издания. По мнению сотрудников правоохранительных органов, это было связано с тем, что он делал ставку не на внутреннее перерождение большевизма (подобно «сменовехов-

цам») или на антикоммунистическое восстание в СССР (как В. М. Чернов), а на внешнее вторжение сильной капиталистической державы. В соответствии с данными НКВД, в декабре 1931 г. Л. А. Гребнев заявил: «Япония уже забрала Китай, а потом заберет и Россию, тогда мы вздохнем, кончится безбожное правительство» [41]. Во время следствия сам Л. А. Гребнев отрицал свое участие в антисоветской пропаганде, хотя и признавал, что считает проводимую правительством политику нерациональной. В частности, он отмечал негативные стороны коллективизации как в экономическом, так и в духовном аспектах. По мнению Л. А. Гребнева, коллективизация вела к упадку сельского хозяйства, влекла за собой для крестьян «страшный голод и нищету», наконец, вступление в колхозы чревато нравственным оскудением людей вследствие их безверия [42].

14 мая 1932 г. на заседании Особой тройки при ПП ОГПУ Нижняя слушалось дело Л. А. Гребнева и др., где ему было предъявлено обвинение в «проведении контрреволюционной агитации». За это Л. А. Гребнева приговорили к ссылке на три года в северный край. По воспоминаниям сына, Фомы Лукича, Лука Арефьевич по пути следования умер в г. Котласе [43]. Фома Лукич был репрессирован по той же статье, что и отец, осужден к десяти годам исправительно-трудовых лагерей. Сегодня отец и сын Гребневы реабилитированы.

Лука Арефьевич Гребнев внес значительный вклад в развитие и преумножение старообрядческой литературы. Благодаря его книгоиздательской деятельности вятские старожилы смогли существенно пополнить свои книжные коллекции качественной и недорогой литературой.

Таким образом, во второй половине XIX в., несмотря на общее смягчение конфессиональной политики самодержавия в отношении старообрядцев, мы наблюдаем продолжение прежнего репрессивного курса применительно к старообрядческой книжности. Властями арестовывались издатели и распространители старопечатной литературы. При обыске в домах «ревнителей древнего благочестия» изымались книги, содержание которых противоречило учению официальной церкви, литература, предназначенная для общественного богослужения.

Примечания

1. Покровский, Н. Н. О роли древних рукописных и старообрядческих книг в складывании системы авторитетов старообрядчества [Текст] / Н. Н. Покровский // Научные библиотеки Сибири и Дальнего Востока: сб. науч. тр. 1973. Вып. 14. С. 19.
2. Карташов, А. В. Очерк по истории русской церкви [Текст] / А. В. Карташов. М., 1992. Т. 2. С. 170.
3. Цит. по: Покровский, Н. Н. Указ. соч. С. 29.
4. Рябушинский, В. Старообрядчество и русское религиозное чувство [Текст] / В. Рябушинский. М., 1994. С. 102.

5. Мир старообрядчества. Вып. 1.: Личность. Книга. Традиция. М.; СПб., 1992. С. 12.
6. Там же. С. 18.
7. ГАКО. Ф. 237. Оп. 15к. Д. 195. Лл. 6-6об.
8. ГАКО. Ф. 237. Оп. 15м. Д. 670. Л. 3об.
9. Там же. Л. 4.
10. ГАКО. Ф. 237. Оп. 193. Д. 112. Л. 19об.
11. ГАКО. Ф. 237. Оп. 15л. Д. 529. Л. 3.
12. ГАКО. Ф. 237. Оп. 193. Д. 654. Л. 8об., 8, 9.
13. Там же. Л. 9.
14. Там же.
15. ГАКО. Ф. 237. Оп. 15с. Д. 293. Л. 10об.
16. ГАКО. Ф. 237. Оп. 15л. Д. 378. Л. 4об.
17. ГАКО. Ф. 237. Оп. 15. Д. 304.
18. РГИА. Ф. 1284. Оп. 219. Д. 44. Л. 4об.
19. РГИА. Ф. 797. Оп. 32. Д. 196. Л. 2.
20. РГИА. Ф. 797. Оп. 40. Д. 143. Л. 3.
21. ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 271. Л. 80.
22. ГАКО. Ф. 237. Оп. 15с. Д. 212. Л. 5.
23. ГАКО. Ф. 237. Оп. 15с. Д. 293. Лл. 10об.-11
24. ГАКО. Ф. 237. Оп. 15л. Д. 407.
25. Поздеева, И. В. Личность и община в истории русского старообрядчества [Текст] / И. В. Поздеева // Мир старообрядчества. История и современность. Вып. 5. М., 1999. С. 19.
26. Починская, И. В. Старообрядческое книгопечатание XVIII – первой четверти XIX в. [Текст] / И. В. Починская: дис. канд. ист. наук. 07.00.02. Свердловск, 1991. С. 18.
27. Поздеева, И. В. Древнерусское наследие в истории традиционной книжной культуры старообрядчества (первый период) [Текст] / И. В. Поздеева // История СССР. 1988. № 1. С. 85.
28. Цит. по: Починская, И. В. Старообрядческое книгопечатание в XVIII – первой четверти XIX вв. [Текст] / И. В. Починская. Екатеринбург, 1994. С. 34.
29. ГАКО. Ф. 582. Оп. 84а. Д. 82. Л. 9.
30. ГАКО. Ф. 237. Оп. 15е. Д. 648. Л. 1об.
31. Починская, И. В. Книгопечатание старообрядцев-федосеевцев во второй половине XIX – начале XX вв. (до 1906 г.) [Текст] / И. В. Починская // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Екатеринбург, 1997. С. 146-147.
32. Там же. С. 148.
33. ГАКО. Ф. 582. Оп. 139. Д. 287. Л. 2.
34. Семibrатов, В. Типография Луки Гребнева [Текст] / В. Семibrатов // Уральский следопыт. 1991. № 2. С. 11.
35. Петряев, В. Вятские книголюбы [Текст] / В. Петряев. Киров, 1986. С. 13.
36. Государственный архив социально-политической истории Кировской области (далее – ГАСПИ КО). Ф. 6799. Оп. 8. Д. СУ – 10165. Л. 80об.
37. Вознесенский, В. В. Книгоиздательская деятельность старообрядцев (1701–1918) [Текст] / В. В. Вознесенский, П. И. Мангилев, И. В. Починская: материалы к словарю. Екатеринбург, 1996. С. 5.
38. ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 8. Д. СУ – 10165. Лл. 80об.-81.
39. Миклин, А. Архивы КГБ о вятском книгопечатнике [Текст] / А. Миклин // Уральский следопыт. 1992. № 8. С. 12.
40. ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 8. Д. СУ – 10165. Л. 154.
41. Там же. Л. 160.
42. Там же. Лл. 187, 84.
43. Цит. по: Миклин, А. Указ. соч. С. 12.

Т. И. Лытка

В. РАТЕНАУ. СТАНОВЛЕНИЕ ПРОМЫШЛЕННИКА (1884–1914 гг.)

Личность и деятельность В. Ратенау – главный предмет настоящей статьи.

В. Ратенау – один из крупнейших промышленников конца XIX – начала XX в. в Германии. Исследователи давно испытывают интерес к персоне этого промышленника, социального мыслителя, культуролога и политика. Пробуждение интереса зафиксировано в конце 60–70-х гг. XX в. после празднования 100-летия со дня рождения Ратенау в 1967 г. По данным западногерманского исследователя Г. Ламма, общее число работ о нём превысило 2300 книг, написанных историками-профессионалами, писателями, журналистами [1]. В. Ратенау был одним из наиболее ярких представителей германской монополистической буржуазии конца XIX – начала XX в. Тем не менее в литературе о нём промышленный аспект деятельности недостаточно освещен, хотя именно в этой области полнее всего воплотилась его индивидуальность. Более того, только состоявшись в качестве организатора производства и крупнейшего предпринимателя, он получил возможность направить свою недюжинную творческую энергию на создание философско-культурологических трудов и политическую деятельность.

Нет ни юбилейного сборника, ни специальных исследований о предпринимательской деятельности Ратенау. В не так давно опубликованных биографиях П. Берглар и Е. Шулин недооценили важность предпринимательской деятельности В. Ратенау. Шулин, например, пишет следующее: «В. Ратенау всегда находился на определённой дистанции от предприятия отца, начиная от создания АЕГ, так как он хотел быть независимым от мира материального и отцовского наследства» [2]. Мы не можем согласиться с этой точкой зрения: из 55 лет своей жизни 28 лет Вальтер Ратенау провел в экономической империи своего отца, он не покидал эту империю до 1921 г.

Важно, исходя из неразрывного взаимопроникновения двух областей, – экономики и политики, изучить процесс становления Ратенау как крупного промышленника.

Социально-экономическая и правовая ситуация конца XIX – начала XX в. в Германии способствовала участию представителей предприним-

чивых еврейских фамилий в процессе хозяйственной модернизации. Большею частью они участвовали в этом, правда, как частные банкиры и торговцы, которые приводили в движение своими деньгами новые отрасли производства, особенно железнодорожное строительство и текстильную промышленность. Нередко они участвовали и в развитии машиностроительного сектора немецкой индустрии, который, начиная с 1860-х гг., стал выходить в один ряд с угольной и металлургической отраслями промышленности.

Отец Вальтера, Эмиль Ратенау, был одним из наиболее удачливых бизнесменов периода грюндерства, но в 1873 г. он стал жертвой кризиса. Его машиностроительная фабрика была продана. Возвращение в 1881 г. Эмиля Ратенау в сферу большого бизнеса было триумфальным. Созданное им в апреле 1883 г. «Немецкое эдисоновское общество» в 1887 г. было преобразовано в гигантскую Всеобщую компанию электричества (Allgemeine Elektrizitäts-Gesellschaft, AEG), а Эмиль Ратенау стал королём электротехники – самой перспективной и модной в то время отрасли немецкой экономики [3]. Вальтер Ратенау был старшим сыном в семье, и, естественно, наследником и преемником отца, приступившего к созданию своей промышленной империи. Он получил прекрасное образование, сначала учился в школе, а затем в королевской берлинской гимназии, где изучал философию, химию, физику и другие предметы. Перед окончанием гимназии в нём проснулся интерес к учёбе. В старших классах проявились качества, которые отличали его всю жизнь: чувство ответственности и обязательность.

В. Ратенау поступил по желанию отца в 1884 г. в Страсбургский университет. Отцовский выбор был не случаен. Здесь читал лекции известный физик А. Кундт, много внимания уделявший экспериментам с электромагнитными и оптическими приборами. Это полностью отвечало намерениям главы АЕГ, готовившего сына к практической деятельности в области электротехники. В 1888 году Кундт перевелся в Берлинский университет и взял с собой некоторых студентов. Среди них был Ратенау [4]. Научно-исследовательской работой он занимался под руководством физика Германа фон Гельмгольца. В 1889 г. В. Ратенау защитил докторскую диссертацию на тему «Об абсорбации света металлами». Диссертация позднее стала основой для его изысканий и изобретений, воплощенных на производстве. В 1890 г. он продолжил свое образование в Мюнхене в Технической высшей школе, где изучал машиностроение и электрохимию. По письмам самого В. Ратенау можно судить, что годы учёбы и, прежде всего, работа над диссертацией воспринимались им скорее как обязан-

ЛЫПКА Татьяна Ивановна – директор Нижнетагильского филиала Международного юридического института при Министерстве юстиции РФ
© Т. И. Лыпка, 2004

ность, а его собственные интересы этих лет относятся преимущественно к сфере литературы и живописи [5].

После прохождения военной подготовки (1890–1891 гг.) жизнь Ратенау протекала как бы в двух сферах. С одной стороны, он был человеком, успешно делавшим карьеру в промышленном мире кайзеровской Германии, с другой стороны, продвижение на этом поприще его не удовлетворяло. Две страсти владели этим человеком – стремление к осмыслению и анализу социально-экономических явлений и желание сделать политическую карьеру, занимать высокие государственные посты. Характерную для внутреннего мира Ратенау комбинацию, объединившую стремление к техническому и организационному рационализму и склонность к интеллектуальному и духовному иррационализму, можно понять лишь с учётом двойственности его социально-этнического происхождения: одновременной принадлежностью к традициям еврейской общины и прусскому державному духу, предпринимательству и литературной интеллигенции, следствием чего были тесные связи и с господствующей элитой, и с социальной и политической оппозицией. Эти противоречия вели к тому, что идеи развития техники, совершенствования экономики, организации общества и постижения культуры в его мышлении с годами расходились всё радикальнее, и, несмотря на неоднократные попытки их гармонизации, вели к непреодолимому конфликту.

Вальтер Ратенау хотел жить согласно своим желаниям, интересам, стремлениям. Однако отец потребовал от него поступления на службу на предприятие АЕГ в Берлине. Вальтер Ратенау шведскому изданию своей книги «О грядущих вещах» (1918 г.) предпослал биографическую справку, в которой, говоря о выборе им профессии, писал следующее: «Колебание между живописью, литературой и естествознанием. Решение в пользу физики, математики и химии как фундамента современной науки и техники» [6].

Принятие Вальтером решения в пользу «основ современной науки и техники» происходит не совсем добровольно. Отказавшись от искусства и литературы, уступив требованиям главы семьи, Вальтер осознал свою зависимость от отца, понял, что этот путь не будет свободен от неудач, потерь и сомнений. В 1892–1893 гг. он был вынужден работать простым служащим отраслевого предприятия АЕГ «Aluminium Industrie A.G.» в Нойхаузене в Швейцарии. Отец считал, что Вальтер должен был готовиться к практической деятельности с тем, чтобы затем продолжить его дело. Он изучал производство, которое до этого знал только по книгам. Здесь Вальтер познакомился с технологией производства алюминия из глинозёма на крупном предприятии и занимался опытами

в области электрохимии. Сферой его научно-инженерных интересов была не электротехника, а электрохимия. Ратенау видел мощный инновационный потенциал электрохимии [7]. В посланиях матери он жаловался на своё одиночество, ночные смены и «собачью жизнь», сетовал, что в области производства он «бездарен, как корова» [8].

Матильда Ратенау, очевидно, оказала воздействие на мужа и посоветовала в письме Вальтеру сменить профессию: «Чтобы не волновать меня более, хочу сообщить тебе только, что это точка зрения папы и всех нас. Твоя деятельность не удовлетворяет тебя, откажись от неё, стань профессором или художником, что тебе желательнее... Папа полагает также, что ты мог бы стать профессором электрохимии, и это возможно сейчас. Итак, обдумай всё, и увидишь, что тебе не будет ни малейшего противостояния» [9]. Вальтер, как и его отец, рассматривал эти годы как ученические. Несомненно, он приобрёл в Нойхаузене положительный опыт. Свои технические изобретения и идеи по организации производства он пытался претворить в жизнь. Здесь им был открыт способ получения хлора и щелочных металлов путём электролиза. Одновременно он осознал свои организаторские способности, умение влиять на людей, заражая их своими идеями, вести за собой.

Вступление В. Ратенау в сферу большого бизнеса пришлось на время немецкой экономической экспансии на мировом рынке и АЕГ в частности. За период с 1880 по 1914 гг. АЕГ превратилась в один из самых больших концернов Европы, являясь образцом динамичного развития немецкой экономики [10]. В конце 1893 г. у Ратенау появилось страстное желание приобрести независимое положение. Он выступил с предложением внедрить в производство ряд технических новшеств и создать рациональное производство. В Биттерфельде (городок к югу от Берлина) имелись месторождения бурого угля. В Ратенау стал управляющим электрохимического завода GmbH (Berlin und Bitterfeld), основанного АЕГ и банковским консорциумом этого общества, и руководил строительством предприятия. Возможности электрификации были апробированы и стали реальностью. Он семь лет (до 1899 г.) жил в этом городе, только несколько раз выезжая за границу в связи с производственной необходимостью, и совершал кратковременные поездки в Берлин в родительский дом. В 1899 г. Ратенау стал членом правления АЕГ, в начале войны входил в наблюдательные советы 80 немецких и иностранных компаний [11].

Время, прожитое в Биттерфельде, он позднее вспоминал как самое скверное время молодости, вероятно, не только по причине тяжелой работы, выполняемой на предприятии, но также из-за сво-

его общественного положения и своей духовной конституции [12]. Вальтер Ратенау как ссыльный пробыл в этом прусско-саксонском городке, расположенном южнее Берлина, с численностью населения около 11 тысяч человек. Положение сына президента АЕГ было очень ответственным. Здесь он полностью посвятил себя работе и осуществил несколько технических разработок, которые впоследствии принесли ему славу [13]. Известны его опыты по телеграфной трансляции на Вандзее, он руководил процессом производства карбида, натрия, магнезии. Изучая электрохимические процессы, В. Ратенау задумывается о международном использовании своих открытий. Его экономические интересы распространяются на южно-европейский и восточноевропейский регионы. Западноевропейский регион был «доменом» Феликса Дойча, члена правления АЕГ. Ратенау посещает Геную, Париж, Барселону, Севилью. Эти поездки были целенаправленной подготовкой к руководящей деятельности в АЕГ.

Предприятие, основанное в Биттерфельде, с самого начала страдало от жесткой конкуренции и больших технологических трудностей. В июле 1898 г. В. Ратенау вынужден был сдать в аренду предприятия в Биттерфельде и Рейнфельде при финансовом содействии Карла Фюрстенберга (директора Берлинского торгового общества «Berliner Handels Gesellschaft») фирме-конкуренту Грайсхайм – Электрон /Greisheim Elektron/, чтобы избежать банкротства [14]. Как бы то ни было, финансово-экономическая деятельность В. Ратенау в 90-х гг. была в целом вполне успешной [15]. Впрочем, одни только финансовые и научно-технические достижения не могли обеспечить ему внутреннюю гармонию. Пауль Мамрот, один из директоров АЕГ, вспоминал: «Вальтер в Биттерфельде глубокой ночью говорил о явном намерении отказаться от техники и науки совершенно и стать художником» [16].

Впрочем, состояние поиска вследствие внутренней неудовлетворённости для него было довольно характерным. В 1898 г. он даже уехал в Америку с целью основать там фабрику по производству хлора, калия, но вернулся назад. Поездка оказалась безрезультатной [17]. В 1899 г. Ратенау оставил Биттерфельд, оценив эти годы как «семь благодарных лет». Он состоялся как руководитель предприятия и приобрел экономическую независимость. Позднее, в 1918 г., он напишет следующее о своей профессиональной карьере: «Технический служащий алюминиевого производства АГ, Нойхаузен, Швейцария. Разработка способа электролиза и алкалоидов. В 1893 г. с помощью Немецкого банка основал «Электрохимическое предприятие», чтобы осуществлять этот способ. Я принял руководство, строил предприятия в Биттерфельде, Рейнфельде,

Польше, Франции. Вначале были большие трудности. Одновременно я работал над получением способа изготовления ферросилиция [18], хрома, натрия, магнезия. Бесчисленные патенты... В 1899, после семилетнего пребывания в маленьком фабричном городке Биттерфельде предприятия начали процветать. Я решил уйти из индустрии и работать в литературе, АЕГ предложила мне вступить в совет директоров» [19].

Плата за биттерфельдский опыт была достаточно высокой: отказ от личного счастья. Он искал пути более полного применения своих талантов. Во второй половине жизни он нашел отдушину в деятельности анонимного публициста. В 1897 г., в возрасте 30 лет, он начинает свою «двойную жизнь», печатаясь у Гардена в «Die Zukunft». Список статей, которые в этом еженедельнике им были опубликованы, говорит сам за себя [20]. Работы, написанные Ратенау в течение 12 лет, опубликованы были под псевдонимом В. Хартенау (W. Hartenau). В 1897 г. впервые литературная работа принесла ему удовлетворение. Эссе «Слушай, еврей!» было напечатано М. Гарденом в «Zukunft». Эссе было посвящено проблеме эмансипации евреев [21]. С этой публикации его отношения с издателем становятся постоянными и со временем перерастают в дружбу. На этот период времени приходится обострение старого разлада между предпринимательской деятельностью и публицистической.

Практически В. Ратенау внёс свой вклад в продолжение отцовского дела, он теоретически пытался преодолеть мир капитализма, «механизацию» путём формирования нового образа мыслей. Оба направления в его деятельности влияли друг на друга, это имело большое значение для его интеллектуальной эволюции до начала войны 1914 г.

К началу XX в. В. Ратенау завоевал известность как учёный и деловой человек. В 1899 г. ему предложили вступить в директорат АЕГ и возглавить отдел строительства центральных электрических станций, при этом он сохранял за собой руководство электрохимическим производством [22]. Его отдел занимается строительством предприятий в Англии, Аргентине, Голландии, Швейцарии. Его друг Х. Ф. Симон заметил по этому поводу, что Ратенау от имени АЕГ, которая до сих пор строила электростанции за собственный счет или используя кредиты, впервые участвовал в открытых торгах и, победив, получил тендер на строительство электростанции Хайдельберг. Его заслуги в качестве талантливого инженера и коммерсанта перед компанией огромны: покорение зарубежных рынков – строительство электростанции Мальмё, успехи в Англии, строительство электростанций в Польше, Франции, Южной Америке и т. д. [23]. АЕГ полностью находилась под контролем «династии Ра-

тенау». В Директорат кроме него в 1890 г. вошёл также младший брат Эрих.

Тем временем на рубеже XIX–XX вв. в АЕГ происходил процесс, характерный для новых промышленных и финансовых предприятий акционерного типа: Эмиль Ратенау стремился привнести в директорат фамильную политику и готов был создать династию генеральных директоров. Сименс и многие другие делали то же самое. Эмиль Ратенау открыто готовил преемников, в этой роли выступал с 16 лет В. Ратенау [24].

В. Ратенау пришёл в правление в критическое время, на переломе веков в электроиндустрии наступил спад, который был обусловлен тяжёлым экономическим кризисом. Только «Сименс и Гальске» и АЕГ благодаря превентивным мерам и созданным резервам уцелели и относительно мягко пережили сложные для промышленности времена. В. Ратенау использовал свой биттерфельдский опыт, посредством слияния предприятий и создания синдикатов пытался преодолеть жёсткую конкуренцию.

В берлинском «свете» и при дворе Вильгельма II не могли не заметить сына Э. Ратенау, основателя могущественной АЕГ, одного из самых богатых людей страны. В начале XX в. В. Ратенау входит в «верхние эшелоны» столичного общества, знакомится с государственными и политическими деятелями, придворными. В 1900 г. он удостоивается чести вместе с графом Арко (Arco) продемонстрировать кайзеру новые достижения электротехники и электрохимии. С тех пор он встречался с Вильгельмом II два раза в год.

В 1902 г. В. Ратенау вышел из Директората АЕГ из-за выступлений против планов создания «династии Ратенау», которые начались в конце 1901 г. в генералитете АЕГ. Антипатии по отношению к В. Ратенау усилились после публикации его книги «Импрессионен», считает Шулин. В ней мы читаем: «Предприятие должно управляться монархически (единовластно), коллегиальное управление не оправдывает себя...» [25]. Это высказывание Ратенау вызвало негодование акционеров АЕГ.

В июле 1902 г. В. Ратенау принимает Карл Фюрстенберг в правление Берлинского торгового общества («Berliner Handels Gesellschaft»). Карл Фюрстенберг рассказывал в своих воспоминаниях: «В головном предприятии АЕГ не нашлось для него места рядом с его отцом... Таким образом, я сделал ему вскоре решающее предложение. Вальтер, в огромном таланте которого у меня не было никакого сомнения, принял его как совладелец Берлинского торгового общества. В течение 5 лет, а именно с 1 июля 1902 года до 1 июля 1907 года, он развил разностороннюю деятельность» [26]. Вальтер знакомится с организацией индустрии с другой, не менее важной

стороны, финансовой. Фюрстенберг обладал личным обаянием и силой характера, его считали «лучшим крупным частным банкиром старой породы», он был не менее ответствен за предприятие АЕГ, чем Эмиль Ратенау. Вальтер был в курсе всех проблем. Нельзя не отметить, что его финансовая деятельность способствовала приобретению новых знаний и становлению его как финансиста в интересах обоих домов [27]. В. Ратенау говорил: «Я вошел в Директорат нашего крупнейшего банка «Берлинское торговое общество», реорганизовал большую часть его промышленных предприятий. Я ознакомился с немецкой и иностранной промышленностью и был причастен тогда почти к ста предприятиям» [28]. С выходом из Директората АЕГ не произошло его ухода из предприятия. Он остался в наблюдательном совете АЕГ и управляющим «Электробанка» в Цюрихе, принадлежащим АЕГ, участвовал в слияниях в 1904 г. и 1910 г., которые привели к объединению с АЕГ «Объединённого электрического общества» и концерна — «Felten & Guilleaume-Lahmeyer-Konzern» [29]. В декабре 1902 г. было подписано соглашение с «Loewes Union — Elektrizitäts — Gesellschaft» [30].

1 июля 1907 г. В. Ратенау покинул Берлинское торговое общество, но сотрудничество с ним не прервалось, так как он сохранил место в административном совете и после смерти Эмиля Ратенау (1915 г.) стал председателем этого совета [31]. Упомянутые факты свидетельствуют о развитии в Германии процесса формирования финансовой олигархии. Берглар отмечает: «Большая индустрия и крупные финансовые круги образовали единую, более или менее связанную сеть, в каком бы из узловых пунктов не находился руководитель, он оставался со всеми другими пунктами в более близкой или удаленной связи» [32]. В. Ратенау становится одной из ключевых фигур в финансовых кругах и в электротехнической индустрии. Тем не менее ему удалось после первых публикаций создать впечатление, что его профессиональная деятельность является второстепенным делом [33].

Длительное время отношения между сыном и отцом были натянутыми. 18 января 1903 г. во время поездки в Египет внезапно умер младший сын Эмиля Ратенау Эрих. Эрих был «кумиром своего отца», старшему Вальтеру ставился всегда в пример. Кесслер писал: «Отчаяние Эмиля Ратенау было безграничным, все были в замешательстве, опасались за его рассудок. Вальтер Ратенау преодолел пропасть, которая разделяла его с отцом, и приблизился к нему, сопровождал его, руководил за него необходимыми переговорами, докладывал на собрании от его имени, был его вторым «я». Это было заключением длительной и мучительной семейной драмы, и, очевидно,

решительно повлияло на взгляды В. Ратенау. В совместной работе он осознал, что отец сохранил перед ним свое превосходство...» [34].

Сближение между сыном и отцом шло 12 лет, до самой смерти Эмиля Ратенау, складывались доверительные отношения, они понимали друг друга с полуслова. «Вальтер остался «кронпринцем», рано или поздно это должно было привести к сближению, это соответствовало также сильно развитому чувству родства в еврейских семьях, принадлежащих к крупной буржуазии» [35]. Вальтер становится личным консультантом отца. Но он не получил непосредственного руководства всем концерном, к чему так стремился. Феликс Дойч, обладавший огромным опытом, большими заслугами, работоспособностью, имел в фирме лучшие позиции. В. Ратенау, войдя в 1904 г. в наблюдательный совет АЕГ, взял на себя руководство берлинским бюро Züricher — Elektrobank и сосредоточил в своих руках различные контрольные функции на других предприятиях, что закрепило за ним меткую характеристику «надзор Ратенау» [36].

Согласно Кесслеру, в 1909 г. Ратенау был или в совете, или во главе 84 концернов [37]. По данным, приведенным Хаучем, уже в 1909 г. Вальтер Ратенау занимал посты в наблюдательных советах и в правлениях 84 компаний, а в 1913 г. он уже был в руководстве 86 немецких и 21 зарубежных обществ [38]. Погге фон Штраудман насчитывает не менее 69 контрольных советов различных акционерных обществ, в которых Ратенау состоял в 1907–1922 гг. [39].

В области промышленности он имел далеко идущие планы, более направленные на всю электротехническую индустрию в целом, чем на АЕГ. В 1910 г. В. Ратенау уже владел контрольным пакетом акций АЕГ. В 1912 г. Сименс поставил под свой контроль Bergmann Elektrizitätswerke с тем, чтобы это предприятие не попало «в пасть АЕГ». АЕГ и Сименс практически господствовали как два полюса в немецкой электроиндустрии и начали создавать основание так называемого «электрического союза». Перед первой мировой войной В. Ратенау стал ведущей фигурой в деле концентрации немецкой индустрии.

Правильное понимание идей Ратенау и его системы создающих действий затрудняется, если видеть в нём, подобно Урсуде Мадер, только промышленника, стремящегося к монополии в капиталистическом обществе, «функционера финансового капитала» [40]. Ратенау мыслил системными категориями. Он был аналитиком, комплексно оперирующим техническими, экономическими, социальными и внешнеэкономическими факторами. Он рассматривал весь мир в качестве единой промышленной ассоциации [41]. Конечно, Мадер права в том, что Ратенау хотел

создать монополию на производство и распределение электроэнергии в Германии. Но Мадер недооценила комплексность его стратегии.

В начале 1911 г. Ратенау подготовил проект создания «Государственной электрической монополии («Reichselektrizitätsmonopol»). Он писал о частных предприятиях, установлении контроля государства над монополистическими объединениями путём создания государственного промышленного ведомства. Возможно, Ратенау считал, что будет играть роль президента в этом политическом органе как специалист, который определённо независим в интересах. Хельга Нуссбаум характеризует «Докладную записку касательно электрической монополии Рейха» Ратенау как важную, в которой показаны черты этой монополии [42]. Она имеет важное значение для понимания образа мыслей Ратенау [43]. В «Записке» отмечалось, что государственная централизованная монополия обеспечит экономичность производства, что невозможно ни при частной, ни при акционерной собственности. Ратенау подчёркивал также большую роль в будущем гидроэлектростанций и передачи энергии на значительные расстояния при помощи высоковольтного напряжения. Кроме того, он доказал, что централизованное снабжение целых областей электроэнергией высокого напряжения приведёт к уменьшению цен и, что ещё важнее, уменьшит потери энергии и сделает возможным более эффективное использование производственных мощностей. Хеллиге даёт высокую оценку этому проекту, называет его «собственным достижением Ратенау» в научно-технической, организаторской, общественно-политической деятельности [44]. Проект не был осуществлён, но Ратенау в 1914 г. организовал на этих принципах военно-сырьевой отдел при военном министерстве.

Слияние с Felten и проект создания государственно-монополистического объединения в области электричества способствовали далеко идущей унификации электрической промышленности, а также имели цель поставить под сомнение руководящую роль западногерманской тяжёлой индустрии. Ратенау угрожал Рейнско-Вестфальскому электропредприятию, которое принадлежало Г. Стиннесу и А. Тиссену. Деятельность Ратенау в этом направлении была приостановлена войной, но политическое и экономическое соперничество между Ратенау и Стиннесом сохранилось.

В 1912 г. Ратенау выступает с идеей создания Центрально-европейского экономического общества, цель которого — ограничение конкуренции в области экономической. Планам этим не суждено было осуществиться, так как они противоречили амбициям многих представителей тяжёлой промышленности, а именно Тиссена и Стиннеса [45].

Незадолго до войны острым стал вопрос наследования руководства АЕГ. В 1912 г. Эмиль Ратенау был смертельно болен. Обнаружилась чудовищно драматическая изолированность сына в АЕГ. В. Ратенау тщетно пытался вернуться в Директорат, из которого выбыл в 1902 г. После переговоров с Ф. Дойчем он смог только добиться должности президента наблюдательного совета, в то время как после смерти Эмиля Ратенау Дойч должен был стать преемником генерального директора. Только в июле 1915 г. В. Ратенау получил особые полномочия в Директорате, стал называться «Президентом АЕГ», и это некоторых вводило в заблуждение. Он руководил генеральным собранием, что прежде делал его отец, это производило впечатление, что он был настоящим шефом АЕГ, но фактически он делил господство с Ф. Дойчем [46].

Берглар писал: «Почти как в наследственной монархии, сын в 1915 году унаследовал после умершего отца все, что должно было предложить "высшее общество", и все это досталось В. Ратенау без труда по праву рождения: дюжины резиденций, наблюдательных советов, очень большой доход, роскошное поместье, привилегированное положение в обществе, аудиенции у кайзера, окруженного сановниками, госсекретарями, дипломатами и офицерами. Он всегда болезненно воспринимал упрек в том, что все в какой-то мере досталось Ратенау "само собой, как сыну пионера электротехнической промышленности" Эмиля Ратенау» [47].

Большое значение Вальтер Ратенау придавал тому, чтобы быть человеком, сделавшим самого себя, познать свой путь, свои успехи, добиться всего благодаря своему усердию, работе, способностям. В трактат «Критика третьей революции» (1919 г.) он включил главу «Апология», в которой предпринял попытку опровергнуть упреки, предъявленные ему. Эта попытка была неудачной [48]. Наверное, было бы правильнее открыто признать себя ответственным за привилегии, которые были даны ему от рождения. Семья ему обеспечила благоприятный старт благодаря благосостоянию, прекрасному образованию, беззаботному детству и юношеству, могуществу отца, короче говоря, благодаря «созданному гнезду». Такое выпадает на долю немногих людей. В. Ратенау использовал свое привилегированное положение в полной мере. Если бы он не был сыном и наследником одного из самых крупных немецких предпринимателей, он не достиг бы и половины того, чего достиг, несмотря на свои таланты и работоспособность. Ратенау мог по праву гордиться собственными достижениями, но они состоялись благодаря подготовленной почве.

Нельзя полностью понять Ратенау, если не иметь представления о масштабах его экономической деятельности, поэтому необходимо обра-

титься к следующим данным. В рамках данной статьи невозможно дать полное представление об огромном, разветвленном концерне-комплексе АЕГ, это потребовало бы написания отдельной книги [49]. АЕГ – сокращенное название фирмы, которая представляет собой холдинговое финансовое общество со своими банками, заводами, электростанциями, газовыми вышками, и т. д. Приведем только немного данных из списка предприятий АЕГ, упорядоченного по отраслям: концерн владел 58 банками, финансовыми, холдинговыми, торговыми и территориальными обществами; 11 шахтами; 21 буроугольным обществом; 21 предприятием тяжелой промышленности и прокатными станами; 77 машиностроительными и металлоперерабатывающими заводами, 76 электропромышленными предприятиями, 35 химическими предприятиями; 101 электростанцией; газовыми вышками; телеграфными обществами; в других союзах, картелях, синдикатах АЕГ участвовал в 64 случаях [50]. Общее число предприятий АЕГ составило 966. Акционерный капитал в 1887 г. при основании составил 12 млн. марок, в 1900 г. – 60 млн. марок, в 1914 г. – 155 млн., в 1915 г. – 184 млн., в 1917 г. – 200 млн., в 1920 г. – 500 млн., в 1921 г. – 1,1 млрд. марок. Число рабочих и служащих в АЕГ – 2000 человек во время создания, перед войной свыше 66000 [51].

В производственной деятельности В. Ратенау мы наблюдаем практическое воплощение процесса перехода к организованному капитализму. Он конкретизировал, определил перспективы развития фамильного предприятия, руководимого частным предпринимателем. В. Ратенау хотел модернизировать мир посредством электроэнергетики и электротехнической промышленности, соединения политики и экономики, развития духовного начала в человеке. В своей неутомимой деятельности, переговорной и контролирующей, он выступал как современный менеджер. Фактически он принадлежал к элите торгового мира своего времени. Его известное изречение (от 1909 г.) гласит: «Триста мужчин, среди которых каждый знает каждого, руководят экономической судьбой континента» [52]. Это его выражение использовалось против него, говорили об интернациональном еврейском заговоре, о причастности к нему Ратенау.

Ратенау принадлежал к кругу Альберта Баллина, Фрица Фридлендера, Эдуарда Арнольда, Карла Фюрстенберга, к талантливым представителям немецкой экономики, которые были евреями по происхождению и влияние которых на кайзеровскую политику было чрезмерно велико [53]. Конечно, Ратенау говорил о евреях не как о космополитах, он указывал на то, что это – «люди промышленного взлёта», которые «дос-

тигли успеха в рискованном экономическом эксперименте (в течение 30 лет была осуществлена стихийная селекция), образовали олигархию» [54]. Эти слова Ратенау были опубликованы в статье «Наша смена» в рождественском номере венской газеты «Новая свободная пресса» в 1909 г. Созданная ими крупная капиталистическая промышленность достигла колоссальных результатов, с развитием промышленности и её общественной значимостью возросла ответственность этих людей перед обществом [55]. Ратенау был назван одним из них, так как он действительно контролировал почти тысячу предприятий.

В. Ратенау, унаследовав финансово-промышленную империю, также был нацелен на вовлечение в большую политику. Он представлял интересы инновационной электротехнической отрасли промышленности. Управляя крупным предприятием с огромным количеством дочерних фирм, он разрабатывал сложные технические системы в электрификации, создание подобных систем предполагало развитие комплексной инфраструктуры, включающей наряду с техническими элементами экономические, социально-политические факторы. Полученное техническое образование и опыт работы в одной из самых прогрессивных тогда отраслей промышленности обусловили формирование системного характера мышления Ратенау. Кроме того, он был амбициозен и тщеславен. Вполне объяснимо, что, обладая такими знаниями и качествами, Ратенау мог осмыслить сложнейшие процессы, происходящие в мире.

Ратенау-промышленник – это, прежде всего, человек, интеллект и характер которого оказались в должной степени подготовленными к действию в условиях быстрых системных изменений в экономике и обществе Германии. Это делает В. Ратенау интересным и важным объектом исторического исследования. Прежде всего, интересна его личность во всех ее многогранных качествах, которой было дано постичь важные проявления главной драмы современной ему эпохи – ломку духовных ориентиров традиционного общества на фоне стремительного процесса в материальной сфере, или, если говорить его собственным языком, от «механизации» к «душе».

В. Ратенау был одним из дюжины талантливых руководителей, но не был выдающимся. Попытки критически осмыслить происходящее возвышают Ратенау над всеми его коллегами и делают его образцовым событием немецкой истории. Его судьба органично вплетена в социально-экономическую жизнь Германии одного из самых динамичных в истории этой страны периодов развития. Продолжением этой эпохи стали первая мировая война и Веймарский период. Энергия, интеллект, творческое «я» этого человека проявились в полной мере и в эти годы. Проявились ярко и плодо-

творно, став продолжением тенденций, сформировавшихся в бурное предвоенное тридцатилетие.

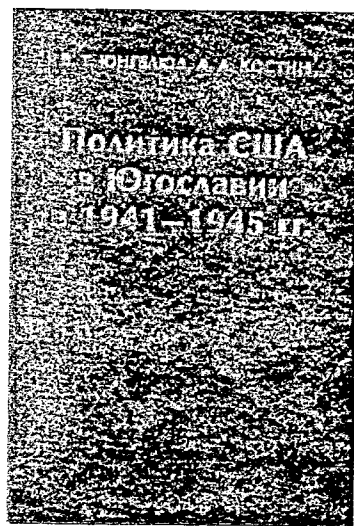
Примечания

1. Lamm, H. Walther Rathenau. Denker und Staatsmann [Text] / H. Lamm. Hannover, 1968. S. 11.
2. Schulin, E. Rathenau – Repräsentant, Kritiker und Opfer seinen Zeit [Text] / E. Schulin. Zürich; Frankfurt a.M., 1979. S. 35.
3. Berglar, P. Walther Rathenau. Sein Zeit – Sein Werk – Seine Persönlichkeit [Text] / P. Berglar. Bremen, 1970. S. 272.
4. Rathenau, W. Tagebuch 1907–1922 [Text] / W. Rathenau. Dusseldorf, 1967. S. 18.
5. Hellige, H. D. Walther Rathenau: ein Kritiker der Moderne als Organisator des Kapitalismus [Text] / H. D. Hellige // Ein Mann vieler Eigenschaften. Walther Rathenau und die Kultur der Moderne. West Berlin, 1990. S. 33.
6. Kessler, H. G. Walther Rathenau. Sein Leben und sein Werk [Text] / H. G. Kessler. Berlin, 1928. S. 33; Rathenau, W. Von kommenden Dingen [Text] / W. Rathenau. Berlin, 1918.
7. Hellige, H. D. Walther Rathenau: ein Kritiker der Moderne... S. 34–35.
8. Rathenau, W. Briefe [Text] / W. Rathenau. Dresden, 1926. B. 1, Walther Rathenau an Mathilde Rathenau, 1.1.1893. № 14. S. 31.
9. Цит. по: Schulin, E. S. 23.
10. Conrad, Matschoss. Die geschichtliche Entwicklung der AEG in den ersten fünfundsiebzig Jahren ihres Bestehens. [Text] / Conrad Matschoss. Berlin, 1919; Emil Schiff, AEG und Berliner Elektrizitäts – Werke. [Text] / Emil Schiff. Berlin, 1918.
11. Mader, U. Die innerpolitischen Ziele Walther Rathenau und sein Entwurf eines finanz-kapitalistischen Ideologie in den Jahren 1911–1914 [Text] / U. Mader // Jener Beiträge zur Parteien Geschichte XLI/1977/. S. 195.
12. Schulin, E. Op. cit., S.23; Kerr, A. Walther Rathenau. Erinnerungen eines Freundes [Text] / A. Kerr. Amsterdam, 1935. S. 157.
13. Kessler, H. G. Op. cit. S. 34.
14. Schulin, E. Krieg und Modernisierung. Rathenau als philosophierender Industrieorganisator im Ersten Weltkrieg [Text] / E. Schulin // Ein Mann vieler Eigenschaften: Walther Rathenau und Kultur der Moderne. Berlin: Wegebach, 1990. S. 57.
15. Hellige, H. D. Walther Rathenau: ein Kritiker der Moderne... [Text] / H. D. Hellige // Ein Mann vieler Eigenschaften: Walther Rathenau und Kultur der Moderne. Berlin: Wegebach, 1990. S. 42.
16. Rathenau, W. Gespräche. G.A. 2. S. 620.
17. Schulin. S. 25.
18. Ферросилиций – сплав железа с кремнием; получается как продукт доменной плавки (до 14% кремния) или как продукт плавки в электрической печи (от 45 до 95% кремния); прибавляется при получении чугуна и стали, для раскисления металла и повышения его механических качеств.
19. Simon, H. F. Aus Walther Rathenaus Leben [Text] / H. F. Simon // Schriften der Walther-Rathenau-Stiftung Nr. 1. Dresden, 1927. S. 8.
20. Berglar, P. Op. cit. Bibliographie. S. 379–408.
21. Wilderotter, H. Das Gemeinnis des Ganzen – Mythos, Geschichte und Politik. S.1 <http://www.dhm.de/ausstellungen/rathenau/ratha.htm>. Schulin Er. S. 22.

22. Simon, H. F. Aus Walther Rathenaus Leben [Text] / H. F. Simon. Dresden, 1927. Kessler, S. 50.
 23. Simon, H.F. S. 7ff.
 24. Великие промышленники / Вейхер З. Вернер фон Сименс; Шрёдер Э. Крупн [Text]. Ростов н/Д, 1998.
 25. Schulin, E. S. 29.
 26. Fürstenberg, Carl. Die Lebensgeschichte eines deutschen Bankiers, niedergeschrieben von H. Fürstenberg [Text] / Carl Fürstenberg. Wiesbaden, 1961. S. 378.
 27. Pinner, F. Deutsche Wirtschaftsführer. Walther Rathenau [Text] / F. Pinner. Berlin, 1924. S. 1-10; Pinner, F. Emil Rathenau und das elektrische Zeitalter [Text] / F. Pinner. Leipzig, 1918. S. 401.
 28. Simon, S. 7ff; Fürstenberg H. Erringerung an Walther Rathenau. [Text] / H. Fürstenberg. Wiesbaden, 1962. S. 50; Berglar, P., S. 39.
 29. Berglar, P. S. 271.
 30. Schulin, E. S. 29.
 31. Fürstenberg, Carl. Die Lebensgeschichte... S. 378.
 32. Berglar, P. S. 39.
 33. Strandmann, H. P. Rathenau zwischen Politik und Wirtschaft [Text] / H. P. Strandmann // Am Wendepunkt der europäischen Geschichte. Göttingen; Zürich, 1981. S. 90.
 34. Kessler, H. G. S. 65.
 35. Berglar, P. S. 266.
 36. Schulin, E. C. 29.
 37. Kessler, H. G. S. 95.
 38. Хауч, Герд. «Империя АЕГ-Телефункен» [Text] / Гера Хауч. М., 1982. С. 60.
 39. Ein Mann vieler Eigenschaften: Walther Rathenau und Kultur der Moderne [Text]. Berlin: Wegebach, 1990. S. 15.
 40. Mader, U. Die innerpolitischen Ziele... S. 145.
 41. Huges, T. P. Walther Rathenau: "Sustem Builder" [Text] / T. P. Huges // Ein Mann vieler Eigenschaften. Walther Rathenau und die Kultur der Moderne. West Berlin, 1990.
 42. Nussbaum, H. "Versuche zur reichs - gesetzlichen Relegung der deutschen Elektrizitätswirtschaft und zu ihrer Überführung in Reichseigentum 1909-1914" [Text] / H. Nussbaum // Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte. Teil III. 1968. S. 192-203.
 43. Hecker, G. W. Rathenau und sein Verhältnis zu Militar und Krieg [Text] / G. Hecker. Boppard, 1983.
 44. Hellige, H. D. Walther Rathenau: ein Kritiker der Moderne ... S. 42.
 45. Schulin, E. S. 34.
 46. Schulin, E. S. 35.
 47. Berglar, P. S. 267.
 48. Rathenau, W. Gesammelte Schriften [Text] / W. Rathenau. Berlin, 1929. 6 Bd. S. 411.
 49. Uferman, P. Die AEG, eine Darstellung des Konzerns der Allgemeinen Elektrizitätsgesellschaft [Text] / P. Uferman, C. Huglin. Berlin, 1922. S. 22.
 50. Ufermann-Huglin, S. 94.
 51. Berglar, P., S. 272; Fürst, A. Emil Rathenau. Der Mann und sein Werk. [Text] / A. Fürst. Berlin, 1915. S. 112.
 52. Berglar, P. S. 39, 317; Wilde, H., Walther Rathenau in Selbstzeugnissen und Bilddokumenten [Text] / H. Wilde. Reinbek bei Hamburg, 1971. S. 61.
 53. Rathenau, W. Tagebuch, 1907-1922 [Text] / W. Rathenau. Düsseldorf, 1967. S. 55.
 54. Walther Rathenau. "Unser Nachwuchs" [Text] // Neue Freie Presse. Wien, 25.12.1909.
 55. Schulin, E. S. 36.

НОВЫЕ КНИГИ

Юнгблюд Валерий Теодорович,
 Костин Алексей Александрович
 Политика США в Югославии в 1941-1945 гг.
 Киров, Изд-во ВятГГУ, 2004. – 240 с.

В монографии исследуется американская политика в отношении Югославии в 1941-1945 гг. Показана роль президента Ф. Рузвельта в выработке и реализации политики США на юго-востоке Европы. Выявляется значение американского участия в югославских событиях для развития внешнеполитической стратегии США в годы Второй мировой войны. Раскрываются особенности американского курса, анализируются мотивы, его обусловившие. Исследуется деятельность разведки и влияние собранных ею данных на принятие решений президентом и Государственным департаментом. Книга рассчитана на специалистов в области истории США, истории Югославии, истории международных отношений, преподавателей высших и средних учебных заведений, студентов исторических факультетов и всех интересующихся историей.

КРАЕВЕДЕНИЕ

Ю. Е. Вечтомова

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВЯТСКОЙ УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОМИССИИ

В статье рассматривается издательская деятельность Вятской ученой архивной комиссии, чье столетие отмечается в 2004 г. Раскрывается основное содержание «Трудов» ВУАК по трем разделам: 1. «Журналы заседаний» комиссии (организационная сторона деятельности). 2. «Исторические материалы» (извлечения из летописей, писцовые и переписные книги Хлынова и уездов, грамоты, купчие, закладные и т. д.). 3. «Рефераты и сообщения» (статьи членов ВУАК по истории края, этнографии, культуре и быту). Подчеркивается значение работы комиссии в деле сохранения и опубликования ценных исторических документов.

На рубеже XIX-XX вв. в русском обществе возрос интерес к своему историческому прошлому как в центре, так и на местах. Развитие отечественной исторической мысли в это время было неразрывно связано с деятельностью губернских ученых архивных комиссий. До 60-х гг. XIX в. русская историческая наука мало уделяла внимания краевым особенностям, и только во второй половине XIX в. появляется идея областности: «Не центр, а провинция должна стать полем настоящей, полезной деятельности» [1]. Местные историки и краеведы поставили перед собой цель прописать историю родного края в общерусской истории. Развитие краеведения показало необходимость создания на местах исторических обществ, которые занимались бы разысканием ценных исторических источников и их научной обработкой.

Идея создания губернских ученых архивных комиссий (ГУАК) принадлежала академику Н. В. Калачеву, который, будучи директором Археологического института в Санкт-Петербурге, с 1878 г. стал ходатайствовать о создании в губернских центрах архивных комиссий. Это ходатайство было поддержано президентом Императорской Академии Наук графом Д. А. Толстым, и 13 апреля 1884 г. Император подписал Положение Комитета Министров, по которому МВД получило право учреждения ГУАК. Этот циркуляр был разослан во все губернии и области Российской империи. Вскоре были открыты первые

ГУАК в Рязанской, Тверской, Тамбовской и Орловской губерниях. Всего же с 1884 по 1916 г. было открыто тридцать девять комиссий.

Главной задачей ГУАК являлось «сосредоточение и вечное хранение архивных дел и документов, не требующихся для текущего делопроизводства, но более или менее важных в историческом отношении» [2]. Дело в том, что чиновники губернских и уездных учреждений отправляли на уничтожение ненужные для делопроизводства бумаги без соответствующего просмотра, что приводило к гибели многие ценные документы по истории и культуре. В архивах правительственных учреждений до половины дел составляли пустые листы или мало интересные в историческом плане документы, но необходимые для составления различных справок. Кроме того, положение многих существующих исторических архивов было весьма плачевным. Вот как описывал провинциальные архивы член Вятской УАК В. Емельянов: «Всем известно, как содержатся наши архивы, где хранится все старое. Архивные бумаги зачастую сжигаются, а имеющие какую-либо ценность променяются разными скупщиками... для этого «хлама» (архивных документов) всегда отводится место, куда ни проникает и солнечный свет... так что в результате бумаги обречены на гниение и съедение мышами» [3].

Таким образом, ГУАК должны были извлекать из различных архивов ценные исторические документы, составлять к ним описи и указатели, хранить в порядке, удобном для пользования. К сожалению, ГУАК имели право просматривать лишь описи предназначенных к уничтожению дел и оставлять на хранение наиболее ценные из них. Таким образом, ГУАК не получили доступа к делам, оставленным учреждениями на вечное хранение. Также к задачам комиссий относилось создание исторических архивов из собранных ГУАК документов, организация библиотек и музеев. Непременный секретарь Академии Наук Н. Ф. Дубровин в своей речи на собрании Императорского Русского Исторического общества произнес: «История России невозможна без официальных документов, хранящихся в архивах, и ее успех в значительной степени зависит от хорошего устройства архивов, от большей или меньшей их приспособленности к ученым занятиям» [4]. ГУАК призваны были не только собирать и хранить документы, но и обрабатывать их, при-

ВЕЧТОМОВА Юлия Евгеньевна – аспирант кафедры истории и краеведения ВятГГУ
 © Ю. Е. Вечтомова, 2004

сать на их основе статьи по истории, этнографии, археологии, культуре и быту родного края.

Главным результатом работы архивных комиссий являлись издаваемые ими «Труды», «Записки», «Сборники». В этих изданиях помещались архивные документы и научные статьи членов комиссии. ГУАК стали своеобразным катализатором культурной жизни в губерниях.

Мысль о возникновении архивной комиссии в Вятке возникла еще в 90-х гг. XIX в. среди членов Вятского Губернского Статистического Комитета. Статистический Комитет объединил вятских исследователей истории и культуры — А. С. Верещагина, Н. А. Спасского, И. М. Осокина, А. И. Софийского, М. Н. Решетникова, Н. К. Попова и других. Долгое время они добивались решения вопроса об учреждении архивной комиссии в Вятке, но на пути стояло много препятствий, главным из которых было отсутствие помещения под архив и средств для работы комиссии. Лишь в 1903 г. членам статкомитета удалось заручиться поддержкой Губернатора П. Ф. Хомутова, который повлиял на Губернское Земство и на Городскую Управу, в результате чего были выделены средства (700 рублей в год) и небольшое помещение. Члены комиссии получили право собираться на заседания в читальном зале Публичной библиотеки после семи часов вечера.

28 ноября 1904 г. в зале Вятского Губернского правления состоялось торжественное открытие Вятской Ученой Архивной Комиссии (ВУАК). Ядром новой комиссии стали члены статкомитета, их поддержали вятские ученые А. А. Спицын, Д. К. Зеленин, П. Н. Луппов и многие другие. На открытии комиссии выступили А. С. Верещагин, Н. А. Спасский. Они рассказали о тех трудностях, которые стояли на пути открытия ВУАК, обрисовали тяжелое положение местных архивов.

Главным направлением деятельности ВУАК, как и других комиссий, стало сохранение от гибели исторического материала, приведение его в порядок и научная обработка, что было нелегким делом. Архивы размещались в сырых подвалах, документы находились в беспорядке: не было ни описей, ни указателей, в таких условиях найти нужные дела было крайне трудно. «Наши архивы — это лес дремучий, — также богаты и также малодоступны», — произнес Н. А. Спасский на открытии ВУАК [5]. Богатство минувшего времени находилось в различных местах большей частью в неразобранном виде: в провинциальных архивах, в архивах и библиотеках частных лиц, многое хранилось в монастырях и церквях. Собрать все важные в историческом отношении документы воедино и сделать доступными для разработки было главной задачей ВУАК.

Непременным попечителем и председателем комиссии являлся губернатор. На заседаниях чле-

ны ВУАК избирали должностных лиц: товарища председателя, редактора «Трудов», казначея, библиотекаря. Первоначально в комиссию входило пятьдесят человек, затем количество членов ВУАК выросло до 80-120 в разные годы. Все члены комиссии делились на почетных и действительных членов. Почетные избирались заочно из числа выдающихся историков. Так, членами ВУАК согласились стать В. О. Ключевский, С. Ф. Платонов, Н. П. Лихачев, И. Е. Забелин, М. И. Любавский, конечно, они не могли принимать реального участия в работе комиссии, но переписывались с некоторыми членами ВУАК, присылали свои работы в библиотеку комиссии. Действительными членами комиссии были местные преподаватели, библиотекари, архивариусы, работники земств, чиновники, церковные деятели. ВУАК объединила краеведов Вятки — П. Н. Луппова, Н. Н. Блинова, М. Г. Худякова, Г. Е. Верещагина, П. Н. Наумова, А. А. Замятина. Члены ВУАК имели право посещать архивы присутственных мест разных ведомств, церковные архивы, могли помещать свои статьи в изданиях комиссии. Их труды неравноценны, но каждый внес в развитие краеведения свой вклад. Число активных деятелей ВУАК, занимающихся разработкой архивов, написанием научных статей, опубликованием важных архивных документов, не превышало 20-30 человек. На заседаниях комиссии присутствовали в среднем 7-10 членов ВУАК.

Основную работу в комиссии осуществлял Александр Степанович Верещагин, который до самой своей смерти был товарищем председателя ВУАК и редактором ее «Трудов». Верещагин был активным сотрудником статкомитета, а в 1887 г., выйдя на пенсию, полностью отдался научной работе. Он побывал во многих центральных и местных архивах, собрал огромный фактический материал по истории Вятского края, написал более 40 работ, которые публиковались в «Памятных книжках Вятской губернии», «Губернских ведомостях», а затем и в «Трудах» ВУАК. Именно А. С. Верещагин заложил основу деятельности ВУАК, во главу угла он поставил издательскую работу. Фактически все заботы легли на плечи Верещагина: он разыскивал деньги на издание «Трудов», подготавливал «Труды» к печати, проводил заседание комиссии, руководил работой в уездах, завязал тесные контакты с другими губернскими учеными архивными комиссиями и научными учреждениями России. ВУАК обменивалась периодическими изданиями с двадцатью тремя комиссиями, вела с ними активную переписку.

Издательская деятельность была едва ли не важнейшим видом научной работы ВУАК. За 4 года (1905-1908) Верещагин успел опубликовать 18 выпусков Трудов. Его работы составили

основу всех этих выпусков. Программа Трудов, по-видимому, была выработана Александром Степановичем еще задолго до открытия ВУАК. Всего комиссия издала 46 выпусков «Трудов», что по сравнению с другими комиссиями было очень неплохим результатом. Например, Тамбовская УАК выпустила 40 книг; Пермская комиссия издала 27 выпусков, Калужская — 22, Черниговская — 11, хотя они были открыты гораздо раньше ВУАК [6].

Первоначально предполагалось выпускать по 6 книг «Трудов» в год, т. е. каждые 2 месяца — новый выпуск, но уже с 1907 г., в связи с материальными трудностями и периодическими закрытиями типографии, «Труды» стали выходить по 3-4 выпуска в год. Тираж первого выпуска составил 600 экземпляров, постепенно он был снижен до 200-300. Главным источником доходов комиссии были пособия от земства и городской думы, но размеры их едва могли покрыть затраты на издание «Трудов». Доход же от продажи изданий был совершенно незначителен. Как правило, выпуски бесплатно рассылались в библиотеки города, в учебные заведения, в другие ученые архивные комиссии.

Каждый выпуск Трудов состоял из трех разделов: «Журналы заседаний», «Исторические материалы» и «Рефераты и сообщения».

В первом разделе печатались «Журналы» заседаний комиссии, в которых содержались сведения о том, когда проходило заседание, кто на нем присутствовал, какие вопросы рассматривались и какие решения принимались, а также сведения о заслушиваемых и обсуждаемых рефератах. Кроме того, в первом разделе помещались годовые отчеты комиссии, в которых приводились данные о составе комиссии, изменениях в нем, указывались должностные лица ВУАК, публиковались данные о количестве выпущенных «Трудов» за год, о том, какие рефераты помещались в них, перечислялись книги, поступившие в библиотеку ВУАК, экспонаты, пришедшие в музей, приводился отчет о денежных средствах комиссии. В первом же отделе печатались и сведения о других ученых архивных комиссиях, археологических съездах, научно-исторических обществах. Таким образом, первый отдел посвящался организационной стороне деятельности комиссии. В первый выпуск вошли сведения об открытии и устройстве ВУАК, были напечатаны «Основания», на основе которых действовали ГУАК.

Во втором, основном, разделе помещались исторические материалы, сборники документов, добытые в центральных и местных архивах. В основном печатались документы XIV-XIX вв., с преобладанием документов, относящихся к XVI-XVIII вв. В первых выпусках были помещены четыре большие работы — первоисточника лето-

писного характера по истории древнерусской Вятки. Эти материалы являются ценнейшими источниками по истории XIV-XVII вв. В первом выпуске были помещены «Сказания русских летописцев о Вятке». Собирает их, Верещагин, дал здесь по возможности все извлечения из русских летописей, относящихся к истории Вятки до конца XVII в. (были приведены данные из Лаврентьевской, Ипатьевской, Новгородской, Софийской, Воскресенской, Никоновской, Львовской, Псковской, Тверской летописей, летописи Авраамки, Архангелогородской, Двинской, Великоустюжской летописей) и сопроводил их примечаниями, в которых приводил разночтения из летописных списков. Еще в 1880 г. Верещагин издал «Сказание летописцев о Вятке», но они были доведены лишь до 1489 г., когда Вятка была покорена Москвой. Извлечения из этих летописей не являются хрестоматийными, по существу это самостоятельные исследования. Верещагин дал исторические справки об этих летописях, рассказал об их составе, названиях, объяснил непонятные современному читателю выражения.

Во втором выпуске Трудов за 1905 г. был помещен «Временник еже нарицается Летописец Российских князей», напечатанный под редакцией и с послесловием Верещагина. Хотя, по словам Верещагина, этот «Вятский временник» был уже давно известен исследователям вятской старины, но возможность пользоваться им появилась только с 1876 г., когда он стал достоянием Вятской епархиальной библиотеки. До этого «Вятский временник» находился в частных лиц. Верещагин познакомил читателей с историей «Временника», дал подробное описание рукописи. Первые 111 листов в книге были кем-то вырваны, скорее всего, там помещалась «Летопись о граде Вятке». «Временник» заключал в себе четыре части: «О римских царствах», «Временник еже нарицается Летописец Российских князей», «Жизни преосвященных архиереев вятских» и «Житие преподобного Трифона Вятского чудотворца». Наиболее древней является вторая часть «Временника», написанная почерком XVII или начала XVIII в. и принадлежащая, по мнению Верещагина, перу хлыновца Семена Федоровича Попова. Попов был дьяком Богоявленского Собора в Хлынове и активно участвовал в церковной и гражданской жизни города. Исследователь «Повести» Даниэль Уо пишет в одной из своих работ: «В лице Попова мы видим человека, который не только профессионально, но и из личного убеждения активно участвовал в церковной жизни своего времени. Он хорошо знал православные книги и исторические тексты, в которых рассказывалось об истории православной церкви в России и на Вятской земле, и использовал эти знания, чтобы активно защищать интересы

церкви именно в своем родном городе. Он верил, что Хлынов и Вятская земля находятся под особым покровительством Бога и святых икон. Поэтому Попов восставал против попытки правительства ограничить местную церковную жизнь, требования светской службы от церковников. Такая реакция на централизирующие тенденции государства далеко не являлась исключением в петровские времена [7]. Попов не был простым переписчиком, а, напротив, «составлял» «Временник», пользуясь одним из хронографов третьей редакции (после 1602 г.), из которого извлекал наиболее желательные сведения и дополнял их фактами из других списков. К известиям этого «Временника», по словам Верещагина, необходимо относиться критически, так как в них немало ошибок, особенно хронологических.

Главным содержанием третьего выпуска «Трудов» за 1905 г. являлась «Повесть о стране Вятской», или «Вятский летописец». Исследователь и издатель «Повести», Верещагин, написал к ней предисловие и послесловие. В предисловии Александр Степанович рассказал о дошедших до нас пяти списках «Повести», написанных еще в XVIII в. В послесловии Верещагин доказывал, что вторая часть «Повести», т. е. рассказ о появлении новгородцев в Вятке и первоначальном их «жительстве» здесь с 1174 г., неверна. Эти сведения были «единственной основой, единственным фундаментом» державшегося более 100 лет мнения о «древности» русской Вятки. Верещагин полагал, что они должны быть «отвергнуты, как сомнительные в хронологическом и других отношениях». Верещагин утверждал, что «Повесть о стране Вятской» есть «повесть книжника» (и очень неумелого) конца XVII или начала XVIII веков [8]. Свое утверждение он основывал на том, что сведения повести о заселении Вятки были выписаны из «Вятского временника» со всеми ошибками, появившимися впоследствии из-за спутанности листов. Далее Верещагин доказывал, что в двух главных списках «Повести» (Толстовском и Миллеровском) находится «немало анахронизмов, противоречивых известий, замечательных по своей неправильности, странности или очевидной несообразности», а это заставляет признать, что вторая часть «Повести» составлена «по преданиям, циркулировавшим на Вятке в конце XVII века». Сравнив известия «Повести» с подобными известиями в русских летописях, Верещагин пришел к заключению, что «самый поход новгородцев на Вятку в 1174 г. в том виде, как он представлен в «Повести», был не возможен» [9]. Верещагин писал, что нет никаких следов пребывания новгородцев на Вятке до 1374 г. ни в этнографическом, ни в лексическом элементах Вятского края. Верещагин считал, что сведения «Повести» о походе новгородцев

на Вятку в 1174 г. являются не только не подтвержденными, но и прямо опровергаемыми другими вполне достоверными показаниями о походе новгородцев в 1374 г., «только с конца XIV века начинается упоминание о Вятке в летописях и начинает обнаруживаться русская жизнь на Вятке» [10]. Верещагин полагал, что 1174 г. — это «описка» вместо 1374 г. и «даже, пожалуй, намеренная», введенная для придания «вящей древности русской земле». Сам текст повести напечатан параллельно по Толстовскому и Миллеровскому спискам с указанием вариантов из прочих списков (Синодальному, Баженовскому и Блиновскому).

Четвертой работой Верещагина, изданной в 1905 г., был «Летописец старых лет». Из предисловия мы узнаем, что из трех сохранившихся списков «Летописцев» Верещагин считает более древним Рязанский список, по которому и издан «Летописец». «Летописец старых лет» повествует о московских событиях с 1154 по 1727 г., а о событиях в Вятке начиная со второй половины XVII в. Известия его достаточно кратки и имеют некоторые хронологические неточности.

Далее Верещагин издал «Повесть о Велико-репцкой иконе святителя Николая» с предисловием и послесловием. Александр Степанович поместил пять повестей о Великорепцкой иконе XVII—XVIII вв. в хронологическом порядке. Он показал, что в начале были составлены краткие и простые сказания, а затем, сообразно требованиям времени и вкусу читателей, пространнее.

Таким образом, изданные в первых четырех выпусках Трудов памятники вятской письменности давали полную картину литературного движения в Хлынове начиная с середины XVII в. Большое значение Верещагин придавал публикации ценных архивных документов по истории Вятского края. В «Трудах» было опубликовано большое количество материала, относящегося к экономической истории края: писцовые, переписные и дозорные книги. Переписные и писцовые книги являлись правительственными документами XV—XVII вв. и служили основанием для податного обложения. В писцовых книгах качество и количество земель местного населения, урожайность, повинности, таблицы доходов. Переписные книги содержали перепись населения, сгруппированного в единицы управления (волости, станы, починки, займища). В V—VI выпусках за 1905 г. были напечатаны извлечения из Московского архива Иностранных дел: «Росписной список стольника и воеводы князя Петра Семеновича Прозоровского... 7184 (1676) год», в этом списке заключается довольно полное описание Хлынова в 1676 г. В дополнение к нему помещается «Росписной список боярина и воеводы князя Михаила Ивановича Лыкова... 7192 (1684) год». Далее была напе-

чатана «Расходная книга земского старосты г. Хлынова Ивана Репина 1678—1680 годов» по рукописи, хранящейся в Императорской библиотеке. В записях, внесенных в эту книгу, много ценного материала по быту Вятского края и особенно много подробных сведений о кормлении воевод и приказных людей на Вятке. Есть здесь и немало указаний на местные события того времени, которых нет в других летописях.

Хорошее знание истории русской церкви позволило Верещагину собрать и составить фундаментальный сборник документов «Грамоты и акты Вятского Успенского Трифонова монастыря 1580—1764 гг.». Грамоты эти были заимствованы Верещагиным из архива Вятской казенной палаты, Московского архива Министерства Юстиции и частных собраний. Они имеют важное значение для истории Вятского края, особенно его колонизации, а также для ознакомления с бытом монастырей и крестьян, живших в монастырских владениях. Интересна обширная «Опись 1764 года имеющемуся в г. Хлынове Успенскому Трифонову монастырю, учиненная в силу данной из коллегии экономии инструкции... подпоручиком Маховым, о состоянии оного монастыря». Эта «опись» рисует положение монастыря в 60-х гг. XVIII в. и результаты его колонизаторской деятельности. В 1907 г. в «Трудах» печатались «Грамоты и акты Вятского архиерейского Дома», древнейшая из них относится к 1551 г., а наиболее поздняя — к 1669 г. Всего здесь было напечатано 183 документа: грамоты, купчие, закладные, мировые и договорные записи. Грамоты эти являются ценным источником по истории колонизационной деятельности Вятского архиерейского Дома. Труды за 1908 г. были посвящены первым годам существования самостоятельной Вятской епархии. Здесь была опубликована биография первого вятского епископа Александра. Верещагин при ее написании воспользовался всеми печатными источниками по этому вопросу, в основу же положил собранный им архивный материал, благодаря чему смог внести многие ранее неизвестные подробности жизни Александра.

Таким образом, в «Трудах» был напечатан ценнейший материал по истории, экономике, быту и культуре Вятского края.

В третьем разделе «Сообщения и Рефераты» печатались различные исторические документы (грамоты, письма, указы, дозорные и писцовые книги, мемуары и воспоминания деятелей Вятки), а также исследования членов ВУАК по истории, этнографии, археологии, экономике, народному образованию и быту Вятского края. Здесь были опубликованы многие статьи Верещагина: «Суздальско-Нижегородские князья в истории древней Вятки», «Вятское взятие по разрядным записям 1489 года», «Новооткрытая Ер-

молинская летопись», «О походе вятчан на Югру в 1499 году» и многие другие.

В третьем разделе было опубликовано большое количество наказов в комиссию 1767 г. «Для сочинения нового уложения». Среди них «Наказ депутату в комиссию нового уложения от купечества города Хлынова (1767 год)», «Наказ Царевосанчурского уезда от сотников разных волостей», множество наказов от черносотенных крестьян различных уездов Вятской губернии. В этих документах рассеян большой материал по истории удмуртов, мари, татар, русификаторской политики властей и христианизации края. Есть и отдельные работы, посвященные истории народов Вятки: диссертационное сочинение П. Н. Луппова «Христианство у вотяков в первой половине XIX века» и целый комплекс документов, составлявших источниковую базу для этой работы. Кроме того, Луппов поместил в «Трудах» статью «Волнение вотяков Вятской губернии по поводу прикрепления их к горным заводам (1807 и 1808 гг.)». Большой интерес имеют статьи студента историко-филологического факультета Казанского университета, уроженца Малмыжа М. Г. Худякова «Материалы по истории татар Малмыжского уезда (с 1236 до середины XVI века)».

Одним из направлений деятельности архивных комиссий была археологическая работа. Понятие «археологический источник» в XIX — начале XX в. включало в себя материальные остатки исторических явлений: остатки погребений, употребляемые ранее вещи и вообще предметы старины. Долгое время на Вятке не проводилось систематических планомерных раскопок, а были лишь случайные находки монет, древних вещей. Ежегодно статкомитет получал десятки сведений о подобных находках. К сожалению, из-за отсутствия музея при статкомитете эти находки либо оставались у нашедших их, либо отправлялись в столичные музеи. Члены ВУАК, в отличие от других комиссий, практически не участвовали в проведении раскопок, поэтому статей по археологическим раскопкам в Вятском крае было крайне мало. К ним относятся статьи В. Д. Емельянова «Местные археологические раскопки» и «Могильники, открытые в г. Сарапуле на Оползине». Также Емельянову принадлежит статья «О необходимости изучения Вятского края в археологическом отношении». В ней автор пишет, что на территории Вятского края столкнулись различные культуры: финно-угорская, болгарская и русская, а поскольку письменные документы от тех времен до нас не дошли, то весьма важно проводить планомерные раскопки городищ, могильников, курганов. В «Трудах» ВУАК помещались сообщения об археологических раскопках в других губерниях.

В изданиях ГУАК помещалось много документов по истории церквей и монастырей: грамоты, указы, списки. ВУАК в своих «Трудах» поместил большое количество подобных документов: «Грамота патриарха Никона Маркелу, архиепископу Волгодскому об отдаче ему в десятину Белоозера», «Грамота патриарха Никона Ионе, митрополиту Ростовскому...». Было опубликовано около 400 грамот на построение церквей в 1598–1860 гг., храмоздатные грамоты. Среди документов XV в. важное значение имеют послания московских митрополитов к жителям Вятки: три послания митрополита Ионы (1448–1461), относящиеся к 1452–1459 гг., и два послания митрополита Геронтия (1473–1489), относящиеся к 1486–1489 гг. Эти послания проливают некоторый свет на жизнь Вятки, представляя ее в неприглядном свете, и рисуют вятчан как клятвопреступников и разбойников.

Отдельные выпуски «Трудов» ВУАК, как и других комиссий, посвящались юбилейным датам в истории Отечества. Так, третий выпуск «Трудов» за 1912 г. был посвящен столетию Отечественной войны 1812 г. В нем печатались материалы о причастности Вятской губернии к событиям военных лет: «Материалы для истории Отечественной и освободительной войны 1812–1813–1814 годов по Вятской губернии», собранные членом Императорского военно-исторического общества В. Р. Алухтиным по поручению Вятской губернской земской управы. Алухтин работал над сбором материала в Московском отделе Главного исторического архива, архиве МВД и многих других московских и петербургских архивах. В этом выпуске также были помещены «Материалы об истории Отечественной и освободительной войны по архиву Вятской духовной консистории», повествующие об участии вятского духовенства в событиях Отечественной войны 1812 г., документы о французских военнопленных в Вятке.

К 300-летию дома Романовых публиковались документы об участии вятчан в борьбе с польско-шведской интервенцией: статья И. Е. Забелина «Вятчане и князь Д. М. Пожарский» и другие. В I–II выпусках «Трудов» за 1913 г. была опубликована объемная работа (345 страниц) Л. Н. Спасской «Прошлое Вятки с ее заселения русскими до воцарения Михаила Федоровича Романова. Исторический очерк». Спасская, на основании разрозненных сведений из разных источников, связно в хронологическом порядке изложила весь материал, относящийся к жизни в Вятке.

ВУАК приняла активное участие в праздновании 300-летия со дня кончины Преподобного Трифона Вятского Чудотворца. К этому юбилею было приурочено открытие Церковно-Археологическо-

го Трифоновского музея, а в «Трудах» ВУАК были напечатаны обширные материалы, посвященные Трифону Вятскому. Смотритель Вятского духовного училища И. М. Осокин долгое время занимался изучением жизни и деятельности Трифона Вятского. Осокин скрупулезно исследовал все, что относилось к этой теме: собрал материал в архивах и библиотеках Вятки и Перми, осмотрел места, связанные с деятельностью Трифона, записал рассказы местного населения. Именно Осокину было поручено работать над подготовкой I–II выпуска «Трудов» за 1912 г., посвященных Трифону. И. М. Осокин опубликовал «Житие преподобного отца нашего Трифона Вятского Чудотворца». Это была новая богатая биографическими сведениями рукопись жития Трифона. Осокин в предисловии к «Житию» указал, что автор его неизвестен, но деда его находился в числе братии монастыря при самом Трифоне. Автор рукописи поступил в Пыскорский монастырь в Перми, здесь он собрал материал по Трифону. Затем он побывал в Вятке и был с радостью принят братией Успенского монастыря. Здесь автор беседовал со старейшими иноками и учениками Трифона – Досифеем и Моисеем, нашел древнейшее описание жития Трифона и его чудес. Время написания «Жития» Осокин относит к 1651–1653 гг. Кроме того, Осокин поместил в этом выпуске ряд своих статей, посвященных Трифону Вятскому: «Значение преподобного Трифона в истории Вятки», «Исторический очерк почитания преподобного Трифона Вятского Чудотворца», «Последние дни жизни преподобного Трифона», «В каком году скончался преподобный Трифон», а также «Указатель литературы о Преподобном Трифоне и основанных им монастырях».

Наиболее значительным наследием, оставленным ВУАК, являются ее печатные материалы. Редакционная политика опиралась на принцип изучения истории России через изучение истории своей губернии, что было общим принципом всех ГУАК. В сорока шести выпусках «Трудов», издаваемых с 1905 по 1917 г., ВУАК опубликовала тысячи единиц документов по экономической истории края, по истории церквей и монастырей и их колонизаторской политике, по культуре и быту вятчан. Члены ВУАК печатали свои статьи по истории Вятского края, археологии, этнографии, по истории народностей Вятки, по развитию народного образования и т. д. Таким образом, можно сказать, что ВУАК, как и многие другие комиссии, переросла уровень «архивной» и стремилась делать науку. «Труды» ВУАК являются ценнейшим источником по истории Вятки, так как многие документы, опубликованные в них, ныне уже утрачены. Материалы, содержащиеся в «Трудах», являются серьезной источниковой

базой для изучения истории Вятского края XIV – первой половины XIX в. В 80–90-х гг. документы, опубликованные в «Трудах», были использованы для написания научных работ по темам: «Соликамские летописи и архивы XVII – начала XIX вв.», «Рукописные словари марийского языка XVIII–XIX в. как источник формирования марийской письменности» и другие.

Примечания

1. Костомаров, Н. И. Лекции по русской истории [Текст] / Н. И. Костомаров. Ч. 1. СПб., 1861. С. 21.
2. Положение об учреждении ученых архивных комиссий и губернских исторических архивов [Текст] // Труды ВУАК за 1905 г. Вып. I. Отд. I. С. 1.
3. Емельянов, В. Д. Несколько слов об архивных документах [Текст] / В. Д. Емельянов // Вятский вестник. 1906. № 45. С. 2.
4. Докладная записка г. Председателю Вятского губернского статкомитета Вятскому Губернатору от членов статкомитета [Текст] // Труды ВУАК за 1905 г. Вып. I. Отд. I. С. 5.
5. Там же. С. 35.
6. Макарихин, В. П. Губернские ученые архивные комиссии [Текст] / В. П. Макарихин. Н. Новгород, 1991. С. 26.
7. Уо, Д. Новое о «Повести о стране Вятской» [Текст] / Д. Уо. Киров, 1998. С. 33.
8. Верещагин, А. С. Послесловие к «Повести о стране Вятской» [Текст] / А. С. Верещагин // Труды ВУАК за 1905 г. Вып. III. Отд. II. С. 69.
9. Там же. С. 71.
10. Там же. С. 97.

А. А. Дмитриенко

КРЕСТЬЯНСТВО И ВЫБОРЫ
В I И II ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДУМЫ
(НА МАТЕРИАЛАХ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Тема на основе архивных материалов Вятской губернии изучается впервые. Систематизированные данные позволили составить портрет типичного выборщика второй ступени выборов по крестьянской курии. Поднят вопрос о политических настроениях вятских крестьян в начале XX в. Затронут вопрос «крестьянство и власть».

Данная тема не одно десятилетие привлекает внимание исследователей, тем не менее различные ее аспекты остаются недостаточно изученными [1]. Посредством анализа общественного сознания крестьянства как преобладающей социальной группы в Российской империи начала XX в. можно уточнить некоторые моменты той эпохи, важные для ее более глубокого понима-

АМИТРИЕНКО Анастасия Александровна – аспирант кафедры отечественной истории ВятГУ
© А. А. Дмитриенко, 2004

ния. Кроме того, поднятый в докладе вопрос является частью более широкой проблемы – проблемы взаимоотношения власти и общества, поэтому, возможно, он может быть полезен и в наши дни.

Предмет статьи – выявление политико-правовых установок и настроений вятского крестьянства начала XX в., а также некоторых аспектов государственной политики в отношении крестьянства того времени.

Задачами являются уточнение некоторых моментов изменения избирательных прав крестьян в 1906 – начале 1907 г., общая характеристика выборных от волостных сходов Вятской губернии, а также освещение некоторых моментов, характеризующих уровень правосознания крестьянства начала XX в.

Для решения этих задач были привлечены некоторые фонды Государственного Архива Кировской области, а также материалы оппозиционной правительству «Вятской газеты» за 1906 – начало 1907 г.

Если рассматривать структуру вятского крестьянства в начале XX в., то подавляющим его большинством были крестьяне-середняки, которые имели 5–10 десятин на двор и по одной корове и лошади. Безлошадных (бедняков) было около 15%, а с двумя и более лошадьми (зажиточных) 17% [2]. Расслоение крестьянства было характерно для всей страны в целом, и правительству приходилось учитывать это, в том числе и в сфере избирательного законодательства.

Впервые избирательные права крестьянам-домохозяевам были предоставлены Положением о выборах в Государственную («булыгинскую») Думу от 6 августа 1905 г. [3]. Следует обратить внимание на то, что крестьяне-домохозяева составляли большую часть всего крестьянства. Не имели избирательных прав крестьяне, во-первых, безземельные, без хозяйства и усадьбы; во-вторых, приписанные к сельскому обществу, но проживающие в другом месте и не имеющие по месту прописки усадебного и полевого надела; наконец, крестьяне, «не имеющие ни оседлости, ни хозяйства, не пользующиеся землей и постоянно проживающие на стороне» [4].

Указ от 11 декабря 1905 г., изменив условия допуска части крестьян для голосования по городской и землевладельческой курии, тем самым фактически расширил права земледельческого населения [5].

Система выборов для крестьян была четырехступенчатая. Сельский сход выбирал десятидворных (одного домохозяина от десяти дворов) на волостной сход, который из своего состава (десятидворные и сельская администрация) выбирал двух выборщиков на уездное избирательное собрание. На губернском съезде выбирались уже

депутаты в Государственную Думу. Если состав волостного схода, избранный до указа от 11 декабря 1905 г., по каким-либо причинам не устраивал крестьян, они могли по своему желанию провести перевыборы. При этом указывалось, что перечень лиц, не имевших право участвовать в выборах, относится лишь к кандидатам в выборщики, а не к составу волостного схода [6]. Выборщик считался избранным, если на волостном сходе присутствовали 2/3 от заданного числа крестьян. Сход мог назначить денежную компенсацию выборщику на покрытие расходов по поездке на уездный избирательный съезд. Полицейские чины и земские начальники не имели права присутствовать при выборах, а также рассматривать приговоры волостных сходов [7]. Жалобы на решения волостных сходов подавались в уездные избирательные комиссии в трехдневный срок со дня выборов [8]. Важно отметить, что включение крестьян в избирательные списки по землевладельческой и городской куриям не лишало их права на участие в волостных сходах при выборе уполномоченных по крестьянской курии.

На выборах во II Государственную Думу состав представителей от крестьян был изменен посредством сенатских разъяснений, разъяснений МВД, губернских и уездных избирательных комиссий, которые довольно четко выполнялись в Вятской губернии. Были наложены ограничения на право голосования крестьян по другим куриям. Теперь в них могли голосовать лишь те из них, которые владели в уезде на праве собственности общинной землей (необходимое ее количество указывалось в одном из приложений к Закону о выборах в Государственную Думу от 6 августа 1905 г. — А. Д.). «Выделенная» земля и надел, приобретенный через Крестьянский Банк, не давали права участвовать в выборах по землевладельческой курии [9]. Налагались и некоторые другие ограничения [10].

Таким образом, правительство исходило из того, что крестьянин должен пахать землю, а не сдавать ее в аренду или торговать. Так, по Уржумскому уезду из первоначального списка уездных землевладельцев были исключены 1669 человек, а у 148 человек уменьшен ценз [11].

По опросу крестьян дер. Парюги Синцовской вол. Котельничского уезда, проведенному корреспондентами «Вятской газеты» в начале 1906 г., видно, что эти крестьяне хотели выбрать из своей среды в Государственную Думу «серячка, с открытой совестью и перенесшего всю тяготу крестьянского положения на своих плечах» [12].

Представление о том, кого выбирали крестьяне, дает уже второй уровень четырехступенчатой системы выборов — решения волостных сходов, где типичен был выбор двоих, иногда — одного человека. Но бывало и так, что уездная избира-

тельная комиссия по ряду причин признавала результаты выборов незаконными, не назначая при этом новых выборов, поэтому получалось, что не выбирали и одного. В целом по губернии о выборах в I Государственную Думу (начало 1906 г.) сохранились приговоры 28 волостных сходов, на которых было избрано 55 выборщиков. Значительно полнее в документах представлены результаты выборов во II Государственную Думу (начало 1907 г.) — 154 волостных схода и 322 выборщика. Соответственно, по кому-то из них в документах есть полные данные, по кому-то — отрывочные, что усложняет задачу дать полную картину этого явления, но позволяет выяснить некоторые его границы.

Из общего числа 316 человек, избравшихся в начале 1907 г., наряду с земледелием 5 (2%) занимались торговлей, 3 (1%) — пчеловодством, 2 (0,6%) — другими ремеслами [13].

Возраст был указан у 51 крестьянина Котельничского уезда (начала 1907 г.): сорокалетних — 46%, тридцатилетних — 34%, пятидесятилетних — 16%, двадцатилетних — 3% [14]. В целом это соответствует возрастному составу Второй Государственной Думы в целом, где тридцати- и сорокалетние депутаты составляли 74% [15].

Некоторые из выбранных на волостных сходах крестьян несли в прошлом или выполняли на момент избрания служебные обязанности. Так, из 55 человек, выбранных в начале 1906 г., были: волостными старшинами 3 человека; бывшим полицейским, урядником, волостным писарем и волостным заседателем 6 человек; учителем, церковным старостой и председателем волостного суда 4 человека [16]. В начале 1907 г. из 350 крестьян 57 были: должностными лицами сельского правления (32%), представителями волостного суда (16%), волостными старшинами (12%), церковными старостами (11%), сельскими писарями (7%), учителями (4%) и т. д. [17].

Выбирали, как правило, людей грамотных. В Котельничском уезде в начале 1907 г. все 51 выбранных крестьянина имели начальное образование, полученное в народных училищах (50%), земской (21%) или церковно-приходской школе (17%), 10% обучались дома и 2% — в городском училище [18].

В основном волостные сходы избирали русских православных крестьян. В качестве исключения из этого правила можно назвать решения, принятые в начале 1907 г. некоторыми волостными сходами Елабужского уезда (избраны 6 мусульман), Сарапульского (выбраны 2 удмурта и 2 башкира, а также 4 старообрядца и 2 мусульманина) и Ернурской волости Яранского уезда (избраны 2 марийца). В «Вятской газете» это объясняется тем, что большинство населения волости о сходе не знало) [19].

По имеющимся источникам о депутатах, прошедших в I Государственную Думу, судить уже гораздо труднее. В них лишь указано, что трое были членами Крестьянского союза, и столько же — близки к Партии Народной Свободы [20]. Есть свидетельства, что крестьяне Яранского уезда в начале 1907 г. хотели избрать тех же выборщиков, что и год назад [21], поэтому, в том числе и по этой причине, нужно осторожно относиться к выводу А. А. Папыриной о том, что все депутаты от Вятской губернии (13 человек), избранные во II Государственную Думу, придерживались «левых» взглядов: 4 социал-демократа, 4 трудовика, 2 социал-революционера, 2 национал-социалиста и 1 беспартийный [22]. Кроме того, в своей работе несколькими страницами ниже сама А. А. Папырина пришла к выводу о том, что в Вятской губернии у крестьян «были сильны конституционные иллюзии» и популярностью пользовались Партия Народной Свободы и Партия Правового Порядка [23].

Представляется возможным отследить с той или иной степенью достоверности политические пристрастия крестьян-выборщиков в ходе выборов во II Государственную Думу. Есть данные о партийной принадлежности или политических взглядах 214 крестьян, выбранных в выборщики в начале 1907 г., из которых следует, что половина из них тяготела к «правым» (55%), а половина — к «левым» партиям (45%) [24] (табл. 1).

Роспуск I Государственной думы крестьянство встретило довольно болезненно, усмотрев в этом очередной подвох со стороны чиновников и нежелание помещиков расстаться с землей. Ситуация усугубилась тем, что некоторые бывшие депутаты подверглись наказаниям. Так, П. А. Садырин был арестован, а П. Ф. Целоусов уволен по распоряжению администрации с должности сельского учителя и выслан в трехдневный срок за пределы Вятской губернии.

Вместе с тем правительство старалось действовать не только кнутом, но и пряником. Вятскому губернатору А. Г. Левченко было дано указание распространить среди крестьян Повеление Николая II от 7 декабря 1906 г., главным содержанием которого была мысль о том, что импера-

тор заботится о них. Отмечалось, что по ст. 87 Общих Законов приняты меры по передаче крестьянам свободных казенных земель в Европейской части России, земель удельных и кабинетных и др., понижены платежи по ссудам Крестьянского Банка, обеспечен выход отдельных крестьян из общины, открыт новый вид кредита под залог наделных земель, крестьяне уравнены в правах с другими сословиями, дарованы новые права старообрядцам и сектантам. Далее шло обещание расширить права крестьян. В заключение указывалось, что ввиду постигнутого в 1906 г. некоторые губернии неурожая правительство организовало оказание помощи, в результате чего в Вятскую губернию выдано для посева 94,5 т. пудов ржи. Кроме того, в регион должно было поступить для питания населения и в качестве корма для скота определенное количество ржи и овса [26]. Это свидетельствовало о стремлении правительства смягчить ситуацию в сельском регионе, изменить в свою пользу крестьянские настроения.

Но эти меры не могли в полной мере удовлетворить крестьянство, запросы которого к тому времени были более радикальными. Об этом свидетельствуют наказания и приговоры волостных сходов, составленные в ходе выборов в I и II Государственные Думы или посланные позднее депутатам, а также предвыборная борьба в регионе. Там поднимались вопросы о передаче земли, пастбищ и лугов крестьянам, бесплатной заготовке дров и снижении размеров податей.

Именно это и обещала Партия Правового Порядка крестьянам в своем воззвании [27], именно такие вопросы обещали решить и некоторые крестьяне, агитируя голосовать за себя. Это свидетельствует о том, что на фоне пострадавших крестьянами требований в ходе предвыборной борьбы порой «всплывали» демагогия, популизм, звучали крайне радикальные призывы. Так, крестьянин Кичминской вол. Уржумского уезда А. П. Отмахов отвергал существующий государственный строй и на волостном сходе сказал речь против чиновников [28], а крестьянин той же волости А. М. Егосин убедил волостной сход уменьшить жалование волостным должностным лицам, а во-

Таблица 1

«Правые»	«Центр»	«Левые»
Беспартийные	ПНС — 11 чел	Беспартийные
«правые» — 75 чел.	«Умеренные» — 6 чел.	«левые» — около 81 чел.
Монархисты — 5 чел.	Прогрессисты — 4 чел.	РСДРП — 9 чел.
Партия Правового	Беспартийные	ПСР — 6 чел. [25]
Порядка — 2 чел.	правые и ПНС — 15 чел.	

лостным судьям совсем отменить, что и было сделано [29]. Волостной писарь Поломского волостного схода Орловского уезда Короваев, чтобы склонить десятидворных на свою сторону, начал осуждать земство и доказывать, что можно сэкономить деньги, уменьшив число школ и больниц, закрыв курсы фельдшеров и газету, а также земские мастерские, склады и т. д. [30] В некоторых уездах южной части губернии звучали призывы о наделении крестьян землей, а заодно и об избавлении их от опеки земских начальников. В таком духе выступал крестьянин Кырчанской вол. Ноллинского уезда Двоглазов [31].

В целом, содержание практически всех жалоб и приговоров можно разделить по содержанию на политические и хозяйственные, причем, вероятно, первая часть составлялась не самими крестьянами, а под руководством кого-либо из представителей оппозиционных правительству партий или интеллигенции, так как трудно предположить, что крестьянство в своей массе имело относительно высокий уровень правосознания, да еще и с явным влиянием западных ценностей. Политическая составная этих наказов содержала требования созыва Учредительного собрания, выборности всех властей снизу доверху, введения демократических свобод [32].

Вместе с тем вполне возможно предположить, что самостоятельно крестьяне могли требовать назначения жалования духовенству из казны и установления его твердого размера, «дозволения вотякам варения кумышки» или уменьшения акциза на вино, упразднения должности полицейских стражников, отмены акциза на спички, керосин, чай и сахар и т. д. [33] Часто они просили разрешения пользоваться бесплатно пересылкой писем по земской почте, а также заниматься пчеловодством, не содержать въездную квартиру для чиновников [34], бесплатно заготавливать дрова [35]. Эта тенденция, согласно опубликованным документам той поры, прослеживается и в других губерниях: Минской, Нижегородской, Пензенской, Самарской и др. [36]

Однако не стоит совсем игнорировать некоторую степень вовлеченности части крестьян в сферу политики. Например, есть сведения, что группа крестьян — членов I Государственной Думы, прибывшая в Петербург, обратилась к специалистам по государственному праву с просьбой прочесть им несколько лекций о парламентах Западной Европы, а также разъяснить понятие депутатской неприкосновенности [37]. Кроме того, некоторые крестьяне по газетам следили за развитием дел в Государственной Думе [38].

Уровень правосознания крестьян отразился и в политических песнях, которые стали быстро распространяться даже «по самым захолустным местам». На покосе и на жатве, идя по дороге

или молотя зерно на гумне, они то и дело распевали «Вы жертвою пали» или «Вставай, поднимайся, рабочий народ». Более того, крестьяне сами стали слагать песни, например, такие:

*Не прирежут нам землицы,
Возьмет вилы в рукавицы.
Отойдет земля крестьянам —
Каждый день я буду пьяный* [39].

Можно предположить, что у тех крестьян, которые жили в городе, уровень политического развития был выше. Так, крестьянин И. И. Вшивцев, проживавший в г. Вятке, два раза подавал жалобу на делопроизводство по выборам в своей волости, аргументируя ее тем, что в номере 11 за 19 марта в журнале «Право» он встретил разъяснение Правительствующего Сената к ст. 42 Положения о Государственной Думе, где говорится, что число уполномоченных не подлежит уменьшению, а вместо неправильно избранного нужно просить о разрешении новых выборов [40].

Жалобы крестьян, поданные в ходе выборов в Вятской губернии в I и II Государственную Думу (их обнаружено на данный момент 25), можно разделить на индивидуальные (80%) и коллективные (20%), причем ту или иную жалобу могли составить как два крестьянина, так и весь волостной сход [41].

Кроме того, жалобы подавались как рядовыми членами волостного схода, так и теми, кто был выбран в выборщики (32%) и затем не был утвержден в этом статусе уездной избирательной комиссией. Значит, определенной части крестьянства хотелось стать депутатами Государственной Думы. Почему? Отчасти это можно объяснить их верой в то, что в Думе, близко от Царя-Батюшки, можно разрешить свои насущные проблемы [42]. С другой стороны, это свидетельствует о том, что в целом крестьяне достаточно серьезно относились к выборам в Государственную Думу.

Подводя итоги работы, следует отметить противоречивость политики правительства в отношении общины, что прослеживается в преломлении избирательных прав. С одной стороны, есть факты, свидетельствующие об ее укреплении, с другой — о поддержке тех элементов, которые разрушали ее изнутри. Есть основания говорить, что правительство в 1906 — начале 1907 г. следило за чистотой курий, возможно, подчиняясь силе бюрократического порядка. Однако в силу влияния времени оно разрешило на определенных условиях части крестьян голосовать по другим куриям.

Остается открытым вопрос: получали ли крестьяне какие-либо преимущества, переходя в другие курии, кроме возможности 2 раза проголосовать (по своей, крестьянской, и другой, землевладельческой или городской). Бесспорно лишь,

что власть шла на признание того, что в общине вызревают категории, не вписывающиеся в нее, и постепенно позволяла им выступать правовыми субъектами вне крестьянского мира.

Если попытаться создать обобщенный образ крестьянского депутата от Вятской губернии, то это человек средних лет, иногда кроме земледелия занимающийся промыслами и ремеслами, грамотный и имеющий опыт государственной службы, русский по национальности и православный по вероисповеданию, зачастую имеющий систему сложившихся политических взглядов и убеждений.

Сравнивая политику правительства в отношении земледельческого населения и крестьянские нужды, выраженные в наказах своим выборщикам и депутатам, можно сделать вывод, что стороны принимали за благо совершенно разные вещи: большинство крестьян по-прежнему глубоко интересовали только «земля и воля», а император напоминал об уравнивании в политических правах и предоставлении кредитов под залог земли.

Наконец, уровень развития правосознания крестьян той эпохи был достаточно низким, однако интерес к политической жизни страны у них был, что выражалось в проникновении, хотя и в очень ограниченных масштабах, в деревню книг и газет, составлении жалоб в избирательные комиссии, стремлении части крестьян стать депутатами Государственной Думы.

Примечания

1. Сидельников, С. М. Образование и деятельность I Государственной Думы [Текст] / С. М. Сидельников. М., 1962; Папырина, А. А. Революционное движение в Вятской губернии в 1905–1907 гг. [Текст] / А. А. Папырина. Киров, 1975; Демин, В. А. Государственная Дума России (1906–1917 г.): механизм функционирования [Текст] / В. А. Демин. М., 1996; Кирюхина, Е. И. Местные организации Всероссийского крестьянского союза в 1905 г. [Текст] / Е. И. Кирюхина // Уч. зап. КГПИ. Кафедра марксизма-ленинизма. Кафедра истории СССР. Киров, 1956. Вып. 10. С. 83–157; Очерки истории Кировской области [Текст] / науч. ред. Е. И. Кирюхина, А. В. Эммаусский. Киров, 1972 и др.
2. Балыбердин, Ю. А. Политические партии в Вятской губернии в период первой мировой войны (1914–1917 гг.) [Текст] / Ю. А. Балыбердин. М., 1995. С. 5.
3. Государственная Дума в России в документах и материалах [Текст] / сост. Ф. И. Калинычев. М., 1957. С. 39–52.
4. Распоряжение Вятского губернатора земским начальникам Вятской губернии от 23 октября 1906 г. № 1963 [Текст] // ГАКО. Ф. 589. Оп. 1. Д. 178а. Л. 1–2.
5. Государственная Дума в России в документах и материалах [Текст] / сост. Ф. И. Калинычев. М., 1957. С. 94–102.
6. Там же. С. 103; Копия с предписания Вятского губернатора А. Левченко от 12 окт. 1906 г. за № 1469 [Текст] // ГАКО. Ф. 589. Оп. 1. Д. 154. Л. 1.
7. Свод главнейших указаний МВД по применению Положения о выборах 6 авг. 1905 г. [Текст] // Там же. Ф. 1186. Оп. 3. Д. 1. Л. 19.

8. Правила о применении и введении в действие Учреждения Государственной Думы и Положение о выборах в Государственную Думу от 18 сентября 1905 г. [Текст] // Там же. Ф. 589. Оп. 1. Д. 154. Л. 28–29.

9. Журнал Уржумской уездной по делам о выборах комиссии. С 17.11.1906 по 24.08.1907 // ГАКО. Ф. 1186. Оп. 1. Д. 4. Л. 2–3.

10. Там же. Л. 6. 11–12, 28.

11. Там же. Л. 9.

12. Вятская газета. 1906. № 3. С. 110; Там же. № 5. С. 167.

13. Вятская газета. 1907. № 4. С. 58–59; ГАКО. Ф. 1184. Оп. 1. Д. 3. Л. 2–166; Решение Коврижского вол. схода Орловского уезда от 18 января 1907 г. [Текст] // ГАКО. Ф. 1183. Оп. 1. Д. 6. Л. 81–82.

14. Приговоры волостных сходов Котельничского уезда от 14 января 1907 г. [Текст] // ГАКО. Ф. 1184. Оп. 1. Д. 3. Л. 2–166.

15. Демин, В. А. Цит. соч. С. 38.

16. Вятская газета. 1907. № 12. С. 446–447, 452–453; Там же. № 13–14. С. 481–483.

17. Вятская газета. 1907. № 4. С. 58–59; ГАКО. Ф. 1184. Оп. 1. Д. 3. Л. 2–166.

18. Вятская газета. 1907. № 4. С. 58–59; ГАКО. Ф. 1184. Оп. 1. Д. 3. Л. 2–166.

19. Там же. С. 58–59.

20. Там же. 1906. № 13–14. С. 481–483.

21. Там же. 1907. № 1. С. 10.

22. Папырина, А. А. Цит. соч. С. 135.

23. Там же. С. 112.

24. Вятская газета. 1907. № 4. С. 58–59.

25. Там же (таблица составлена нами).

26. Послание от вятского губернатора к избирателям в Государственную Думу [Текст] // ГАКО. Ф. 589. Оп. 1. Д. 178а. Л. 5.

27. Воззвание Партии правового порядка к избирателям [Текст] // ГАКО. Ф. 611. Оп. 1. Д. 869. Л. 25–25об.

28. Анонимный донос крестьянина Кичминской вол. Уржумского уезда исправнику того же уезда от 13 марта 1906 г. [Текст] // Там же. Ф. 1186. Оп. 1. Д. 3. Л. 107.

29. Протест земского начальника 7 участка Уржумского уезда в Уржумскую уездную по выборам в Государственную Думу комиссию от 9 марта 1906 г. [Текст] // Там же. Л. 108–109.

30. Приговор Поломского волостного схода Орловского уезда начала 1906 г. [Текст] // Вятская газета. 1906. № 12. С. 452.

31. Приговор Кырчанского волостного схода Ноллинского уезда начала 1906 г. [Текст] // Вятская газета. 1906. № 12. С. 452.

32. См.: Кирюхина, Е. И. Цит. соч. С. 83–157; Очерки истории Кировской области... С. 221–222.

33. Программа деятельности представителей в Государственной Думе, составленная Игринским волостным сходом Глазовского уезда 7 марта 1906 г. (111 подписей) [Текст] // ГАКО. Ф. 1183. Оп. 1. Д. 4. Л. 145–147.

34. Вятская газета. 1906. № 2. С. 77.

35. См.: Телеграммы крестьян Яранского и Уржумского уездов графу С. Ю. Витте [Текст] // Там же. 1906. № 1. С. 32; № 8. С. 295.

36. См.: Государственная Дума в России в документах и материалах... С. 163–168; Постановление

крестьянского схода Чутырской вол. Сарапульского уезда Вятской губ. [Текст] // Родина. 1991. № 1. С. 9; Наказы крестьян [Текст] // Россия-XXI. 1996. № 1-2. 37. Вятская газета. 1906. № 18. С. 602. 38. Там же. № 33. С. 1067. 39. Там же. № 39. С. 1217. 40. Жалоба в Вятскую губернскую комиссию уполномоченного Екатеринбургской вол. Нолинского уезда, крестьянина И. И. Вшивцева, проживающего в г. Вятке, Кукарская улица, свой дом, от 4 апреля 1906 г. [Текст] // ГАКО Ф. 1183. Оп. 1. Д. 4. Л. 159. 41. См.: Жалоба выборных Комаровской волостного схода Яранского уезда крестьян М. Е. Татеева, П. С. Актеметиева, Д. И. Чеснокова и Ф. А. Доспелова от 16 марта 1906 г. [Текст] // Там же. Л. 90-91 и др. 42. Вятская газета. 1906. № 32. С. 1040.

А. А. Никонов

ДВА НЕДАВНИХ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ В ВЯТСКОМ КРАЕ

В статье дан анализ и приводятся изосейсты землетрясений, происходивших в Вятском крае 18.01.2001 г. и 02.11.2002 г.

Землетрясения в северных районах Европейской России возникают очень редко, во всяком случае ощутимые, т. е. с силой от 3 баллов и выше [6]. Но в Вятском крае как раз они отмечались чаще, чем в других районах Русской равнины. К рубежу XXI в. здесь отмечено не менее 15 случаев землетрясений (за 200 лет), для части из которых удалось путем специальной обработки сведений очевидцев определить стандартные количественные параметры – положение эпицентра, время возникновения, глубину очага, интенсивность на поверхности и магнитуду (эквивалент выделенной на глубине энергии) [5]. Среди них, однако, не оказалось ни одного, записанного сейсмическими станциями. Впервые удалось инструментально зарегистрировать землетрясение в Вятском крае 18 января 2001 г. В информационном сообщении Геофизической службы России (г. Обнинск Калужской области) сообщалось, будто факт возникновения землетрясения в этом районе «является уникальным» [3], что, несомненно, оказывается заблуждением. На этот раз землетрясение записано приборами на 10 сейсмических станциях на расстояниях от 380 до 2000 км (и одной на расстоянии без малого 6000 км). Помимо указанных в [3] 10 станций сейсмическое событие было записано также при-

НИКОНОВ Андрей Алексеевич – доктор геолого-минералогических наук, ведущий специалист Института физики Земли РАН, г. Москва © А. А. Никонов, 2004

борами сейсмической станции в г. Сыктывкаре на эпицентральной расстоянии 390–420 км, куда волна пришла в 07 час. 06 мин. 36 сек. московского времени (устное сообщение В. В. Удоратина). Расчет параметров землетрясения по имеющимся записям, согласно Геофизической службе [3; 10], дал следующие результаты:

Таблица 1

Инструментальное определение параметров очага землетрясения 18 января 2001 г.

Время	Координаты φ°с.ш.; λ° в.д.	Магнитуда Mb
04–05–43,1 ±0,8 сек	58,06; 49,27 ±5,6 км ±4,4 км	4,0

Магнитуда землетрясения по записям четырех станций определена M=4,0 (Mb). Согласно тому же сообщению, с древнейших времен в районе неизвестны землетрясения с M<3,5, что неверно [5]. В действительности в 1809 г. в районе нижнего течения р. Чепцы произошло землетрясение в M=4,0±0,5, а в 1897 г. там же – с M=3,6±0,5. Поскольку по инструментальным данным сила сотрясений на поверхности сколько-нибудь определенно не устанавливается, как это произошло и в данном случае в 2000 г., важно было собрать свидетельства очевидцев на местах, что автор и постарался сделать сразу после события.

Неизвестно, чтобы макросейсмическое обследование потрясенной области было осуществлено на месте специалистами и систематически. Поэтому нам пришлось в суждении о распространении сотрясений и их интенсивности довольствоваться следующими источниками: 1) газетными сообщениями («Аргументы и факты», «Котельничский вестник», «Вятский наблюдатель») и 2) сведениями от жителей нескольких деревень, собранными М. М. Пахомовым путем опроса учителей и переписки. Первое сообщение появилось 21 января 2000 г. [9]. Всего удалось получить конкретные сведения из 6 населенных пунктов, которые располагаются довольно кучно в 30–60 км к юго-западу от г. Кирова (Вятка). Все известные пункты находятся в пространстве между более крупными пунктами Оричи, Кумены, Мирный, сведения о сотрясениях в которых отсутствуют, что должно означать и отсутствие в них сотрясений i2 баллов. Перечень пунктов и интенсивность сотрясений в них по первичным признакам (оценка автора) приведены в табл. 2. Видно, что в большинстве пунктов интенсивность составила 4–5 баллов, а в одном, возможно, и до 5 (приведен лишь один факт). Землетрясение ощущалось в Куменском и Оричевском районах

Кировской области между населенными пунктами Оричи, Кумены и Нижне-Ивкино.

Таблица 2

Макросейсмические данные по землетрясению 18.01.2000

№ п/п	Пункт наблюдения	Интенсивность, I
1	Пунгино	(5)
2	Монастырщина	4-5
3	Верхошижемье	4
4	Коршик	4
5	Кучелап	4
6	Шешурга	(4)
7	Кумены	≤2
8	Оричи	≤2
9	Мирный	≤2

Вот, например, описание события жительницей поселка Верхошижемье Г. А. Вылегжаниной: «Утром около 7 находилась на ногах в каменном доме, услышала сильный удар, дом содрогнулся. От перепуга импульсивно присела. Потом услышала сильный гул. Люстра в комнате закачалась, стены колебались. Через дом жившая в квартирном доме соседка, не спавшая, толчка не заметила».

В другом конце поселка жительница двухквартирного дома из деревянного бруса, находясь перед

домом, почувствовала толчок под ногами так, что покачнулась, дом, показалось, тоже покачнулся. Затем последовал гул и грохот, в доме зазвенела стеклянная посуда. Толчок и гул в большей мере ощутили жители взгорий, тогда как в низине, где дома старой застройки, жители явления не заметили.

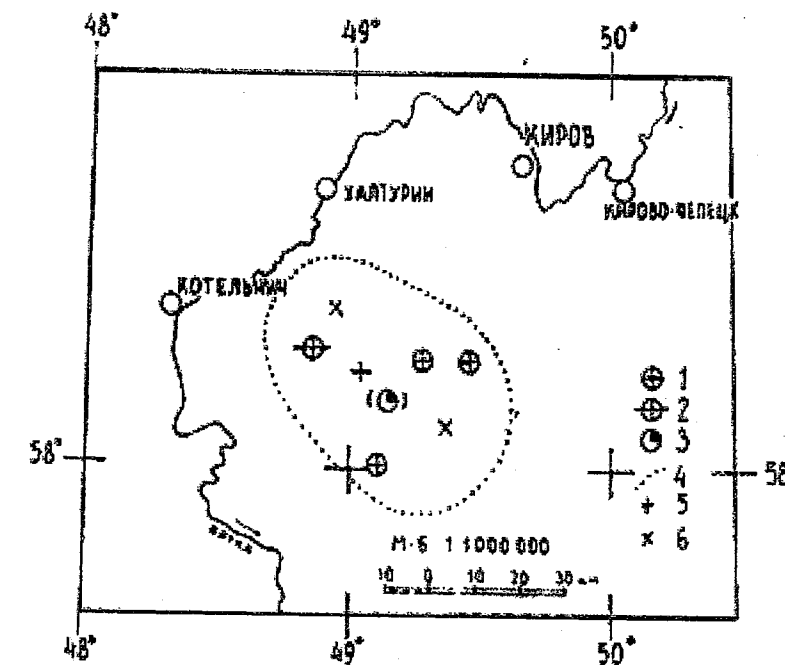
Область ощутимых сотрясений ориентировочно составляет 60x40 км, причем, скорее всего, несколько вытянута с юго-востока на северо-запад.

Есть указания на два толчка продолжительностью в несколько секунд.

Эпицентр определяется по макросейсмическим данным в пункте с координатами 58,20° с.ш. и 49,0° в.д. ±0,1, что очень близко совпадает с приведенным выше положением эпицентра по инструментальным определениям.

Распределение пунктов, откуда поступили сведения, и интенсивности сотрясений показаны на рис. 1. Важно обратить внимание на то, что за всю известную историю сейсмических событий в крае это первое, возникшее на левобережье р. Быстрицы, т. е. среди известных оно оказывается самым крайним на юго-западе. Эпицентральная область его, как и 4-балльного землетрясения 1897 г., вытянута в СЗ-ЮВ направлении, тогда как в 1809 г. ось эпицентральной области была ориентирована перпендикулярно (ориентировка эпицентральных областей остальных исторических землетрясений в районе остается неизвестной).

Таким образом, ясно, что мы имеем дело с относительно сильным, хотя и не уникальным для данного региона событием, подтверждающим его сейсмическую активность.

Условные обозначения:

1-3 – интенсивность сотрясений в баллах:

- 1 – 4 балла,
- 2 – 4-5 баллов,
- 3 – 5 баллов (ненадежно);

4 – примерный контур области ощущения землетрясения;

5 – положение эпицентра по макросейсмическим данным;

6 – то же, по инструментальным данным;

на северо-западе – по данным обсерватории «Обнинск»,

на юго-востоке – по РЕВ.

Рис. 1. Макросейсмические данные по землетрясению 18.1.2000 в Кировской области

Примечательно, что менее чем через два года в Вятском крае произошло еще одно землетрясение, на этот раз в северной его части. По инструментальным данным, оно случилось 9 ноября 2002 г. в 06 час. 47 мин. 41,1 сек. в пункте с координатами 60,07' с.ш. и 49,72' в.д. и имело магнитуду $M=4,1$ [7]. По этому поводу в газете «Вятский край» появилось лишь следующее краткое сообщение:

«Киров. На днях и в нашей, как правило, не подверженной природным катаклизмам, области произошло землетрясение силой 2-3 балла по шкале Рихтера. По сообщению пресс-службы главного управления природных ресурсов и охраны окружающей среды МПР России по Кировской области, землетрясение было зарегистрировано лабораторией специального контроля МО РФ с эпицентром в районе п. Опарино, в 110-120 км от областного центра.

Ни люди, ни здания не пострадали. Глубина эпицентра уточняется. Подобное аномальное явление в области было зафиксировано в январе 2000 г. в районе Нижне-Ивкино» [2].

В этом сообщении, как это часто бывает в сообщениях средств массовой информации, спутаны оценка мощности события (безразмерные единицы, в шкале Рихтера, эквивалент выделенной в очаге энергии), т. е. магнитуда M , и сила сотрясений на поверхности в макросейсмической шкале, т. е. интенсивность, I . Магнитуда по инструментальным определениям, как указано, превысила $M=4$. Для какого пункта (Опарино?) дана оценка интенсивности 2-3 балла, остается неизвестно. Но не для эпицентра, где, судя по магнитуде, она должна была быть не менее 4 баллов.

В целом можно сказать, что два землетрясения, возникших в Вятском крае на рубеже веков, расширяют наши знания о сейсмических проявлениях в районе. Это касается, во-первых, расширения области возможного возникновения толчков на север и юго-запад и, во-вторых, поднятия верхнего уровня зарегистрированных магнитуд до $M=4,0-4,1$, а интенсивности до $4,5 \pm 0,5$, что, однако, нельзя считать пределом.

Геологическая приуроченность очагов известных теперь 17 сейсмических событий должна стать предметом специального исследования.

Автор признателен М. М. Пахомову и В. В. Удоратину за сообщение дополнительных сведений.

Примечания

1. Аргументы и факты. 2000. 2 февр.
2. Вятский край. 2002. 16 ноября.
3. Информационное сообщение о землетрясении в Кировской области 18 января 2000 г. // <http://www.ceme.gsgar.ru/1251/info300300.htm>.
4. Котельничский вестник. 2000. 1 февр.

5: Никонов, А. А. Исторические землетрясения Вятского края [Текст] / А. А. Никонов, Н. Г. Мокрушина, А. И. Лубягина // Вестник ВятГУ. 1999. № 2. С. 76-80.

6. Никонов, А. А. История и состояние изученности землетрясений на Восточно-Европейской платформе [Текст] / А. А. Никонов // Строение, живая тектоника и дислокации платформ и их горно-складчатых обрамлений: м-лы Междунар. конф. М., 2003. С. 181-184.

7. Обнинский бюллетень. 2002. Янв.

8. Пахомов, М. М. Опрос местных учителей в февралю-марте 2000. Персональное сообщение?

9. Пятунин, Е. В Куменском районе – землетрясение! [Текст] / Е. Пятунин // Вятский наблюдатель. 2000. 21 янв.

10. Старовойт, О. Е. Сейсмическая сеть Геофизической службы РАН на Европейской части России и ее регистрационные возможности [Текст] / О. Е. Старовойт, И. П. Габсатарова, Л. С. Чепкунас // Геодинамика и сейсмогенез: м-лы Всерос. совещания 12-15 сентября 2000 г. Ярославль, 2000. С. 152-155.

Н. М. Валеев

СТАХЕЕВЫ И РОССИЯ

В статье нарисованы колоритные портреты представителей крупнейшей в России династии елабужских купцов Стахеевых, серьезно влиявших на экономику страны. Их благотворительная и меценатская деятельность, замалчиваемая ранее, раскрывается через редкие и малодоступные источники.

Более 20 лет я изучаю меценатскую и благотворительную деятельность выдающейся купеческой династии елабужских купцов Стахеевых. Их судьба стала и моей судьбой, поскольку долгие годы работы с архивными документами, поиски скупой информации о Стахеевых в периодике XIX-XX вв. дали мне возможность очень близко узнать некоторых замечательных представителей династии в масштабах России, да и всего мира.

Позволю себе привлечь внимание к некоторым знаковым фигурам этой уникальной фамилии и хотя бы в эскизной форме показать их достижения и вклад в российскую жизнь, экономику. Задача эта нелегкая, поскольку, начиная с Ивана Ивановича, жившего в 1802-1885 гг., был наложен запрет на рекламу их благотворительной деятельности, и любую информацию приходилось искать долго. Обусловлено это было, разумеется,

ВАЛЕЕВ Наиль Мансурович – доктор филологических наук, профессор, академик-секретарь Академии наук Татарстана, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, ректор Елабужского государственного педагогического университета
© Н. М. Валеев, 2004

чисто религиозными мотивами: творить добро без шума, ибо милостыня должна быть тихой.

В редких случаях и только уважаемым современникам удавалось сказать слова благодарности столь своеобразному человеку, каковым был Иван Иванович.

В ноябре 1867 г. елабужский купец Иван Васильевич Шишкин (отец великого русского живописца Ивана Ивановича) поместил в «Вятских губернских ведомостях» [1, с. 3-4] отчет «Из Елабуги» об обеде в честь Ивана Ивановича Стахеева, который устроило городское сообщество в благодарность за его великие пожертвования в пользу города и бедных жителей... Протоиерей Константин Спаский в своей поздравительной речи ярче других выразил суть происходящего: «...Вы, по жертвованиям елабужский перл настоящего времени, а будущего времени – громкий представитель настоящего поколения перед будущими... Елабужские граждане, не только здесь находящиеся, но и отсутствующие, даже будущие времена, как бы присутствуя здесь, чувствами своими, наверно, желают вместе с нами почтить тебя не обедом только, но и... возложить на старческую главу твою венок незабвенной благодарности своей за жертвования твои...» для блага людей страждущих и неимущих.

Открывая это торжественное собрание, директор городского общественного банка Андрей Дмитриевич Кусакин от патетического лозунга о патриотах переходит к конкретному примеру благотворительной деятельности И. И. Стахеева: «Благодаря Бога, Русь наша не бедна государственными и общественными деятелями: со всех концов ее необозримого пространства мы слышим заявления о религиозных и патриотических подвигах сынов России, стяжавших по себе неуваждаемую славу и воспоминание. Не будем, господа, искать и долго затрудняться в указании таких великих деятелей, они в среде нашей, они и сейчас с нами! Не далеко прошло то время, когда угодно было Богу правдивым гневом своим посетить Елабугу, две трети города в 1850 году было истреблено пожаром, много семейств осталось без крова и пищи, повсюду был слышен вопль, стон и отчаяние, тогда посреди этой сцены, раздирающей душу, является, проникнутый глубоким смирением, почетный купец наш И. И. Стахеев. Он утешает несчастных, дает им приют и пищу, строит дома и дает погорельцам десятки тысяч рублей безвозвратно».

Младший брат виновника торжества Дмитрий Иванович (1816-1888), городской голова, заметил, что подобное чествование – лучшая награда человеку и «поощрение к деланию добра» в дальнейшем.

Взволнованный общим вниманием Иван Иванович поблагодарил собравшихся (более 80 че-

ловек) за оказанные почести и пообещал в дальнейшем верою и правдою служить родному городу и краю.

Яркий психологический портрет благотворителя дал в «Русском архиве» [2, с. 572-574] архиепископ Никанор, отметивший, что это «знаменитый богач и благотворитель Иван Иванович Стахеев, купец-миллионер г. Елабуги, строитель церквей, монастырей и разных благотворительных учреждений. Желая, по заповеди Христа, раздать свои имения и последовать Христу все совершенно, Иван Иванович, старец уже под 80 лет, задумал было скончать век свой на Афоне, которому много благотворил на своем веку. Собираясь теперь положить там и кости свои, Иван Иванович захватил с собой туда 100 000. Но этому крайне своенравному старцу, который, ворочая миллионами, весь век свой проходил в изорванном зипуне, в засаленном картузе и смазных сапогах, весьма не понравилось на Афоне, что там его встретили с великим подобострашием. Конечно, сюда превзошли и другие причины. Зная этого великого чудака, весь век свой юродствовавшего и Христа ради и честолюбия ради, крайне своеобразного и избалованного всеобщей угодливостью людей, всегда применявшихся к его своенравию, я еще в Уфе, где слава Стахеевых громка и все известно, что делается около них в Елабуге (этой купеческой столице, орудующей Сибирскую торговлю), я пророчил, что Иван Иванович на Афоне не уживется; не достанет у него полного самоотвержения от своей воли, необходимого для Афонской жизни. Наконец, где же 80-летнему старцу, привыкшему во всю свою жизнь к своеобразной роскоши, есть и перебаривать своим старческим ртом Афонскую редьку. Как отстаивать своими старческими ногами 14-часовые Афонские всенощные и т. п.? Так оно и вышло. Обидевшись подобострастным приемом и ухаживанием за этим золотым мешком, этим великим жертвователем и своеобразным подвижником Афонских старцев, он поворотил назад в свое любезное отечество, в свою родную Елабугу, где уже знают все его приемы; знают, что подобострастное ухаживание за ним должно было быть облечено внешним видом Российской простоты и даже грубоватости. В Елабуге Иван Иванович велик...».

Один из главных героев романа Д. И. Стахеева (1840-1918) «Наследники» – Иван Петрович Чухлымов (в образе которого много автобиографического, и речь в отрывке идет о Елабуге – родине писателя, и о нем самом и его отце) перенеся воспоминаниями в свое прошлое, отцовский дом. «Под влиянием тоскливого чувства он вспомнил свою отдаленную родину. Точно в противоположность окружающей его обстановке представлялись ему светлые, высокие комнаты в

отцовском доме и ожили в его воображении первые впечатления детства, невозвратно прошедшие дни беспечной юности. Он невольно, сам того не замечая, совершенно перенесся мыслью далеко, на юго-восток от Петербурга, туда "где сливаясь шумят, обнявшись будто две сестры", две громадные реки русского царства (Кама и Волга. — Н. В.).

Обрисовался перед ним небольшой красивый городок (Елабуга), стоящий на крутом берегу многоводной реки (Камы), пятиглавый собор с голубыми, усыпанными золочеными звездами, куполами высятся посреди площади; далее из-за густой зелени деревьев общественного сада виднеются крыши городских построек, между которыми самое видное место занимает дом купца Чухлымова, первого богача в городе, местного благодетеля, строителя храмов и общественных зданий. Вот и знакомый гостинный двор, за пожертвование которого он получил золотую медаль, и дом с золоченой вывеской "Городовой Магистрат", тоже им пожертвованный; а там далее вглубь города пошли мосты, казармы, церкви, богадельни, — все им же построенные. "Благодетель и первый гражданин во всей губернии", — раздаётся в ушах Ивана Петровича речь какого-то местного оратора, которую он произносил на торжественном обеде, по случаю получения отцом ордена. "Примерный христианин и верный сын церкви", — слышит он "слово" протоиерея в храме, обращенное непосредственно к его отцу, по случаю сооружения нового иконостаса в соборе. Так это все явственно представляется Ивану Петровичу, что он как будто снова переживает это время и снова видит высокую, осанистую фигуру отца, стоящего впереди всех в церкви на особо для него лишь постланном ковре» [3, с. 214].

Наиболее сжатая информация дана в некрологе в газете «Вятские губернские ведомости» [4, с. 3], где делается попытка обзора его заслуг.

«В ночь на 13 сентября скончался в г. Елабуге Потомственный почетный гражданин Иван Иванович Стахеев. Главная черта характера покойного была благотворительность. Чтобы дать понятие о размерах последней, достаточно указать на то, что Иван Иванович, бывший некогда миллионер и главный воротило в торговых делах, умер с очень незначительным капиталом, громадная часть которого была истрачена на различные благотворительные учреждения. Будучи сам глубоко религиозным человеком, он главное свое внимание обращал на устройство церквей. На его средства выстроен в Елабуге прекрасный женский монастырь; кроме того, он пожертвовал несколько домов под общественные учреждения. Откликнулся также Иван Иванович и на нужды народного образования: Елабужское общество и в особенности наше подрастаю-

щее поколение должны быть признательны Ивану Ивановичу за то пожертвование его, результатом которого было основание в Елабуге 6-классного реального училища.

Хорошо было бы почтить память покойного учреждением стипендий его имени в Елабужском реальном училище [5]. Мир праху твоему, добрый человек!»

О богатстве Стахеевых свидетельствует казенный документ, где говорится, что только проценты с капитала, пожертвованного ими на благотворительные цели в 1892 г., дали сумму в 986400 рублей [6]. И такие невероятные, даже по российским масштабам, суммы расходовались на благо Родины и народа династией Стахеевых, начиная с 1876 г., когда был создан «Благотворительный граждан Д. И. и И. И. Стахеевых комитет», и по 1916 г. И если о Третьяковых, Мамонтовых, Морозовых, Бахрушиных знают все, то о Стахеевых — единицы. Правда, обусловлено это тем, что сами елабужские меценаты категорически запрещали рекламировать в газетах акты своих многочисленных благодеяний, считая, что благотворительность должна быть тихой. А масштабы их деятельности несопоставимы даже с названными выше фамилиями: никто из них и помыслить не мог о миллионных ежегодных пожертвованиях, которые делали Стахеевы — гениальные представители «могучего среднего сословия».

И я очень рад, что хоть и через 100 лет после смерти этих настоящих патриотов Отечества, мы можем помянуть их добрыми словами благодарности и даже роскошным бронзовым памятником.

В информации «Елабуга (смерть миллионера)» «Вятские губернские ведомости» [7, с. 4] сообщают: «Наш город считается одним из видных городов на Каме: в нем числится более 10000 жителей, есть множество каменных зданий, четыре церкви, богатый женский монастырь... вообще, по внешнему своему виду Елабуга напоминает собою скорее губернский город». По хлебной торговле он в Прикамье второй после Сарапула... 6 января 1888 г. умер самый старший из этой фамилии, Дмитрий Иванович, старик 72 лет.

Дмитрий Иванович Стахеев (1816–1888 гг.) вел обширную торговлю: хлебную, мануфактурную и чайную. Отделения его фирмы, кроме Москвы, где торгует его сын Николай, рассеяны по всей Сибири, начиная с Перми, Екатеринбург, Томска и кончая Иркутском. Говорят, что капитал покойного простирается до 16 миллионов, из которых большая половина находилась в торговых оборотах. Говорят также, что в кредиты за должниками его была такая масса денег, что целый сундук был завален одними векселями, — и накануне своей смерти, чувствуя быстрое приближение ее (покойный умер от воспаления легких), Дмитрий Иванович велел читать их себе вслух

(имена должников) и наполовину велел порвать тут же — при себе: это были или безнадежные векселя, или от имени таких лиц, которым покойный почему-либо счел нужным простить долг.

Как общественный деятель, Дмитрий Иванович несколько четырехлетий прослужил городским головою, и в этом звании, по исстари заведенному в Елабуге обычаю городских голов, не только не получал ассигнуемого жалованья, но делал на нужды города многочисленные пожертвования, из которых укажем — на устройство торговых лавок на двух базарных площадях (тысяч на 60 рублей), на городской водопровод (около 25000 рублей), на реальное училище (около 30000 рублей), на построение многих церквей по губернии. Кроме того, Дмитрий Иванович любил по субботам оделять нищую братию.

Теперь со смертью Дмитрия Ивановича самым старшим и самым деятельным членом фамилии Стахеевых в Елабуге остался племянник покойного, Иван Григорьевич, ведущий обширную хлебную торговлю не только с Сибирью, по Каме и Волге, но и с заграничными рынками. Он имел агентов в Берлине и Лондоне».

Современникам нелегко было осмыслить масштаб благодеяний таких личностей, как Дмитрий Иванович. Собравшись устроить обед в его честь, елабужское купечество немало сомневалось: сумеют ли они уговорить Дмитрия Ивановича прийти на торжество. «Вятские губернские ведомости» [8, с. 3–4] попытались пересказать, как все происходило.

Дмитрий Иванович, будучи избран к обязанностям городского головы с 1865 по 1868 гг., ознаменовал это время неуспешным попечением о городских нуждах и устройстве городского хозяйства. Желая положить прочное основание источнику доходов, необходимых на покрытие общественных нужд, построил на свой капитал один каменный и пять корпусов деревянных помещений, деревянные помещения казарменные для тюремного замка и, затратив на эти сооружения десятки тысяч рублей серебром, пожертвовал безвозмездно помещения в пользу городского общества, управление которого в настоящее время получает от них ежегодно дохода более 3500 рублей, составляющих ныне одну из главных опор при недостатках городских средств.

Это разумное и щедрое приношение Дмитрий Иванович, избегая гласности, передал в собственность городского общества — незаметно. Кроме сказанного, под влиянием высоких убеждений, Дмитрий Иванович всегда являет свою готовность к жертвам и другим случаям благотворительности, состоя в звании члена во многих благотворительных обществах и учреждениях, непрерывно оказывает свое желание к пособию на пользу ближнего.

Винючник торжества, глубоко проникнутый оказанным вниманием, успокоясь от душевного волнения, со слезами на глазах благодарил земляков за честь: «Господа! Я крайне смущен тем, что незаслуженно удостоиваюсь Вашего внимания, если такие мои ничтожные труды для выгод города Вами так ценятся, то что сказать о более важных подвигах человеку при средствах могущему сделать для пользы общей, а между тем наша местность такое представляет обширное поле для подобной деятельности. Развитие умственных юношеских способностей требует современных высших школ и практических руководств при различных ремеслах; заботливое правительство, конечно, всегда готово нам помочь, но в основу потребуются наши немалые жертвы; особенное попечение обязаны мы иметь при этом то, что раскрытие тех или других детских понятий и усвоение той или другой отрасли науки должны быть при неуклонном руководстве закона евангельского, как основного начала всякой мудрости страха Божия.

Дай Бог, чтобы наше молодое поколение следовало по тому пути, который ведет к благоустройству семейному и общественному».

И как не вяжется со сказанным тот ходульный образ купцов-самодуров из пьес А. Н. Островского, который десятилетия бытовал в нашем обществе и даже в учебниках литературы, истории.

Два родных брата — *Иван Григорьевич* (1837–1907) и *Василий Григорьевич* (1842–1896) Стахеевы также немало прославились своей благотворительной деятельностью.

Иван Григорьевич Стахеев (1837–1907), коммерции советник, елабужский первой гильдии купец, Потомственный почетный гражданин, выдающийся благотворитель и меценат. Торговал хлебом, шелковыми и хлопчатобумажными тканями, а также различными предметами и ширпотребом. С 1 июля 1863 г. стал купцом первой гильдии. Имел два общих с братом Василием Григорьевичем каменных дома в Елабуге: один на углу Набережной и Средней улиц, доставшийся по наследству от родителей, а другой на Покровской улице, выстроенный на собственные средства. Кроме того, Иван Григорьевич имел дома в городах Москве, Казани, Мензелинске, Чистополе и многих других. В 1867 г. проживал в городской части на Шереметьевском подворье в Москве.

В «Вятских губернских ведомостях» [9, с. 4] опубликован список лиц, претендующих быть избранными в почетные мировые судьи по Елабужскому уезду Вятской губернии, на трехлетие с 1888 по 1891 гг., под № 9 значится Иван Григорьевич Стахеев, купец I гильдии, 48 лет. При этом приводится его послужной список: «Образование получил домашнее; служил бургомистром в елабужском магистрате с 1865 по 1867 гг. и по-

четным мировым судьей с 1878 по 1881 год... Владеет в г. Елабуге тремя каменными, одним полукаменным и двумя деревянными домами, каменными лавками, крупяною, водочным заводом, оцененным в 21300 руб., и третью частью пива-медоваренного завода в 5000 руб. Кроме других недвижимых имуществ, состоящих в Вятской, Уфимской и других губерниях». Как видно, И. Г. Стахеев был весьма почитаемым и состоятельным человеком, поскольку и в 26 лет избирался бургомистром, позже – мировым судьей.

В «Прошении» № 4901 на имя Вятского губернатора от 31 октября 1889 г. Иван Григорьевич пишет: «Желая просить о возведении себя и семейства моего в потомственное почетное гражданство за пребывание сряду более 20 лет в I гильдии и представляя удостоверение причта Елабужской Николаевской церкви 29 текущего октября № 147 о том, что я со своим семейством, состоящим из жены Ольги Андрияновны, детей Ольги, Ивана, Сергея, Александры, Владимира, Григория, Николая, Алексея и Анны, брата Василия Григорьевича Стахеева, его жены Глафиры Федоровны и детей Василия, Федора, Петра и Григория, исповедую православную веру и ни к каким сектам или ересям не принадлежу... имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство выдать мне это удостоверение» [10].

В 1904 г. основал торговый дом «И. Г. Стахеев и сыновья», преобразованный его самым одаренным сыном Иваном (1869 г. р.) в 1910–1912 гг. в Торгово-промышленное товарищество «Иван Стахеев и К^о», учрежденное в Елабуге для торговли хлебом, нефтью, мануфактурой и другими товарами.

В середине 1860-х гг. умерла жена Ивана Григорьевича Мария Капитовна Стахеева (Ушкова) (1838 г. р.), у них была единственная дочь Мария (1859 г. р.). Иван Григорьевич женился второй раз 1 ноября 1867 г. на 17-летней дочери Московской губернии Воскресенского купца Андриана Чикина – Ольге Андриановне (1850 г. р.). Венчание было в Московской Николаевской на Покровке церкви. У них родилось девять детей.

Иван Григорьевич расширял и увеличивал торговые обороты фирмы, имел 10 паровых и более 70 непаровых судов, заводы и фабрики, склады, магазины по всей России.

Во всех делах отца активно участвовали и его дети.

Василий Григорьевич Стахеев (1842–1896), Потомственный почетный гражданин, коммерции советник, купец I гильдии, известный благотворитель, родился 15 марта 1842 г. в г. Елабуге. Таинство Крещения совершили 18 марта в Николаевской (Святого Николая, «стахеевской до-

мовой») церкви священник Максим Замятин с дьяконом Василием Замятиным и дьячком Григорием Несмеловым. Восприемниками (крестным отцом и матерью) были Дмитрий Иванович Стахеев и его племянница Елизавета Ивановна.

Отец его Григорий Иванович (1815–1851) с 1843 г. числился купцом III гильдии; вместе с женой Анной Петровной воспитали троих детей: старшего сына Ивана (1837–1907) и младшую дочь Ольгу (1845 г. р.).

26 января 1866 г. Василий Григорьевич женился на 19-летней дочери Потомственного почетного гражданина города Казани, купца I гильдии Федора Петровича Докучаева (1820 – после 1884) – Глафире (1847–1927).

Брак этот оказался счастливым и прочным. Поручители, среди которых был и брат Иван Григорьевич, не разочаровались в этой семье. Венчание проходило в Богоявленской церкви г. Казани, таинство совершал священник Михаил Зефиров.

В Российском государственном историческом архиве (РГИА) в Санкт-Петербурге в фонде Департамента Герольдии хранится интересный документ 1891 г. о присвоении Василию Григорьевичу Стахееву с семьей прав Потомственного Почетного Гражданства:

«Божьей милостию

Мы, Александр Третий, император и самодержец всероссийский, царь Польский, великий князь Финляндский.

Манифестом в 10 день апреля 1832 установлено сословие почетных граждан, на правах, в этом предначертанных, а как верноподданный Наш Елабужский I гильдии купеческий брат Василий Григорьевич Стахеев представленными актами доказал право на почетное потомственное гражданство, то, возводя онаго Елабужского I гильдии купеческого брата Василия Григорьевича Стахеева с его женой Глафирой Федоровой, сыновьями: Василием, Федором, Петром, Григорием Васильевыми в сословие почетных граждан всемилоостивейше повелеваю пользоваться как ему, так и его потомству всеми правами и преимуществами манифестом его сословию дарованными во свидетельство чего повелели мы сию грамоту правительствующему сенату подписать и государственною нашею печатью укрепить. Дана в Санкт-Петербурге» [11].

В 1860-е гг. стал купцом I гильдии, коммерции советником; торговал хлебом, зерном, мануфактурой и многими другими товарами. Основал торговый дом «В. Г. Стахеева наследники». К концу XIX в. владел двумя большими и несколькими средних размеров пароходами, а также более 40 непаровыми судами. Пароход «Стахеевы», построенный в Сормово в 1886 г., был одним из лучших в Волжско-Камском бассейне, а спущен-

ный с тех же стапелей в 1899 г. пароход «В. Г. Стахеев» долго не имел себе равных. Ему принадлежали в 1872 г. судоремонтные мастерские в Дербешке с затоном, где ежегодно зимовало около 100 пароходов и барж. (Дербешка – поселок на левом берегу Камы; в 42 км к западу от села Актаныш. С 1970-х гг. в зоне затопления Нижнекамского водохранилища. В 1998 г. исключен из учетных данных.)

Вместе с женой владел роскошной дачей в Святом Ключе в 12 км от г. Елабуги на противоположном (левом) берегу реки Камы.

Умер 23 июля 1896 г. 53 лет от роду от брюшного тифа. Похоронен на городском приходском кладбище, где на могиле Глафиры Федоровны с детьми поставила редкостной красоты часовню, уничтоженную вместе с кладбищем и Троицкой церковью в 1930-е гг.

Имя Глафиры Федоровны Стахеевой-Докучаевой (1847–1927), прославившейся огромными масштабами благотворительности, совершенно несправедливо предано забвению. Эта удивительная женщина, потомственная Почетная гражданка г. Елабуги, на рубеже XIX–XX вв., без преувеличения можно сказать, совершила настоящий подвиг, построив в память о своем умершем муже – Василии Григорьевиче – монументальное здание Епархиального женского училища.

Многочисленные заслуги Стахеевых перед Отечеством «Вятские епархиальные ведомости» поместили в 1908 г. статью «Чествование почетной попечительницы Стахеевского Епархиального женского училища Глафиры Федоровны Стахеевой в день десятилетия училища 20-го сентября 1908 года», в которой обстоятельно рассказывается, как проходила церемония и сколь высоко оценил Священный Синод ее пожертвование: «В текущем году исполняется десятилетие плодотворной и многопользительной службы училищу строительницы, благоуказательницы и почетной попечительницы Глафиры Федоровны Стахеевой. В течение 10 лет существования Стахеевского Епархиального училища Г. Ф. Стахеева относилась к училищу неизменно любовно, матерински, как к своему родному детищу...». Далее отмечается, что таких крупных пожертвований для воспитания и образования детей, пожертвований «с назначением единственных не только в истории духовенства Вятского края, но и духовенства всей Российской империи», не было даже в богатой меценатскими традициями стране.

Строительство здания училища, надворных сооружений, ограды и другого обошлось Г. Ф. Стахеевой почти в 500 000 рублей. Сумму эту можно представить только с помощью наглядных примеров. На рубеже веков в Елабуге овца стоила

1 руб. 50 коп., корова – 15–20 рублей, а дальше каждый легко может подсчитать, во что обошлась бы эта постройка на рубеже XX–XXI вв.

Газета «Вятские епархиальные ведомости» от 16 апреля 1905 г. в официальном отделе «Высочайшие награды» отметила: «Государь Император повелел к 6-му числу декабря 1904 года пожаловать нижеследующих лиц медалями, за заслуги по духовному ведомству: медалью золотой для ношения на шее на Андреевской ленте почетную потомственную гражданку Глафиру Стахееву».

Дальнейшая судьба Глафиры Федоровны и судьба основанного ею учебного заведения были тесно взаимосвязаны. Ежегодно она вносила десятки тысяч рублей на различные нужды училища: взносы за беднейших учениц (обучение стоило 100 рублей в год за одного человека на всем готовом), разведение сада, благоустройство и украшение училищного храма и многое другое. Из неопубликованных воспоминаний воспитанницы училища Фаины Смирновой, дочери протоиерея церкви села Биляра Елабужского уезда, видно, как жили девочки в этом втором своем доме. Достоверность воспоминаний усиливается тем, что училище с дополнительными педагогическими классами окончили и три ее сестры – Антонина, Павлина и Мария. Жили они в пансионате (общежитии) при училище по 5–6 человек в комнате. После поступления на учебу девочки получали одежду (белье, форму повседневную и парадную, передники и пр., вплоть до носовых платков), распределялись по классам. Присмотр за детьми вела классная дама, которая присутствовала и на уроках. Обучали их не только наукам, но и хорошим манерам, рукоделию. За дополнительную плату можно было изучать иностранные языки, заниматься музыкой, танцами. Общую уборку помещений производили горничные, а воспитанницы дежурили поочередно в спальнях и классах, застилали кровати, поддерживали чистоту и порядок; дежурили в столовой, расставляли и убрали посуду, раскладывали столовые приборы, раздавали хлеб. Кормили девочек хорошо. В праздничные дни готовились для них особые обеды.

В Рождество украшалась елка в помещении и во дворе. На такие встречи приглашались учащиеся реального училища; воспитанницы выступали перед гостями с номерами художественной самодеятельности, были и танцы.

Все воспитанницы запомнили дни, когда в училище приезжала почетная попечительница Глафиры Федоровны: тогда тоже устраивались для них праздничные обеды, у кого были дни рождения, получали щедрые памятные подарки.

У девочек воспитывались патриотические чувства. Фаина Смирнова, пребывание которой в учи-

лице пришлось на 1913–1918 гг., годы войны с Германией, вспоминает, что девочки вязали для солдат носки, шлемы, шарфы, отправляли их на фронт, а также посещали раненых в госпитале.

Интересен и факт попытки побега пяти девочек на фронт; его легко объяснить особой – елабужской – аурой. Богатая дочь помещика Мария Ардышева попросила из дома, якобы для драматического представления, пять гусарских костюмов, девочки тайком насушили на батареях отопления сухарей и, как когда-то их прославившаяся предшественница Надежда Дурова, решили бежать. Но страшная вьюга и отдаленность фронта помешали им осуществить их план.

После октябрьского переворота 1917 г. воспитанницы жили уже на частных квартирах. В 1918 г. Елабужское епархиальное женское училище было закрыто. Волна репрессий против купечества и духовенства и вообще против русского уклада жизни, русской культуры коснулась и Глафиры Федоровны. За постройку замечательного здания ее приютили в доме для престарелых, выгнав из собственного дома на Набережной улице, где она и умерла в 1927 г. Основательница епархиального училища была похоронена на кладбище Казанско-Богородицкого женского монастыря, который, в свою очередь, был уничтожен в 1929–1930 гг.; вместе с монастырем было уничтожено и кладбище.

Для памяти отмечу, что В. Г. Стахеева до места его последнего упокоения в 1896 г. провела почти вся Елабуга. «На кладбище Троицкой церкви много изящных памятников; особенно выдается по изяществу часовня, воздвигнутая над телом известного благотворителя, Елабужского потомственного почетного гражданина Василия Григорьевича Стахеева, сооруженная детьми и женою покойного», – пишет Н. И. Шишкин в своей книге «История г. Елабуги с древнейших времен» [12, с. 207].

Судьба часто бывает несправедлива к лучшим сынам и дочерям Отечества: попорана могила Г. Ф. Стахеевой, от часовни и могилы В. Г. Стахеева, выдающегося мецената, патриота и неустанного труженика тоже ничего не осталось. Каждодневно топчем мы могилы предков возле Троицкой церкви, от которой осталась лишь фундамент, забывая при этом, что история не прощает варварства и вандализма. Черная неблагодарность к памяти предков зеркально отражается через стремительное обездуховление общества, деградацию его.

Раздел о Г. Ф. Стахеевой завершу словами Ф. Смирновой – выпускницы училища (с двумя дополнительными годами обучения в педагогических классах, существовавших с первого дня основания учебного заведения), персональной пенсионерки республиканского (РСФСР) значе-

ния, пережившей блокаду Ленинграда, поскольку ее напутствие, высказанное в 1991 г., звучит призывом к нынешней молодежи: «Очень приятно, что в бывшем Епархиальном Стахеевском училище находится педагогический институт, несущий культуру и просвещение. Пусть он также воспитывает в студентах самые светлые чувства Долга, Преданности, Культуры и глубокие знания, какие мы получили в стенах этого здания. Счастья и успехов вам, наставники-преподаватели и студенты!»

Особо следует отметить факт участия в юбилейных торжествах 2–5 октября 2003 г. по поводу презентации университета, 100-летия здания и открытия памятника на университетской площади Д. И. Стахееву – духовному символу благотворительной деятельности династии Стахеевых и всего российского купечества – правнучки и правнука Г. Ф. Стахеевой – Татьяны Браунинг и Питера Карсона с семьями из Лондона. Замкнулся один виток истории: в меру своих сил и возможностей университет, Елабуга, да и вся Россия сказали свое благодарственное слово великим меценатам Стахеевым за их выдающиеся подвиги во имя процветания Отечества. В этом ряду не будет забытым и имя Глафиры Федоровны Стахеевой.

Далее хочется остановиться на уникальной личности, которая превзошла масштабы и размахом деятельности многих Стахеевых. Это Иван Иванович (1869–?), сын Ивана Григорьевича, гениальный предприниматель, удачливый умница. О нем очень хорошо написано в книге «Во благо России» С. А. Кабанова и А. К. Кулевского [13, с. 151–154], поэтому процитирую ее.

Имя купцов Стахеевых было известно в Поволжье еще в конце XIX в.; ибо их баржи по всей Волге везли хлеб, сахар, чай, табак, зерно, муку и даже нефть. В 1905 г. отец и шесть сыновей Стахеевых основали торговый дом. Однако у старшего из сыновей – Ивана Ивановича Стахеева – были более грандиозные планы: в 1912 он основал собственную фирму «И. Стахеев и К^о», в создании которой приняли участие еще два известнейших в торгово-промышленном мире дельца – выходец из зажиточного крестьянства, крупный волжский предприниматель Прокопий Петрович Батолин и глава крупнейшего в России Русско-Азиатского банка Алексей Иванович Путилов, акционер 44 торгово-промышленных компаний. А вскоре скромное торгово-промышленное товарищество «И. Стахеев и К^о» станет центром гигантского концерна, который сумеет проникнуть во все важнейшие отрасли экономики России. Купцы Стахеевы торговали, в основном, зерном, и не только в России, но и вывозили его за рубеж. Как уже отмечалось выше, при рассмотрении развития предпринимательства

России в аграрном секторе Россия как сельскохозяйственная страна не процветала, случались неурожайные, а значит, и «голодные» для населения годы, но зерно экспортировалось. При этом Россия по потреблению зерна на душу населения занимала одно из последних мест среди цивилизованных стран. Так, по данным за 1900 г. в России на душу населения приходилось 22 пуда, в США – 67 пудов, в Дании – 50 пудов, во Франции – 30 пудов. Но экспорт хлеба обеспечивал России активный торговый баланс, хотя на мировом хлебном рынке доминировали США и Германия, где был более высокий уровень промышленной переработки зерна. А у нас в России практически не было ни элеваторов, ни крупных механизированных мельниц, ни торгового флота. Вот И. И. Стахеев решил создать мощную зерновую базу, превратив свою фирму «И. Стахеев и К^о» в корпорацию по вывозу зерна и муки. Это было возможно, ибо товарищество И. И. Стахеева поддерживал кредитами Русско-Азиатский банк, а интересы И. И. Стахеева в банке поддерживал его глава А. И. Путилов. Кроме того, глава товарищества «И. Стахеев и К^о» добился поддержки со стороны и другого крупного коммерческого банка – Международного. В результате вокруг скромного товарищества Стахеева начали возникать «дочерние» акционерные общества, номинально-самостоятельные, а на практике подчиненные группе И. И. Стахеева. Так стала складываться эта монополия – будущий концерн Стахеева-Путилова.

Товарищество «И. Стахеев и К^о» было Камско-Вятским товариществом и базировалось в Елабуге, но постепенно после 1912 г. оно в новых условиях превращается в крупную мукомольную и хлеботорговую компанию, которая начинает продавать зерно и муку не только в Поволжье, но на Урале и в Сибири. С началом первой мировой войны в 1914 г. И. И. Стахеев начал продавать свою продукцию на Северо-Западе России и в Прибалтике, где купил крупные земельные участки и начал строить морской порт, оборудованный новейшей техникой – зерноподъемниками и элеваторами. Завоевав хлебный рынок на востоке и западе России, И. И. Стахеев обратил свой взор на юг России. Но южный зерновой рынок России был уже освоен такими предпринимателями, в основном иностранцами, как Давид, Джекобс, Фришен. К тому же конкуренция здесь была острейшая, ибо в наличии имелись черноморские порты и плодороднейшая земля. Но И. И. Стахеева это не смущало, капиталом к этому времени он обладал огромным и опыт имел солидный. Он начинает через подставных лиц скупать акции фирм-конкурентов, вводит в их правления своих людей, продает зерно по ценам более низким. И победил: в разгар первой миро-

вой войны концерн Стахеева-Путилова-Батолина монополизировал хлебную торговлю в России. И. И. Стахеев продавал зерно по всей России, а через черноморские и прибалтийские порты – в Европу.

Но он понимал, что если сегодня он – «хлебный король», то завтра все может измениться. Нужно было вкладывать средства и в другие отрасли экономики, ведь если капитал вложен в несколько отраслей одновременно, то прибыль будет постоянной: сегодня одни отрасли переживают подъем, завтра – другие. Заработанные на хлебной торговле капиталы И. И. Стахеев вкладывает в торговлю нефтепродуктами. Он продает керосин на Волге и Каспии, становится конкурентом нефтяного треста «Товарищество братьев Нобель». Более того, И. И. Стахеев за бесценок скупил земли в районе Южного Урала и на реке Эмбе в Прикаспии, и интуиция его не подвела: здесь была найдена нефть, что позволило И. И. Стахееву учредить ряд акционерных обществ по промышленной добыче нефти. «Так приэбминская пустыня обернулась для Стахеева золотым дождем». Но он не останавливается на этом, потому что идет война, армии требуются обмундирование, а значит, нужен хлопок. И вот И. И. Стахеев уже в Туркестане создает новое акционерное торгово-промышленное общество «Фергана», которое начинает скупать и продавать хлопок, затем производит изделия из хлопка, и вкладывает при этом деньги даже в строительство для орошения засушливых среднеазиатских земель. А вскоре монополистическая группа И. И. Стахеева-Путилова-Батолина учреждает Русско-Бухарский банк, фактически монополизировав экономику Бухарского эмирата. Однако производить ткани прибыльнее, чем хлопок-сырец, и концерн Стахеева-Путилова-Батолина начинает вкладывать капитал в текстильную промышленность. Но сперва И. И. Стахеева постигла неудача: проникнуть в центр текстильного производства России – Московский промышленный район – было нельзя. Но И. И. Стахеев нашел другое место – столицу Российской империи Петербург, где текстильные фабрики были объединены в Общество Российской мануфактуры. И Стахеев начал действовать, а в результате возникло новое монополистическое объединение в текстильной промышленности, в составе которого объединялись фабрики Подмосковья, Владимирской губернии, Урала. А в 1917 г. концерн Стахеева-Путилова-Батолина подчинил себе значительную долю производства в лесной, бумажной, металлургической, угольной и других отраслях, а также установил контроль над железными дорогами Москва – Казань, Казань – Бугульма и другие. Кроме того, в состав концерна И. И. Стахеева входили

3 банка, а еще 7 банков участвовали в его операциях.

В 1917 г. концерн Стахеева-Путилова-Батолина представлял собой мощную финансово-промышленную монополистическую группу, охватывающую огромную территорию по своему функционированию – от Балтики до Сибири, от Туркестана до границ с Норвегией. В сферу интересов концерна входили зерно и нефть, хлопок и металл, уголь и ткани, лес и бумага, железные дороги и рыбные промыслы. После октябрьских событий 1917 г. И. И. Стахеев пытался удержать свои колоссальные материальные и финансовые средства как единый хозяйственный механизм, но это была утопия, ибо пришедшая к власти политическая сила отрицала всякую частную собственность. Дальнейшую судьбу руководителей невиданного в экономической жизни России концерна не трудно представить: И. И. Стахеев и А. И. Путилов эмигрировали во Францию, П. П. Батолин был убит неизвестными в Петербурге в 1918 г.

После революции 1917 г. судьба монополий в России была решена: в ходе национализации промышленности и банков в 1917–1918 гг. они перешли в руки государства трудящихся.

Думается, приведенные факты свидетельствуют, сколь важно было воздать должное замечательным, талантливым, предприимчивым и в то же время на удивление скромным, а, точнее говоря, смиренным, представителям елабужской купеческой династии Стахеевых, прославивших свое сословие и Елабугу не только в России, но и во всем мире.

Примечания

1. Вятские губернские ведомости. 1867. № 43.
2. Русский архив. 1908. Кн. 2. № 5-8.
3. Стахеев, Д. И. Собрание сочинений [Текст] / Д. И. Стахеев: в 12 т. Т. 12. СПб.; М., 1903.
4. Вятские губернские ведомости. 1885. № 8. 5 окт.
5. Вятские губернские ведомости. 1888. № 7. 23 янв.
6. Вятские губернские ведомости. 1874. № 100. 14 дек.
7. Вятские губернские ведомости. 1887. № 51. 27 июня.
8. ГАКО. Ф. 582. Оп. 37а. Д. 389.
9. РГИА. Ф. 1343. Оп. 40. Д. 6168.
10. Шишкин, Н. И. История г. Елабуги с древнейших времен [Текст] / Н. И. Шишкин. Елабуга, 1901.
11. Кабанов, С. А. Во благо России [Текст] / С. А. Кабанов, А. К. Кулевский. СПб., 1917.

НОВЫЕ КНИГИ

Вятка: народное образование и благотворительность. К 125-летию открытия Вятского городского четырехклассного училища (1879–1913). Материалы региональной научной конференции. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2004. – 99 с.

В сборнике публикуются статьи, рассказывающие о прошлом и настоящем народного образования, о благотворительных инициативах вятских меценатов, о деятельности известных педагогов.

В.Я.Т.Х.А.

народное образование и благотворительность

Киров
2004

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

О. В. Байкова

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ
ХАРАКТЕРИСТИКА РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ
КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Функционирование диалектов в иноязычном окружении, в ситуации бытования отдельных этноязыковых групп в отрыве от основного этнического массива, давно является предметом пристального внимания историков и социологов языка. Так как немецкоязычные поселения в различных регионах мира имеют так называемый островной характер, а этнические немцы, населяющие «острова», используют в качестве общения различные диалекты немецкого языка, научное изучение последних проходит в русле специального направления диалектологии и социолингвистики – островной диалектологии, которая сосредоточивает своё внимание на диалекте (социолекте) как языке немецкого национального меньшинства.

Важность продолжения исследований в этой области особенно возрастает в наши дни, когда многие неизученные говоры уже утрачены или же находятся в стадии исчезновения, в связи с продолжающейся эмиграцией этнических немцев.

Островные говоры на территории России нуждаются в неотложном многостороннем описании еще и потому, что в результате современных экономических, политических, социальных, научно-технических и других процессов резко возрастают темпы и масштабы ассимилирующего воздействия языка окружения на эти диалектные островки. Происходит все более ускоряющаяся смена языка коммуникации в пользу русского языка. Проблема сохранения родного языка и культуры, или их утраты стала в последние годы особенно актуальной. Фиксация этой неповторимой, самобытной языковой картины мира уникального типа языковой личности является первоочередной задачей германистики.

Отличаясь по своим характеристикам от собственно немецких диалектных систем, рассматриваемая диасистема продолжает изменяться, оставаясь одним из средств коммуникации определенных компактно проживающих немецкоязычных групп российского общества. На примере развития островных немецких диалектов демонстрируются связи, возникающие в едином культурно-язы-

ковом пространстве, исследуется влияние социокультурных факторов на процессы выравнивания и кодификации диалектных норм. Дается описание языковых процессов внутри диасистемы, общих для всей системы языка и специфических для данной подсистемы, выявляются исторически меняющиеся закономерности функционирования данных говоров, иллюстрируются образцы того, как единицы общенациональной языковой и диалектной периферии протекают в ядро, формируя новые варианты [2, С. 6-7].

По проблеме изучения и исследования звукового строя немецких островных диалектов (говоров) написано немало научных работ не только советскими, российскими, но и зарубежными исследователями. Например, не так давно опубликованная докторская диссертация Рохира Ниебора о языке меннонитов Алтая [5]. Когда ученого спросили, будет ли он продолжать свои исследования и планирует ли в дальнейшем полевать работу по сбору диалектного материала, он ответил отрицательно, мотивируя это тем, что все российские немцы эмигрировали в Дортмунд.

В Кировской же области данная ситуация относительно стабильна. В настоящее время здесь проживает немецкое этническое меньшинство, представляющее весьма значительный исследовательский интерес, как один из наиболее подверженных ассимиляции этносов, с катастрофическими показателями эрозирования и деформации традиционного этнокультурного комплекса, который уже вряд ли может быть возрожден без применения радикальных мер.

Немцы, живущие на территории современной Кировской области, не относятся к числу автохтонных этнических групп. И если до XX в. представители этой нации не составляли целостного этнического массива, в отличие от компактных поселений российских немцев, включавших в себя сотни деревень-колоний на Украине, в Поволжье, Закавказье, Санкт-Петербургской губернии, а также в Сибири и Средней Азии, и были не крестьянами, выходцами из сельских местностей Германии, а квалифицированными специалистами и представителями интеллигенции, то с середины XX столетия появляются районы достаточно компактного их проживания в Вятском регионе. Этнические характеристики у данного населения сохраняются особо, при этом на процесс сохранения традиционного и появление инноваци-

БАЙКОВА Ольга Владимировна – старший преподаватель кафедры романо-германской филологии ВятГГУ © О. В. Байкова, 2004

онного в их культуре повлиял вынужденный характер переселения (депортация).

Исторические события и складывающиеся под их влиянием отношения оказали решающее воздействие на речевое поведение представителей немецкого национального меньшинства исследуемого региона. В Кировской области немецкие диалекты, которые являются родным языком проживающих здесь этнических немцев, находятся на грани исчезновения, сохранившись лишь в форме идиолектов (ср. [3]). Оказавшись в положении иноязычных языковых островов, эти говоры начали развиваться особыми путями. В результате изоляции от основного языкового коллектива в них сформировался целый ряд специфических фонетических, морфологических, синтаксических и лексических особенностей, обусловленных внутренними законами их развития. В то же время их структура длительное время подвергалась и продолжает подвергаться воздействию инодиалектного и иноязычного окружения, что вызвало своеобразные изменения и привело к интенсификации процессов выравнивания и унификации (ср. [2]).

Носителями немецких говоров являются представители старшего поколения. Они происходят из «старых» немецких колоний (Mutter- und Tochterkolonien) Поволжья, Украины. Все они выросли в более или менее однородной (немецкой) этнической среде, посещали национальные общеобразовательные школы, где преподавание всех предметов велось на немецком языке. С раннего детства, усвоив немецкий язык как родной (Muttersprache), чаще всего в форме родного (местного) диалекта, представители рассматриваемой возрастной группы, живя в условиях компактного немецкого поселения в рамках национального района или Республики Немцев Поволжья, имели возможность активно использовать немецкий язык (диалект) во всех сферах жизни и деятельности — дома, среди знакомых, в школе, на работе. Важно отметить широкое развитие немецкоязычной прессы в 20–30-е гг., как в Поволжье, так и в причерноморских областях проживания немцев, а также массовые общедоступные издания художественной литературы на немецком языке, наличие, помимо общеобразовательных, начальных и средних национальных школ, национальных техникумов и вузов [6, с. 38–60], что наряду с ведением делопроизводства на немецком языке обеспечивало его нормальное функционирование во всех сферах хозяйственной и общественной жизни немецких поселений, а также во всех разновидностях, свойственных языку (от местного диалекта до литературного языка). Поколения немцев, выросшие в условиях подобных национальных «общин», где бы они ни находились, прочно идентифицировали себя с

немецкой нацией, сохраняя национальные традиции, быт и культуру исторической родины [3, с. 25].

Что же касается представителей среднего и младшего поколений этнических немцев, следует отметить, что они, хотя и понимают немецкую речь, в большинстве случаев отказывались говорить на родном языке, так как, по словам информантов, они не могли подобрать нужное слово, не могли воспроизвести его. Немецкий язык изучался ими как иностранный. На внутрисемейном уровне немецкий язык (его диалект) использовался крайне редко, чтобы не подвергать себя и своих детей насмешкам со стороны русскоязычного населения. По той же причине дети российских немцев часто отказывались изучать в школе немецкий язык как иностранный, а выбирали английский.

Немецкие идиолекты, представленные в рассматриваемом регионе, обнаруживают отчетливые следы взаимодействия как на внутриязыковом (междиалектном), что выражается в их смешанном характере, так и на межъязыковом уровне, то есть во влиянии контактных языков (ср. [4, с. 41–50]).

Даже наиболее противостоящие друг другу идиолекты, к которым могут быть отнесены говоры нижненемецкого и верхненемецкого типов, обнаруживают признаки смешения, проявляющиеся в непоследовательности отражения того или иного явления, присущего соответствующему диалектному типу (в отказе от так называемых первичных диалектных признаков), в тяготении к некоему «усредненному» варианту, так называемому «новому диалекту». Сосуществование в пределах одного коммуникативного ареала не во всем совпадающих идиолектов делает говоры диасистемой, то есть системой высшего порядка, в которой интегрированы, но еще не унифицированы отношения, характеризующие частные системы. Широкая вариативность в орфофоническом и орфоэпическом смысле есть поэтому одно из самых ярких и специфических свойств феноменов такого рода (ср. [1]).

Не подлежит сомнению смешанный характер исследуемых говоров. В условиях длительной изоляции от языка прародины одни языковые говоры сохранили лишь наиболее общий характер диалектов исходного языкового коллектива, другие же утратили многие специфические черты своих предшественников.

Значительное число фонетических признаков исследуемых идиолектов характерно, с некоторыми местными различиями, для базовых нижненемецких и верхненемецких диалектных ареалов Украины и Поволжья. Но среди исследуемых говоров нет ни одного, который бы полностью совпадал с описанием говоров, существу-

ющих в настоящее время на территории Германии, как нет и таких, которые являлись бы точным повторением какого-либо говора материнских колоний. Основной причиной своеобразия этих говоров является то, что они возникли в результате многократного смешения первоначально различных немецких диалектов.

Черты идиолектного смешения и выравнивания свидетельствуют о процессах внутриязыкового взаимодействия, которые после 1941 г. приобрели специфический характер. Особенность периода с 1941 по 1956 г. для большинства этнических немцев, депортированных в Сибирь и Среднюю Азию, заключалась в том, что это время отмечено переходом от одноязычия (или индивидуального немецко-русского двуязычия) к массовому немецко-русскому двуязычию. Начавшаяся массовая смена языка усилила тенденцию к языковому выравниванию: разнородные немецкие диалекты были какое-то время практически единственным средством коммуникации для этнических немцев в местах депортации, что не могло не способствовать устранению в них наиболее резких (первичных) диалектных признаков. Эта тенденция отчетливо проявляется в идиолектах двуязычных этнических немцев Кировской области.

В свою очередь высокая степень мобильности и дисперсности, характерная для этнических немцев в России/СССР, создает базу для межъязыковых контактов с возможной сменой контактных языков как результатом миграции немецкоязычного населения, особенно усилившейся с 1941 г. Роль русского как основного контактного языка на протяжении всей истории российских немцев следует признать ведущей. Влияние русского языка проявляется в целом ряде интерференционных явлений, возникших в результате языкового контакта. Все рассматриваемые группы говоров демонстрируют одинаково значительную степень подверженности интерферирующему воздействию. Изменения под влиянием русского языка охватывают все уровни языковой системы островных немецких говоров. Большой интерес представляют интерференционные процессы, происходящие в немецких идиолектах на лексическом уровне. Они определили особенность строения лексикона рассматриваемых говоров, который включает кроме исконной лексики разного рода заимствования. Носители немецких говоров в Кировской области имеют в своем распоряжении две языковые системы, которые они могут использовать для расширения словарного состава своего родного языка. Анализ заимствованной лексики отражает основные процессы развития диалектной лексики в целом. При создании словообразовательных калек реализуются принятые в диалекте модели словообразова-

ния и проявляются новые творческие процессы. На синтаксическом уровне наблюдается высокая степень изоморфизма диалектных синтаксических конструкций соответствующим русским. Расширение словаря островных немецких говоров при помощи языковой системы русского языка показывает, насколько живучи рассматриваемые говоры. Русский язык вносит в их развитие существенный вклад, но при этом островные говоры остаются функционирующим средством общения, которое сохраняет собственную динамику, в то время как происходит адаптация и интеграция иноязычной лексики в диалектную языковую систему [2, с. 251–255]. В повседневной практике носители исследуемых говоров в семейном кругу отдают предпочтение идиолектам, в других речевых ситуациях, например при межнациональном общении, они прибегают к русскому языку. В процессе общения с носителями других немецких диалектов представители старшего поколения обращаются к немецкому литературному языку. Вариативность в речи в смысле перехода с диалекта на литературный немецкий язык или с диалекта на русский язык и обратно встречается настолько часто, что ее следует считать типичной языковой ситуацией.

Следует отметить, что причины русификации рассматриваемого немецкого национального меньшинства исходят из того, что, во-первых, это не «языковой остров», где больше возможностей оказать сопротивление воздействию иноязычного окружения; во-вторых, исследуемый регион характеризуется этнической пестротой, где использование русского языка в качестве основного коммуникативного средства просто необходимо; в-третьих, немаловажно и то, что в районе отсутствуют государственные и общественные институты, способствующие повышению языковой компетенции у этнических немцев (школы с преподаванием немецкого языка как родного, теле- и радиовещание на немецком языке).

Итак, в исследуемом регионе сложилась комплексная языковая ситуация, при которой этнические немцы (представители старшего поколения) сохранили немецкий диалект, считают его своим родным языком и придерживаются привычных правил коммуникации. Это проявляется в том, что в сфере внутрисемейного общения и в приватном общении в дружеском кругу доминирующую роль все еще играет немецкий диалект, хотя в ситуации общения с друзьями в среде представителей среднего и младшего поколений, а также в разговоре с приезжими ведущую роль берет на себя русский язык. Кроме того, русский язык обслуживает сферу письма и чтения: члены семьи и друзья, говорящие на идиолектах, пишут друг другу по-русски.

Таким образом, если определять языковую ситуацию в рассматриваемом регионе с точки зрения эффективного применения языков, то нельзя обойти тот факт, что альтернативная форма употребления разноязычных языковых отрезков, одновременное применение различных языковых систем характеризует типичное языковое поведение диалектоносителей, а не является исключением.

Примечания

1. Бухаров, В. М. Варианты норм произношения современного немецкого литературного языка [Текст]: монография / В. М. Бухаров. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 1995. 138 с.
2. Москалюк, А. И. Современное состояние островных немецких диалектов [Текст]: монография / А. И. Москалюк. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2002. 292 с.
3. Смирницкая, С. В. Немецкие говоры Северного Таджикистана [Текст] / С. В. Смирницкая, М. А. Баротов. СПб.: ИЛИ РАН, 1997. 120 с.
4. Blankenborn, R. Zum russisch-deutschen Sprachkontakt. Funktionales Code - Switching bei Russlanddeutschen in Sibirien // Beiträge der Europäischen Slavistischen Linguisten. München, 1999. Bd. 2. S. 41-50.
5. Nieweboer, R. The Altai Dialect of Plautdiitsch (West-Siberian Mennonite Low German). Proefschrift ter verkrijging van het doctoraat in de letteren aan de Rijksuniversiteit Groningen, 1998. 380 p.
6. Schirmunski, V. Die schwäbischen Mundarten in Transkaukasien und Südukraine // Teuthonista. 1928. Jg. 5. H. 1. S. 38-60.

Ю. В. Березина

СПИРАНТИЗАЦИЯ
КАК ОСОБЕННОСТЬ КОНСОНАНТИЗМА
В РЕЧИ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ
КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Фонетическое явление спирализации является отличительной чертой консонантной системы говоров российских немцев поселков Созимский и Черниговский Верхнекамского района Кировской области. Данное явление представлено различными модификациями и является не только проявлением разговорной речи, но и признаком различных немецких диалектов.

Российские немцы в Кировском регионе исследуются с лингвистической точки зрения с 2000 г. Объектом исследования была и остается спонтанная разговорная речь немцев, проживающих в поселках Созимский и Черниговский Верхнекамского района. обстоятельному и глубокому анализу была подвергнута система вокализма [1, 2], затронуты проблемы восприятия ди-

БЕРЕЗИНА Юлия Валерьевна – ассистент кафедры романо-германской филологии ВятГГУ
© Ю. В. Березина, 2004

алектно окрашенной речи российских немцев Кировской области, несколько работ посвящено межъязыковому взаимодействию [3; 2].

В данный момент наиболее актуальным считается изучение и детальный анализ системы консонантизма в говорах российских немцев Кировской области. Ранее уже была проведена работа по выявлению консонантных особенностей речи российских немцев поселков Созимский и Черниговский Верхнекамского района [4]. Были обнаружены многочисленные случаи спирализации, ассимиляции, палатализации и других процессов в области системы согласных. Для анализа отобрали 9 информантов-дикторов, российских немцев, живущих в поселках Созимский и Черниговский Верхнекамского района Кировской области.

Центральное место согласно частотности проявления в речи занимает процесс спирализации.

Спирантизации подвержены, прежде всего, звонкие согласные, как имеющие более слабую смычку и вообще отличающиеся более слабой артикуляцией по сравнению с глухими. Наличие голоса у звонких также значительно упрощает приспособляемость их к соседним гласным, поскольку голосовые связки работают непрерывно [5, с. 228].

Спирантизация заднеязычного /g/ наблюдается в спонтанной речи очень часто ввиду характерной для него слабой смычки [Гусева 1985: 81]. Речь российских немцев поселков Черниговский и Созимский представлена в основном спиранными реализациями /g/. Акустически наличие спирализации выражается в появлении шумовых составляющих на участке, соответствующем смычной фазе согласного [Гусева 1985: 81].

В представленных говорах российских немцев выявлены следующие переходы – спиранные отражения /g/:

$$\begin{array}{cc} /x/ & /k/ \\ \uparrow & \uparrow \\ /ç/ - [g] - /j/ \\ \downarrow \\ /ɣ/ \end{array}$$

Переход /g/ → /ɣ/ встречается во всех позициях. В начале слова перед гласными переднего ряда и перед редуцированными только в речи двух информантов мы наблюдаем заднеязычный частично звонкий /ɣ/: /ɣelt/ – Geld; /ɣipt ap/ – gibt ab; /ɣen/ – gehen; /ɣestθ/ – Gäste; /ɣdhart/ – gehabt.

В интервокальной позиции заднеязычный /ɣ/ выступает после гласных заднего ряда /o:/, /a:/, дифтонга /ai/ и сонантов /l/, /r/, и гласных переднего ряда /i:/, /e:/. Во всех примерах спирантизированный согласный принадлежит неударному слогу: /za:ɣθ(n)/ – sagen; /umgθtsoɣθn/ – umgezogen; /bθve: ɣθn/ – bewegen; /veniyθ/ – wenige; /ne:tiyθn/ – nötigen.

В конце слова частично звонкий слабый /ɣ/ появляется преимущественно после долгого гласного заднего ряда /a:/, переднего гласного /i:/: /la:ɣ/ – lag; /ta:ɣ/ – Tag; /mita:ɣezθn/ – Mittagessen; /ve ɣ/ – Weg; /veniy/ – wenig.

Переход /g/ → /x/ встречается в позиции между гласными и на конце слова. Заднеязычный глухой /x/ произносится в середине слова после долгого ударного гласного заднего ряда: /va:xa/ – Wagen; /fra:xa/ – Frau, и в конце слова после долгих гласных заднего ряда /a:/ и /u:/ и перед глухим сильным согласным /t/: /ta:x/ – Tag; /klux/ – klug; /gθnu:x/ – genug; /gθfra:x/ – gefragt.

Переход /g/ → /z/ встречается во всех положениях.

В начале слова глухой среднеязычный /ç/ может выступать перед редуцированным в префиксе ge у причастия второго: /çθfa:θn/ – gefahren; /çθkomθn/ – gekommen; /çθvordθn/ – geworden; в префиксе ge у причастия второго после отделяемой приставки, оканчивающейся на глухой сильный согласный /f/ или /s/: /aofçθbaot/ – aufgebaut; /aofçθsθroχθn/ – ausgesprochen.

В положении между гласными спирализация /g/ также может утрачивать свою звонкость, становясь более сильным, и выступать как среднеязычное /ç/: /tsvantsiçθr/ – zwanziger; /kriçθn/ – kriegen; в конце слова и перед глухими согласными среднеязычный /ç/ произносят некоторые информанты: /ofenburç/ – Offenburg; /veç/ – Weg; /hamburç/ – Hamburg; /kriçst/ – kriegst; /treçθträgt.

Переход /g/ → /j/ встречается в начале и конце слова.

В начале слова в речи только одной информантки среднеязычный слабый /j/ встречается там, где он в стандартной речи встречаться не должен.

Например, в начале слова в ее речи наблюдается слабый звонкий /j/ в составе префикса ge у причастия второго: /jθbaut/ – gebaut; /jθma:xt/ – gemacht; /hintθrjθgaθn/ – hintergegangen; /tsujθma:xt/ – zugemacht; /rainjθkomθn/ – 'reingekommen.

Если попытаться проанализировать, чем обусловлена такая пестрота модификаций /g/ в представленных примерах, а именно причастиях вторых, то, например, на произношение /g/ как /ç/ может оказывать влияние предшествующий глухой согласный отделяемой приставки, вызывающий оглушение: /aofçθbaot/ – aufgebaut; /aofçθle:zθn/ – ausgelesen; /aofçθlasθn/ – 'ausgelassen, а глухое произношение в словах: /çθfa:rθn/ – gefahren; /çθstandθn/ – gestanden; /çθma:xt/ – gemacht; /zθdax/ – gedacht обусловлено их положением в синтагматически спаянных конструкциях: /glaicθdax/ – gleich gedacht; /bis kirs çθfa:rθn/ – bis Kirs gefahren; /haus çθstandθn/ – Haus gestanden,

где предшествующие глухие /ç/, /s/ оказывают сильное влияние на последующий /g/ на фоне общей тенденции немецких согласных к частичному оглушению.

Произношение среднеязычного звонкого /j/ в этих же позициях тоже можно объяснить наличием предшествующего звука. После отделяемых приставок, оканчивающихся на звонкие согласные /r/, /n/ /g/, стандартный слабый смычный /g/ реализуется как /j/: /hintθrjθgaθn/ – hintergegangen; /rainjθkomθn/ – 'reingekommen.

И в следующей фразе на произношение влияет звонкий конечный согласный предшествующего слова: /dan jet/ – dann geht; /ku:xθn jθbakθn/ – Kuchen gebacken; /fi:l' jθarbit/ – viel gearbeitet.

Частично звонкий и слабый среднеязычный /j/ выступает между передним гласным /i/ и редуцированным в конце слова: /bθlaidijθn/ – beleidigen; /bθerdijθn/ – beerdigen.

Переход /g/ → /k/. Слабый смычный /k/ выступает в начале, середине и конце слова. В начале перед гласными переднего ряда и перед плавными /r/, /l/ в составе ударного слога: /ku:t/ – gut; /kartθn/ – Garten; /krat/ – gerade; /klaic/ – gleich, и в середине слова в составе безударного слога, после полудолгого гласного /i/ и переднеязычного /r/: /šul'dikθn/ – Schuldigen; /hailikθn/ – Heiligen; /lebendikθn/ – lebendigen; /vasθrkasθ/ – Wasserasse.

В конце слова в составе безударного суффикса -ig: /va:rhaftik/ – wahrhaftig; /fertik/ – fertig; /artik/ – artig.

Кроме спирализации /g/ мы наблюдаем наличие спирализованных вариантов у /b/. В речи нескольких наших дикторов в начале слова перед плавными /r, l/ и следующими за ними гласными /b/ произносится без участия голоса и отражается как глухой слабый смычный /p/: /pru:dθr/ – Bruder; /priga:dθn/ – Brigaden; /pletθr/ – Blätter; /pro:t/ – Brot.

Спирантное произношение /b/ как /v/ встретилось в начале слова /gθhavt/ – gehabt и в середине слова /tsvivel'çθn/ – Zwickelchen.

Глухие крайне редко спирализируются в речи [5, с. 228]. Исследования, проведенные группой лингвистов в Санкт-Петербургском государственном университете, показали, что и в спонтанной, и в репродуцированной речи глухие смычные могут ослабляться наряду со звонкими. Из всех спирализованных в спонтанной речи глухих смычных реализаций больше всего приходится на самый высокочастотный в речи из всех шумных смычных переднеязычный согласный /t/ [Гусева 1985: 81]. В речи наших информантов это явление имеет место. Оно также затрагивает преимущественно переднеязычный смычный /t/.

Итак, например, частичное ослабление сильного смычного /t/ отмечено в середине и в конце

слова после долгих гласных заднего ряда, дифтонгов /ai/ и /oɔ/ и сонантов /l/ и /n/ в группах согласных lt, nd: /aldɔr/ – alter, /kɛndɔ/ – könnte, /fadɑr/ – Vater, /vindɔr/ – Winter, /fɔru:rtaldɔ/ – Verurteilte.

Вышепредставленные модификации рассматриваются нами как признаки родных говоров российских немцев, господствовавших до второй мировой войны на Волге и Украине и привезенных в 40-е гг. в Кировскую область, так как спирантизованная реализация шумных смычных согласных наблюдается в стандартной речи преимущественно в интервокальной позиции [Гусева, 1985: 81]. В речи наших информантов такая реализация шумных смычных встречается, как показано выше, во всех позициях, что особенно свойственно спирантному /g/, который носит и заднеязычный и среднеязычный характер, выступая как частично звонкий и слабый или как глухой и более сильный. Все это подтверждает наличие диалектных следов в речи российских немцев изучаемых поселков и их влияние на произношение.

В большинстве случаев спирантное произношение /g/ является признаком, характеризующим северные немецкие говоры. К тому же информанты, в речи которых возникает данное произношение /g/ не только в интервокальной позиции, но и в начале и конце слова, там, где в стандартной речи он встречаться не может, располагают знаниями Plattdeutsch или происходят из семей, где родители владели этим говором, который является одним из северных диалектных типов. Это касается и согласного /b/, который имеет наименьшее количество спирантизированной реализации по сравнению с /g/, но все же встречается в речи кировских немцев. Интервокальное /b/ переходит в большинстве нижненемецких диалектов в звонкое лабиодентальное /v/ [6, с. 132]. Спирантное произношение /b/ как слабого /p/ является признаком, характеризующим значительную часть южных диалектов.

Спирантизация глухих встречается реже, но все же занимает второе место после звонких. Больше всего этому явлению подвержен глухой смычный /t/, являющийся не только проявлением спонтанной речи, но и несущим признаком средне- и части южнонемецких говоров [6, с. 138]. Спирантное произношение /p/ и /k/ большинству информантов вообще не свойственно.

Такое разнообразие спирантизированных вариаций еще раз подтверждает смешанный характер говоров российских немцев Кировской области.

Примечания

1. Байкова, О. В. Немецкие говоры Кировской области и особенности их вокализма [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. В. Байкова. Киров, 2004.
2. Байкова, О. Восприятие диалектно окрашенной немецкой речи российских немцев Кировской области [Текст] / О. Байкова, К. Саппок // Вестник ВятГГУ. Киров, 2003. № 8. С. 79-85.

3. Байкова, О. В. Межъязыковая интерференция в речи российских немцев Кировской области [Текст] / О. В. Байкова // Вестник ВятГГУ. Киров, 2002. № 7. С. 57-61.

4. Березина, Ю. В. Российские немцы в Кировском (вятском) регионе [Текст] / Ю. В. Березина // Теория и методика обучения иностранным языкам: сб. науч. ст. студентов ин-та лингвистики. Киров, 2003. № 1. С. 16-17.

5. Зиндер, А. Р. Общая фонетика [Текст] / А. Р. Зиндер. М.: Высш. шк., 1979.

6. Филичева, Н. И. Диалектология современного немецкого языка [Текст]: учеб. пос. для ин-тов и ф-тов иностр. яз. / Н. И. Филичева. М.: Высш. шк., 1983.

7. Фонетика спонтанной речи [Текст] / Под ред. Н. А. Светозаровой. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988.

А. В. Казаков

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ С СОМАТИЗМАМИ

В статье сопоставляются прямые и косвенные метафоры трех литературных сфер: Библии, Шекспира и произведений современных авторов. Выявляются наиболее употребительные соматизмы, а также различные модели метафор.

В настоящее время существует множество теорий метафоры, будь то традиционные и наиболее распространенные теории сравнения и замещения [6, с. 190; 8; 7, с. 146], или теории взаимодействия [4], или теории, рассматривающие метафору как двойную метонимию [3] или как двойную синекдоху [1]. Следует отметить, что в настоящее время продолжает развиваться и ряд принципиально иных подходов к проблеме разного смысла, отрицающих саму возможность системного лингвистического анализа метафорического смысла в сфере художественной речи [9].

При метафорическом переносе обычно потенциальные или имплицитные (скрытые) семы исходного значения переходят в интенционал (ядро лексического значения) в качестве дифференцирующих признаков. В метафорическом сочетании есть общий признак, выявляющийся, как правило, из импликационалов двух слов или одного из компонентов синтагмы. Так, например, сочетание *years shall have silvered our hair* возможно на основе семы интенционала (серебряный цвет) первого компонента синтагмы (*silvered*) и дифференциальной семы (имеющий седой цвет) второго компонента синтагмы (*hair*).

КАЗАКОВ Андрей Викторович – старший преподаватель кафедры романо-германской филологии ВятГГУ © А. В. Казаков, 2004

Вслед за С. М. Мезениным, в зависимости от наличия-отсутствия основания сравнения, первого (референта) или второго (агента) компонента синтагмы в нашей работе мы выделяем прямые и косвенные метафоры.

Принимая во внимание, что тропы возникают в сфере семантики, но получают языковое выражение в форме конкретных грамматических структур, мы пользуемся синтактико-грамматическими характеристиками метафоры как наиболее объективным способом их сопоставления в Библии, у Шекспира и современных авторов. Если с точки зрения семантики метафора может быть прочитана то как «category mistake» (Ryle, 1949), то как «rule-violation» (Birckenton, 1969), или как «deviation in semantic application» [5], то с точки зрения грамматики в тропе соблюдены все правила. Разнообразные «аномалии», возникающие в результате намеренного нарушения закономерностей смыслового сочетания слов, не влекут за собой синтаксические аномалии. Метафорическое высказывание *they sharpen their tongues* (Bible) так же грамматически приемлемо, как буквальное выражение *they sharpen their swords*.

В этом направлении лингвистического исследования метафоры мы идем вслед за Кристиной Брук-Роуз [2] и несколькими русскими филологами (Н. А. Арутюновой; Е. А. Гинзбургом). К. Брук-Роуз на выборочном материале из разных английских поэтов убедительно показывает, что все существующие классификации тропов (на основе их лексического состава, сфер аналогии, семантических сдвигов и т. д.) уступают в логике грамматической классификации.

По этой причине наряду с семантикой мы учитываем грамматическую структуру метафоры. При этом мы не ограничиваемся грамматикой тропа и постоянно держим в уме как семантику тропа, так и его референтные ситуации, обращая внимание на случаи тяготения определенных синтаксических конструкций к определенному семантическому наполнению.

Прямая метафора. Соматическая прямая метафора, когда выражен только агент компаративной триады, встречается в 9% всех образных средств в Библии, 10% у Шекспира (по данным С. М. Мезенина, в произведениях Шекспира содержится свыше семисот прямых метафор [8, с. 44]) и всего только в 4% у современных авторов.

Соматизмы чаще употребляются в качестве имплицитного референта (69% случаев): «*Her house is sack'd, her quiet interrupted, Her mansion batter'd by the enemy; Her sacred temple spotted, spoil'd, corrupted*» (Sh). В данном примере под метафорами *house, mansion, temple* имеется в виду поруганное тело Лукреции. Намного реже соматизмы выступают в качестве эксплицитно выраженного агента (31% случаев): *Shall I not*

require his blood? (я заставляю заплатить за его убийство) (Bible).

Процентное отношение соматизма в роли агента и в роли референта неодинаково в рассматриваемых источниках (табл. 1).

Таблица 1

	Библия	Шекспир	Современные авторы
Агент	71%	20%	38%
Референт	29%	80%	62%

Как видно из таблицы, соматизмов в качестве эксплицитно выраженных агентов намного больше в Библии, чем у Шекспира и современных авторов. Это можно объяснить тем, что в качестве соматизмов-агентов чаще всего употребляются соматизмы-символы (например, «кровь» как символ смерти).

Соматизмы, которые наиболее часто употребляются в прямой метафоре, представлены в табл. 2.

Таблица 2

Наиболее употребительные соматизмы, встречающиеся в прямой метафоре

Соматизмы	Библия	Шекспир	Современные авторы	Всего примеров
	28*/318	170/1648	85/2120	283/4086
Blood	22**	16	13	51
Body	01	40	–	41
Eye	–	23	10	33
Hand (arm)	–	15	05	20
Head	–	07	10	17
Heart	–	14	03	17

* Цифрами указано число примеров. До косой черты указано число примеров с конкретным образным средством в данном источнике. После косой черты указывается общее число примеров со всеми образными средствами в данном источнике.

** Число примеров с данным соматизмом из общего числа примеров с тем или иным образным средством.

Во всех трех источниках прямая метафора занимает идентичные синтаксические позиции субъекта и объекта: *Sam Folwell stood where... arteries of the city cross* (O'Henry); *Red little lips disclosing Twin rows of fairy pearl!* (Lewis Morris). Будучи построена на принципе «скрытого сравнения», прямая метафора нуждается либо в расширенном контексте, либо в дополнительном тропе: *Her hair was a ruddy golden, each filament*

of the neatly gathered mass shining with its own lustre (O'Henry); *How my face, your flower*, had pursed its petals up (Robert Browning). В данном случае прямая метафора *petals* поддерживается метафорой-приложением *my face, your flower*.

Метафоре-приложению свойственны большие образные возможности. В отличие от прямой метафоры в метафоре-приложении присутствуют референт и агент: *And eyes, the mirrors Of your sweet errors, Reflect but rapture* (George Gordon Byron). Она характерна для Шекспира и современных авторов, но меньше распространена в Библии с ее разнообразной символикой.

Косвенная метафора. Под косвенной метафорой мы, вслед за С. М. Мезениным, понимаем метафоры с «эксплицитно выраженным референтом и основанием» [8, с. 44]. В нашем материале соматизмы в конструкциях косвенной метафоры выступают исключительно в качестве референта.

Косвенная метафора с соматизмами широко распространена как в Библии (13% всех образных средств), у Шекспира (19% всех образных средств), так и у современных авторов (14% всех образных средств).

Наш материал позволил свести все многообразие синтаксических разновидностей словосочетаний, являющихся носителями косвенной метафоры, к следующим трем моделям.

Модель 1. Референт и основание выражены единицами, находящимися в отношениях субъекта и глагольного предиката (NV). Например: *Make Thy face shine upon Thy servant and teach me Thy status* (Bible).

Образные выражения этой модели составляют 35% от общего количества косвенных метафор в Библии, у Шекспира 51%, у современных авторов 82%. Как видно, данная конструкция более популярна не только в настоящее время. В качестве референтов косвенной метафоры наиболее употребительны следующие соматизмы (табл. 3).

Таблица 3
Наиболее употребительные соматизмы,
встречающиеся в косвенной метафоре модели NV

Соматизмы	Библия	Шекспир	Современные	Всего
	13/318	163/1648	авторы 246/2120	примеров 422/4086
Eye	—	32	132	164
Heart	06	47	42	95
Blood	01	23	10	34
Soul	02	13	08	23

Из приведенной таблицы видно, что набор соматизмов более разнообразен у Шекспира и современных авторов. Соматизмы *eye* и *heart* наиболее частотны. Большинство глаголов, образующих косвенную метафору с соматизмом *eye*, — это глаголы, указывающие на свет, огонь: *beam; blaze; burn; flame (up); flash; glare; gleam; glisten; glitter; glow; spark; sparkle; thaw; twinkle*. Таким образом, данный тип косвенной метафоры обслуживает агентивно-парадигматический ряд *глаз > свет*. Второй по употребительности соматизм — *heart* — употребителен с глаголами физического действия: *blossom; burn; cry; dance; fly; go back; go out; jump up; leap; long; pardon; race; say; sigh; sing; thunder; whisper*.

Модель 2. Референт относится к основанию как дополнение к глаголу (VN). Например: *They sharpen their tongues as a serpent* (Bible).

Здесь же входят все конструкции с глаголом в пассивном залоге. Например: *I am afflicted and needy, and my heart is wounded within me* (Bible).

Доля образных выражений этой модели — 32% в Библии, 35% у Шекспира и 10% у современных авторов. Наиболее частотные соматизмы приводятся в табл. 4.

Таблица 4
Наиболее употребительные соматизмы,
встречающиеся в косвенной метафоре модели VN

Соматизмы	Библия	Шекспир	Современные	Всего
	17/318	114/1648	авторы 27/2120	примеров 158/4086
Heart	09	37	08	54
Blood	—	18	01	19
Eye	05	08	03	16

Модель 3. Референт занимает позицию обстоятельства (чаще всего места) по отношению к глаголу. При этом образуется глагольное словосочетание с предлогом (VprN). Например: *I will put My laws into their minds, and I will them write upon their hearts* (Bible).

Доля этой модели в общем количестве косвенных метафор составляет 32% в Библии, 13% у Шекспира и 8% у современных авторов. В качестве референтов в данной модели наиболее употребительны соматизмы, представленные в табл. 5.

Таблица 5

Наиболее употребительные соматизмы,
встречающиеся в косвенной метафоре модели VprN

Соматизмы	Библия	Шекспир	Современные	Всего
	12/318	41/1648	авторы 24/2120	примеров 77/4086
Eye	—	10	06	16
Heart	06	03	03	12
Bosom	—	04	03	07
Blood	—	06	—	06
Hand (arm)	—	02	03	05
Brain	—	01	03	04
Body	01	03	—	04

Таким образом, во всех трех моделях наиболее употребительными являются примерно одни и те же соматизмы: *heart, eye, blood*. С другой стороны, набор частотных соматизмов разный: если в Библии это только *heart* и иногда *soul*, то у современных авторов и особенно у Шекспира список соматизмов более разнообразен. Нельзя не отметить низкую употребительность косвенной метафоры с соматизмом *eye* в Библии, тогда как у Шекспира и современных авторов этот процент достаточно высок. Ассоциация глаза со светом (а именно данный агентивно-парадигматический ряд в большинстве случаев обслуживает косвенная метафора) поддерживается в Библии за счет сравнений и квазитожеств.

Примечания

1. A General Rhetoric, Tr. by Paul B. Burrell and Edgar M. Slotkin [Text]. Baltimore & London: The John Hopkins University Press, 1970.
2. Brook-Rose, Ch. A Grammar of Metaphor [Text] / Ch. Brook-Rose. London: Secker & Warburg, 1958.
3. Guern, M. Le Semantique de la Metaphore et de la Metonymie [Text] / M. Guern. Paris, Larousse, 1973.
4. Richards, I. The philosophy of rhetoric // Philosophical perspectives on metaphor [Text] / I. Richards. Minneapolis, 1981. P. 48-62.
5. Todorov, T. The poetics of prose [Text]. Ithaca (N.Y.), 1977a. 272 p.
6. Античные теории языка и стиля [Текст]. СПб., 1996. 362 с.
7. Арнольд, И. В. Стилистика современного английского языка [Текст] / И. В. Арнольд. М., 1990. 300 с.
8. Мезенин, С. М. Образные средства языка (на материале произведений Шекспира) [Текст] / С. М. Мезенин. М., 1984. 100 с.
9. Складневская, Г. Н. Метафора в системе языка [Текст] / Г. Н. Складневская. СПб.: Наука, 1993. 151 с.

А. В. Кропотова
О РАЗГРАНИЧЕНИИ ЗНАЧЕНИЙ ГЛАГОЛА
(НА ПРИМЕРЕ СЛОВАРНОЙ СТАТЬИ
БУКВЫ «Р» В НЕМЕЦКИХ
ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЯХ)

В качестве непосредственного объекта анализа в исследовании выступает не глагол как таковой, а фраза с глаголом в центральной синтаксической позиции. Разбиение исходного множества фраз на идеальные фразы соответствует нахождению всех различных глагольных значений. Пересекающиеся классы фраз являются, по определению, идеальной фразой и интерпретируются как отдельное значение глагола.

В центре интересов традиционной лингвистической семантики в том виде, как она представлена в классических трудах М. Бреала [13], А. Дармстеттера [14], М. М. Покровского [10], Г. Пауля [9], А. Мейе [17], К. Эрмана [15], Г. Стерна [20], К. Ньюропа [18], А. Блумфильда [12] и в работах таких современных исследователей, как С. Ульман [21], Г. Кронассер [16], К. Балдингер [11], В. А. Звегинцев [6] и др., стоит значение отдельного слова, взятого вне фразы. Основоположники лингвистической семантики занимались главным образом историческими семантическими процессами, разыгрывающимися в пределах слова или синонимического ряда (сужение и расширение значений, генерализация и конкретизация значений, ухудшение и улучшение значений, метафорические и метонимические переносы значений, радиальное и цепочечное развитие значений, «семантические законы» в смысле М. Бреала [13], Г. Стерна [20], Г. Шпербера [19], С. Ульмана [21], конкуренция и дифференциация синонимов, развитие значений по аналогии и т. п.). В двадцатом веке возник интерес к синхроническим проблемам семантики и была дана систематика семантических явлений, имеющих место в рамках одного слова или небольшой группы слов на определенном этапе развития языка (полисемия и омонимия, синонимия и антонимия, значение и употребление, исходные и переносные значения, узуальные и окказиональные значения и т. д.).

В традиционной семантике и лексикографии никогда не ставилась в отчетливой форме проблема метаязыка описания. По существу, лексикограф подходил и к определяемому, и к определяющим словам как к словам одного и того же языка. Это имело с научной точки зрения нежелательные последствия. Во-первых, каждый толковый словарь обычного типа содержит большое

КРОПОТОВА Лариса Васильевна — старший преподаватель кафедры лингвистики и перевода ВятГГУ
© А. В. Кропотова, 2004

число тавтологических определений, ср., например, определение *die Reumadecke* *лечебное нижнее бельё* через *die Reumawäsche* *лечебное (противоревматическое) нижнее бельё* и *die Reumawäsche* через *die Reumadecke* [23], *der Raufhandel* *драка* через *die Rauferei* *потасовка* и *die Rauferei* через *der Raufhandel* [23], *die Rechtsangelegenheit* *судебное дело* через *die Rechtssache* *судебное дело*, а *die Rechtssache* через *der Rechtsfall* 1. *судебное дело* 2. *случай из судебной практики* и *der Rechtsfall* через *die Rechtssache* [23], *gütlich* *благоразумный, целесообразный* через *ratsam* *целесообразный* и *ratsam* *целесообразный* через *gütlich* *благоразумный, целесообразный* [24], *gauswerfen* *выбрасывать* через *hinauswerfen* *выбрасывать, выкидывать* и *hinauswerfen* *выбрасывать, выкидывать* через *gauswerfen* *выбрасывать* [23] или определение прилагательного *entsprechend* *соответствующий* через *richtig* *правильный* и *richtig* *правильный* через *entsprechend* *соответствующий* [23]. Во-вторых, если понимать даваемые в словарях толкования буквально, многие определения можно привести к бессмыслице путём несложных эквивалентных замен. Допустим, что мы хотим выяснить значение глагола *reihen* *ставить в ряд*. В [23] сказано, что *reihen* *ставить в ряд* значит то же, что и *aufreihen* и *einreihen* *устанавливать в ряд*. Поскольку *reihen* *ставить в ряд* — явным образом более простой глагол, чем глаголы *aufreihen* или *einreihen* (которые образованы путём добавления приставок *auf* и *ein*) *устанавливать в ряд*, мы продолжаем наши поиски и находим 1) *reihen* *устанавливать* = *Perlen auf eine Schnur* *reihen* *нанизывать жемчуг на нитку*; 2) *reihen* *устанавливать* = *den Stoff in Fältchen zusammenziehen* *собирает ткань в складки*; 3) *reihen* *ставить в ряд* = *ein Unglück* *reihete sich* *ans andere* *несчастье шло одно за другим*; 4) *reihen* *ставить в ряд* = *brünstig sein* *спариваться (о животных)*; 5) *reihen* *устанавливать* = *sich um jemanden scharen* *собираются, толпятся вокруг кого-либо*. Каковы бы ни были практические преимущества такого способа истолкования значений, он обладает тем существенным недостатком, что оставляет значение, строго говоря, неопределённым.

Разработка искусственного семантического языка, «словами» которого являются неопределяемые элементарные семантические признаки, даёт в руки лексикографу средство, позволяющее построить последовательное и экономное описание семантического аспекта естественных языков. Экономия в этом описании получается за счёт того, что число единиц метаязыка (неопределяемых семантических признаков) на несколько порядков меньше, чем число единиц описываемого языка, получающих исчерпывающую (однозначную) характеристику [1].

Переход от описания значений отдельных слов к описанию значений целых высказываний обнаружил до того скрытые механизмы равнозначного преобразования высказываний, почти не изучавшиеся традиционной семантикой, хотя они играют, по-видимому, центральную роль в речевом поведении человека. Работы в этой области [3, 7, 4, 2] увенчались подлинным лексикографическим открытием.

Так, к примеру, Е. В. Падучева считает, что ни одно слово не равно другому — ни по смыслу, ни по сочетаемости или каким-либо другим признакам. А значение одного слова очень часто различается по одному-двум параметрам, а у разных слов, хотя и синонимичных, число различающихся параметров и компонентов будет, как правило, достаточно велико [8].

Материалом исследования в данной статье являются не все глаголы словарной статьи буквы «р», а лишь наиболее употребительные, которые зафиксированы в немецких толковых словарях Brockhaus-Wahrig in 6 Bd., Deutsches Universalwörterbuch Duden, Langenscheidt Großwörterbuch: Deutsch als zweite Fremdsprache, Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache, hrg. von Klappenbach und Steinitz. Исключены были лишь производные глаголы типа *gügen* *порицать; делать выговор*, *radschlagen* *кувыркаться*, *rechten* *спорить, судить*, *relaxen* *расслабляться, отдыхать*, *rezipieren* *воспринимать* и т. п., потому что фразы с такими глаголами сводимы к более простым фразам с прилагательными и существительными соответственно. Отметим, что глаголы типа *geizen* *раздражать*, *regeln* *настраивать*, *rempleln* *толкать*, не говоря уже о глаголах типа *rennen* *бежать*, *ringen* *бороться* и др. были вовлечены в исследование, поскольку фразы с этими глаголами не всегда сводимы к фразам с соответствующими существительными, а если и сводимы, то в смысле синтаксической производности оказываются более простыми.

Наконец, к полученному таким образом списку глаголов были прибавлены некоторые менее употребительные, но синтаксически интересные глаголы, исключение которых из исследования могло бы сделать неполной картину семантических классов.

Общее число вовлечённых в исследование глаголов составляет 439. Автор полагает, что, каковы бы ни были возможные частные упущения, увеличение числа анализируемых глаголов не может существенно изменить картины семантических классов, как они понимаются в данной работе. В этом смысле выполненное нами описание является исчерпывающим.

В качестве непосредственного объекта анализа в нашем исследовании выступает не глагол как таковой, а фраза с глаголом в центральной син-

таксической позиции. Подавляющее большинство таких фраз (около 180) набрано по трём толковым словарям немецкого языка [22], [23], [24] и, следовательно, подтверждено языковым опытом больших коллективов носителей немецкого языка — писателей и составителей словарей. В семантических работах нашего типа, для выполнения которых требуется большой массив надёжных данных об очень многих словах, обращение к материалу толковых словарей представляется не только оправданным, но и неизбежным. Примеры из текстов, набранные одним лицом в сколко-нибудь реалистические сроки, не способны дать такого полного и сбалансированного представления о фактах, как иллюстративный и цитационный материал словарей.

Значительное число фраз (порядка 55) придумано или построено автором. Только на пути экспериментального конструирования по крайней мере части фраз можно было получить более или менее полное представление об интересующих нас синтаксических свойствах глаголов, потому что ни синтаксические пометы, ни примеры просмотренных нами толковых словарей, включая даже [22] с его огромным цитационным материалом, не отражают всех существенных синтаксических возможностей глаголов. Приведём только один пример. Если бы при определении синтаксических свойств глаголов *gunksen* *губить*, *rüffeln* *делать выговор*, *rückvergüten* *возмещать*, *ramponieren* *повреждать*, *portieren*, *gähen* *мстить* мы руководствовались только синтаксическим комментарием словарей и приводимым в них цитационным материалом, мы никогда не сумели бы установить того важного факта, что все эти глаголы способны к двойному управлению формами *кому за что*.

С содержательной точки зрения разбиение исходного множества фраз на идеальные фразы соответствует нахождению всех различных глагольных значений, или разграничению значений каждого глагола: идеальная фраза интерпретируется как самостоятельное значение глагола, а различие идеальных фраз — как различие его значений [1].

Сформулированный выше принцип является, вообще говоря, единственно правильным принципом разграничения значений, но, чтобы более ясно и наглядно представить формальные и семантические механизмы языка, мы условно разложим его на два принципа — принцип совместности и принцип трансформируемости. Рассмотрим некоторые примеры (цифрами обозначаются различные идеальные фразы и, следовательно, различные значения глагола; легко заметить, что совокупность дистрибутивных признаков произвольной идеальной фразы отличает её от любой другой идеальной фразы с тем

же глаголом). Глагол *rauben* *грабить*: 1) *ein Kind rauben* *украсть ребёнка*; 2) *ein Schaf rauben* *утащить (загрызть) овцу*; 3) *Der Krieg* *raubte* *Söhne* *Война забрала (отняла) сыновей*; 4) *einen Kuß rauben* *поцеловать против воли*; 5) *das Leben rauben* *лишить жизни*; 6) *die Hoffnung rauben* *лишить надежды*. Глагол *räumen* *убирать*: 1) *etwas beiseite räumen* *отодвинуть что-либо в сторону*; 2) *ein Hindernis räumen* *устранить препятствие*; 3) *das Geschirr räumen* *убрать (со стола) посуду*; 4) *ein Zimmer räumen* *приводить в порядок комнату*; 5) *den Saal räumen* *очистить зал (от собравшихся)*; 6) *jemanden räumen* *убрать кого-либо с дороги, уничтожить*; 7) *das Lager räumen* *распродать залежавшиеся товары*; 8) *das Feld räumen* *уступить поле боя противнику*. Глагол *rechnen* *считать*: 1) *im Kopf rechnen* *считать в уме*; 2) *rechnen lernen* *учиться счёту*; 3) *auf A rechnen* *рассчитывать на кого-либо*; 4) *mit D rechnen* *считаться, принимать в расчёт*; 5) *zu D, unter A rechnen* *считать, причислять к кому-либо*. Данные разбиения на значения согласуются с семантическим предчувствием автора и в основном совпадают с разбиениями, представленными в толковых словарях немецкого языка.

Рассмотрим, как действует принцип совместности в формально наиболее трудных случаях, когда в пределах одной фразы реализуются различные значения глагола (т. е. когда имеет место «нейтрализация противопоставлений»). Возьмём в качестве примера фразу *Er hat Unterricht im Reiten* *У него урок верховой езды*. Перед нами — случай омонимии: фраза может означать *У него урок верховой езды* и *Он обучается верховой езде*. Омонимия снимается в развёрнутых фразах *Er hat Unterricht im Reiten* *У него урок верховой езды*: 1) *auf einem Esel* *на осле* 2) *auf einem Pferd* *на лошади* 3) *auf einem Kamel* *на верблюде*, каждая из которых совместима с начальной фразой *У него урок верховой езды*, но несовместима с другой развёрнутой фразой. Несовместимость развёрнутых фраз даёт нам основание разбить исходную фразу на три отдельные омонимичные фразы: *Er hat Unterricht im Reiten* *auf einem Esel* *У него урок верховой езды на осле*, *Er hat Unterricht im Reiten* *auf einem Pferd* *У него урок верховой езды на лошади*, *Er hat Unterricht im Reiten* *auf einem Kamel* *У него урок верховой езды на верблюде*.

Ниже приводятся без комментариев другие примеры того же типа:

Erdöl raffinieren — очищать нефть (от примесей)
Zucker raffinieren — рафинировать сахар

Hasen rammeln — зайцы спариваются
durchs Gebüsch rammeln — напороться на куст

Pfähle in den Boden *rammen* – забивать сваю в землю
mit dem Schiff *rammen* – таранить корабль

Blätter *rauscheln* – листья шелестят
mit der Zeitung *rauscheln* – шелестеть газетой

Wurst *räuchern* – коптить колбасу
Kerzen *räuchern* – жечь свечи

mit den Fingern *rebeln* – растирать (что-либо) руками
Trauben *rebeln* – снимать гроздь (винограда)

sein Handeln *rechtfertigen* – оправдывать своё поведение
Vertrauen *rechtfertigen* – оправдывать доверие

mit den Händen *reden* – жестиковать
kein Wort *reden* – ни словом не обмолвиться

das Fahrzeug *regieren* – управлять автомобилем
ein Land *regieren* – управлять страной

das Salz *reichen* – подавать соль (за столом)
Getränke *reichen* – сервировать напитки

Tiere *reiben* – задирает зверей
den Stoff *reiben* – рвать ткань

gesellschaftliche Ordnung *restaurieren* – восстанавливать общественный порядок
ein Gebäude *restaurieren* – восстанавливать здание

vor dem Tod *retten* – спасать от смерти
den Baumbestand *retten* – спасать леса

aus der Hand *ringen* – вырывать из рук
mit dem Tod(e) *ringen* – бороться на смерть

den Tisch *rücken* – двигать стол
zur Seite *rücken* – пододвинуться (отодвинуться) в сторону

Wäsche *rumpeln* – стирать бельё
mit dem Werkzeugen *rumpeln* – громыкать инструментами

Интересным свойством принципа совместимости является его простота и естественность; они гарантируют возможность его практического использования в лексикографической работе. Важно отметить и тот факт, что, несмотря на свою простоту, он обладает довольно большой различительной силой и очень часто позволяет нащупать весьма тонкие нюансы значений. Тем не менее одного дистрибутивного принципа совместимости недостаточно для установления всех семантических инвариантов и вариантов в пределах одного слова. Мы используем ещё два рода факторов, которые обосновывают необходимость

дополнения принципа совместимости по крайней мере ещё одним принципом разграничения значений.

Принцип совместимости, изложенный нами выше, проявляет свою силу главным образом в тех случаях, когда фразы с данным глаголом имеют много нулевых дистрибутивных признаков. Таковы, например, фразы с глаголом *гаубен* *грабить* в центральной позиции. Если, однако, фразы с этим глаголом имеют один-два дистрибутивных признака, в равной мере свойственных им всем, изменение принципа совместимости нагнетается на серьёзные трудности. Действительно, фразы *Seine Rede rührte die Zuhörer* *Ego речь затронула слушателей*, *den Tee rühren* *мешать чай*, *tief gerührt sein* *быть глубоко тронутым* (*быть тронутым до глубины*), попарно несовместимы друг с другом и не могут быть совместимы, тем не менее качественно различны, поскольку две из них имеют совпадающий дистрибутивный признак – ядерную конструкцию «существительное и глагол». Подобно дистрибутивно неразличимы попарно несовместимые фразы *Die Arbeitslosen wurden registriert* *Безработных зарегистрировали*, *Das wurde von seinen Verwandten genau registriert* *Это было точно подмечено его родственниками*, *Das Gerät registriert* *Прибор регистрирует землетрясения*. Всем им соответствует одна и та же конструкция.

Чтобы разрешить возникшую проблему, нужно искать пути расщепления конструкций или составляющих символов. Установив, например, несовместимость фраз *Seine Rede rührte die Zuhörer* *Ego речь затронула слушателей*, *den Tee rühren* *мешать чай*, *tief gerührt sein* *быть глубоко тронутым* (*быть тронутым до глубины*), мы могли бы расщепить данную конструкцию для глагола *rühren* *тронуть*, *затрагивать* на три подконструкции 1) существительное, обозначающее лицо, 2) существительное, обозначающее вещь, 3) так называемые абстрактные существительные. Но система признаков не создаёт основы для правильного анализа уже упоминавшихся случаев типа *rechnen mit D* *принимать в расчёт* и *rechnen zu D* *причислять к кому-либо*. Легко заметить, что эти фразы и соответствующие им конструкции несовместимы, и если мы не располагаем никакими другими принципами разграничения значений, мы вынуждены будем признать, что в них реализуются разные значения глагола *rechnen* *считать*. Данные примеры гораздо более многочисленны, чем может показаться на первый взгляд, ср. *Er rührte die Herzen der Menschen* *Он трогал сердца людей* и *Seine Fragen rührten an schwierige Probleme* *Ego вопросы затронули серьёзные проблемы*, *Das Schiff reitet auf den Wellen* *Судно плывёт, словно танцует, по*

волнам и *Er reitet durch den Wald* *Он скачет верхом на лошади по лесу*, *In schneller Arbeit* *риß er die Skizze aufs Brett* *Он моментально сделал набросок на доску* и *Der Fahrer bremste und riß seinen Wagen nach rechts* *Водитель затормозил и свернул вправо*, *Die Steuern reduzierte man auf ein Minimum* *Налоги сократили до минимума* и *Ein chemisches Element läßt sich reduzieren* *Любой химический элемент поддаётся восстановлению*, *Sie rangelten sich hin und her* *Они дрались повсюду* и *Er rangelte sich auf der Couch* *Он развалился на диване*, *Er rennt durch die Straße* *Он мчится по улице* и *Er rennt über die Gasse* *Он бежит через переулок*, *Es riecht nach Knoblauch* *пахнет чесноком* и *Er riecht gut* *У него хорошее обоняние*, *Das Kind reimt schlecht* *Ребёнок плохо составляет рифму* и *Das reimt sich mit deinem Verhalten nicht* *Это не соответствует твоему поведению*.

Следуя вышеизложенным соображениям, мы считаем необходимым дополнить принцип совместимости принципом трансформируемости. Как и понятие совместимости, понятие трансформируемости предназначено для формализации интуитивных представлений о синтетической инвариантности языковых единиц, в нашем случае – глагольных фраз. Трансформируемость – это некоторое отношение эквивалентности на множестве ориентированных фраз.

Пусть разбиение множества фраз с глаголом в центральной позиции, полученное по дистрибутивным признакам, содержит классы. Как мы видели выше, некоторые из этих классов могут оказаться слишком крупными: каждый из них может быть равен объединению нескольких дистрибутивно неразличимых классов, получаемых по отношению совместимости. С другой стороны, среди них имеется некоторое число весьма мелких классов, не отражающих никаких реальных семантических различий.

Коррекция – цель принципа трансформируемости – сводится к разбиению, которое получается по совокупности трансформационных признаков; некоторые классы предыдущего разбиения делятся на несколько новых непересекающихся классов, а некоторые другие классы предыдущего разбиения сливаются в один новый класс. Само собой разумеется, что значительное число классов не претерпит никаких изменений.

Мы даём вначале несколько примеров, иллюстрирующих первый случай, когда объединённый класс предыдущего разбиения, содержащий несколько дистрибутивно неразличимых предклассов попарно не совместимых фраз, разбивается на ряд более мелких классов. Рассмотрим, в частности, приводившийся выше пример: *Die Arbeitslosen wurden registriert* *Безработных зарегистрировали*, *Das wurde von seinen Verwandten*

genau registriert *Это было точно подмечено его родственниками*, *Das Gerät registriert* *Прибор регистрирует землетрясения*. Неразличимые дистрибутивно, эти фразы легко разграничиваются с помощью трансформаций, ср. *Die Arbeitslosen wurden registriert* *Безработных зарегистрировали* → *Die Arbeitslosen ließen sich registrieren* *Безработные зарегистрировались*, *Das wurde von seinen Verwandten genau registriert* *Это было точно подмечено его родственниками* → *Seine Verwandten haben das genau registriert* *Его родственники это точно подметили*. Фраза *Das Gerät registriert* *Прибор регистрирует землетрясения* не допускает ни одной из этих трансформаций; в результате оказывается, что каждая фраза имеет специфический, свойственный только ей набор значений трансформационных признаков, причём полученные классы фраз (идеальные фразы) с глаголом *registrieren* *регистрировать* хорошо соответствуют интуитивным представлениям о тождествах и различиях его значений. Приведём ещё несколько примеров. Дистрибутивно неразличимые фразы *Er raucht Zigarren* *Он курит сигары*, *Er raucht Pfeife* *Он курит трубку* и *Er raucht eine gute Sorte Tabak* *Он курит хороший сорт табака* разграничиваются с помощью следующих трансформаций: *Er raucht Zigarren* *Он курит сигары* → *Zum Rauchen gebraucht er Zigarren* *Для курения он пользуется сигарами*, *Er raucht Pfeife* *Он курит трубку* → *Die Pfeife wird von ihm geraucht* *Трубка курится им*, *Er raucht eine gute Sorte Tabak* *Он курит хороший сорт табака* → *Der Tabak guter Qualität wird von ihm geraucht* *Им курится табак хорошего качества*. Легко заметить, что любая из этих трансформаций допускается ровно одной фразой и несвойственна двум другим. Ср. также фразы *Erst in der fünften Runde konnte er den Gegner zu Boden ringen* *Лишь в пятой раунде он смог уложить противника на обе лопатки* (с трансформами *Der Gegner wurde von ihm erst in der fünften Runde zu Boden gerungen* *Противник был уложен им на обе лопатки лишь в пятой раунде*) и *Der Gegner ließ sich erst in der fünften Runde zu Boden ringen* *Противник позволил уложить себя на обе лопатки лишь в пятой раунде*, *Er rang ihm den Revolver aus der Hand* *Он вырвал револьвер у него из рук* (с трансформами *Der Revolver wurde ihm aus der Hand gerungen* *У него из рук был вырван револьвер* и *Man rang ihm den Revolver aus der Hand* *У него из рук вырвали револьвер*); *Milch und Zucker runden* *Geschmack* (des Tees) *Молоко и сахар придают вкус (чаю)* (с трансформами *Durch Milch und Zucker wird der Geschmack gerundet* *Вкус придаётся благодаря молоку и сахару* и *Der Geschmack rundet man durch Milch und Zucker* *Вкус придают посредством молока и сахара*); *Der Kater rundete den*

Buckel Кот выгнул стину (без таких трансформов); Er rüttelt sie aus dem Schlaf Он её будит (с трансформами Sie wird von ihm aus dem Schlaf gerüttelt Она будится им и Sie läßt sich ihm sich aus dem Schlaf rütteln Она позволяет будить ему себя); Ein Raubvogel rüttelt über der Beute Хищная птица кружит над добычей (с трансформами Ueber der Beute wird ein Raubvogel gerüttelt Над добычей кружится хищная птица).

Далее мы рассмотрим второй случай, который должен быть представлен парой фраз Sie rupfen Moos von den Bäumen Они собирают (снимают) лишайник с деревьев и Sie rupfen das Fell des Bibers Они снимают шкуру с бобра. Эти фразы несовместимы (ср. несовместимость фраз Sie rupfen Moos von den Bäumen und das Fell des Bibers Они собирают (снимают) лишайник с деревьев и снимают шкуру с бобра или Они снимают шкуру с бобра и лишайник с деревьев) и, следовательно, относятся к различным классам разбиения, полученного по дистрибутивным признакам. Можно, однако, заметить, что фразы с глаголом rupfen (с)обирать, снимать в центральной позиции (Sie rupfen Moos von den Bäumen Они собирают (снимают) лишайник с деревьев и Sie rupfen das Fell des Bibers Они снимают шкуру с бобра) трансформируемы во фразы Sie rupfen Bäumenmoos Они собирают деревья лишайник и Sie rupfen Biberfell Они снимают (обдирают) бобровую шкуру и наоборот. Таким образом, дистрибутивно различные классы фраз сливаются на трансформационном уровне, в полном согласии с интуитивными представлениями о семантических тождествах, в один крупный класс. Аналогичным образом можно было бы разобрать и все другие примеры из числа приведённых выше. В частности, имеют место следующие трансформации: mit vergnügen radeln/radfahren с удовольствием кататься на велосипеде gern radeln/gerne radfahren любить кататься на велосипеде, sich mit dem Tod(e) rangeln/ringen бороться со смертью sich um das Leben rangeln/ringen бороться за жизнь, mit Maschine raspeln/reiben тереть/натирать (орехи) на машине Maschine raspeln/reiben при помощи машины тереть/натирать (орехи), zu Hause ranmüssen/ranklotzen вкалывать/тяжело работать на дому heim ranmüssen/ranklotzen тяжело работать/вкалывать дома, plötzlich rasseln/rappeln вдруг зазвенеть/загудеть unerwartet rasseln/rappeln неожиданно зазвенеть/загудеть, chemisch restaurieren/regenerieren восстанавливать/регенерировать химическим способом auf chemische Weise restaurieren/regenerieren химически восстанавливать/регенерировать, gut reinmachen/räumen делать тщательную уборку/хорошо убирать fleißig reinmachen/räumen тщательно убирать/тщательно убираться, einmalig

reinfallen/reinfliegen один раз/как-то влипнуть/вляпаться einmal reinfallen/reinfliegen однажды вляпаться/влипнуть, sein Benehmen rechtfertigen/reinwaschen оправдывать/обеливать свой поступок sein Verhalten rechtfertigen/reinwaschen оправдывать/обеливать своё поведение, mir Schuhe reparieren/riestern lassen отдать чинить мне обувь meine Schuhe reparieren/riestern lassen отдать в починку мою обувь и т. д.

В заключение уделим особое внимание одному классу очень простых трансформаций, которые, тем не менее, являются исключительно эффективным средством разграничения значений в пределах одного слова. Рассмотрим фразы с глаголом räumen убирать, делать приборку: den Saal/das Zimmer räumen чистить/освободить зал/комнату, das Schlachtfeld/die Stadt räumen оставить поле боя/город, das Land/die Stadt räumen покинуть страну/город, den Schnee/den Sand räumen убрать снег/песок, Probleme/Schwierigkeiten räumen устранить проблемы/трудности. Совершенно независимо от того, какими другими признаками они обладают, они вполне адекватно различаются трансформациями.

räumen

- den Saal/das Zimmer räumen очистить/освободить зал/комнату,
- das Schlachtfeld/die Stadt räumen оставить поле боя/город,
- das Land/die Stadt räumen покинуть страну/город,
- den Schnee/den Sand räumen убрать снег/песок,
- Probleme/Schwierigkeiten räumen устранить проблемы/трудности.

Ниже без комментариев приводятся некоторые другие примеры того же типа.

raunen шептать, нашептывать, наговаривать

- Worte/Zärtlichkeiten murmeln reden слова/нежности говорить под нос, бормотать
- über diesen Menschen/über das Ereignis fließend sprechen про этого человека/о событии свободно говорить

antworten улыбкой/движением отвечать

reagieren реагировать

- mit einem Lächeln/mit einer Handbewegung

antworten улыбкой/движением отвечать

- sauer/widerwillig ablehnen

недовольно/против воли, неохотно отклонять, отказывать

reaktivieren реактивировать, восстанавливать

- als Lehrer/als Fahrer wieder in den Beruf einsetzen

в качестве учителя/в качестве водителя восстанавливать на работе

- eine Forschung/Arbeit etw. in die Tätigkeit wieder betreiben

исследование/работу снова заниматься работой, деятельностью

- die Krankheit/die Entzündung wieder aufflakkeren болезнь/воспаление возобновляться вновь

reichen подавать, протягивать, хватать, быть достаточным

- den Arm/Hilfe (dar)bieten

руку/помощь предлагать

- das Salz/das Gemüse geben

соль/овощи подавать

- an die Schulter/bis zu Füßen sich erstecken

до плеч/до пят доставать, протягиваться

- das Geld/der Lohn ausreichen

денег/зарплаты хватать, быть достаточным

reisen путешествовать, совершать путешествие

- ans Meer/ins Gebirge sich begeben

на море/в горы отправляться, совершать поездку

- durch die ganze Welt/durch ganz Europa Reisen unternehmen

по всему миру/по всей Европе совершать путешествие

reklamieren заявлять, затребовать

- gegen eine Verfügung/Entscheidung einen Einspruch erheben

против распоряжения/решения предъявлять претензию

- Waren/Lebensmittel wegen Mängeln beanstanden

товары/продукты претензию по поводу недостатков предъявлять

- eine Wohnung/Koffer beanspruchen

квартиру/чемодан претендовать

reparieren исправлять, ремонтировать

- die Wasserleitung/eine Uhr instand setzen

водопровод/часы исправлять, ремонтировать

- eine Schulter/ein Bein heilen

плечо/ногу (ступню) лечить

- die Folgen/einen Entschluß einen Fehler in Ordnung bringen

последствия/решение исправлять ошибку, ликвидировать

reproduzieren воспроизводить, репродуцировать

- die Abbildungen/eine Ausgabe wiedergeben

произведение/издание восстанавливать

- ein Werk/einen Film nachschaffen

произведение/фильм вновь восстанавливать

- ein Betrieb/eine Fabrik wiederherstellen

предприятие/фабрику восстанавливать

revanchieren брать реванш

- für Lüge/für Frechheit rächen

за ложь/за грубость мстить

- für die Einladung für die Gastfreundschaft durch eine Gegenleistung ausgleichen

на приглашение/гостеприимство отвечать взаимностью

- ein Spiel/eine Niederlage durch eine Wiederholung eines Spieles eine vorausgegangene Niederlage wettmachen

игру/поражение реваншировать

richten направлять, исправлять, адресовать, обращать

- die Antenne/Zähne sich in eine bestimmte Lage bringen

антенну/зубы приводить в определенное положение (состояние)

- eine Uhr/ein Fernglas einstellen

часы/бинокль настраивать

- die Frau/das Spiel vernichten

женщину/игру уничтожать

- den Leiter/die Pumpe instand setzen

лестницу/насос исправлять

- einen Tisch/ein Zimmer vorbereiten

стол/комнату накрывать/приготовить

- den Dieb/den Mörder zum Tode verurteilen

вора/убийцу приговаривать к смерти

ritzen поцарапывать, поранить, надрезать

- die Sache/das Problem erledigen

дело/проблему решать

- mit dem Messer/mit der Nagel Ritze machen

ножом/гвоздём порезаться

- die Linien/ein Muster auf, in etw. einritzen

линии/рисунок на чём-то вырезать

- die Haut/den Fuß verletzen

кожу/ногу (ступню) поранить

roden корчевать, убирать, копать, выкапывать

- den Wald/die Gebüsche aus dem Boden entfernen

лес/кустарники выкорчевывать из земли

- Kartoffeln/Rüben aus dem Boden herausgraben

картофель/репу выкапывать из земли (убирать)

rollen катать, громыхать, шуметь (о поезде)

- aus den Augen/über ihre Wangen sich bewegen

из глаз/по щекам двигаться, передвигаться, катиться

- das Geld/die Wertpapiere im Umlauf sein

деньги/ценные бумаги пускать в оборот (в обращение)

- das Gewitter/das Meer ein Geräusch verursachen

гроза/море шуметь

rücken двигать, передвигать, пододвигаться, отодвигаться

- an den See/ans Ufer wegmarschieren

на озеро/на берег идти, шагать

- den Schrank/das Sofa an einen anderen Platz bringen

шкаф/диван передвигать на другое место

- an die Wand/zur Seite eine andere Lage einnehmen

к стене/в сторону отодвигать

rufen звать, кричать, вызывать

- das Kind/die Frau ausrufen

ребёнка/жену кричать, звать

- den Arzt/den Mechaniker lassen kommen

врача/механика вызывать

- das Baby/den Mann nennen
малыш/мужа звать, называть
- ruhen *отдыхать, покоиться*
- auf dem Arm/auf der Schulter sich befinden
на руке/на плече находится, располагаться
- auf einer Bank/im Schatten sich erholen
на скамье/в тени отдыхать
- bis zum Morgen/bis zur Nacht schlafen
до утра/до ночи спать, отдыхать
- im Grabe/auf dem Friedhof begraben liegen
в могиле/на кладбище покоиться
- der Betrieb/das Geschäft zum Stillstand kommen
предприятие/дело останавливаться

После систематической обработки первоначального множества фраз, которых было вместе с фразами-трансформами около 108, это множество было разбито на пересекающиеся классы фраз, которых оказалось 215. Каждый такой класс, заданный набором значений дистрибутивных и трансформационных признаков, является, по определению, идеальной фразой и интерпретируется как отдельное значение глагола.

Примечания

1. Апресян, Ю. Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола [Текст] / Ю. Д. Апресян. М., 1967.
2. Бабицкий, К. И. О синтаксической синонимии предложений в естественных языках [Текст] / К. И. Бабицкий // Научно-техническая информация. 1965. № 6.
3. Жолковский, А. К. О принципиальном использовании смысла при машинном переводе [Текст] / А. К. Жолковский, Н. Н. Леонтьева, Ю. С. Мартеньянов // Машинный перевод: труды ин-та ТМ и ВТ АН СССР. 1961. Вып. 2.
4. Жолковский, А. К. О возможном методе и инструментах семантического синтеза [Текст] / А. К. Жолковский, И. А. Мельчук // Научно-техническая информация. 1965. № 6.
5. Зализняк, А. А. К вопросу о грамматической категории рода и одушевленности в современном русском языке [Текст] // А. А. Зализняк. ВЯ. 1964. № 4.
6. Звегинцев, В. А. Семасиология [Текст] / В. А. Звегинцев. М., 1957.
7. Машинный перевод и прикладная лингвистика [Текст]. М., 1964. Вып. 8.
8. Падучева, Е. В. К структуре семантического поля «восприятие» (на материале глаголов восприятия в русском языке) [Текст] / Е. В. Падучева // ВЯ. 2001. № 4.
9. Пауль, Г. Принципы истории языка [Текст] / Г. Пауль. М., 1960.
10. Покровский, М. М. Семасиологические исследования в области древних языков [Текст] / М. М. Покровский. М., 1896.
11. Baldinger, K. Die Semasiologie. Versuch eines Ueberblicks [Text] / K. Baldinger. Berlin, 1957.
12. Bloomfield, L. Language [Text] / L. Bloomfield. N.Y., 1933.
13. Bréal, M. Essais de s'emantique [Text] / M. Bréal. Paris, 1911.
14. Darmesteter, A. La vie des mots 'etudi'ee dans leurs significations [Text] / A. Darmesteter. Paris, 1887.

15. Erdmann, K. Die Bedeutung des Wortes [Text] / K. Erdmann. Leipzig, 1925.
16. Kronasser, G. Handbuch der Semasiologie [Text] / G. Kronasser. Heidelberg, 1951.
17. Meillet, A. Linguistique historique et linguistique g'en'erale [Text] / A. Meillet. Paris, 1921.
18. Nyrop, K. Grammaire historique de la langue française [Text] / K. Nyrop. V. IV. Leipzig, N.Y., Paris, 1913.
19. Sperber, H. Ein Gesetz der Bedeutungsentwicklung. Zeitschrift für deutsches Altertum, 1922. Bd. LIX.
20. Stern, G. Meaning and change of meaning [Text] / G. Stern. Göteborg, 1931.
21. Ullmann, S. The principles of semantics [Text] / S. Ullmann. Glasgow, 1957.
22. Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. Herausgegeben von Ruth Klappenbach und Wolfgang Steinitz [Text]. Akademie-Verlag, Berlin, 1978. Bd. 4.
23. Deutsches Universalwörterbuch [Text]. Dudenverlag Mannheim/Wien/Zürich, 1989.
24. Gerhard Wahrig. Deutsches Wörterbuch [Text] / Wahrig Gerhard. Bertelsmann Lexikon verlag, 1986.
25. Большой толковый словарь немецкого языка. Langenscheidts Großwörterbuch [Text]. Berlin-München-Wien-Zürich-New York. М.: Изд-во МАРТ, 1998.

Н. А. Лопатина

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА НАПРАВЛЕННОГО ДВИЖЕНИЯ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

В статье представлен анализ компонентов, составляющих семантическую структуру направленного движения в современном немецком языке. Для этого выделяется ряд грамматических признаков предложений, которые вошли в материал для исследования, и определяется «глубинная» семантика направленного движения. Приведенные грамматические и семантические признаки явились критериями отбора практического материала, анализ которого позволил сформулировать семантическую модель предложения, транслирующего семантику направленного движения.

Как известно, пространство и время являются основными характеристиками реального мира. А «семантика движения соединяет пространство и время. Движение составляет третий компонент» [1], который принадлежит к числу фундаментальных отношений окружающей нас действительности. С философской точки зрения движение представляет собой способ существования материи, её важнейший атрибут: нет материи без движения, и нет движения без материи. Выделяют также три группы форм движения материи: движение в органической, неорганической природе и в обществе [2]. «Для человека, наблюдающего ок-

ЛОПАТИНА Наталья Львовна – ассистент кафедры романо-германской филологии ВятГУ
© Н. А. Лопатина, 2004

ружающий мир невооруженным глазом, движение, прежде всего, связано с перемещением существ и предметов в пространстве» [3]. Однако существуют и другие возможности интерпретации движения:

- перемещение кого/чего-нибудь в определенном направлении;
- действие транспорта, езда, ходьба в разных направлениях;
- изменение положения тела и его частей;
- внутреннее движение, вызванное каким-нибудь чувством, переживанием;
- оживленность, напряженность действия;
- общественная деятельность, преследующая определенные цели;
- переход из одного состояния, стадии в другое состояние, стадию [4].

Движение во всех своих проявлениях противоположно состоянию покоя. Покой относителен и является лишь одним из моментов движения. Полёт стрелы состоит из определённого числа местоположений (покоя) стрелы в данный момент [5].

Таким образом, движение представляет собой сложное, неоднородное по составу и многообразное по форме явление, направленное в пространстве и протяжённое во времени.

Однако нас движение интересует прежде всего как *перемещение* кого/чего-нибудь в определённом направлении в пространстве. «Уже само выделение определённой темы в роде «направленного движения» является, в сущности, выделением некоторой определённой частной сферы явлений в самой действительности. Но недостаточно просто выделить такую сферу, необходимо более подробно разобраться, с чем мы в ней имеем дело» [6].

«Конструкции, несущие в себе семантику «направления движения», являются не абстрактными семантическими объектами, а произведениями естественного языка, поэтому вопрос о наличии в предложении данного семантического ком-

понента не всегда прост» [7]. Например, можно ли считать, что такая семантика присутствует в следующих предложениях:

- (1) Ich war gestern im Theater.
- (2) Vor einer Woche besuchte ich meinen kranken Freund.

Как видно из примеров, семантический компонент *направленного движения* (далее – НД) может «присутствовать» не явно, «за текстом», то есть принадлежать не собственно семантике речевого произведения, а тем смысловым выводам или пресуппозициям, которые непосредственно связаны с этой семантикой» [8]. В предлагаемой статье речевые произведения такого рода не изучаются. Наше внимание сосредоточено на четко определяемом классе конструкций, которые иллюстрируют соответствующий феномен в данном языке. В основу выделения класса конструкций легли следующие критерии:

- 1) наличие в повествовательном предложении выраженного субъекта;
- 2) присутствие в предложении предиката, выраженного глагольной формой с семантикой перемещения;
- 3) существование у предикатного слова аргумента, который позволяет определить конкретную локализацию перемещения.

«Глубинную» семантику направленного движения транслирует представляемая иллюстрация (см. рис. 1).

Пусть P – это пространство в целом, а $A1$ и $A2$ – это некоторые точки пространства. Если в некоторый момент времени $t1$ субъект/объект находился (находится, будет находиться) в точке пространства $A1$, а в некоторый другой момент времени $t2$ находился (находится, будет находиться) в точке пространства $A2$, то можно считать, что он совершил (совершает, совершит) *перемещение*.

В том случае, если семантика предложения позволяет констатировать существование в пространстве P некоторой условной границы, раз-

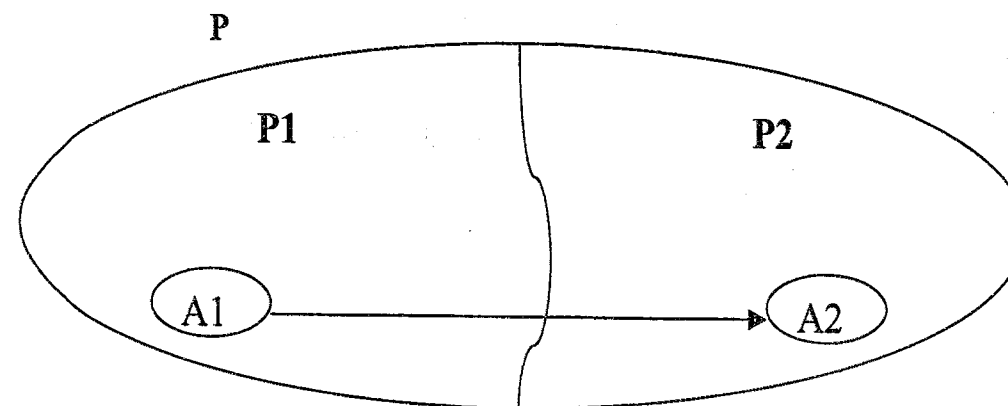

Рис. 1

бывающей его на две части – *P1* и *P2*, и при этом *A1* лежит в одной из этих частей, а *A2* – в другой (то есть в предложении сказано, что субъект/объект перемещения находился в *P1*, а стал находиться в *P2*), представляется возможным говорить о семантике *направленного перемещения*. Текст, семантическое представление которого совместимо с иллюстрацией, можно квалифицировать как содержащий «глубинную» семантику НД. Итак, проанализируем предложение, которое соответствует заданным нами параметрам:

(3) Er ist ans Fenster getreten.

A1 – это некоторая невыраженная в поверхностном представлении предложения точка пространства, в которой первоначально находился субъект перемещения, иными словами, она определяется как исходный пункт движения; *A2* – точка пространства «окно», которая является конечным пунктом движения; *P1* – часть пространства, не являющаяся *P2*, где первоначально находился субъект перемещения. Пересечение субъектом воображаемой границы, разделяющей пространство на две части, и подтверждает факт направленного перемещения субъекта.

Судя по наблюдениям и представленным результатам предыдущих исследователей, НД включает начальный и конечный пункты движения, соединив которые мы получим траекторию движения, или, другими словами, путь (см. рис. 2).

При этом в любой точке траектории может располагаться промежуточный пункт, выражаемый в ряде случаев не только графически, но и на языковом уровне:

(4) Sie ging durch den Wald nach Hause.

Также следует заметить, что перемещение субъекта по отношению к точке пространства *A2* имеет лативный характер (в направлении к), а по отношению к точке *A1* – элативный (в направлении от) характер [9]. Лативный и элативный характер пространственного отношения между субъектом/объектом перемещения и предметом или местом, относительно которого происходит движение, имеет в языке своё выражение.

(5) Voller Wut stuermt sie ins Zimmer herein.

Раздельное обозначение пространственного отношения и пунктов движения (начального, промежуточного и конечного) является основанием

для выделения пространственного отношения в качестве семантического компонента НД.

Таким образом, семантика НД включает в себя следующие элементы:

1. Субъект/объект движения

Сам движущийся предмет, то есть либо субъект, либо объект движения. Следует заметить, что речь здесь идёт «не о подлежащем и прямом дополнении, а о *самых* движущихся предметах, причём тот предмет, движение которого представляется исходящим от него самого, называется субъектом, а тот, движение которого вызывается другим предметом, объектом движения» [10]. Наличие подобного условия позволяет провести грань между ситуациями типа:

(6) Er begleitete sie zum Bahnhof – с одной стороны, и следующей ситуацией, с другой:

(7) Man legt das Buch auf den Tisch.

(8) Er stellt den Koffer auf den Fussboden.

В примере (6) очевидно перемещение субъекта вместе с объектом, оно является обязательным, а не факультативным. Что же касается примеров (7) и (8), то если увидеть или вообразить себе эти ситуации, то можно согласиться, что и чемодан и книга преодолевают определённое расстояние за определённый отрезок времени, так как в результате изменяют своё местоположение. И наверняка подобные ситуации могут рассматриваться в рамках направленного перемещения. Однако при присутствии в предложениях и субъекта и объекта «перемещение субъекта не имплицировано: он лишь воздействует на объект, изменяя его месторасположение» [11]. Руководствуясь этим замечанием, мы отличаем семантику НД от семантики направленного действия, а значит, конструкции, содержащие семантику направленного действия, не входят в область представленного исследования.

2. Движение определённого свойства как некоторый процесс, обладающий такими характеристиками, как способ осуществления, среда перемещения (gehen, gehen, laufen).

Рамки настоящего исследования накладывают дополнительные ограничения на глаголы перемещения, а именно предложения, которые описывают семантику перемещения, но не определяют признак «направление», исключены из предлагаемого рассмотрения (см. примеры 9-12). Анализ предложений:

(9) Das Auto fuhr langsam.

(10) Die Kinder liefen im Garten

позволяет утверждать, что в примере (9) коммуникативно важным моментом является скорость, в (10) – местоположение. Есть также и случаи актуализации начальной фазы движения [12].

Кроме того, по словам Миловановой, предложения с семантикой движения в ряде случаев реализуют движения как признак или свойство предмета:

(11) Sie laeuft gern Schi.

(12) Er schwimmt gut.

Значение НД в предложениях (11) и (12) не конкретизировано, актуализируется лишь способность субъекта к какому-либо перемещению – самостоятельному (12) или с помощью специальных средств (11) [13].

3. Пространственный ориентир (ориентация), соответствующий трём этапам направленного движения:

- начальный: (13) Tiems war von Frankfurt her zu Fuss gekommen;

-промежуточный: (14) Wie eine Verrueckte rannte sie durch die Innenstadt;

-конечный: (15) Logisch, dass sie an den Ort des Bruches zuerueckgekommen war.

Однако отметим, что употребление ориентиров может варьироваться; в рассматриваемых конструкциях они встречаются в различных комбинациях. Случаи употребления в предложении всех перечисленных пространственных ориентиров одновременно – редкость.

4. Пространственное отношение (локализация) между субъектом/объектом движения и предметом или местом, в отношении которого происходит движение.

(16) Puppig huschte ... in den halbduncklen Kleiderraum hinein.

Основываясь на проанализированном языковом материале, предлагаем следующую семантическую модель, при помощи которой реализуется семантика НД в современном немецком языке на уровне простого предложения.

$S + V + (O) [A1+L] + [A2+L] + [A3+L]$, где *S* – субъект направленного движения, *O* – объект, *V* – движение, *A1(2,3)* – предмет или место в пространстве, в отношении которого осуществляется движение, и который соответствует одному из этапов движения, а *L* – пространственное отношение между субъектом/объектом НД и местом или предметом пространства.

(17) Fast jeden Tag faehrt er mit dem Fahrrad und schwer gefuelltem Ruecksack [von der Endstation aus] [beim Branderburger Tor ueber die Grenze] [nach Westberlin]. Полная модель отражается лишь небольшой частью рассмотренного практического материала, в большинстве же случаев мы имеем дело с одним или двумя этапами направленного движения. Каждый из этапов характеризуется своими формальными признаками, которые подробно будут рассмотрены в следующих публикациях.

Примечания

1. Арутюнова, Н. Д. Путь по дороге и бездорожью [Текст] / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Языки динамичного мира. Дубна: Междунар. ун-т природы, общества и человека «Дубна», 1999. С. 4.

2. Философский энциклопедический словарь [Текст]. М.: Сов. энцикл., 1984. С. 138-139.

3. Арутюнова, Н. Д. Указ. соч. С. 5.

4. Ожегов, С. И. Словарь русского языка [Текст] / С. И. Ожегов; под ред. Н. Ю. Шведовой. Изд. 12-е, стереотип. М.: Рус. яз., 1978. С. 141.

5. Тошович, Б. Глагол в треугольнике «движение – покой – отношение» [Текст] / Б. Тошович // Логический анализ языка. Языки динамичного мира. Дубна: Междунар. ун-т природы, общества и человека «Дубна», 1999. С. 224.

6. Смирницкий, А. И. Об особенностях обозначения направления движения в отдельных языках (к методике сопоставительного изучения языков) [Текст] / А. И. Смирницкий // Иностранные языки в школе. 1953. № 2. С. 3.

7. Рожанский, Ф. И. Направление движения (типологическое исследование) [Текст] / Ф. И. Рожанский // Логический анализ языка. Языки пространств. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 56.

8. Там же.

9. Там же. С. 57.

10. Смирницкий, А. И. Указ. соч. С. 3.

11. Андреев, О. А. Дирекциональность в испанском языке (грамматико-категориальный и когнитивно-концептуальный аспекты) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / О. А. Андреев. Воронеж, 2002. С. 16.

12. Оношко, В. Н. Семантическая структура простых предложений с семантикой направленного движения в современном немецком языке [Текст] / В. Н. Оношко // Вопросы романо-германской филологии: сб. науч. тр. Киров, 2000. С. 66.

13. Милованова, М. В. Семантика направленности-ненаправленности перемещения в пространстве в русском и немецком языках [Текст] / М. В. Милованова // Вестник ВолГУ. Сер. 2: Филология. Вып. 2. 1997. С. 44.

Рис. 2

И. А. Кондакова

К ВОПРОСУ ПЕРЕНОСНОГО
УПОТРЕБЛЕНИЯ ТОПОНИМА

Топоним выражает абстрактное понятие, которое связано с характеристикой топообъекта либо с характеристикой людей, проживающих на территории этого топообъекта. Переносное употребление топонима часто выражает оценку, как правило, отрицательную, что обусловлено особенностями человеческого восприятия. Человеческий фактор является определяющим в характеристике любого объекта или явления действительности, выраженной топонимом.

Оттопонимический (посттопонимический) уровень значения топонима соотносится с характеризующей и символической функциями топонима в речи (В. Д. Беленькая, К. М. Ирисханова, Н. К. Итченко и др.). Топоним, употребленный в переносном значении, может символизировать различные абстрактные понятия.

Топоним как единица языка, относящаяся к сфере пространственных связей, символизирует эти отношения. Значения типа *далеко* – *близко* «относительны в том смысле, что они требуют точки отсчета, которая меняется в зависимости от определяемых соответствующими словами явлений, а также в связи с точкой зрения говорящего» [4, с. 150]. В англоязычных текстах за точку отсчета традиционно принимают Великобританию и США. Выделен ряд топонимов, символизирующих понятие «далеко» – *Australia, Botany Bay, Siberia, East Indies, Africa, Timbuctoo*. Данные топонимы обозначают объекты, расположенные на большом расстоянии как от Великобритании, так и от США, и, по всей вероятности, они не исчерпывают всего списка географических названий, употребляемых в значении «далеко».

В исследованном материале численно преобладают употребления в значении «далеко» топонима *Australia*: *...be remembered that tune again... now it seemed like something going on a long, long way off, like a birthday party in Australia (Priestley, J. B.)*. Австралия символизирует место, очень отдаленное от места действия произведения (*London*). Понятие «далеко» эксплицировано в контексте (*on a long, long way off*).

Значение «далеко» узуально закреплено на фразеологическом уровне за архаичным хоронимом *East Indies (Ост Индия)*. Например: *send to the East Indies for Kentish pippins* – заставить кого-либо проделать долгий путь без особой необходимости (ср. в русском языке – «за семь верст киселя хлебать»). Здесь топоним *the East*

КОНДАКОВА Ирина Александровна – старший преподаватель кафедры романо-германской филологии ВятГГУ

© И. А. Кондакова, 2004

Indies символизирует понятие «большое расстояние».

Значение топонима «отдаленность в пространстве» может сочетаться со значением «отдаленность во времени»: *...from the Bickets Central Australia was as far as ever (Galsworthy, J.)*. Топоним *Central Australia*, употребленный в метонимическом значении «воплощение мечты поехать в Австралию», символизирует не только место, удаленное в пространстве, но и событие, которое удалено во времени (если не несбыточно) – *as far as ever*.

Топоним может символизировать этап выполнения какого-либо действия. Например: *That's Exeter as the old woman said when she saw Crediton*. – о человеке, который думает, что работа завершена, но внезапно обнаруживает, что еще многое предстоит сделать. В приведенной метафоре перемещение во времени представлено как перемещение в пространстве. Топонимы *Exeter* и *Crediton* обозначают этапы выполнения работы: *Exeter* – завершение, *Crediton* – промежуточный этап.

Употребление топонима в значении «далеко» способствует выразительности, экспрессивности высказывания, созданию юмористического эффекта: *You can hit my father over head with a chair and he won't wake up, but my mother, all you have to do to my mother is cough somewhere in Siberia and she'll hear you (Salinger, J. D.)*. «How de do, Sir Barnet? ...What a surprising thing that I should see you here!» *Mr Toots, in his sagacity, always said this, as if, instead of that being Sir Barnet's house, it were some deserted edifice on the banks of the Nile, or Ganges. (Dickens, Ch.)*

Топоним может сочетать значение «далеко» со значением «ссылка» (*Botany Bay, Siberia*). Так, первоначально название залива *Botany Bay*, расположенного у берегов Австралии, употреблялось в метафорическом значении «место ссылки». Позднее топоним приобрел еще одно узуальное метафорическое значение – «на краю света, очень далеко» и превратился в неофициальное название некоторых колледжей Оксфордского и Кембриджского университетов, расположенных далеко от основных зданий.

Интересно отметить, что в ходе исследования не обнаружено примеров употребления топонимов в переносном значении «близко». Однако выявлено, что топоним может символизировать понятия «дом», «Родина» (*Channel, Piccadilly*) «малая Родина», провинция (*Pocatello*; ср. в русском языке – г. Урюпинск). Так, в составе фразеологизма *the Channel fever* – «тоска англичанина по Родине» топоним *the Channel (the English Channel* – Английский канал) символизирует Англию.

Выявлено, что апеллятивное значение топонима определяет способность топонима выражать

И. А. Кондакова. К вопросу переносного употребления топонима

то или иное абстрактное понятие, которое прямо или косвенно связано с именуемым им объектом.

В ходе исследования выделены хоронимы – названия обширных географических областей и частей света, которые символизируют понятия «холодно – жарко». Это обусловлено климатическими условиями в пределах именуемых ими объектов: «холодно» – *Siberia, Alaska, the Arctic*, «жарко» – *Africa, South America, India*, например: *Bea felt as if she'd stepped into a pocket of Siberia. There was a bowling draught and both windows were open (Davison, E.)*. В составе агента вышеприведенного ситуативного сравнения топоним *Siberia* реализует переносное значение «место, где очень холодно».

Оронимы – названия гор (*Everest, Ossa, Pelion, Olympus*) и горных систем (*the Alps, the Himalayas*), а также названия высотных зданий и сооружений (*Eiffel Tower*) традиционно символизируют понятия «высота», а также «недоступность», «величие», «божественность». Эта закономерность характерна как для языка современных авторов, так и для языка Шекспира, например:

*If after every tempest come such calms,
May the winds blow till they have waken'd death!
And let the labouring bark climb hills of seas
Olympus-high, and duck again as low
As hell's from heaven!*

(Shakespeare, W.)

В вышеприведенном примере имеет место контраст: наивысший взлет *Olympus-high* противопоставляется самому низкому падению *low as hell's from heaven*. Ороним *Olympus* символизирует понятие «наивысшая точка» и выступает в роли интенсификатора по отношению к наречию *high*: *Olympus-high* – *very, exceedingly high*. Кроме того, гора Олимп, считающаяся в греческой мифологии обителью богов, символизирует божественное начало, которое противопоставляется всему низкому, демоническому *hell*.

Ороним *Everest* наряду с понятием «высота» традиционно символизирует величие и недостижимость, вечность, могущество и несокрушимость (см. [3, с. 114]), а также реализует узуальные метафорические значения «выдающееся достижение», «огромная трудность», «пик достигнутого».

Гидронимы традиционно символизируют трудность, опасность, риск, непредсказуемость. Фразеологизмы со значением «пойти на риск», «сделать невозможное», «столкнуться с опасностью», «преодолеть опасность» включают в свой состав гидроним, который символизирует опасность, трудность (*Niagara, Clyde, Conway, Tees, Tine, Thames* и др.), например: *try to sweep Atlantic with a broom* – попытаться сделать невозможное; *set the Thames on fire* – сделать что-либо необычное; *shoot Niagara* – пуститься в рискованное предприятие; *escape Clyde and be drowned in*

Conway – преодолеть одну трудность и неожиданно столкнуться с другой.

Топоним, употребленный в метафорическом значении, может характеризовать ситуацию как благоприятную или неблагоприятную.

Гидронимы обозначают ситуацию, неблагоприятную для человека, например: *Sargasso Sea* – запутанность, неопределенность, положение, из которого трудно выбраться, «подвешенное состояние»; *Serbonian bog* – безвыходное положение. По-видимому, употребление гидронимов в значении «риск», «опасность», «трудность», «безвыходность» обусловлено силой и опасностью водной стихии, ее непредсказуемостью, неподвластностью воле человека.

Для обозначения условий, очень благоприятных для человека, употребляются псевдотопонимы: *New Jerusalem* – очень желаемая ситуация; *Utopia* – ситуация, когда все идеально; *Shangri-la (Shangri-La, Shangrila)* – земной рай. Приведенные топонимы представляют собой библейскую аллюзию (*New Jerusalem* – небесный град) и литературные аллюзии (*Utopia, Shangri-la* – названия вымышленных государств). Вероятно, употребление псевдотопонима в значении «идеал» подчеркивает невозможность достижения в реальности того идеала, о котором идет речь.

В целом употребление названий реально существовавших или существующих топообъектов в значении «неблагоприятная ситуация», «трудность», равно как и употребление псевдотопонимов в значении «благоприятная ситуация», «идеал», согласуется с тем, что оценка «плохо» теснее привязана к имеющемуся положению вещей, чем оценка «хорошо».

Ойконим (название населенного пункта) может выражать характеристику человека: умственные способности, черту характера, уровень благосостояния. Человеческое качество переносится на топоним в результате метонимического переноса. Наряду с тем или иным качеством топоним нередко выражает оценку.

В нашем материале выделен ряд топонимов, выражающих характеристику умственных способностей. Различные топонимы трактуют понятие «глупый» по-разному: *Gotham, Bolton* – бестолковый, простоватый, недалекий; *Dubuque* – малокультурный, старомодный, консервативный, провинциальный; *Greenland* – неопытный (не обязательно глупый); *Marlborough* – неловкий, неуклюжий; *Bedlam, Stamford* – сумасшедший. Понятие «глупый» связано с отрицательной оценкой. Значительно меньше обнаружено топонимов, ассоциируемых с понятием «умный»: *Highbate* – умный, *Philadelphia* – умный и хитрый. Они могут выражать как положительную оценку – *Highbate*, так и положительную либо отрицательную оценку в зависимости от контекста –

Philadelphia. Большинство перечисленных топонимов входит в состав фразеологизмов, выражающих характеристику умственных способностей человека, например: *A (wise) man of Gotham* – простак, глупец. По преданию, деревушка Готам отличалась простодушием ее обитателей, что отражено в английском фольклоре, в сказках о чудаковатых и простоватых людях из Готамы *The Wise Men of Gotham*. В результате метонимического переноса по модели «топообъект – население» за топонимом *Gotham* закрепилось значение «глупый» и отрицательная оценка.

Очевидно, значительное преобладание топонимов, символизирующих понятие «глупый» и выражающих отрицательную оценку, объясняется положением когнитивной психологии о том, что обозначения плохого более дифференцированы, чем обозначения хорошего, ибо знания, связанные с неприятными для человека отрицательными эмоциями, более дифференцированы, чем знания, имеющие положительные коннотации. Человек более детально различает то, что вызывает у него дискомфорт, дифференцирует неприятные эмоции тоньше, чем приятные (см. также [2, с. 102]).

Топонимы входят в состав фразеологизмов, обозначающих черту характера, таким образом, различные черты характера традиционно ассоциируются с разными топонимами. Человеческое качество переносится на топообъект в результате метонимического переноса «топообъект – люди». Та или иная черта характера может традиционно ассоциироваться с жителями или уроженцами того или иного населенного пункта. Так, уроженцы штата Миссури известны своим скептицизмом и недоверчивостью: *be (come) from Missouri* – отличаться скептицизмом, верить только своим глазам. Кроме того, на топообъект может переноситься черта, традиционно приписываемая какому-либо животному, обитающему на его территории. Так, тигр традиционно символизирует храбрость: *as brave as a Bengal tiger* – смелый, храбрый. В результате на топоним *Bengal*, обозначающий место обитания тигра, переносится признак «храбрый».

За топонимом, ассоциируемым с чертой характера, также узуально закрепляются определенные «эмоционально-оценочные наслоения», и, как показал наш материал, чаще отрицательные, чем положительные. Более частотны топонимы, символизирующие отрицательные черты характера: трусость – *Cotswold, Lammermoor, Essex*; жестокость, свирепость – *Stafford, Hyrcania*; хитрость – *Philadelphia Dolcoath*; корысть – *Durriget*; обман – *Smithfield*; кланокровие – *Klondike*; излишнюю самоуверенность – *Yorkshire*; недоверчивость, скептицизм – *Missouri*; излишнюю доверчивость – *Gotham* и др. Положительные качества ассоциируются с

топонимами *Bengal* – смелость; *Turra, Whiteball* – легкий, веселый нрав и др. Явное преобладание топонимов, ассоциируемых с отрицательными чертами характера, связано с особенностями человеческого восприятия, а именно с тенденцией в первую очередь выделять и именовать не норму, должное (с чем связана положительная оценка), а отклонение от стандарта (с чем ассоциируется отрицательная оценка) (см. также [1, с. 9-12]).

В исследованном материале выявлен ряд топонимов, характеризующих уровень благосостояния человека. С богатством и изобилием традиционно связана положительная оценка, с бедностью – отрицательная оценка.

Общепризнанно, что топонимы, символизирующие богатство, достаток, комфортную жизнь, обладают устойчивой мелиоративной коннотацией. Выявлено, что они значительно преобладают, ибо престижные, респектабельные, фешенебельные районы более широко известны и социально значимы в сравнении с районами бедности и трущоб. Топонимы – символы богатства и достатка – представлены годонимами – названиями престижных аристократических городских районов и улиц мегаполисов: Лондона (*West End, Chelsea, Park Lane, Mayfair*), Нью-Йорка (*Fifth Avenue, Park Avenue*), Бостона (*Commonwealth Avenue*), названиями отелей (*the Ritz, Mayfair, Dorchester*), ойконимами – названиями дорогих английских и европейских курортов (*Blackpool, Riviera*). Так, отель *the Ritz* является символом праздной роскоши. Особую группу составляют псевдотопонимы – символы сказочного богатства и благополучия (*Eldorado, Golconda*) и др. Источник богатства и изобилия символизирует и название всемирно известного золотоносного района на северо-западе Канады – *Klondike*. На противоположном конце шкалы, отражающей уровень благосостояния, расположены топонимы – символы нищеты и неустойчивости, представленные годонимами – названиями бедных районов и улиц Лондона (*East End, Whitechapel, Spitalfields*), названиями районов трущоб и нищеты крупных мегаполисов США: Нью-Йорка (*Bowery, East Side*) и др. Топонимы входят в состав фразеологизмов со значением «бедный» – *Crowsborough, Salford*. Например: *poor as Crossborough*. Название общины *Crossborough* символизирует крайнюю бедность по причине того, что те места известны бедностью и неплодородностью почв.

Таким образом, топоним выражает абстрактное понятие, которое связано: 1) с характеристикой топообъекта (его расположением, параметрами, климатическими условиями, а также признаками, традиционно приписываемыми топообъекту человеком); 2) с характеристикой

человека (его умственных способностей и/или характера, финансового положения). Переносное употребление топонима может сопровождаться оценкой, чаще отрицательной, чем положительной, что обусловлено особенностями человеческого восприятия. В характеристике любого объекта или явления действительности, выраженной топонимом, определяющим является человеческий фактор.

Примечания

1. Арутюнова, Н. Д. Аномалии и язык (к проблеме языковой «картины мира») [Текст] / Н. Д. Арутюнова // Вопросы языкознания. 1987. № 3. С. 3-19.
2. Вольф, Е. М. Оценочное значение и соотношение признаков «хорошо/плохо» [Текст] / Е. М. Вольф // Вопросы языкознания. 1986. № 5. С. 98-106.
3. Перкас, С. В. Парадигматические и синтагматические аспекты лингвистического потенциала топонимов в современном английском языке [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / С. В. Перкас. М., 1980. 178 с.
4. Шмелев, А. Н. Очерки по семасиологии русского языка [Текст] / А. Н. Шмелев. М.: Просвещение, 1964. 244 с.

Т. Н. Федоровская

ЯЗЫКОВЫЕ ФАНТАЗИИ В КНИГЕ ДЖ. К. РОЛИНГ «ГАРРИ ПОТТЕР И ФИЛОСОФСКИЙ КАМЕНЬ»

Лингвистическая интерпретация текста является основой осмысления творческого замысла и фантазии автора. Однако профессиональный анализ может быть рассмотрен как двусторонний процесс, в основе которого лежит реализация произведения в сознании и восприятии читателя. Оценка авторского языка и стилистических возможностей текста должна способствовать развитию умений и навыков построения собственного высказывания, что является одной из важных задач процесса обучения иностранному языку.

Книги о Гарри Поттере – явление в современной литературе уникальное, вызвавшее восторг читателей и спорные отзывы критиков. Несомненно, что, прочитав с интересом первую книгу Дж. К. Ролинг, читательская аудитория, как детская, так и взрослая, с нетерпением ждала продолжения приключений Г. Поттера и его друзей. История про английского мальчика, попавшего в школу волшебства, стала одной из самых знаменитых книг тысячелетия.

Новая сказка, несмотря на то, что появилась в компьютерном веке, написана по основным за-

ФЕДОРОВСКАЯ Татьяна Николаевна – кандидат филологических наук, доцент по кафедре английского языка ВятГГУ
© Т. Н. Федоровская, 2004

конам жанра, с соблюдением традиционного противоборства сил добра и зла, наличием волшебных для формы закономерностей. Мир волшебства в книгах о Г. Поттере ошутим и близок к читателю. Это не таинственное и призрачное королевство за семью морями. Волшебство живет в реальном мире и открывается тем, кто готов поверить в фантазию Дж. К. Ролинг, сесть на волшебный поезд и уехать вместе с Г. Поттером.

Оценивая содержание и основные идеи авторской концепции, можно утверждать, что сказочная феерия о Г. Поттере реализует целый комплекс философских, нравственных, социальных и психологических проблем. Развитие сюжетной линии происходит в двух плоскостях (реальной и нереальной), которые отражают основные пространства бытия человека: семья, школа, друзья, враги, различные виды социальной активности. Автор не только описывает удивительные приключения Г. Поттера, но раскрывает процесс становления характера героя, не забывая при этом делать выводы и умеренно морализировать, что важно для детской литературы. Представленная модель действительности динамична, она реализует авторское эго, идеи, эмоции, концепты поведения, воспитания, и мироздания в целом. Оригинальность авторских идей не вызывает сомнения, однако смысловая интерпретация не может иметь завершенный характер, если не рассматривается собственно языковая форма произведения.

Целью данной работы не является детальный анализ языкового материала книг о Г. Поттере, предпринята лишь попытка выделить наиболее образные и характерные для авторского стиля элементы, которые придают динамизм и поэтическую окраску всему тексту. Восприятие любого произведения начинается с его формы, и именно графика текста служит одним из средств актуализации авторских идей. В книгах о Г. Поттере автором используются различные графические средства. К наиболее частотным можно отнести употребление курсива и капитализации. Автор не ограничивает себя в количественном употреблении данных форм, поэтому на одной странице может быть употреблено до 10 курсивов, включающих как отдельные слова, так и целые предложения, и 2-3 формы написания слов заглавными буквами.

Ег.: But Hagrid simply waved his hand and said, "About our world, I mean. Your world. My world. Yer parents' world."

What world?

Hagrid looked as if he was about to explode. DURSLEY! he boomed [p. 90].

Как курсив, так и капитализация, как правило, появляются в тексте в конструкциях повто-

ра, являющихся средством создания ритма и напряженности текста. Подобное взаимодействие усиливает эффективность употребленной автором формы и служит средством реализации авторского замысла, так как графика не самостоятельна и не может существовать вне идеи текста.

Графическая образность текста в книгах о Г. Поттере часто принимает фигурную форму, что является стилистически значимым и привлекающим для читателей.

Eg.: Hang on, I think, I remember him saying something about it, – said the other man. "Once – Or twice –!"

"A minute –"

"All summer –"

"Oh, shut up," – said Percy the Prefect [p. 96].

Графический уровень может быть рассмотрен как презентация фонетических явлений. В качестве иллюстративного примера подобного слияния может быть приведена аллитерация, которая создается в прозе Дж. К. Ролинг определенной поэтический ритм.

Eg.: A murmur ran through the crowd as Adrian Pucey dropped the Quaffle [p. 187].

Лексический уровень декодируемого текста реализует оригинальный авторский подход к созданию мира героев книги, наименованию реальных образов и фантастических объектов. В этом плане интерес представляют тематические группы слов, в которых знакомые формы и структуры приобретают, благодаря авторской фантазии, неожиданные значения. Так, для обучения в школе волшебства ученики должны иметь следующие учебные пособия:

The Standard Book of Spells (Grade 1)

A History of Magic

Magical Theory

A Beginners' Guide to Transfiguration

One Thousand Magic Herbs and Fungi

Magical Drafts and Potions [p. 66].

Образность языка, несомненно, создается употреблением стилистических фигур. Одним из самых интересных и любимых авторских средств выступает перифраз. Традиционно перифраз понимается как замена названия предмета описательным оборотом с указанием существенных признаков данного предмета. В книгах Дж. К. Ролинг перифраз имеет свои особенности, а именно выступает как имя собственное. Подобная презентация героев является средством создания атмосферы неопределенности, недоговоренности, волнующей и интригующей читателя. Интересно употребление перифраза типа «the boy who lived», «the man with two faces» в качестве заголовков глав.

В тексте автор через перифраз представляет одного из своих главных героев – злого и могущественного волшебника, имя которого не дол-

жно упоминаться по ходу развития сюжета до того момента, пока Гарри Поттер не победит его.

Eg.: After all, He-Who-Must-Not-Be-Named did great things-terrible, yes, but great [p. 85].

Перифразы, функционирующие в качестве имен героев, вариативны по структуре и могут быть представлены фразами типа «N + pr + N», существительным с определительным оборотом типа «N + clause» или двусоставным предложением по модели «S + P + O».

Eg.: Harry, everyone says, Dumbledore's the only one You-Know-Who was ever afraid of With Dumbledore around, You-Know-Who won't touch you [p. 260].

В тексте перифраз является своего рода украшением, как графическим, так и смысловым. Текстовая импликация позволяет читателю легко синтезировать максимум информации, заданной автором. Следовательно, реализация авторской идеи предполагает анализ текста как последовательности языковых элементов с определенной смысловой целостностью и структурной организацией.

Основным элементом текста, единым в отношении содержания и с определенной внутренней структурой, является сверхфразовое единство. Именно в пределах СФЕ достигается максимальный динамизм в синтаксической организации текста, в котором актуализированы собственно грамматические, лексические и фонетические средства.

Лингвостилистическая интерпретация является основой понимания текста и осмысления творчества автора. Однако исследовательская и профессиональная позиция должна быть активной, что предполагает не только умение проанализировать текст, но и определить оригинальные авторские способы и формы создания экспрессивности. Оценка стилистических возможностей языковых форм развивает навыки и умения строить свой собственный текст или высказывание. В данном случае важно научиться выделять структурно-упрощенную модель СФЕ, которая строится на основе компрессии и ощущения разнородных экспрессивных средств при сохранении членов предложения, входящих в модель S – P – O и необходимых для понимания высказывания. На основе оригинального авторского текста создается своего рода эллиптическая, лишенная экспрессивности модель текста. Графически в тексте предполагается пропуск отдельных стилистически маркированных форм.

Приведем в качестве примера следующее СФЕ: "Harry had never even imagined such a strange and splendid place. It was lit by thousands and thousands of candles that were floating in midair over four long tables, where the rest of the students were sitting. These tables were laid with glittering golden plates and goblets" [p. 116].

В семантическом плане СФЕ характеризуется определенной темой (описание торжественно украшенного зала). Синтаксическая структура текста проста, отсутствуют как сверхсложные предложения, так и эллиптические конструкции. Однако традиционная грамматическая форма отмечена экспрессивностью, которая достигается гармонией в употреблении разнородных языковых элементов. В целом язык поражает легкостью, ритмичностью и динамизмом.

Упрощенная модель вышеприведенного СФЕ может быть представлена следующим образом:

"Harry had never ... imagined such a ... and ... place. It was lit by ... and ... of candles that were ... in ... air over four long tables where the rest of the students were sitting. These tables were laid with plates and ...".

Реальное наполнение и восстановление текстовых эквивалентов возможно, во-первых, по анализу синтаксических отношений в предложении и, во-вторых, по описанию структуры, функций и достигаемого при употреблении опущенных стилистических средств эффекта.

Так, в первом предложении описывается роль интенсификатора к сказуемому и определительная группа, расширяющая смысловой объем структуры «such a place». Структурно значимым

явлением выступает аллитерация: «such a strange and splendid place».

Для второго предложения значимым является повтор, метафорическое значение сказуемого и особая возвышенная лексика. Все указанные явления, как и в первом предложении, имеют в качестве объединяющего элемента аллитерацию в словах «lit, candles, floating, four, long, tables».

В третьем предложении, помимо аллитерации («tables, laid, glittering, plates, goblets»), следует отметить особый выбор лексики («glitter, goblets»).

Подобный анализ может быть сделан после описания прагматической ценности и направленности текста. Умение выявить внутренние объективные закономерности текста и определить особенности стилистики автора позволяет говорить об оригинальности авторской позиции, его философии и языка.

Таким образом, процесс чтения и критического изучения языка писателя может быть рассмотрен как двусторонний процесс, в основе которого лежит реализация авторского произведения в сознании и восприятии читателя.

Примечания

1. Rowling, J. K. Harry Potter and the Sorcerer's Stone [Text] / J. K. Rowling. New York, 2002.

НОВЫЕ КНИГИ

Зайцева Анна Леонидовна
Свет и тени русского авангарда.
Онтология света в художественной культуре
раннего русского авангарда.
Киров: Изд-во ВятГГУ, 2004. – 69 с.

В книге рассматриваются аспекты функционирования световой символики в художественной культуре раннего авангарда. Работа построена на материале различных видов искусства (литературы, живописи, театра и др.) с привлечением творчества таких представителей культуры начала XX века, как В. Маяковский, В. Хлебников, А. Крученых, К. Малевич, М. Ларионов и др.

Предназначена для аспирантов и студентов гуманитарных вузов, а также для широкого круга читателей, интересующихся русской культурой первой трети XX века.

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

Е. Ю. Клепцова

РЕАЛИЗАЦИЯ УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА «ПСИХОЛОГИЯ ТЕРПИМОГО ОТНОШЕНИЯ» (НА МАТЕРИАЛЕ РАБОТЫ С МОЛОДЕЖЬЮ)*

В статье рассматриваются проблемы реализации учебно-методического комплекса «Психология терпимого отношения» на материале молодежных групп. Учебно-методический комплекс состоит из трех блоков: теоретического, диагностического, интерактивного.

Современное общественное сознание характеризуется нетерпимостью, озлобленностью, агрессивностью, ксенофобией и другими явлениями, что требует от каждого человека мобилизации внутренних сил и ресурсов противостояния им. Значимую роль в гуманизации отношений призвана сыграть терпимость, особенно в подростковом и юношеском возрасте, заявившем о себе как о критическом, переходном периоде в личностном развитии. Данные возрастные периоды чрезвычайно чувствительны к восприятию различных проявлений агрессивности, транслируемых в разных масштабах, начиная от средств массовой информации, кончая элементарной бытовой раздражительностью, несдержанностью, агрессивностью, нетерпимостью.

Нетерпимость, агрессивность становясь чертами личности, выступают препятствующим фактором нормативного развития личности. Часто агрессия выражается в деструктивном поведении, физическом и психологическом нападении, вандализме, наблюдается тенденция к саморазрушению: пьянству, наркомании и т. д.

С 2002 г. и по настоящее время на базе Вятского государственного гуманитарного университета проводится научное исследование, направленное на изучение терпимого отношения моло-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Минобразования России (конкурс «Проведение молодыми учеными исследований в ведущих научно-педагогических коллективах вузов и научных организаций Минобразования России»), шифр гранта: PD 02-3.16-54

КЛЕПЦОВА Елена Юрьевна – кандидат психологических наук, доцент по кафедре научных основ управления школой ВятГУ
© Е. Ю. Клепцова, 2004

дежи и профилактики агрессивных проявлений в молодежной среде, включающее в себя констатирующий и формирующий этапы. Констатирующий этап заключается в сборе эмпирического материала исследований разновидностей и своеобразия терпимого и агрессивного отношений молодежи к действительности. Формирующая часть исследования основывается на результатах констатирующего этапа и объединила в себе анализ, разработку, апробацию и внедрение обучающих программ, направленных на развитие терпимого отношения молодежи и профилактику агрессивных проявлений в молодежной среде, в частности, разработку, апробацию и внедрение учебно-методического комплекса «Психология терпимого отношения».

Проведенные нами исследования показывают тенденцию к увеличению агрессии на 68%, начиная с дошкольного и заканчивая юношеским или молодежным возрастом. Всего в исследовании приняли участие 5423 респондента в возрасте от 6 до 24 лет. Особый интерес представляют исследовательские данные молодежных групп. Сельская молодежь более терпима, чем городская. Статистические различия прослеживаются практически по всем изучаемым критериям: по отношению к себе, детям (тем, кто младше), родителям, одноклассникам (одноручникам), малознакомым (незнакомым) людям, учителям (преподавателям), друзьям, представителям других национальностей, религий, больным, а также к асоциальным явлениям действительности: людям, ведущим разгульный образ жизни, курящим, пьющим, наркоманам (токсикоманам), агрессии. Это доказывает необходимость введения в обучение молодежи высших, средних и средних специальных учебных заведений учебно-методического комплекса (УМК) «Психология терпимого отношения». УМК включает в себя учебную программу курса «Психология терпимого отношения», диагностический комплекс к программе «Психология терпимого отношения», учебную программу «Толерантность в управленческой деятельности», методические рекомендации к УМК «Психология терпимого отношения», методические рекомендации к проведению психологических тренингов для молодежи «Обуздание нетерпеливости: тренинг терпеливости», «Драконовы зубы враждебности: тренинг укрощения агрессивности», «Не говори «Да!», если хочешь сказать

Е. Ю. Клепцова. Реализация учебно-методического комплекса «Психология терпимого отношения»...

«Нет!»: тренинг ассертивного противостояния агрессии», рабочие тетради участников психологических тренингов, имеющие одноименные названия, рабочую тетрадь студента к дисциплине «Психология терпимого отношения», учебное пособие «Терпимое отношение к ребенку: психологическое содержание, диагностика, коррекция».

Проект был задуман с одной лишь целью: помочь начинающему или уже практикующему специалисту в той или иной сфере деятельности сохранить «человеческое в человеке» (Ю. А. Шрейдер). Познать себя и укрепить веру в свои силы, избавиться от неуверенности, научиться, когда необходимо, конструктивно, но твердо отказывать, говорить «нет», научиться выявлять барьеры, затруднения в профессиональном и личностном становлении, научиться уважать и любить себя, быть гордыми своими достижениями и поступками, терпимо относиться к собственным слабостям и слабостям окружающих, уважать свои границы, а также границы «иных», «чужих», «чуждых», избавиться от стереотипов сознания в отношении собственной личности и окружающих, научиться делать паузу между стимулом и реакцией, научиться «держаться удар», отвечать за свои действия, самостоятельно делать выбор, расширять возможности.

Главной целью УМК «Психология терпимого отношения» является развитие терпимого отношения молодежи. Данная цель реализуется конкретными задачами. Во-первых, *повышение чувствительности молодежи к идеям терпимости как гуманистической ценности*; во-вторых, *развитие позиции терпимого отношения на личностном уровне* (принятие собственной личности, осознание собственных психологических защит и эгоцентризма, эмпатическое отношение к себе и окружающим, ассертивное реагирование); в-третьих, *развитие способности к принятию (пониманию, эмпатии, ассертивности) и терпению (выдержка, самообладание, самоконтроль)*; в-четвертых, *оптимизация отношений с окружающими*.

Нами разводятся понятия «терпимость» и «толерантность». Под терпимостью нами понимается свойство личности, в котором выражается отношение человека к миру в целом, вещам, предметам, другим людям, их взглядам, к самому себе, актуализирующееся в ситуациях несовпадения взглядов, мнений, оценок, верований, поведения людей и т. п. и проявляющееся в повышении чувствительности (чувствительности) к объекту за счет задействования механизмов принятия (понимание, эмпатия, ассертивность) и терпения (выдержка, самообладание, самоконтроль).

Толерантность мы определяем как свойство личности, актуализирующееся в ситуациях несов-

падения взглядов, мнений, оценок, верований, поведения людей и т. п. и проявляющееся в снижении чувствительности к объекту за счет задействования механизмов терпения (выдержка, самообладание, самоконтроль).

Терпимость дихотомична нетерпимости. В основе толерантности лежит интеллектуальное убеждение, похожее на конвенциональную договоренность сторон о границах сосуществования. Терпимость как личностное образование характеризует поведение, базирующееся на усвоении аксиологических принципов ненасильственного взаимодействия. Толерантность, таким образом, является промежуточным этапом между терпимостью и нетерпимостью.

Терпимое отношение неотделимо от внутренней мотивации этой формы активности, так как терпимость предусматривает просоциальное поведение, ненасильственное взаимодействие, бескорыстные действия, не сулящие человеку внешних наград, одобрений, восхищений, поощрений, иначе говоря, терпимость непрагматична по определению и по своей природе.

За пределами терпимости оказываются формы помогающего поведения, в основании которых могут лежать: корыстный расчет, эгоизм, прагматизм, самореклама, практицизм, знаменитое воздержание и другие мотивы действий, связанные с соображением затрат и пользы от совершаемых поступков, например, альтруистический эгоизм Г. Селье. Подобные мотивы поведения лежат в основе толерантного и нетерпимого поведения.

Использование разработанного диагностического комплекса учебной дисциплины «Психология терпимого отношения» для диагностики терпимого отношения молодежи, проживающей в Вятке, позволило выявить и проанализировать индивидуально-типические особенности проявления терпимого, толерантного и нетерпимого отношения молодежи к окружающим. Всего было выделено 9 типов молодых людей, для которых характерны специфические формы выражения отношений к действительности (себе, детям, родителям, одноклассникам (одноручникам), малознакомым (незнакомым) людям, учителям (преподавателям), друзьям, представителям других национальностей, религий, больным, а также к асоциальным явлениям действительности: людям, ведущим разгульный образ жизни, курящим, пьющим, наркоманам (токсикоманам), агрессии), что дало основание каждому из них дать условное обозначение. Молодые люди с преобладанием пренебрежения как формы выражения нетерпимого отношения к реальности («Карабас Барабас») – 13%, молодые люди с преобладанием отстраненности как формы выражения нетерпимого отношения к реальности («Снегурочка») – 21%,

молодые люди с преобладанием импульсивности как формы выражения нетерпимого отношения к реальности («Соловей-разбойник») – 23%, молодые люди с преобладанием высокомерия как формы выражения толерантного отношения к реальности («Хозяйка Медной горы») – 9%, молодые люди с преобладанием терпеливости как формы выражения толерантного отношения к реальности («Кот в сапогах») – 7%, молодые люди с преобладанием беспомощности как формы выражения толерантного отношения к реальности («Пьеро») – 13%, молодые люди с преобладанием снисхождения как формы выражения терпимого отношения к реальности («Доктор Айболит») – 6%, молодые люди с преобладанием сотрудничества как формы выражения терпимого отношения к реальности («Золотая рыбка») – 5%, молодые люди с преобладанием уступчивости как формы выражения терпимого отношения к реальности («Крошечка-Хаврошечка») – 3%. Таким образом, в результате диагностики получены следующие результаты:

1. Выявлены уровни терпимого отношения молодежи к различным сторонам реальности, себе, детям, родителям, одноклассникам (одноручникам), малознакомым (незнакомым) людям, учителям (преподавателям); друзьям, представителям других национальностей, религий, больным, а также к субъектам с асоциальной направленностью: людям, ведущим разгульный образ жизни, курящим, пьющим, наркоманам (токсикоманам).

2. Выявлена преобладающая форма отношений молодежи: «снисхождение», «уступчивость», «сотрудничество», «высокомерие», «беспомощность», «терпеливость», «пренебрежение», «отстраненность», «импульсивность», а также эмоциональное отношение к субъектам реальности, определены и описаны типы молодежи.

Типы молодых людей позволили лучше ориентироваться в личностном профиле участвующих, подбирать различные комбинации упражнений и психологических этюдов для самостоятельной, индивидуальной и групповой работы с каждым участником формирующего эксперимента.

3. Описана экспресс-характеристика индивидуально-типических особенностей терпимых, толерантных, нетерпимых молодых людей.

Среди выявленных уровней терпимого отношения молодежи следует отметить оптимальный, соответствующий собственно терпимому отношению, ситуативный, несущий в себе характеристики толерантного отношения, и низкий, воплощающий в себе основания проявления нетерпимости. В целом молодые люди с оптимальным уровнем терпимого отношения – 14% – характеризуются в большей степени гиперсоциальными установками, выраженной готовностью помо-

гать, сотрудничать, сопереживать окружающим, гибкостью в контактах, эмоциональной устойчивостью, уравновешенностью, асертивностью во взаимодействии с детьми.

Молодые люди с низким уровнем терпимого отношения – 57% – характеризуются агрессивностью, раздражительностью, несдержанностью, вспыльчивостью, эгоцентризмом, невротичностью.

Молодые люди с ситуативным уровнем терпимого отношения – 29% – частично принимают людей, пытаются откорректировать, исправить недостатки, способны проявлять невыдержанность, нетерпение, агрессию, но в то же время в других случаях могут быть и терпеливыми, принимающими, эмпатичными, асертивными.

В соответствии с требованиями государственных образовательных стандартов второго поколения УМК «Психология терпимого отношения» может быть включен в региональный (вузовский) компонент либо в дисциплины по выбору студентов в полном виде или частично.

Данная модель может быть реализована в течение 198 часов. Это идеальный вариант. Однако возможны и другие варианты «раскасовки». В начале студентам предлагается прослушать теоретический материал спецкурсов «Психология терпимого отношения» (36 час.), «Толерантность в управленческой деятельности» (54 час.), который может быть внесен в учебные планы и прочитан на протяжении учебного года или локализован и проведен в течение семестра или месяца. Можно использовать также отдельные темы.

Далее после теоретического осмысления материала спецкурсов следует проводить тренинговые занятия: «Обуздание нетерпеливости: тренинг терпеливости» (36 час.), «Драконовы зубы враждебности: тренинг укрощения агрессивности» (36 час.), «Не говори «Да!», если хочешь сказать «Нет!»: тренинг асертивного противостояния агрессии» (36 час.).

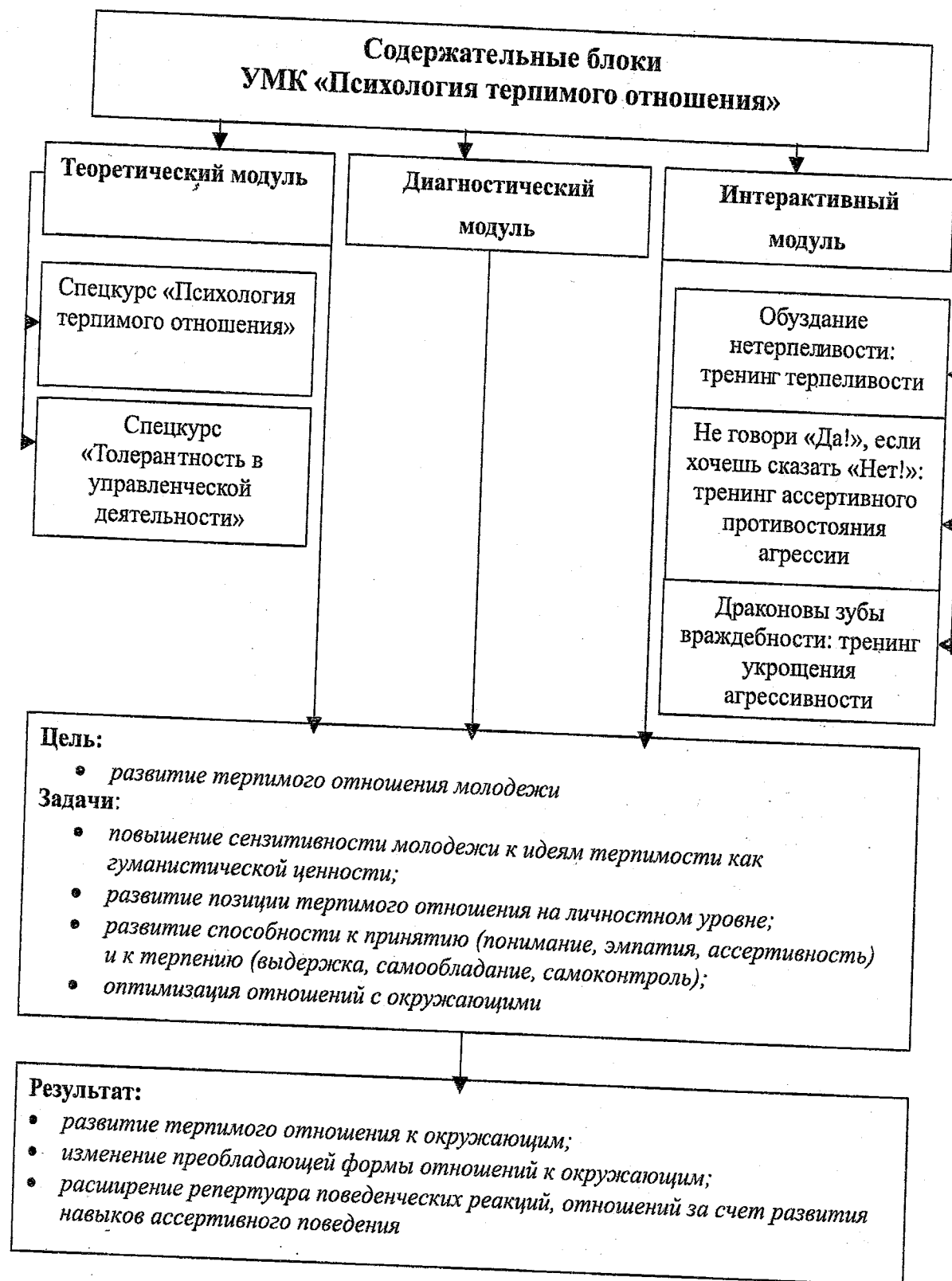
В идеальном варианте тренинги рассчитаны на 36 часов занятий, проводимых в интенсивном режиме, например в течение 3-4 дней. Конечно, возможен и иной режим занятий, например 2-4 часа в день, неделю, но эффективность от прохождения спецкурса и тренингов при интенсивном включении в содержание намного выше. Можно также использовать отдельные занятия тренинга как самостоятельные. Данная программа была нами апробирована на студентах кирово-чепецкого филиала ВятГУ, в ряде образовательных учреждений Волго-Вятского региона.

Содержательный аспект детального изложения учебно-методического комплекса (УМК) «Психология терпимого отношения» не представляется возможным в силу ограничивающих обстоятельств, так как достаточно широко варьируется сценарный план спецкурсов и тре-

нингов, который зависит от индивидуальных особенностей студентов, заявленных личностных проблем, возраста, уровня общей психологической грамотности и др. Потому содержание спецкурсов, факультативных занятий подразумевает учет данных факторов и гибкую

перестройку программы. Описанные ниже блоки могут интегрироваться, плавно переходить друг в друга.

Содержание УМК состоит из трех взаимовытекающих и взаимосвязанных модулей (см. схему).

Теоретический модуль. Первый модуль – теоретический – посвящен ознакомлению молодежи с основами психологии терпимого отношения и ориентирован на повышение сензитивности молодежи к идеям терпимости как гуманистической ценности. Он содержит краткий экскурс в историю человеческой мысли и отражает богатейшее философско-этическое наследие прошлого: идеи ненасилия, терпимости, добра первоисточков, пророков Израиля, Индии, Будды, Лаоцзы, Заратустры, греческих философов, русских православных мыслителей, идеи А. Н. Толстого, Н. К. Рериха, А. Швейцера и других; вводит студентов в особенности терпимого, толерантного, нетерпимого отношений, их своеобразие, динамику развития; знакомит со спецификой толерантного менеджмента. Содержательная насыщенность теоретического блока отражена в учебных программах спецкурсов «Психология терпимого отношения» и «Толерантность в управленческой деятельности».

Задачей этого модуля является подготовка молодежи к тому, чтобы несколько по-иному посмотреть на себя как на профессионала, на свои отношения с окружающими, одноклассниками, родителями, руководством и другими субъектами реальности – внутренне подготовиться к принятию позиции терпимого отношения. Теоретический модуль необходим для дальнейшего рассмотрения материала диагностического и интерактивного модулей.

Учитывая тот факт, что ВятГГУ, по традиции, остается педагогическим вузом, кроме того, будущие молодые специалисты – это потенциальные родители, считаем важным формирование понятий, связанных с особенностями толерантной педагогической позиции, своеобразием терпимого отношения к ребенку.

Диагностический модуль. После того, как ведущим спецкурса изложены основные теоретические аспекты спецкурсов «Психология терпимого отношения», «Толерантность в управленческой деятельности» и понятийный аппарат студентов обогащен необходимой информацией, следует перейти к диагностическому модулю.

Данный модуль, несомненно, важен, так как после теоретического рассмотрения вопросов спецкурсов актуальным следует считать диагностику некоторых личностных особенностей молодежи. Диагностика дает ориентировочную основу для мотивации проведения интерактивного модуля. Кроме того, диагностическая часть данного модуля необходима для построения своего индивидуального Я-образа, формирования впоследствии позиции терпимого отношения.

Этот этап программы важен как переходный от теоретического модуля к интерактивному, так как несет в себе необходимую информацию для

работы с агрессией, нетерпеливостью и формированием терпимого отношения. Уже в этот период начинают разрушаться привычные стереотипы оценок самооценивания, открываются неожиданные стороны «Я» другого.

Интерактивный модуль. Объединяет в себя проведение психологических тренингов: «Обуздание нетерпеливости: тренинг терпеливости», «Не говори «Да!», если хочешь сказать «Нет!»: тренинг асертивного противостояния агрессии», «Драконы зубы: тренинг укрощения агрессивности».

Основным методом проведения занятий интерактивного модуля является психологический тренинг, на котором могут быть использованы следующие формы работы: мини-лекции, дискуссии, психологические этюды, упражнения, игры, рефлексия опыта «здесь и теперь», видеозапись и ее анализ, интеллектуальный тренинг, целенаправленное создание групповых ритуалов и т. д.

Нами были подобраны различные упражнения из арт-терапии, гештальтпсихологии, психосинтеза, экзистенциальной, гуманистической психологии, оригинальные авторские разработки и др., которые помогают раскрыть, осознать и проработать проблематику заявленных тренингов.

Количественный состав группы: оптимальное количество до 20 человек.

Значительная часть этого модуля отводится принятию позиции терпимости молодежью (принятие собственной личности, осознание психологических защит и уровня собственного эгоцентризма, эмпатическое отношение к себе и окружающим, асертивное реагирование).

Часть времени в данном модуле посвящена осознанию и принятию участниками некоторых своих личностных особенностей, осознанию своих психологических защит и уровня собственного эгоцентризма. В данный этап включены упражнения на осознание сильных и слабых сторон своей личности, своих переживаний, мыслей, привычных способов поведения. Задача ведущего заключается в том, чтобы помочь молодому человеку понять, с чем он себя идентифицирует, осознать, что уходит в область «тени», наконец, сделать неприемлемое – непринимаемое достоянием собственной личности. Особенно способствует этому осознание привычных способов поведения и общения, анализ собственных ошибок, развитие коммуникативных, перцептивных и интерактивных навыков асертивного взаимодействия, обучение элементам саногенного мышления, противостояния агрессии.

Часть упражнений тренинговых занятий включает в себя приобретение терпимости: развитие терпения (выдержка, самообладание, самоконтроль) и развитие принятия (понимание, эмпатия, асертивность). На этом этапе основной упор делается на упражнения из арсенала НЛП и

Н. А. Низовских

ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЖИЗНЕННЫХ ОРИЕНТАЦИЙ В ИССЛЕДОВАНИИ РОССИЙСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ*

Обосновывается возможность применения психосемантического подхода в исследовании ментальности. Приводятся и обсуждаются с позиции особенностей российской ментальности результаты психосемантического анализа жизненных ориентаций женской разновозрастной студенческой (педагогического профиля) группы, выявленных методом ретроспективной анкеты установок.

Отечественные исследователи все чаще обращаются к проблемам российской ментальности [1], [2], [3], что, по всей вероятности, связано с новым временем в истории России и вновь возникшей общественной необходимостью в осознании национального менталитета. Впервые стремление к выделению и описанию особенностей национального характера возникло в отечественных науках о человеке в середине XIX в., когда «народность» была провозглашена официальным правительственным курсом, а «народничество» стало лозунгом оппозиции [4]. Среди исследователей русской ментальности – крупнейшие мыслители XIX и XX вв.: Н. А. Бердяев, К. А. Кавелин, В. О. Ключевский, А. Ф. Кони, Н. И. Костомаров, Н. О. Лосский, А. А. Потембин, А. Н. Пыпин, Д. А. Ровинский, Ю. Ф. Самарин, В. Соловьев, Г. Г. Шпет и др. Под национальным характером и народной душой подразумевались, главным образом, установки, ценности, верования, общие для всех членов общества. В понятие «народная душа» часто включали и язык, являющийся родным для представителей данной нации, а также наиболее распространенные мифы, легенды, пословицы, традиции [5]. Практически все отечественные исследователи сходились в описании структуры самобытного русского характера, трактуя по-разному значение и происхождение отдельных его качеств. Как указывает Т. Д. Марцинковская, логика научных исследований российской ментальности неоднократно нарушалась вмешательствами социальных ситуаций, и современной науке необходимо вернуть полноту и объективность решения актуального и в настоящее время вопроса о структуре русского менталитета.

* Исследования проводятся при поддержке Министерства образования РФ: грант № 183-33 (раздел 06 02 281 216)

НИЗОВСКИХ Нина Аркадьевна – кандидат психологических наук, доцент по кафедре практической психологии ВятГГУ
© Н. А. Низовских, 2004

трансактного анализа, которые позволяют ярче осознать неконструктивные способы общения и агрессивного поведения. Осознание молодежью своих эго-состояний, способность «услышать» и «Ребенка», и «Взрослого», и «Родителя» как во внутреннем диалоге, так и во внешних коммуникациях расширяет сферу возможностей, меняет отношение к людям. Значительная часть упражнений посвящена принятию окружающих (понимание, эмпатия, асертивность) и терпению (выдержка, самообладание, самоконтроль).

Юноши знакомятся с выражением асертивного поведения, особый уклон приобретает знакомство и выполнение упражнений на эмоциональную асертивность, сензитивность при сопровождении постоянной вербализованной рефлексии, обогащенной процессами обратной связи с участниками.

Нами разработаны методическое руководство по проведению спецкурсов и психологических тренингов и «Рабочая тетрадь участника психологического тренинга». Детальное описание психологических тренингов изложено в методических рекомендациях по проведению тренингов, имеющих одноименное название. Основная цель методических рекомендаций – помочь психологам, педагогам организовать и провести психологический тренинг с молодыми людьми, поделиться опытом методической работы, «погрузить» ведущего тренинга в методическое пространство теоретических подходов, на базе которых создавался практический материал. Рабочая тетрадь может рассматриваться как вариант обобщения практического опыта подготовки учебно-методических разработок тренинговых занятий.

Целью разработки и применения «Рабочей тетради» является обеспечение возможности более вдумчивого подхода к рассматриваемым вопросам, углубление представлений о проблематике излагаемых тем, содействие интенсификации обучения. Кроме того, «Рабочая тетрадь» выполняет психотерапевтическую функцию, так как согласно данным возрастных психологов подростковый и особенно юношеский возрасты характеризуются потребностью в понимании, но в то же время и потребностями в уединении и обособлении. Поэтому крайне актуальным и своевременным считаем введение «Рабочих тетрадей» в обучение, которые выполняют также функции личных дневников.

Таким образом, профилактикой агрессивности в молодежной среде могут служить различные обучающие программы в том числе, программы формирования терпимого отношения молодежи к различным субъектам действительности, что в принципе подтвердило проведенное нами исследование.

Понятие «менталитет» применяется в современной психологии для выделения особых явлений в сфере сознания, которые в той или иной общественной среде характеризуют ее отличия от других общностей. А. В. Петровский, определяя менталитет как «совокупность принятых и в основном одобряемых определенным обществом взглядов, мнений, стереотипов, форм и способов поведения, которая отличает его от других человеческих общностей», полагает, что менталитет не закреплен в материализованных продуктах, имеет наднациональный характер, действует на бессознательном уровне и поэтому, войдя в структуру индивидуального сознания, с большим трудом поддается рефлексии [6]. О трудностях исследования структуры национального характера (национальной идентичности) писал Э. Эрикссон [7], избрав в качестве метода собственной работы в этом направлении анализ биографий выдающихся личностей и анализ случаев психоаналитической практики.

Мы полагаем, что, благодаря языковым носителям ментальности, возможен психосемантический подход к ее изучению, в частности, представляется полезным путь психосемантического анализа жизненных ориентаций личности. Ориентированность – важнейшая потребность и характеристика человека – была выделена Э. Фроммом [8]; на нее указывали В. Франкл [9]; А. Н. Леонтьев [10], М. К. Мамардашвили [11]. Система жизненных ориентаций как *совокупность ценностей, интегрированных личностью применительно к собственной жизни*, позволяет человеку определиться в мире, в пространстве и времени жизни, в направлениях и способах организации жизнедеятельности и саморазвития [12].

Особая актуальность исследования ориентаций связана с представлениями о том, что ценностные ориентиры в современном мире кардинальным образом изменяются. Р. Мэй, к примеру, пишет: «Сегодняшние студенты родились в то время, когда поставлены под угрозу или полностью утеряны практически все ориентиры, например: в сексе, браке, религии» [13]. Западные ценности ориентированы «не на систематический труд и достижение социального и материального успеха в жизни, не на отсроченное подкрепление, а на личное счастье и удовлетворенность жизнью в настоящий момент» [14].

Постановка задачи содержательного анализа жизненных ориентаций требует вычленения таких психологических форм, посредством которых жизненные ориентации становятся «внутренней частью самой личности» (А. С. Выготский) и вместе с тем доступны для анализа. Одной из таких психологических форм являются *принципы* личности, содержание которых в своей совокупности выступает как жизненная философия, идеоло-

гия человека. И. Кант придавал принципам значение «стержня человеческого характера», содействующего достижению мудрости [15]. Представленная в личных правилах «житийская» мудрость, по мнению В. П. Зинченко и Ю. М. Жукова, является составной частью общечеловеческой культуры и как всякая составляющая культурного наследия нуждается в изучении и систематизации. Психологическим субстратом жизненных принципов являются развернутые речевые высказывания, что, собственно, и создает возможность их психосемантического анализа, поскольку именно развернутое высказывание, а не отдельное слово «обладает значением» (Л. Витгенштейн).

Методика и организация эксперимента

Психосемантическое исследование жизненных ориентаций проводилось с помощью авторского метода ретроспективной анкеты установок, в которой испытуемым предлагается записать принципы (правила) своей жизни, указать приблизительно возраст, в котором было сформулировано каждое правило, отметить источник его получения, оценить следование этому правилу в реальной жизни по десятибалльной системе. Впервые исследование было проведено в 1992–1994 гг. на факультете дошкольного воспитания Вятского государственного гуманитарного университета (в то время – пединститута). Второй раз исследование было предпринято в 1998–2002 гг. также на педагогическом факультете ВятГУ (табл. 1).

Таблица 1
Характеристика исследуемой выборки

Количество испытуемых		Возрастной состав	
1992–1994 гг.	1998–2002 гг.	1992–1994 гг.	1998–2002 гг.
496	496*	17–45 лет	17–43 лет

* Во втором исследовании в анкетировании участвовало 528 человек, но для того чтобы сравнить выборки, 32 анкеты, относящиеся к 1998 г., были изъяты (случайным образом). Были изъяты и несколько анкет, заполненных студентами мужского пола.

Общее количество участников анкетирования – 992, все испытуемые женского пола. Эксперимент проводился в групповой форме, заполнение анкет длилось в среднем 15–20 минут.

Результаты и их обсуждение

В собранных анкетах в общей сложности содержалось 8716 суждений – принципов жизни испытуемых. Представим распределение данного массива ценностей по годам исследования (см. табл. 2).

При классификации суждений в массивах ценностей в первом исследовании выделилось семь, а во втором исследовании восемь разделов. (Восьмой раздел массива ценностей во втором исследовании представлен принципами, выража-

ющими отношение испытуемых к свободе, справедливости, красоте и вере. В первом исследовании подобного рода суждений в чистом виде не встретилось.) (Табл. 3.)

Внутри каждого из полученных разделов выделялись инварианты ценностных суждений: идентичные или очень близкие по смыслу суждения объединялись в группы. К примеру, в исследовании 1992–1994 гг. суждение «хорошо (старатель-

но, прилежно, как можно лучше) учиться» встретилось в анкетах 70 раз, а в исследовании 1998–2002 гг. – 75 раз.

В результате содержательного анализа ценностных суждений была получена система базисных биполярных (содержащих в себе оппозицию ценностных суждений) и униполярных (не содержащих внутренней оппозиции) конструктов (табл. 4).

Распределение ценностных суждений по годам исследования

Количество анкет		Общее количество ценностных суждений		Количество суждений в одной анкете	
1992–1994 гг.	1998–2002 гг.	1992–1994 гг.	1998–2002 гг.	1992–1994 гг.	1998–2002 гг.
496	496	4407	4309	от 3 до 20	от 2 до 18

Таблица 2

Распределение ценностных суждений по разделам

№ п/п	Название раздела	Кол-во суждений (% к общему числу)	
		1992–1994 гг.	1998–2002 гг.
1	Отношение к себе	1364 (30,95)	1263 (29,31)
2	Отношение к другим людям, в т.ч.:	2166 (49,15)	2068 (47,99)
	2.1. Отношение к другому человеку	1038 (23,55)	1009 (23,42)
	2.2. Мораль, нравственность	448 (10,17)	348 (8,08)
	2.3. Отношение к родителям, родным, близким	475 (10,78)	475 (10,95)
	2.4. Любовь, замужество, мужчины	205 (4,65)	239 (5,54)
3	Отношение к учению и труду, в т.ч.:	531 (12,05)	569 (13,20)
	3.1. Учение, образованность, ум	286 (6,49)	302 (7,01)
	3.2. Отношение к труду	141 (3,20)	135 (3,13)
	3.3. Общая культура, интересы, увлечения	52 (1,18)	62 (1,44)
	3.4. Профессия	52 (1,18)	70 (1,62)
4	Отношение к жизни	282 (6,40)	328 (7,61)
5	Отношение к природе	29 (0,66)	31 (0,72)
6	Отношение к Богу, религии	28 (0,64)	22 (0,51)
7	Отношение к Родине	7 (0,16)	2 (0,05)
8	Отношение к свободе, справедливости, красоте, вере	–	8 (0,19)
	Конструкты с неопределенным смыслом	–	18 (0,42)
	Всего:	4407 (100)	4309 (100)

Таблица 3

Количество и вид базисных конструктов по годам исследования

Исследование	Конструкты	Количество базисных конструктов	В том числе:	
			Биполярные конструкты	Униполярные конструкты
1992–1994 гг.		65	36	29
1998–2002 гг.		70	40	30

Следует принять во внимание то, что количество базисных конструкторов могло быть иным за счет дробления некоторых конструкторов на более мелкие или, напротив, за счет объединения некоторых «маломощных» конструкторов.

Отношение к себе

От первого ко второму исследованию усилилась ориентация испытуемых на проявление активности, целеустремленности, стремления к достижениям (65/13; 98/7) (цифры в скобках обозначают количество суждений в соответствующих конструкторах по годам исследования. Если конструкторы биполярны, как в данном примере, то приводятся цифры, разделенные слэшем, что отражает количество суждений в «полюсах» конструктора). В этом конструкторе появилось суждение «найти свое место в жизни», тогда как в первом исследовании представлена ценность «не стремиться завоевать место в обществе». Почти в одинаковых пропорциях и в первом, и во втором исследованиях представлены ценности «быть самостоятельной, жить своим умом, иметь свое мнение» (106/18; 93/18) и «быть сильной, уверенной в себе, во всем полагаться на себя» (116/2). Значительно возросло количество суждений, отражающих ориентации испытуемых на аутентичность и самооценку (86/16; 123/27). Новыми здесь явились ценности «любить себя» и «уметь показать (проявить) себя», причем принцип «любить себя» во втором исследовании сформулировали 30 (!) испытуемых, тогда как в первом исследовании было только одно суждение подобного рода («Всегда люби себя и жалея»). Вероятно, это стало реакцией на снятие табуирования личности в обществе: чтобы любить ближнего как самого себя, постсоветский человек должен научиться любить себя как ближнего своего. Крайним проявлением «любви» к себе выступает жизненный принцип одной из испытуемых: «люби себя, чихай на всех, и в жизни ждет тебя успех». Конечно, единичные суждения не дают оснований для того, чтобы делать окончательные выводы, но сама по себе тенденция интересна и заслуживает внимания.

Значимы для испытуемых организованность и рациональное использование времени (133/1; 134/2). М. К. Мамардашвили полагал, что «человеческое существо в той мере человечно, в какой оно ведет себя как существо цейтнота» [16]. Более выраженной во втором исследовании стала ориентация на то, чтобы «быть реалистичной, осторожной, не рисковать, учиться на ошибках» (57/13; 95/4).

Сохранилось стремление испытуемых к познанию и совершенствованию себя (32/6; 44/1), и несколько уменьшилась ориентация испытуемых на проявление сдержанности (117/4; 65/5), скромности (48/3; 38), женственности (24/1; 8/1), це-

ломудренности (34/2; 9/2). Снизился удельный вес суждений, отражающих стремление быть красивыми и иметь безупречный внешний вид (55/3; 35/3). И в первом, и во втором исследованиях выявлено значительное количество правил, содержащих требования опрятности и аккуратности (156; 94/1). Следует признать, что, проводя первое исследование, мы проявляли некоторое пренебрежение к данным принципам испытуемых. Вот есть высокие вещи — быть активной, целеустремленной и т. д., полагали мы, а опрятность и аккуратность — это «женские» обыденные штучки. Со временем стало ясно, что за чистотой, опрятностью, порядком стоят какие-то совершенно «экзистенциальные» вещи: гармония, смысл, свобода и др. Показательны в этом отношении следующие суждения испытуемых: «порядок в доме — порядок в душе», «порядок в доме — порядок в жизни». Апулей, к примеру, говорил, что «нет ничего более противоречащего облику человека свободного и благородного, чем неопрятный рот» и что «если бы кто-нибудь решил произнести речь небесполезную и не лишенную приятности, то, естественно, предварительно прополоскал бы свой рот, как кубок для хорошего напитка» [17]. Стремление к поддержанию чистоты и порядка, по мысли М. К. Мамардашвили, «в малости своей содержит всю картину особого отношения человека к самому себе. Ненавидит ли он в себе человеческий облик или способен жить в мире с ним, делая хоть пять сантиметров вокруг себя осмысленными и достойными жизни» [18].

Значимо усилилась установка испытуемых на сохранение здоровья и поддержание здорового образа жизни (103; 146).

Отношение к другим людям

Отношение к другим людям содержится почти в каждом втором жизненном принципе, сформулированном испытуемыми (49,15 и 47,99% соответственно). Сравним: отношение к себе выражено примерно в третьей части массивов ценностных суждений (30,95 и 29,31%).

Наиболее обобщенное отношение к другому представлено ценностями: «видеть в другом человека», уважать проявления его индивидуальности, не оценивать по внешности, считать главным в человеке его внутренний мир, душу, видеть в людях хорошее. Противоположны такому светлому взгляду утверждения о том, что все люди эгоистичны и нечестны. Данный конструктор остался неизменным не только содержательно, но и в количественном отношении (54/5; 51/3).

Следующий конструктор содержит оппозицию ценностей «верить — не верить людям», причем соотношение позиций веры и недоверия по отношению к другому человеку отнюдь не в пользу первой (10/123; 6/120). Проблема доверия в от-

ношениях является одной из главных в жизни современного человека. Э. Шостром ассоциирует недоверие по отношению к людям с цинизмом и приписывает его манипуляторам, тогда как доверие считает атрибутом жизненной позиции актуализатора [19]. Р. Мэй недоверие между людьми признает необходимым, подчеркивая, что отсутствие способности испытывать «подозрение» или «недоверие» следует рассматривать как трагическую слабость характера, поскольку данная способность нужна «для понимания как нашего современного мира, так и внутреннего демонического мира человека» [20].

Позиция недоверия по отношению к другому может вступать в противоречие с конструктором, предписывающим в отношении к другим людям любовь и добро, который является одним из самых мощных по количеству составляющих его суждений (259/8; 241/21), и если присоединить к нему следующий конструктор, содержащий требование не делать и не желать людям плохого, не обижать их (95/1; 73/3), то мы получим наиболее выраженную ориентацию наших испытуемых.

Значимо представлены ценности общительности (98/8; 104/8), воспитанности, хороших манер (115; 134). Другие императивы в сфере общения представлены требованиями терпимости (143/10; 108/12), стремлением к дружеским отношениям (108/1; 114/11). Заслуживает внимания то, что количество суждений, предписывающих терпимость и умение прощать, уменьшилось во втором исследовании почти на треть. Несколько более выраженным во втором исследовании стало критическое отношение к дружбе, представленное суждениями «не вполне доверяй друзьям», «не имей близких подруг», «друзей нет, есть лишь одни попутчики». Количество суждений, задающих морально-нравственные ориентиры во втором исследовании, значительно уменьшилось: если в первом исследовании такие суждения в общем массиве ценностей составляли 10,17%, то во втором исследовании — только 8,08% (см. табл. 3), и это самое существенное снижение удельного веса конкретной группы ценностей.

Отношение к родителям, родным, близким

Ценности любви и уважения к родителям, старшим, близким, родным составляют второй по «мощности» конструктор после ценностей быть добрым, творить добро, не делать людям зла. Видна органическая связь этих двух больших групп ценностей: нельзя любить все человечество, если ты не умеешь (тебе не дано, не случилось в твоей жизни) любить близких. Чуть более заметными во втором исследовании стали оппозиционные принципы: «не доверять маме», «реже встречаться с папой» (в случаях нарушения отношений) и даже «ляйца курицу учат», что звучит весьма префигуративно (М. Мид).

Остались неизменными объем и содержание жизненных принципов, определяющих ценность собственной семьи, установки в отношении к мужу, детям. Ведение домашнего хозяйства сводится к ценностям «быть хорошей (умелой, бережливой, практичной) хозяйкой; заботиться о материальном благополучии семьи» в противовес единичным суждениям «бросить хозяйство, пожить для себя» и «не проводить много времени на кухне» (51/1; 40/1). Представляется, что некоторая «поэтизация» быта необходима российскому сознанию, поскольку в устройстве человеком своей жизни также можно усмотреть проявление истинно человеческого [21].

Любовь, замужество, мужчины

Общее количество ценностных суждений, выражающих отношение испытуемых к любви, замужеству и мужчинам, во втором исследовании в сравнении с первым увеличилось (см. табл. 3). Содержательно ценностные суждения, входящие в данный конструктор, остались примерно теми же, хотя обнаружилось и некоторые «новые» мотивы. Так, во втором исследовании встретились следующие суждения: «любви все возрасты покорны»; «не влюбляться», «любить себя, а не мужчину», «не связываться с женатыми», «при выходе замуж даже по любви должен быть расчет». Возросло количество суждений, выражающих обобщенное отношение к мужчинам; причем данный конструктор приобрел биполярность и наряду с негативным отношением («все мужчины одинаковы», «мужчины — наши враги» и т. п.) высветился и позитивный взгляд: мужчины не перевелись на белом свете, их нужно уважать, им можно доверять, а вот понять до конца вряд ли возможно — они другие. Испытуемые ориентированы на то, чтобы понравиться мужчинам, произвести на них впечатление, вызвать их любовь. Для этого необходимо быть интересной, привлекательной, загадочной, делать все, чтобы любимому было хорошо (накормить его, лечь с ним в постель), при этом быть снисходительной и великодушной к его слабостям, и только глупых мужчин следует презирать.

Учение, образованность, ум

Количество суждений, предписывающих испытуемым учиться, получить образование, во втором исследовании увеличилось с 210 до 282, тогда как количество суждений, связанных с достижением образованности и развитием интеллекта, заметно снизилось (55/17) и (20/3). Возможно, это отражает сложившуюся в последние годы тенденцию получения диплома ради диплома. О своеобразном понимании значения образования в жизни современной женщины свидетельствуют суждения типа: «Образование поважнее замужества»; «Без образования ты никто. Не получишь — будешь в поюлке рыться». Вместе с тем можно предположить,

что для некоторых испытуемых «учиться», «хорошо (старательно) учиться», «получить образование» одновременно означает и «расширять свои знания», и «развивать интеллект».

Отношение к труду

Преобладающими ориентациями являются любовь и уважение к труду, стремление добиваться всего трудом, не лениться. Менее выражена потребность в творческом труде. Не выявилась в суждениях испытуемых значимость продуктивности труда. Интересно, что импульсивность, лень, неумение постоянно и организованно трудиться многими исследователями середины XIX в. назывались в числе недостатков русского характера [22]. Эти характеристики, в какой-то мере, имели отношение и к умственному труду русского человека. Ученые XIX в. отмечали неспособность русского ума к рациональному мышлению, которая, в свою очередь, приводила его к неспособности остановиться на чем-то определенном и довести начатое дело или начатое размышление до конца. Академик Бер писал, что в России всегда только сеют, но не могут снять урожай, поэтому ее судьба – вечно колебаться и бессознательно переходить от одной формы жизни к другой [Цит. по: 23].

Общая культура, интересы, увлечения

Ценности общего культурного развития, связанные с интересами и увлечениями, представлены в каждом из исследовательских срезов примерно одинаковым количеством суждений, сходных по содержанию (51/1; 61/1). Различие состоит в том, что если в первом исследовании выделялась обобщенная ценность «быть культурной, развиваться эстетически» в оппозиции к ценности «нежелание читать художественную литературу», то во втором исследовании обнаружилась ценность «уметь отдыхать, развлекаться» в противовес ценности «не тратить много времени на развлечения».

Профессия

Отношение к профессии укладывается в первом исследовании в идеи «выбрать профессию по душе» и «получить профессию педагога»; во втором исследовании наряду с данными принципами выдвигаются такие «принципиальные» задачи, как «найти свое дело» и «найти работу», причем для одних это работа по специальности, для других – дополнительная работа, для третьих – хорошо оплачиваемая работа. Новыми стали конструкты «сменить работу», «сделать карьеру», что отражает трудности, с которыми столкнулись современные педагоги. Общее количество суждений, выражающих отношение к профессии, возросло (19 суждений в первом и 43 – во втором исследованиях). Стать хорошим специалистом, поддерживать профессиональное мастерство, видеть в ребенке личность важно для испытуемых и первой,

и второй выборки. Еще одна новая интонация второго среза заключается в суждении «прежде чем быть педагогом, быть человеком».

Отношение к жизни

В отношении к жизни преобладает оптимистическая позиция. Причем количество оптимистических утверждений во втором исследовании существенно возросло (от 118 до 156/1), тогда как количество реалистических (112; 115/6) и пессимистических (11; 11) установок осталось примерно тем же. Появление во втором исследовании 18 суждений «все будет хорошо» можно, вероятно, трактовать и как реакцию на ухудшение жизни. Выделились следующие типы отношения испытуемых к жизни: жизнь прекрасная; жизнь-ценность; жизнь-игра; жизнь-источник наслаждений; жизнь как жизнь; жизнь-труд; жизнь-строительство; жизнь-борьба; жизнь пустая, жестокая шутка; жизнь-джунгли.

Контроль за обстоятельствами жизни наибольшая часть испытуемых приписывает себе; некоторые испытуемые разделяют фаталистические воззрения. Так, в первом исследовании позиция «моя жизнь, мое счастье зависят от меня» представлена 21 суждением; позиция «наша жизнь зависит от обстоятельств, от судьбы никуда не деться» – 7 суждениями; и одна установка выражает «центристскую» позицию: есть судьба, но иногда она подвержена изменению человеком. Во втором исследовании идея о том, что «человек сам творит свое счастье, жизнь и судьбу» выражена в 17 принципах; «фаталистических» принципов – четыре; центристский – один: «многое зависит в жизни не от нас, но изменить это многое в наших силах». Отношение к времени жизни и в первом, и во втором исследованиях сводится к следующему: всему свое время, надо уметь ждать; все течет, все изменяется; все проходит (причем суждение «время – лучший лекарь» противостоит суждению «время никогда не лечит»); не жалеть о прошлом, ценить то, что имеешь сейчас.

Смысл жизни, главное в ней испытуемые преимущественно видят в любви, семье, детях, работе, но не в деньгах: такие ориентации представлены в 38 суждениях первого исследования и в 33 суждениях второго исследования. Можно сказать, что на уровне «знаемых» ценностей наши испытуемые в большей степени ориентированы на то, чтобы «быть», а не «иметь» (Э. Фромм). Но мы понимаем, что такое заключение достаточно условно: можно иметь и любовь, и дружбу, и семью, и при этом не уметь (не мочь) «быть». Установка «счастье не в деньгах, а в их количестве (пусть их будет больше)» встречается три раза в первом исследовании, а во втором исследовании два суждения о том, что «без денег счастья не построишь» и «деньги – это главное». В рыночном обществе отношения людей в значительной степени регулируются посредством

денег. Деньги приобретают особую ценность, становятся одним из основных мотиваторов поведения. Вспомним хотя бы выражение «Время – деньги». Но идея о значимости духовных ценностей постепенно возвращается в мир. Так, Р. Мэй пишет о том, что «многие из представителей нового поколения начинают сами понимать, что «движения духа» имеют большую ценность, нежели материальные блага, унаследованные от родителей» [24]. Новые темы о «главном в жизни» представлены во втором исследовании следующими суждениями: «уважать и любить себя – главное в жизни», «главное в жизни – сама жизнь», «человек приходит в этот мир, чтобы выполнить свою задачу». Вычленение себя из жизни в качестве «фигур» рефлексивной деятельности (пусть и в единичных суждениях) само по себе показательное для характеристики тенденций развития ментальности современной женщины.

Отношение к природе

Отношение испытуемых к природе и животным и в первом, и во втором исследованиях сводится к позициям любви, бережного отношения и заботы. (Сравним данный конструкт с установкой 30-х гг.: «Нам нельзя ждать милостей от природы, взять их у нее – вот наша задача».) Три суждения первого исследования отражают ценность любования природой и наблюдения за ее жизнью, и одно суждение выражает ориентацию на жизнь в единении с природой: «нужно жить в единстве с природой, мы ее дети, она наша мать, она живая, и нужно общаться с ней». Такое соотношение ценностей отражает преобладание «экологического» взгляда современного человека на природу по сравнению с эстетическим и натуралистическим. Незначительное количество суждений (0,66 и 0,72%) от общего количества ценностных суждений в первом и во втором исследованиях может свидетельствовать о все еще продолжающемся «выпадении» современного человека из природы. М. Воловикова и А. Трофимов справедливо пишут о том, что «многие годы люди верили в свое право распоряжаться природой, которая призвана, как они считали, кормить, одевать, ублажать <...> Но сейчас как никогда становится ясно, что, отходя от природы и разрушая ее, человек разрушает самого себя, отрываясь от корней, питающих его» [25].

Отношение к Родине

Отношение к Родине укладывается в конструкт «любить Родину, гордиться ею; видеть ее красоту, быть патриотом своего края». Как видим, здесь нет идеи труда на благо Отечества, нет ориентации на законопослушание, поддержку правительства. Количество жизненных принципов, отражающих отношение к Родине, сократилось до двух (!), и во втором исследовании уже не представлены ценности «гордиться Родиной», «видеть ее кра-

соту». Один из двух принципов во втором исследовании провозглашает задачу «помогать Родине по своим силам», как если бы она была в опасности или испытывала серьезные затруднения.

Полученная система конструктов была подвергнута дальнейшему обобщению и последующей интерпретации. Обобщение проводилось как объединение близких по смыслу базисных конструктов в новые, еще более «мощные». Интерпретация была нацелена на понимание особенностей жизненных ориентаций испытуемых, представленных в данных конструктах (см. табл. 5).

Мы видим, что иерархии ориентаций и в первом, и во втором исследованиях возглавляют ценности уважения, любви и доброты по отношению к окружающим людям, родным и близким. Данный результат может служить подтверждением тому, что *любовь и доброта остаются важнейшими устремлениями российской женщины*. Доброту, чувствительность и отзывчивость русских людей практически все исследователи XIX в. считали главным положительным качеством, придающим России ее очарование, снимающим или хотя бы смягчающим ее отрицательные качества [26]. Среди положительных качеств русских назывались также их сердечность, открытость, бесребреничество, предпочтение духовных благ земным, материальным. Причем некоторые исследователи напрямую связывали чувствительность и сердечность русских с их оторванностью от быта. Т. Д. Марцинковская пишет о том, что «одно из самых непривлекательных свойств русской ментальности – низкий уровень культуры, жизни, быта – стало основой главного положительного качества – отзывчивости, чувствительности, доброты и даже мечтательности русских» [27]. К. Д. Кавелин говорил о том, что обратной стороной сердечности и доброты является у русских недооценка разума, неумение правильно оценить поступок другого человека, отсутствие правового сознания [Цит. по: 28]. М. К. Мамардашвили считал, что доброта русского человека является результатом многовекового рабства народа [29]. Заслуживает внимания тот факт, что во втором исследовании количество суждений, выражающих отношение уважения и любви к близким, стало преобладать в сравнении с количеством суждений, выражающих требование уважения и любви к людям вообще. Здесь, вероятно, действует следующая закономерность: чем труднее социально-экономические условия, тем более выраженной становится потребность человека в сплоченности с членами своей семьи.

Анализ источников жизненных принципов

С точки зрения исследования ментальности заслуживает внимания вопрос и об источниках жизненных ориентаций. Общее количество источников жизненных принципов, названных ис-

пытуемыми в первом исследовании – 4455, во втором – 4546. Данные цифры не совпадают с числом принципов жизни, поскольку испытуемые не всегда указывали источники установок, а иногда, сформулировав жизненный принцип, называли несколько (2-7) его источников. Анализ источников жизненных ценностей испытуемых подтверждает мысль Э. Берна о том, что большинство установлений мы заимствуем у родителей: родители назывались испытуемыми в качестве источника установок чаще всего и в первом, и во втором исследованиях (41,75% и 39,53% от всех

названных испытуемыми источников). Мать в качестве источника жизненных ориентаций выступает для наших испытуемых чаще, чем отец. Э. Берн [30] полагает, что следование традициям предков, донесенным родителями, неплохой вариант, при условии, что есть области, где человек может свободно «импровизировать».

Значительная часть принципов жизни сформулирована испытуемыми (по их субъективной самооценке) самостоятельно или при участии собственного я («я», «сама», «я сама», «самостоятельно», «опыт», «личный опыт», «собствен-

Таблица 5

Иерархии максимально выраженных ориентаций испытуемых (по количеству представляющих их суждений)

№	1992–1994 гг.	1998–2002 гг.
1	Уважение к другому человеку; любовь к людям, доброта, помощь окружающим (408 суждений)	Почитание родителей, уважение к старшим; любовь к детям, мужу, забота о близких и родных (398 суждений)
2	Почитание родителей, уважение к старшим; любовь к детям, мужу, забота о близких и родных (387 суждений)	Уважение к другому человеку; любовь к людям, доброта, помощь окружающим (365 суждений)
3	Честность, правдивость, следование моральным нормам (350)	Образованность (302)
4	Образованность (285)	Честность, правдивость, следование моральным нормам (282)
5	Воспитанность, терпимость (258)	Воспитанность, терпимость (242)
6	Самоконтроль, ответственность, дисциплина (228)	Организованность, рациональность (229)
7	Уверенность в себе (219)	Общительность, наличие друзей (228)
8	Общительность, наличие друзей (206)	Уверенность в себе (209)
9	Организованность, рациональность (190)	Забота о своем здоровье, здоровый образ жизни (146)
10	Аккуратность, опрятность, бережливость (156)	Самоконтроль, ответственность, дисциплина (139)
11	Трудолюбие (139)	Трудолюбие (135)
12	Недоверие по отношению к людям (123)	Сохрaнять индивидуальность, иметь чувство собственного достоинства (123)
13	Забота о своем здоровье, здоровый образ жизни (103)	Недоверие по отношению к людям (120)
14	Сохрaнять индивидуальность, иметь чувство собственного достоинства (86)	Быть активной, целеустремленной, иметь достижения, не останавливаться на достигнутом (98)
15	Быть осторожной с незнакомыми людьми и в позднее время на улице; сообщать близким о том, где находишься, приходить домой вовремя (66)	Аккуратность, опрятность, бережливость (94)
16	Быть активной, целеустремленной, иметь достижения, не останавливаться на достигнутом (65)	Любить искусство; больше читать; уметь отдыхать, развлекаться; заниматься спортом; путешествовать; иметь хобби (61)
17	Быть красивой, привлекательной, иметь безупречный внешний вид (55)	Быть осторожной с незнакомыми людьми и в позднее время на улице; предупреждать близких о том, куда уходишь и когда возвратишься; не ночевать в чужом доме (48)
18	Быть культурной, развивать себя эстетически, больше читать; заниматься спортом, иметь хобби (51)	Быть хорошей хозяйкой, заботиться о материальном благополучии семьи (40)
19	Быть хорошей хозяйкой, заботиться о материальном благополучии семьи (51)	Быть красивой, иметь безупречный внешний вид (35)

ное умозаключение», «свое решение», «свои ощущения» и т. д.). Во втором исследовании количество принципов, сформулированных при участии «я», возросло и составило 28,49% от всех названных источников, тогда как в первом исследовании их количество составляло 22,65%.

На третьем месте среди источников жизненных ориентаций – близкие родственники. Общий их «вклад» в первом исследовании – 9,02%, во втором исследовании – 7,19%. Значимое место и в первом, и во втором исследованиях среди источников жизненных ориентаций испытуемых занимают школа, учителя, воспитатели, преподаватели училищ и институтов, руководители кружков, тренеры, учителя музыкальных школ, классные руководители (8,75% и 6,42% от общего количества названных испытуемыми источников в первом и во втором исследованиях).

Важным источником жизненных ценностей являются книги, художественная и научная литература, устное народное творчество (6,85% в общем объеме источников в первом исследовании и 7% – во втором исследовании; табл. 6).

Книги Д. Карнеги, как свидетельствуют представленные данные, стали заметным явлением в нашей культуре. Ко времени проведения второго исследования интерес испытуемых к Карнеги как источнику жизненных установок снизился, но ниша заполнилась другими авторами. Сохранила свою позицию как важнейший источник жизненных принципов Библия. Количество ссылок испытуемых на народное творчество во втором исследовании значительно возросло.

Значимо представлены среди источников жизненных ориентаций подруги, друзья (5,07% и 5,96%), окружающие люди, соседи, знакомые (2,13% и 1,98%). Рабочий коллектив также выступает источником жизненных принципов (0,6% и 0,55% от общего количества названных источников).

В других источниках – телевидение и радио (назывались 19/24 раза), песня (17/5), кинофильм (16/22), газеты и журналы (12/29) и др.

Свыше 50 пословиц и поговорок используются нашими испытуемыми в качестве правил жизни (табл. 7).

Рейтинг источников и авторов по годам исследования (в иерархии первого исследования)

Таблица 6

№ п/п	Источники	1992–1994 гг.	1998–2002 гг.	№ п/п	Источники	1992–1994 гг.		1998–2002 гг.	
						1992–1994 гг.	1998–2002 гг.	1992–1994 гг.	1998–2002 гг.
1	Д. Карнеги	27	12	11	Л. Н. Толстой	3		4	
2	Библия	26	28	12	А. Экзюпери	3		1	
3	УНТ (сказки, пословицы, поговорки)	26	39	13	А. Дюма	2			
4	Н. Островский	9	1	14	Л. Осеева	2			
5	С. Есенин	5		15	О. Хайям	2			
6	Э. Асадов	4		16	Н. Козлов			7	
7	В. Высоцкий	4		17	Л. Хей			6	
8	Н. Заболоцкий	4	1	18	Лазарев			3	
9	Е. Евтушенко	3		19	Гете			2	
10	А. С. Пушкин	3							

Пословицы и поговорки, названные в качестве жизненных принципов семь и более раз (в иерархии второго исследования)

Таблица 7

№ п/п	Пословицы и поговорки	Частотность	
		1992/1994	1998/2002
1	Что ни делается, все к лучшему	27	38
2	Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня	25	26
3	Не имей сто рублей, а имей сто друзей	4	18
4	Без труда не выловишь и рыбку из пруда	6	16
5	Не доверяй подруге, а доверяй подушке	10	11
6	Ученье – свет, а неученье – тьма	7	11
7	Сделай дело – гуляй смело	10	9
8	Друг познается в беде (Друзья познаются в беде)	5	8
9	Терпение и труд все перетрут	5	8
10	Будь проще, и люди к тебе потянутся	7	7

М. К. Мамардашвили придавал поговоркам значение «зеркала» душевного устройства и возможностей человека [31]. В наиболее часто употребляемых пословицах и поговорках отражаются актуальные состояния ментальности. Так, «усиление» принципа «все, что ни делается – к лучшему» может трактоваться как защитная реакция; в суждениях «не имей сто рублей, а имей сто друзей» и «без труда не выловишь и рыбку из пруда» просматриваются стратегии совладания с финансовыми проблемами, вызванными переходом к рыночной экономике. О. Вейнинггер полагал слово творением одного человека, отмечая, что большинство гениев в области языка осталось неизвестным. «Достаточно вспомнить, – писал он, – хотя бы о пословицах, даже самых тривиальных для нас, как, например «рука руку моет». Ведь когда-то, много лет назад, это было сказано в первый раз каким-то выдающимся человеком! С другой стороны, как много фраз из классических или наиболее читаемых авторов, как много слов Христа кажутся нам теперь совершенно не связанными в своем происхождении с каким-нибудь человеком, производят впечатлительные каких-то пословиц!» [32]. Близкий Вейнинггеру взгляд на пословицу находим у Канта: «Пословица (proverbium) не красное словцо (von rot), ибо она формула, ставшая общей и выражающая мысль, которую повторяют и таким образом распространяют и которая в устах первого вполне могла быть красным словцом. Говорить пословицами есть поэтому достояние черни; эта привычка доказывает полное отсутствие остроумия в общении с изысканной публикой» [33]. Как мы могли убедиться, пословицы используются в качестве принципов жизни достаточно часто и поэтому интересны для исследователя, но и в организации жизни, так же, как в общении, пословицы все же не «красное словцо». Интерес представляет то, к каким авторам обращаются за жизненной мудростью наши испытуемые. Обратимся к авторским текстам, наиболее часто применяемым испытуемыми в качестве жизненных принципов.

1992–1994 гг.

- «Не позволяй душе лениться...» [Н. Заболоцкий] – 13 раз;
- «Учиться, учиться и учиться» [В. И. Ленин] – 11;
- «Жизнь дается человеку один раз, и прожить ее нужно так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы...» [Н. Островский] – 9;
- «Ты лучше голодай, чем что попало есть, и лучше будь один, чем вместе с кем попало» [О. Хайям] – 7;
- «В человеке все должно быть прекрасно...» [А. П. Чехов] – 5;

- «Светить всегда, светить везде...» [В. Маяковский] – 2;
- «Я не люблю, когда мне лезут в душу...» [В. Высоцкий] – 2;
- «Не бойся, если вдруг тебя разлюбят, куда страшней, когда разлюбишь ты...» [Э. Асадов] – 2. 1998–2002 гг.
- «Не позволяй душе лениться...» [Н. Заболоцкий] – 11 раз;
- «Учиться, учиться и учиться» [В. И. Ленин] – 10;
- «Любови все возрасты покорны...» [А. С. Пушкин] – 2;
- «Об этом я подумаю завтра» [(Скарлет) М. Митчелл] – 2.
- Один раз названы испытуемыми в качестве источника жизненных принципов
- *в первом исследовании:* Е. Баратынский, А. Гайдар, Максим Грек, Данте («Божественная комедия»), Андрей Деметров, Ф. М. Достоевский, Юлия Друнина, Л. Жуховицкий, Паркинсон, Порфирий Иванов, М. Кент («Как выйти замуж»), В. И. Ленин, В. Маяковский, Н. Некрасов, Л. Никитина («Мама, или Детский сад»), Ю. М. Орлов (психолог), Б. Окуджава, Козьма Прутков, Ф. Ницше, В. Распутин, Майн Рид, Шота Руставели, В. Сатир, Б. Спок, Александр Фадеев («Молодая гвардия»), царь Соломон, Юлий Цезарь, Шекспир, Б. Эдисон;
- *во втором исследовании:* Абуль-Хайр (вост. философ XIV в.), Шалом Аллейхем, Воланд из романа «Мастер и Маргарита» М. А. Булгакова, Гераклит, Горький, Грибоедов («Горе от ума»), Н. Заболоцкий, Ленин, Д. С. Лихачев, Макаренко, Г. Г. Маркес, Н. Островский, К. Прутков, Э. М. Ремарк, Игорь Северянин, Сократ, А. Суворов, Чехов, К. Чуковский, А. Экзюпери (имена авторов приводятся так, как они названы самими испытуемыми).

Заключение

Анализ ориентаций, представленных в жизненных принципах женской разновозрастной студенческой группы, позволил вычлени ряд идей, отражающих некоторые особенности российской (вятской) ментальности. Исследование позволило выявить актуальную структуру жизненных ориентаций исследуемой группы, отслеживать их динамику. Выявленные ориентации фиксируют уже сложившиеся особенности ментальности россиян и вместе с тем направлены на выработку новых черт национального характера. Полученные результаты необходимо считать предварительными: здесь следует принять во внимание слова И. Канта, который писал том, что «попытка показать врожденные или от долгой привычки превратившиеся как бы в природу и привившиеся в ней максимы, которые выражают чувственный характер народа, – это слишком рискован-

ная попытка классифицировать разновидности естественных наклонностей у целых народов, скорее для географов, эмпирически, чем для философов по принципам разума» [34]. Для того чтобы сделать сколько-нибудь окончательные выводы в отношении структуры жизненных ориентаций в российской ментальности, необходимо проведение кросс-региональных и кросс-культурных исследований. Подобные исследования могли бы послужить разработке проблем творческой эволюции личности и общества. Как полагает В. Ф. Петренко, «гуманитарные науки, и психология в частности, не только описывают социальную жизнь и внутренний мир человека, но и, создавая системы понятий, модели, категории, опосредствующие восприятие и осознание мира, других людей, самих себя, по принципу кольцевой каузальности, конструируют и саму эту социальную действительность и духовный мир человека» [35].

Примечания

1. Аюпов, Г. В. Феномен ментальности как проблема сознания [Текст] / Г. В. Аюпов, Т. В. Иванова // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 1. С. 47-55.
2. Марцинковская, Т. Д. Русская ментальность и ее отражение в науках о человеке [Текст] / Т. Д. Марцинковская. М., 1994.
3. Петровский, А. В. Основы теоретической психологии [Текст] / А. В. Петровский, М. Г. Ярошевский. М.: ИНФРА-М, 1999.
4. Марцинковская, Т. Д. Цит. соч. С. 5.
5. Там же. С. 5-6.
6. Петровский, А. В. Цит. соч. С. 254.
7. Эрик, Г. Эрикссон. Юность и эволюция идентичности [Текст] / Г. Эрик // Детство и общество. Изд. 2-е, перераб. и доп. СПб.: Ленато, АСТ, Фонд «Университетская книга», 1996. С. 397.
8. Фромм, Э. Иметь или быть? [Текст] / Э. Фромм. 2-е изд., доп. М.: Прогресс, 1990. С. 142.
9. Франк, В. Человек в поисках смысла [Текст] / М.: Прогресс, 1990. С. 29.
10. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность [Текст] / А. Н. Леонтьев. М.: Политиздат, 1977. С. 211-212.
11. Мамардашвили, М. К. Эстетика мышления [Текст] / М. К. Мамардашвили. М.: «Московская школа политических исследований», 2000. С. 374.
12. Низовских, Н. А. Психосемантический анализ жизненных ориентаций личности [Текст] Дисс. ... канд. психол. наук. М., 1995.
13. Мэй, Р. Сила и невинность [Текст] / Р. Мэй. М.: Смысл, 2001. С. 70.
14. Олешкевич, В. И. История психотехники: Учеб. пособие для студ. высш. учебн. заведений [Текст] / В. И. Олешкевич. М.: Издательский центр «Академия», 2002. С. 169.
15. Кант, И. Антропология с прагматической точки зрения [Текст] / И. Кант. СПб.: Наука, 1999. С. 250.
16. Мамардашвили, М. К. Цит. соч. С. 304.
17. Апулей. Апология, или речь в защиту самого себя от обвинения в магии [Текст] Апулей // Апулей. Апология. Метаморфозы. Флориды. М., 1960. С. 13.

18. Мамардашвили, М. К. Цит. соч. С. 366.
19. Шостром, Э. Анти-Карнеги, или Человек-манипулятор [Текст] / Э. Шостром. Минск: ТИЦ «Полифакт», 1992. С. 35.
20. Мэй, Р. Цит. соч. С. 252-253.
21. Мамардашвили, М. К. Цит. соч. С. 365.
22. Марцинковская Т. Д. Цит. соч. С. 14.
23. Там же. С. 15.
24. Мэй, Р. Цит. соч. С. 72.
25. Воловикова, М. Возвращение к себе (психология, символ, культура) [Текст] / М. Воловикова, А. Трофимов. М.: Товарищество российских книгоиздателей, 1995. С. 7.
26. Марцинковская, Т. Д. Цит. соч. С. 33.
27. Там же. С. 34.
28. Там же. С. 35.
29. Мамардашвили, М. К. Цит. соч. С. 256.
30. Берн, Э. Игры, в которые играют люди. Психология человеческих отношений; Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы [Текст] / Э. Берн: пер. с англ. / общ. ред. М. С. Мацковского; послесл. А. Г. Ионина, М. С. Мацковского. СПб.: Лениздат, 1992.
31. Мамардашвили, М. К. Цит. соч. С. 368-369.
32. Вейнинггер, О. Пола и характер [Текст] / О. Вейнинггер. Ростов-на-Дону: изд-во «Феникс», 1998. С. 198.
33. Кант, И. Цит. соч. С. 283.
34. Там же. С. 416-417.
35. Петренко, В. Ф. Конструктивистская парадигма в психологической науке [Текст] / В. Ф. Петренко // Психол. журн. 2002. Т. 23. № 3.

В. В. Ковров, Т. В. Машарова

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД В ОБЕСПЕЧЕНИИ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ В ВУЗЕ

В статье рассматриваются проблемы, связанные с обеспечением на основе системного подхода качества образования в вузе.

Качество образования определяется как категория социальная, определяющая состояние и результативность процесса образования в обществе, его соответствие потребностям и ожиданиям различных социальных групп в развитии и формировании компетенций личности.

Качество образования характеризуется как совокупность показателей в различных аспектах учебной деятельности образовательного учреждения, включающих содержание образования, формы и методы обучения, материально-техническую базу, кадровый состав и т. п.; определя-

КОВРОВ Владимир Викентьевич – кандидат педагогических наук, доцент, начальник учебно-методического управления ВятГГУ
 МАШАРОВА Татьяна Викторовна – доктор педагогических наук, профессор, проректор по учебно-воспитательной работе ВятГГУ
 © В. В. Ковров, Т. В. Машарова, 2004

ющая степень удовлетворенности ожиданий различных участников процесса образования от предоставляемых образовательным учреждением образовательных услуг и степень достижения поставленных в образовании целей и задач.

В статье определяется, что обеспечение феномена «качество образования» в вузе на основе системного подхода невозможно без согласования всех его подсистем (университет – факультет; факультет – кафедра; кафедра – преподаватель; преподаватель – студент), функционирующих в направлениях: информационно-аналитическом, мотивационно-целевом, планировании, организационно-исполнительском, контрольно-диагностическом, регулятивно-коррекционном.

Российская высшая профессиональная школа на современном этапе характеризуется необычайным динамизмом своего развития и происходящими существенными изменениями. Это, в частности, проявляется в повышении требований общества к качеству профессионального образования, кардинальном обновлении технологий обучения, быстро меняющихся организационных и экономических условиях деятельности вузов, обострении конкурентной борьбы на рынке образовательных и научных услуг, постоянно меняющейся позиции государства по отношению к высшей школе.

В этих динамичных и труднопрогнозируемых условиях успешная работа любого университета невозможна без постоянного совершенствования его деятельности по улучшению качества образовательных, научных, информационных и других услуг, предоставляемых университетом на региональном, национальном и международном рынках.

В основополагающих документах, определяющих развитие образования в России, обозначенная принципиально новая ситуация отражена в Национальной доктрине образования Российской Федерации и определяется как задача повышения качества образования. В концепции модернизации российского образования отмечается, что повышение качества образования необходимо для того, чтобы выполнялась основная цель профессионального образования – «подготовка квалифицированного работника соответствующего уровня и профиля, компетентного, ответственного, свободно владеющего своей профессией и ориентированного в смежных отраслях деятельности, способного к эффективной работе по специальности на уровне мировых стандартов, готового к постоянному профессиональному росту...». Кроме того, в концепции декларированы основные цели образования: доступность, эффективность и качество, – обозначена задача обеспечения качества образовательных услуг российской системы образования.

Известно, что слово «качество» производно от слов «как», «какой» и содержательно означает наличие у объекта (обладание предметом, явлением, процессом) некоторых существенных свойств. В практике обычно пользуются одной из двух трактовок – философской или производственной.

Понятие «качество образования» в его философской интерпретации может быть применено и к различным моделям образовательной практики и не несет никаких оценок (что хуже, что лучше), оно фиксирует разное качество, разные свойства, так же, как красное и синее, что не означает хорошее или плохое. В философии эта категория не носит оценочного характера, а потому в философской трактовке качества бессмысленно ставить вопрос об измерении или оценке качества как низкого, высокого и т. д.

В производственной же трактовке, которую используют в образовательной практике в связи с появлением платных образовательных услуг, ключевым является понятие «качество продукции» как совокупность существенных потребительских свойств этой продукции, значимых для потребителя. Набор этих свойств и положен в основу спецификаций на продукцию, эталонов, стандартов. При такой трактовке выделяют два признака качества любой продукции: наличие у нее определенных свойств и рассмотрение их ценности не с позиций производителя, а с позиций потребителя (обучающихся).

Качество образования необходимо считать категорией социальной, определяющей состояние и результативность процесса образования в обществе, его соответствие потребностям и ожиданиям общества (различных социальных групп) в развитии и формировании гражданских, бытовых и профессиональных компетенций личности. В то же время качество образования есть совокупность показателей, характеризующих различные аспекты учебной деятельности образовательного учреждения, включающие содержание образования, формы и методы обучения, материально-техническую базу, кадровый состав и т. п. и обеспечивающие развитие компетенций обучающейся молодежи.

Необходимо отметить, что категория «качество образования» также характеризует и степень удовлетворенности ожиданий различных участников процесса образования от предоставляемых образовательным учреждением образовательных услуг, и степень достижения поставленных в образовании целей и задач.

Очевидно, можно констатировать, что ввиду сложности проблемы дать однозначное определение понятию «качество образования» просто невозможно. Однако для реализации практических задач под качеством образования принято

понимать изменения в учебном процессе и в среде, окружающей обучаемого, которые можно идентифицировать как улучшение знаний, умений и ценностей, приобретаемых обучаемым по завершении определенного этапа.

К существенным характеристикам (признакам) качества образования следует отнести:

- *многоаспектность или многогранность качества* (качество и качественные характеристики конечного результата образования, качество потенциала образовательных систем, обеспечивающих достижение этого качества, качество результатов процессов воспитания и обучения, определенное в творческой и репродуктивной, знаниевой и деятельностной компонентах обучающихся);

- *многоуровневость конечных результатов качества* (качественная сформированность информационной, операционной и мотивационной подсистем личности выпускника различных образовательных учреждений);

- *многосубъектность качества образования* (оценка качества образования осуществляется множеством субъектов: самими учащимися, студентами и выпускниками различных образовательных учреждений, их родителями, работодателями, обществом в целом и государственными органами, самой системой образования, представителями ее различных уровней и ступеней, исследователями системы образования);

- *многокритериальность* – качество образования оценивается набором значительного количества критериев, среди которых – личностная и социальная значимость (востребованность) образования, глубина, прочность, целостность, рефлексивность освоения содержания определенного образовательного уровня обучающимся и его опредмечивание в жизнедеятельности субъекта;

- *полихронность* – сочетание текущих, тактических и стратегических аспектов качества образования, которые в разное время одними и теми же субъектами воспринимаются по-разному (выпускники в течение жизни, трудовой деятельности со временем переоценивают качество своего образования, ценность отдельных дисциплин, преподавателей; общество и государство в зависимости от своего состояния пересматривают приоритеты в качестве и содержании образования и т.д.);

- *неопределенность* в оценках качества образования образовательных систем в принципе из-за более высокого уровня субъективности оценки качества образования разными субъектами;

- *инвариантность и вариативность* – среди множества качеств образовательных систем, учебных заведений, их выпускников выделяются инвариантные, общие качества для всех выпускни-

ков каждого уровня образования, каждой специальности или направления подготовки выпускников вузов и специфические (именно для данного множества выпускников или образовательных систем).

Все перечисленные признаки (границы) качества образования являются объективным проявлением сложности категории качества образования, инвариантным для любых образовательных систем. Из вышеизложенного следует: при организации образовательного процесса необходимо учитывать все аспекты качества образования, осуществлять поиск разноаспектных компромиссов объективного и субъективного характера в конкретной образовательной практике учебного заведения. Нам представляется, что обозначенный подход позволяет обеспечить компромиссность разрешения противоречивых проблем многокритериальности, многосубъектности и неопределенности в качестве и содержании образования. Чем выше уровень сформированности образовательной (информационной), операционной и мотивационной культуры всех субъектов образовательной системы (школа, училище, колледж, вуз) «поиска компромиссов», значительней актуализация и опыт в поиске их достижения, тем выше «уровень компромисса», выше качество образования. Таким образом, качество образования (как результат) является интегральным критерием (показателем, функцией) всех перечисленных факторов. Реализация подобных компромиссных подходов в образовательной практике, с нашей точки зрения, весьма значима при создании любых системных проектов мониторинга и управления качеством образования.

Управление качеством образования может рассматриваться на нескольких уровнях и осуществляться в вузе как целостной организационно-образовательной системе, включающей как структурные подразделения – факультеты, кафедры факультетов, так и самих ее субъектов – профессорско-преподавательский состав, студентов. Взаимоотношения и взаимосвязи между данными элементами в конкретном образовательном учреждении, определяющие его структуру, могут служить основой модели организации иерархического управления качеством образования в нем.

В подобной системе управления качеством профессионального образования в университете можно условно выделить пять уровней управления. При этом необходимо учитывать то, что качество образовательной системы более высокого уровня складывается из качества входящих в нее подсистем более низких уровней и соответствующих субъектов, которые, в свою очередь, также имеют определенные компоненты качества образовательных услуг.

На первом, университетском, уровне системы управления качеством образования сами направления, обеспечивающие качество образования, определяются необходимостью реализации государственных образовательных стандартов по специальностям высшего образования, стратегической программы развития университета. Для их реализации необходима целостность процесса функционирования университета как образовательной системы. Политика администрации университета призвана ориентироваться на обеспечение четкости его организационной структуры жизнедеятельности, определение востребованного в регионе необходимого спектра специальностей (направлений) и специализаций подготовки, а также уровней реализации образовательных программ, разработку их содержания, отвечающего требованиям ГОС, определенность структуры образовательного процесса, качественный состав профессорско-преподавательского корпуса, материальные и педагогические условия обеспечения образовательного процесса, основные направления и содержание деятельности факультетов по реализации принятой концепции развития высшего профессионального образования в вузе, программы развития университета и качественный прием абитуриентов.

Качество образования на уровне университета в целом обеспечивается посредством реализации образовательной, научной и научно-методической, организационно-управленческой и контрольно-оценочной деятельности университета, каждая из которых наполнена соответствующим содержанием.

Образовательная деятельность включает в себя, в первую очередь, реализацию образовательного процесса, оперативный и системно-итоговый анализ и оценку достижения его качественных параметров по результатам сессий, защиту дипломных работ и текущих контрольно-оценочных испытаний. Кроме того, осуществляется общая координация деятельности факультетов по обеспечению нормального функционирования образовательного процесса, обобщенный анализ и оценка соответствия создаваемых на факультетах педагогических условий требованиям ГОС, а также анализ и оценка содержания и уровня реализуемых профессионально-образовательных программ и др.

Научная и научно-методическая деятельность состоит из следующих основных видов:

- организация исследований по актуальным проблемам профессионального и профессионально-гуманитарного образования, а также в предметных областях, соответствующих профилю подготовки специалистов;
- организация исследований по выявлению состояния качества образовательного процесса;

- разработка критериальной, нормативной и инструментальной базы оценки качества образовательного процесса;

- координация научных исследований в подразделениях университета;

- обеспечение научно-методического сопровождения образовательного процесса;

- подготовка научно-педагогических кадров высшей квалификации через аспирантуру, докторантуру и соискательство;

- обеспечение процесса повышения научно-педагогической квалификации преподавателей университета;

- организация научных конференций по актуальным проблемам, исследуемым в университете;

- создание исследовательских лабораторий, центров, институтов.

Организационно-управленческая и контрольно-оценочная деятельность предполагает сопровождение образовательного процесса через создание и обеспечение функционирования ученого, учебно-методического советов университета, определение функционально-управленческих полномочий и координацию деятельности в организационной структуре университета, а также ее совершенствование. Данная деятельность включает мероприятия, связанные с анализом и оценкой выполнения принимаемых в вузе решений, эффективности деятельности организационных структур университета и др.

На «выходе» университет осуществляет подготовку студентов к выпуску, организацию работы государственных экзаменационных комиссий, анализ и оценку качества подготовки специалистов по специальностям и специализациям, а также анализ и оценку качества деятельности университета по реализуемым государственным образовательным стандартам, принятым в концепции развития профессионального образования и программе развития университета.

Деятельность университета по развитию качества профессионального образования возможна по нескольким направлениям. Среди них:

- инновационное целеполагание, включающее определение новых целей развития профессионального образования и вуза;

- разработка нового видения модели специалиста;

- разработка новых образовательных стандартов и образовательных программ;

- определение инновационной политики в области гуманитарного образования, состоящей в разработке новых принципов функционирования и развития системы подготовки кадров по специальностям университета, концепции подготовки специалистов в вузе и программы развития университета.

К развивающей деятельности относится и инновационное проектирование новой структуры специальностей и специализаций, содержание новых учебных планов и образовательных программ и новой структуры управления в вузе.

Основная задача, решаемая на втором уровне управления качеством образования в вузе – факультете, – заключается в обеспечении и развитии качества процесса подготовки специалистов по соответствующим специальностям и специализациям.

Обеспечение качества процесса подготовки на факультете реализуется в нескольких направлениях и включает следующие основные виды деятельности: учебно-воспитательная, учебно-научно-методическая, научно-исследовательская, организационная, обеспечение необходимой квалификации профессорско-преподавательского состава и соответствующей материально-технической базы учебного процесса.

При этом в содержание учебно-воспитательной деятельности входят:

- определение перечня специальностей и специализаций, реализуемых на факультете;

- обеспечение гуманитарного, общепрофессионального, специального и других циклов подготовки соответствующими учебными планами специальностей и специализаций;

- реализация всех форм лекционных, лабораторно-практических учебных занятий, практик, экзаменов, зачетов и др.;

- организация системы воспитательной работы и выпуска специалистов, анализ и оценка их подготовки.

Сюда же относится общая координация деятельности кафедр по обеспечению нормального функционирования образовательного процесса, постоянное отслеживание соответствия кафедральных образовательных систем требованиям ГОС и принятой в университете концепции образования, а также оценка качества результатов учебно-методической деятельности кафедр.

Учебно-научно-методическая деятельность на уровне факультета предусматривает организацию научно-методических исследований по проблеме обеспечения качества учебного процесса, разработку комплекса учебно-программной документации для всех специальностей и специализаций, по которым ведется подготовка, организацию разработки и обновления учебно-методического обеспечения всех дисциплин, преподаваемых на кафедрах, а также издание учебно-методической литературы. В данную деятельность включено обеспечение функционирования методических комиссий и советов.

Научно-исследовательская деятельность, обеспечивающая научный фундамент образовательного процесса, включает определение тематики

научных исследований в рамках научных направлений, разрабатываемых в университете, активное привлечение профессорско-преподавательского состава и студентов к участию в научных исследованиях по различным проблемам прикладного и фундаментального характера, анализ и оценку эффективности научных исследований и уровня использования их результатов в учебном процессе, а также организацию научно-методических конференций, научных семинаров и т. п.

Организационная деятельность на данном уровне управления предполагает общую координацию функционирования кафедр, определение и обновление содержания управленческо-функциональных полномочий организационных структур факультета, анализ и оценку эффективности деятельности организационных структур факультета, обеспечение работы ученого совета и других организационных структур.

Обеспечение качества профессорско-преподавательского состава осуществляется путем реализации планов повышения квалификации и подготовки кадров через аспирантуру и докторантуру, составленных с учетом результатов анализа и оценки фактического уровня научно-педагогической квалификации преподавателей.

Материально-техническое обеспечение учебного процесса на основе анализа и оценки качества аудиторного фонда предполагает оснащение учебных лабораторий и аудиторий современными техническими средствами, а также создание новых аудиторий и лабораторий.

Содержание деятельности факультетов по обеспечению качества образовательного процесса возможно по направлениям, включающим разработку концепции, программы развития факультета или планов развития образовательных услуг, работу по открытию подготовки по новым профессионально-педагогическим специальностям (специализациям), обновлению содержания образования и совершенствованию образовательного процесса. На развитие качества подготовки специалистов направлено расширение тематики научно-исследовательской деятельности, стремление к уровню научно-педагогической квалификации преподавателей, превышающему нормативный, совершенствование организационно-управленческого взаимодействия структур факультета и др.

На уровне кафедры осуществляются параллельно с управлением на уровне факультета следующие виды деятельности: учебно-воспитательная, учебно-научно-методическая, научно-исследовательская и организационная, деятельность по комплектованию профессорско-преподавательского состава и обеспечению материально-технического оснащения учебного процесса.

В обобщенном виде содержание деятельности кафедры по обеспечению качества преподавания

учебных дисциплин представляется следующим. В части учебно-воспитательной деятельности осуществляется определение содержания образования по преподаваемым учебным дисциплинам и проведение различных форм учебных занятий, запланированных в системе их преподавания. Предусмотрена реализация комплекса дополнительных образовательных услуг, мониторинг качества деятельности преподавателей кафедры, организация выпуска специалистов, анализ и оценка качества их подготовки на кафедре (для выпускающих кафедр) и т. д.

В учебно-научно-методическую деятельность входит обеспечение полного методического оснащения преподаваемых дисциплин, разработка системы комплексной оценки качества учебного процесса, методический анализ системы преподавания дисциплин и проведения учебных занятий, организация работы методических семинаров по обсуждению новых технологий, форм и методов обучения, реализующих основные положения концепции развития профессионально-педагогического образования.

Научно-исследовательская деятельность на кафедре связана с реализацией тематических планов научных исследований университета, привлечением студентов к научно-исследовательской работе и ее обеспечением, участием в научных конференциях и семинарах разного уровня и т. д.

Организационная деятельность на кафедре включает общую координацию ее функционирования.

Обеспечение необходимого уровня научно-педагогической квалификации преподавателей на кафедре осуществляется путем обучения в институтах и на факультетах повышения квалификации, стажировки в научных центрах и других образовательных учреждениях, а также при выполнении диссертационных исследований в рамках аспирантуры, докторантуры и соискательства.

Кафедра также обеспечивает материально-техническую оснащенность учебных дисциплин необходимым лабораторным оборудованием, педагогическими средствами, учебными классами с компьютерной техникой, учебной, методической и справочной литературой.

Развитие качества преподавания учебных дисциплин в деятельности кафедры связано с осуществлением инноваций в образовательном процессе, с развитием тематики научных исследований и системы дополнительных образовательных услуг, с повышением уровня научно-педагогической квалификации преподавателей кафедры.

Деятельность системы управления качеством подготовки будущих специалистов профессионального обучения включает реализацию профессорско-преподавательским составом кафедр ряда функций, связанных с выполнением учеб-

ной, учебно-методической, научно-исследовательской, организационно-методической и воспитательной работы. Основным объектом управления качеством для преподавателя является система преподавания учебной дисциплины.

Обеспечение качества профессионального образования, содержание деятельности преподавателя в части учебной работы определяется реализацией всех форм учебных занятий, включенных в систему преподавания дисциплины, организацией качественной учебно-познавательной деятельности студентов на каждом занятии, включением их мотивации и обеспечением активности учения, контролем знаний и умений на занятиях, своевременным корректированием качества усвоения знаний для достижения целей обучения.

Учебно-методическая работа преподавателя складывается из разработки педагогических основ системы преподавания дисциплины (целей и задач дисциплины, системы знаний и умений, формируемых дисциплиной, принципов построения содержания и технологии обучения, общей структуры учебного педагогического процесса на занятиях) с учетом концепции образования и требований ГОС. К данному направлению относятся также разработка полного методического обеспечения используемых технологий обучения (конспектов лекций, методики и содержания лабораторно-практических занятий, экзаменационных билетов, тематики и содержания курсовых, дипломных работ и проектов, различных задач, заданий и др.), разработка необходимого дидактического материала для студентов (методических рекомендаций, указаний, алгоритмов, деятельностных программ и др.), дидактическое и техническое оснащение лабораторий и специализированных учебных аудиторий, участие в методических конференциях, семинарах и т. п.

Научно-исследовательская деятельность преподавателя связана с исследованиями по проблемам предметной области кафедры и образования, с активным привлечением студентов к научному творчеству и руководством работой научных студенческих кружков и школ, с повышением научной квалификации через докторантуру и аспирантуру, стажировку в научно-исследовательских центрах и лабораториях, с участием в российских, региональных и внутривузовских научных конференциях и семинарах, с написанием научных трудов различного уровня.

В организационно-методическую деятельность преподавателя входит профориентационная работа, участие в заседаниях кафедры, в деятельности советов и комиссий различных уровней и направлений, взаимодействие с образовательными учреждениями при проведении предметных олимпиад, конкурсов для учащихся школ, учебных заведений начального профессионального

образования и студентов, выполнение работ по поручению кафедры, деканата, ректората.

Воспитательная работа преподавателя включает реализацию воспитательных функций в процессе преподавания учебной дисциплины, постоянную работу, направленную на формирование индивидуальности студента, развитие в нем педагогических качеств, личностного мировоззрения, нравственно-этических сторон личности, участие в воспитательных мероприятиях со студентами, работу в качестве куратора учебной группы и т. п.

Для оптимизации процесса обеспечения подготовки специалистов высшего профессионального образования преподаватель планирует, проектирует и реализует освоение новых образовательных концепций и теорий, в русле которых возможно развитие нового качества учебной дисциплины, разрабатывает новые педагогические основы преподавания учебной дисциплины (новые цели и задачи преподавания, принципы отбора содержания дисциплины и построения технологии обучения), осуществляет поиск путей модернизации лаборатории или специализированной аудитории, разработку нового содержания методического обеспечения дисциплины, подготовку учебников, учебных пособий и монографий, способствующих повышению качества профессионально-педагогического образования.

Важным (определяющим) элементом качества образования является сама учебно-познавательная деятельность студента. На этом уровне особое значение имеет личная заинтересованность студента в обеспечении и развитии качества своей подготовки как будущего специалиста. Данное качество определяется усвоением содержания профессионального образования, заключенного в учебных планах и программах учебных дисциплин.

В связи с этим считается, что качество учебно-познавательной деятельности студента складывается из совокупности качеств его работы по освоению учебных дисциплин на различных формах подготовки.

Необходимыми известными условиями обеспечения качества учебно-познавательной деятельности студента являются: мотивация к учению, подготовка к занятиям, активная мыслительная деятельность по осмыслению, осознанию учебного материала, его применение в новой ситуации при решении более сложных профессионально ориентированных задач и проблем, самоанализ, самооценка и самокоррекция учебно-познавательной деятельности на последующих этапах обучения, участие в научно-исследовательской

работе; активная учебно-профессиональная деятельность в процессе проведения всех видов практических и всероссийских предметных олимпиадах, конкурсах студенческих работ.

Дальнейшее обеспечение (развитие) качества предполагает деятельность студента по совершенствованию качества своей учебной работы. Такая работа может включать в себя следующие виды деятельности студента: повышение рейтинга по конкретной дисциплине и по формам занятий, дополнительное освоение новых методов и технологий профессиональной деятельности, получение дополнительных образовательных услуг, посещение факультативных занятий, участие в научно-исследовательской работе и т. д.

Реализация целевой установки обеспечения качества подготовки специалистов всеми субъектами обозначенной системы в соответствующих видах деятельности направлена на обеспечение и совершенствование образовательного процесса в университете. Это позволяет поддерживать и повышать необходимый уровень качества профессионального образования в вузе.

Характеризуя содержание деятельности субъектов управления качеством профессионального образования в университете, необходимо отметить ряд его признаков:

во-первых, наличие этапов управленческого цикла (прогнозирование, планирование, оперативное управление, контроль, анализ и коррекция), этапов подготовки специалиста (формирование контингента студентов, их обучение и воспитание, выпуск специалистов);

во-вторых, наличие компонентов образовательной системы (цели, содержание и технология образования, научно-педагогические кадры, педагогические и материально-технические средства).

Обеспечение феномена «качество образования» на уровне всей системы образовательного учреждения невозможно без согласования всех его подсистем (университет – факультет; факультет – кафедра; кафедра – преподаватель; преподаватель – студент), функционирующих в направлениях: информационно-аналитическом, мотивационно-целевом, планировании, организационно-исполнительском, контрольно-диагностическом, регулятивно-коррекционном. Их осуществление в жизнедеятельности университета обеспечивает, в конечном итоге, его конкурентоспособность на региональном рынке образовательных услуг, успешное его развитие и предоставление наиболее эффективного и экономичного образования высокого качества.

ЕСТЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

М. М. Пахомов, А. М. Прокашев,
О. М. Пахомова, О. А. Чичагова

О ТЕНДЕНЦИИ ПРИРОДНО-КЛИМАТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ ВЯТСКОГО КРАЯ В ГОЛОЦЕНЕ

В статье приводятся новые палинологические данные к характеристике климата и растительности Вятского края за последние 10-12 тысяч лет.

Вводные замечания. Изучению природы нашей страны в голоцене, охватывающем последние 10-12 тысяч лет, уделяется исключительное внимание [8; 10; 2 и мн. др.] Это вполне объяснимо, ибо именно в эти тысячелетия состоялся человек как создатель общества и культуры. Поэтому важно понять, что было с природой за эти тысячелетия и что ожидает человеческое общество в обозримом будущем.

Известно, что ещё 18-20 тысяч лет назад весь северо-запад Европы находился под ледниковым щитом, мощность которого в его центре составляла до 3-3,5 км [3]. Ледники доходили до широты Москвы, перекрывали Скандинавию, Балтийское море, север Средней Европы, значительную часть Британских островов. Но наступившее глобальное потепление способствовало тому, что уже к периоду 12-10 тысяч лет назад ледниковый покров почти полностью растаял. Именно 10 тысяч лет назад климат вступил в фазу импульсивного потепления. Климатический оптимум (термический максимум) голоцена приходится на дату 5,5-6 тысяч лет назад. К этому времени на территории Европейской России климат стал настолько тёплым, что исчезла зона тундры, а таёжные

ПАХОМОВ Михаил Михайлович – доктор географических наук, профессор по кафедре географии и методики обучения географии ВятГУ
ПРОКАШЕВ Алексей Михайлович – доктор сельскохозяйственных наук, доцент, зав. кафедрой географии и методики обучения географии ВятГУ
ПАХОМОВА Ольга Михайловна – кандидат географических наук, старший преподаватель кафедры географии и методики обучения географии ВятГУ
ЧИЧАГОВА Ольга Александровна – доктор географических наук, ведущий специалист Института географии РАН, г. Москва
© М. М. Пахомов, А. М. Прокашев, О. М. Пахомова, О. А. Чичагова, 2004

леса выходили на побережье Баренцева и Карского морей. После климатического оптимума голоцена началось новое глобальное похолодание. Уже 3 тысячи лет назад в результате этого похолодания тундра на Русской равнине как зональная структура восстановилась на пространстве от Кольского полуострова до Урала. Это похолодание, приведшее к восстановлению зоны тундры и возвратной миграции к югу северной границы леса, продолжается до настоящего времени.

Отметим, что палеоклиматические реконструкции для голоцена основываются, главным образом, на материалах двух методов: палинологическом и радиоуглеродном – через климатическую оценку восстановленной растительности. Они дают возможность видеть общий тренд развития природы за голоцен. Такие материалы выступают в качестве одного из аргументов построения сценариев развития природы на перспективу. Это важно с общечеловеческих позиций. Именно поэтому эволюционно-географические исследования поддерживаются многими национальными академиями наук стран Европы и США. Исследования вятских палинологов также были поддержаны несколькими грантами РФФИ РАН. Вятский край в данном случае выступает как одно из звеньев на востоке Русской равнины, история природы которого дополняет общую эволюцию ландшафтов Европы в послеледниковье и в голоценовое время.

Палинология разреза Чус. В 2003 г. нами детально был исследован геологический разрез заторфованной поймы р. Камы в месте впадения в неё р. Чус. Мощность разреза от поверхности поймы до уреза реки составляет в меженный период 6 м. В основании разреза из-под уреза реки выходят голубые озёрные глины, в верхней части переходящие в сапропель. Сапропель резко переходит в торфяную толщу мощностью до 2 м. Торфяная толща вновь перекрывается озёрными глинами мощностью около 3 м, которая в свою очередь снова переходит в верхний торф с ископаемыми стволами деревьев.

Фациальная смена по разрезу явно свидетельствует о непостоянстве условий осадконакопления. Первоначально старичное озеро постепенно зарастало и превратилось в торфяное болото, затем этот торфяник вновь был перекрыт грядью озера, накопилась 3-метровая толща озёр-

М. М. Пахомов, А. М. Прокашев, О. М. Пахомова, О. А. Чичагова. О тенденциях ...

ных глин. Затем озеро снова заросло и превратилось вторично в торфяное болото. Вернувшаяся сюда меандрирующая Кама вскрыла все эти отложения. Чтобы установить хронологию этих событий, были взяты образцы на радиоуглеродный анализ (С-14) для определения абсолютного возраста отложений (табл. 1).

Выяснилось, что основание нижнего торфа имеет возраст 9020±50 лет. Следовательно, возраст подстилающих голубых глин древнее этой даты и может составлять 10-11 тысяч лет. Самая молодая дата, указывающая на возраст верхней части второго слоя торфа, составляет 2150±100 лет. Таким образом, палинологические данные, полученные для этого разреза, позволили восстановить историю растительности региона за последние 9-10 тысяч лет. Пробы на палинологический (палеоботанический) анализ бра-

лись через 10 см в торфяниках и через 20 см в разделяющих их озёрных глинах.

Тщательный анализ позволил разделить всю толщу на 7 пылевых зон (ПЗ) (см. рис. 1).

ПЗ-I (6,2-5,6 м) соответствует слою нижних глин, расположенных ниже даты 9020±50 л.н. Пыльца деревьев и кустарников здесь практически отсутствует. В небольшом количестве присутствует пыльца *Betula s. Fruticosae* и *Betula nana*.

Доминирующее положение занимает группа NAP (травянистые растения) – почти 90% (*Poaceae*, *Artemisia*, *Chenopodiaceae*). Кроме того, в этой зоне содержится пыльца *Cyperaceae*, а также водных растений – *Nymphaea alba*, *Nymphaea candida*, *Nymphaea tetragona*, *Nuphar lutea*, *Lemna*, *Potamogeton*, *Butomus*, *Alisma*. Споровых немного (около 5%) – *Polypodiaceae*, *Lycopodium alpinum*.

Результаты радиоуглеродного датирования образцов торфа и древесины разреза Чус

Таблица 1

Лабор. № ИГАН	Описание образца (высокая пойма р. Камы в её верховье)	Материал	Радиоуглеродный возраст, лет назад, ВР	Интервал калиброванного возраста и калиброванный возраст (в скобках), на 1σ: Cal BC-лет до н.э. Cal BP-лет назад
2636	Обр. 1 Верхняя часть верхнего торфа. Глуб. 0,2 м	Древесина	2150 ± 100	Cal BC 365 (181) 40 Cal BP 2315 (2130)1990
2635	Обр. 2 Средняя часть верхнего торфа. Глуб. 0,4 м	«	2270 ± 30	Cal BC 386 (372) 255 Cal BP 2335 (2321)2204
2634	Обр. 3 Нижняя часть верхнего торфа. Глуб. 1,2 м	«	3670 ± 160	Cal BC 2281(2031, 1991, 1989) 1780 Cal BP 4231 (3980, 3940,3638)3730
2632	Обр. 4 Верхняя часть нижнего торфа. Глуб. 4,0 м	«	6640 ± 50	Cal BC 5580 (5569, 5547, 5525) 5449 Cal BP 7529 (7518, 7496, 7474) 7398
2631	Обр. 5 Средняя часть нижнего торфа. Глуб. 4,8 м	«	8030 ± 30	Cal BC 7041 (7006) 6725 Cal BP 8991 (8955) 8657
2630	Обр. 6 Основание нижнего торфа. Глуб. 5,6 м	Торф	9020 ± 50	Cal BC 8080 (8035) 8015 Cal BP 10029 (9984) 9964

ПЗ-II (5,6-5,3 м) охватывает нижнюю часть нижнего торфяного слоя. Дата 9020 ± 50 л.н. приходится на основании этой пыльцевой зоны. В ПЗ-2 хорошо выражена смена растительности. Содержание пыльцы группы AP (древесные растения) резко возрастает – до 70%. Быстро восстановились березняки с *Betula s. Albae* (пыльца берёзы – до 60%). Стало заметным присутствие пыльцы *Pinus sylvestris*.

Из группы NAP почти исчезает пыльца степных видов. О значительном потеплении также свидетельствует флористическое многообразие пыльцы водных растений: *Menianthes*, *Nymphaea alba*, *N. condida*, *Nuphar lutea*, *Lemna*, *Potamogeton*, *Butomus*, *Alisma*.

Из споровых растений встречен в небольшом количестве *Equisetum*.

ПЗ-III (5,3-4,7 м) охватывает среднюю часть нижнего торфяного слоя. Для верхней части зоны получена дата 8030 ± 80 л.н. Продолжает увеличиваться количество пыльцы группы AP – до 70-80%. Намечается явное сокращение *Betula s. Albae*, но вместе с тем появляется пыльца *Picea abies* и *Picea obovata*, единично – *Abies*, увеличивается содержание пыльцы *Pinus sylvestris* – до 40%, заметно повышение содержания пыльцы *Betula s. Fruticosae* – до 30% и *Betula nana* – до 20%.

В группе NAP доминируют осоковые, по-прежнему, но в меньшем количестве, чем в предыдущей зоне, содержится пыльца водных растений.

Из споровых выделяются *Polypodiaceae*, *Sphagnum* – до 20%.

Таким образом, здесь просматривается явное увлажнение климата с некоторым похолоданием.

ПЗ-IV (4,7-3,9 м) охватывает верхнюю часть нижнего торфяного слоя. В верхней части зоны – дата 6640 ± 50 л.н. Последующее неуклонное потепление привело снова к восстановлению лесных формаций (AP до 80%), но уже с преобладанием хвойных пород (ель – до 20%, сосна – до 50%), с примесью берёзы (до 10%). Содержание пыльцы *Betula s. Fruticosae* и *Betula nana* резко сокращается. Появляется единично пыльца широколиственных пород (лещина, липа).

Пыльца группы NAP и SP немногочисленна. Это потепление, вероятно, надо отнести к концу бореальной эпохи. Оно плавно переходит в более выраженное атлантическое потепление.

ПЗ-V (3,9-2,7 м) соответствует нижней части глин, разделяющих две торфяные толщи. Для этой зоны по-прежнему характерно преобладание группы AP (*Picea obovata*, *Pinus sylvestris*, *Betula s. Albae*). Но в ПЗ-5 уже намечается чёткая тенденция к снижению содержания пыльцы древесных пород от 80-90% – в нижней части, до 40-50% – в верхней части. Исчезает пыльца карликовой берёзки. В спектрах чаще встречается пыльца *Tilia*, *Ulmus*, *Corylus*. Но лесные формации постепенно снижают свою роль.

В верхней части зоны заметно увеличивается доля спор *Polypodiaceae* (до 20%). Это нарастающее похолодание подтверждается спектрами следующего горизонта.

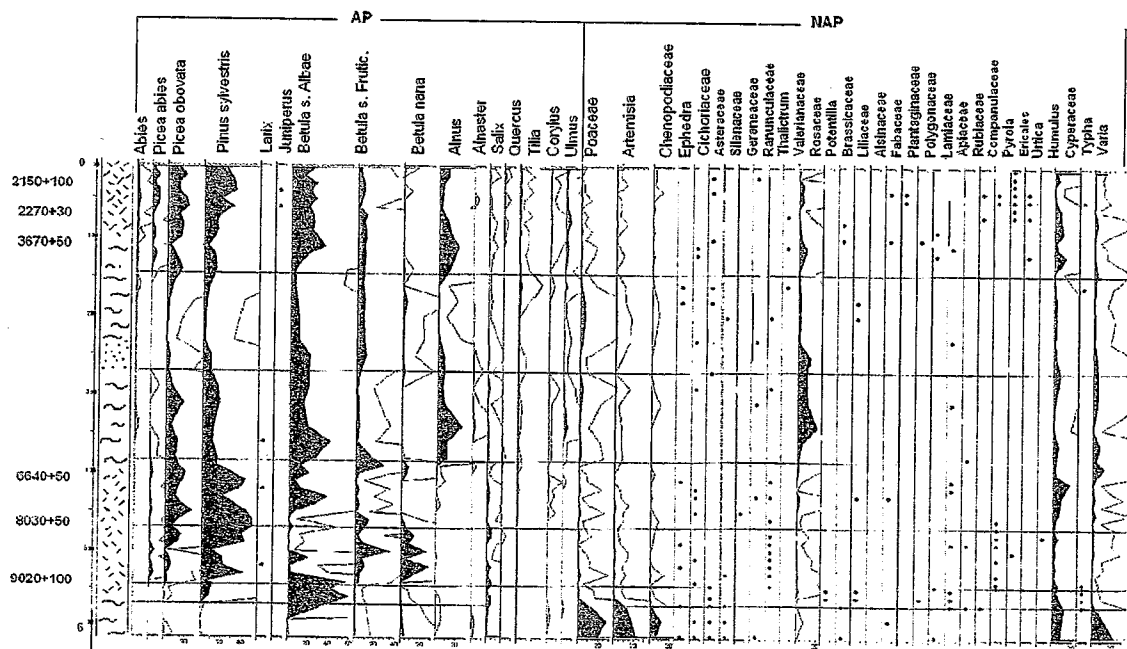

Рис. 1. Спорно-пыльцевая диаграмма разреза Чус

ПЗ-VI (2,7-1,5 м) соответствует средней части верхнего слоя глин. Здесь наблюдается чёткая тенденция к снижению доли пыльцы деревьев до 30%. Заметно уменьшается количество пыльцы ели, сосны, древовидной берёзы, но в то же время увеличивается содержание *Betula s. Fruticosae*, *Betula nana* – до 10%.

Среди трав чаще встречается пыльца *Artemisia*, единично *Ephedra*. Видимо, этот горизонт нужно отнести к похолоданию раннего суббореала, когда стали более разреженными и более светлыми лесные участки. Это обусловило их зарастание папоротником (*Polypodiaceae* – до 50%). Здесь снова появляются единичные споры холодных плаунов (*Lycopodium pungens*, *L. Selago*, *L. alpinum*). Суббореальное похолодание сменилось новым потеплением, но в пределах суббореала, что доказывается и сменой спектров и абсолютными датировками.

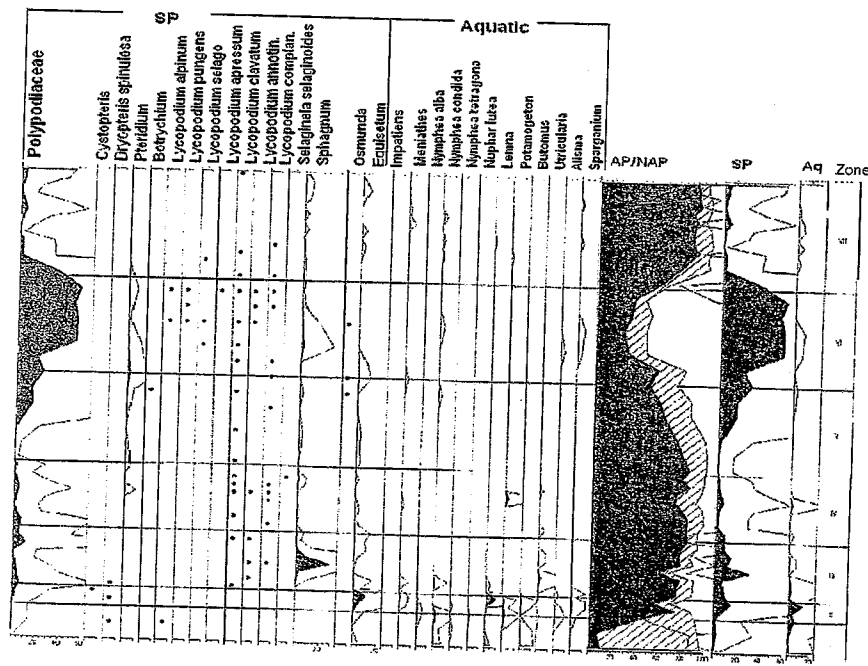
ПЗ-VII (1,5-0 м) охватывает верхнюю часть верхнего слоя глин и весь верхний слой торфяника. Это, видимо, позднее суббореальное потепление, которое укладывается в хронологические рамки от $3\ 670 \pm 160$ л.н. до $2\ 150 \pm 100$ л.н. Самая верхняя часть разреза (0,4-0 м), расположенная выше даты $2\ 150 \pm 100$ л.н., вероятно приходится на начало субатлантики. В этой пыльцевой зоне вновь резко увеличивается роль древесных пород – до 90% (ель – 20%, сосна – 30%, береза – 30%), исчезает карликовая берёзка, возрастает суммарное содержание пыльцы широколиственных пород (*Tilia*, *Ulmus*, *Quercus*, *Corylus*).

Вновь незначительно увеличивается содержание пыльцы водных растений (*Menianthes*, *Nymphaea condida*, *Lemna*, *Potamogeton*, *Sphagnum*).

Обсуждение результатов. Полученные палинологические данные позволяют наметить основную череду происходивших событий.

ПЗ-I относится, вероятно, к дате около 11 тысяч лет назад. По схеме Н. А. Хотинского (см. рис. 2) – это дриас (DR-3). В это время ещё сохранялись ледники в Скандинавии и на Кольском полуострове, поддерживая антициклональную обстановку на севере Русской равнины. Многолетняя мерзлота, южная граница которой в максимум оледенения (18-20 тыс. лет назад) проходила южнее Киева, отодвинулась к северу, но в Вятском крае ещё не исчезла. В целом сохранялись суровые перигляциальные условия. В нашем случае это подчёркивается тем, что ведущими в ландшафте были степные растения (сочетание *Chenopodiaceae*, *Artemisia*, *Poaceae* вместе с криофильным плауном – *Lycopodium alpinum*).

ПЗ-II свидетельствует о возрастающей роли лесных формаций (содержание пыльцы древесных пород возрастает до 70%). Это было связано с раннепредбореальным (РВ) потеплением, которое затем (ПЗ-III) сменилось некоторым похолоданием. Это незначительное похолодание способствовало смене общей ландшафтной обстановки. Лесные формации были замещены лесотундровыми сообществами с кустарниковой ольхой (*Alnaster*) и карликовой берёзкой (*Betula nana*). Ель и сосна играли явно второстепенную роль.

(1 – торф, 2 – глина, 3 – песок)

ПЗ-IV фиксирует новое неуклонное потепление (ВО). Произошло повторное восстановление ведущей роли лесных формаций с елью, сосной, берёзой. Потепление подтверждается ещё и тем, что из состава флоры полностью исчезает пыльца такого гипоарктического элемента, как *Betula nana*, и вместе с тем впервые появляется пыльца широколиственных пород (*Tilia, Corylus, Ulmus*).

ПЗ-V отвечает атлантическому периоду голоцена (АТ), т. е. наиболее тёплому периоду за последние 10 тысяч лет. В это время в верховьях Камы утвердились лесные сообщества средней тайги. В составе лесной флоры постоянно в качестве примеси присутствуют широколиственные *Tilia, Ulmus, Carpinus, Corylus*.

Для ПЗ-VI характерно некоторое похолодание, которое по схеме Н. А. Хотинского следует отнести к раннесуббореальному времени (SB). Это вызвало некоторое сокращение лесных формаций (количество пыльцы древесных растений снижается до 30%). Снова появляется карликовая берёзка, всё чаще встречается пыльца *Artemisia* и даже *Erbedra* – показатели снижения влагообеспеченности и некоторого похолодания.

ПЗ-VII соответствует поздне-суббореальному потеплению. Вновь ведущую позицию в ландшафте заняли древесные формации с тремя лесообразующими породами: ель, сосна, древовидная берёза, с одновременным возрастанием доли *Tilia, Ulmus, Corylus* и даже *Quercus*. Появляется теплолюбивая водная флора: *Menianthes, Nymphaea candida, Lemna, Potamogeton, Sparganium*.

В разрезе Чус не отражена история климата и растительности региона в последние 2-2,5 тысячи лет (субатлантическая эпоха – SA). Эта эпоха характеризуется некоторым новым снижением температуры. Для Центра Русской равнины

это доказано многочисленными данными. Для Вятского края можно обратиться к новым материалам [9]. В частности, на базе абсолютной геохронологии доказано, что ещё 4500 лет назад такой сибирский элемент флоры, как пихта (*Abies*), проникал далеко на север лесной зоны Европейской России. Но позже ареал пихты стал сокращаться к югу из-за похолодания на границе АТ/SB [7]. Это снижение температуры в Вятском крае зафиксировано, в частности, в палинологических данных по торфяникам Лычное и Муньковский. Похолодание продолжалось и в субатлантическое время. Согласно палеоклиматическим реконструкциям на границе SB/SA в Вятском крае температурные показатели были ниже современных на 1-1,5°C [5].

Заключение. Таким образом, на примере материалов по разрезу Чус и других данных по Вятскому краю можно говорить о периодической смене растительности под воздействием климатических колебаний. Растительные ландшафты Вятского края за последние 10-11 тысяч лет прошли длительную эволюцию – от перигляциальных тундростепных и лесотундровых сообществ до таёжных, но с периодическим усилением или ослаблением роли главных лесообразующих пород. Эти материалы показывают непостоянство климатических условий. Они ложатся в русло общеевропейских исследований, важность которых подчёркивалась не раз [4; 11; 2]. В частности, Н. А. Хотинский пришёл к выводу, что «ледниковая ситуация в Европе окончательно перестала существовать около 8-9 тысяч лет назад... Русская равнина развивается в условиях, характерных для заключительных этапов межледниковых эпох, закономерно сменяющихся начальными стадиями ледникового времени. Отмеченный в настоящее время грандиозный рост антропоге-

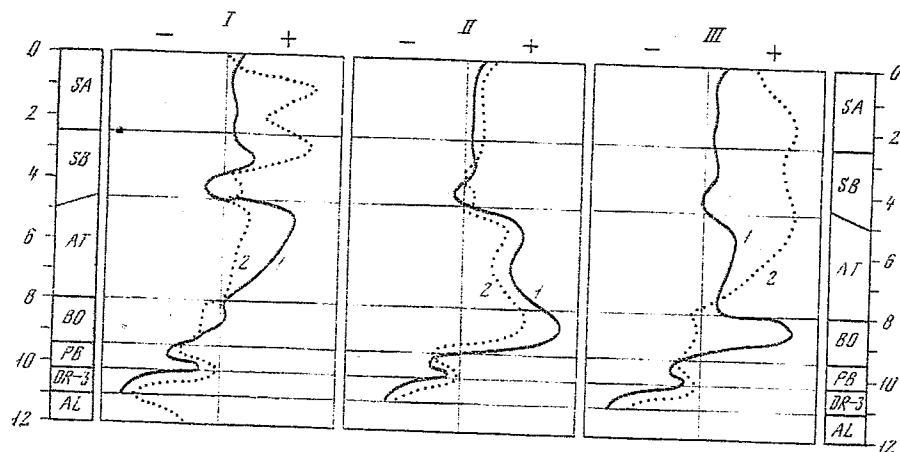

Рис. 2. Климатические колебания в голоцене (по Н. А. Хотинскому, 1977).

I – Атлантический тип (Русская равнина); II – Континентальный тип (Сибирь); III – Океанический тип (Камчатка, Сахалин).
1 – температура; 2 – увлажнённость. Вертикальные цифры – возраст (тысяч лет).

нового фактора порождает представление о всё возрастающей независимости человека от природы. Однако следует указать на одновременный рост обусловленных самим человеком экологических и эдафических кризисов, а также на мощные, неподвластные человеку ритмы общей направленности развития природы Земли, механизм действия которых определяется на биосферно-космических уровнях. Изучение голоцена и плейстоцена позволяет говорить о том, что человеку в будущем, как и в прошлом, придётся столкнуться с изменениями природной среды гораздо более мощными, чем это известно для исторического времени» [11, с. 4-12]. Что имел в виду в последней фразе Н. А. Хотинский? – Ответ мы находим в одной из работ А. А. Величко [1, с. 238]: «Современная ландшафтно-климатическая обстановка в рамках макроцикла приходится на вторую половину межледникового интервала, характеризующуюся тенденцией к похолоданию, связанному с приближением новой ледниковой фазы».

На примере палинологических материалов по Вятскому краю был показан общий ход развития природы за голоценовый отрезок времени. Эти данные сопоставимы с общеевропейскими материалами и показывают непостоянство климата, его колебания то в сторону потепления, то в сторону похолодания. Всё это заставляет осторожнее подходить к утверждению о современном потеплении и связывать его только с антропогенным парниковым эффектом. Уместно в заключение напомнить слова В. М. Котлякова о том, что «мы живём в преддверии новой ледниковой эпохи. Ещё наблюдается глобальное потепление, но в масштабе тысячелетий наша эпоха характеризуется похолоданием» [6, с. 46].

Примечания

1. Величко, А. А. Основные закономерности эволюции ландшафтов и климата в кайнозое. Изменение климата и ландшафтов за последние 65 миллионов лет [Текст] / А. А. Величко. ГЕОС, М., 1999.
2. Величко, А. А. Представление об устойчивости биоразнообразия и георазнообразия в свете динамики ландшафтной зональности [Текст] / А. А. Величко // Пути эволюционной географии. М., 2002.
3. Величко, А. А. Реконструкция последнего позднеплейстоценового оледенения Северного Полушария (18-20 тыс. лет назад) [Текст] / А. А. Величко, М. А. Фаустова // Докл. АН СССР. 1989. Т. 309, № 6.
4. Герасимов, И. П. Антропоген и его главная проблема [Текст] / И. П. Герасимов // Изв. АН СССР. 1977. Сер. геогр. № 4.
5. Жуйкова, И. А. Этапы эволюции природной среды Вятского края в позднеледниковье и в голоцене [Текст] : автореф. дис. ... канд. геогр. наук / И. А. Жуйкова. М., 1999.
6. Котляков, В. М. Географические открытия второй половины XX века в Антарктиде и их глобальное значение [Текст] / В. М. Котляков // Состояние и

развитии горных систем: м-лы науч. конф. по монтологии. СПб., 2002.

7. Кременецкий, К. В. История ареалов хвойных пород Сибири в голоцене [Текст] / К. В. Кременецкий // Короткопериодные и резкие ландшафтно-климатические изменения за последние 15000 лет. М.: ИГРАН, 1994.

8. Нейштадт, М. И. История лесов и палеогеография СССР в голоцене [Текст] / М. И. Нейштадт. М., 1957.

9. Прокашев, А. М. История почвенно-растительного покрова Вятского края в послеледниковье [Текст] / А. М. Прокашев, И. А. Жуйкова, М. М. Пахомов. Киров, 2003.

10. Хотинский, Н. А. Голоцен Северной Евразии [Текст] / Н. А. Хотинский. М., 1977.

11. Хотинский, Н. А. Голоцен как межледниковье (ретроспективно-прогнозный аспект проблемы) [Текст] / Н. А. Хотинский. // Природно-климатические изменения в плейстоцене и голоцене. М.: Наука. 1976.

Е. В. Семакина

БИОМОРФОЛОГИЧЕСКИЙ СПЕКТР ФЛОРЫ ВОДНЫХ И ПРИБРЕЖНО-ВОДНЫХ СЕМЕННЫХ РАСТЕНИЙ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье освещены основные проблемы современной гидроботаники. Впервые для Кировской области приводится список водных и прибрежно-водных растений, составленный на основе флористических исследований, гербарных образцов и литературных источников. Представлена программа характеристики жизненных форм растений данных групп по эколого-морфологическим признакам, а также составленная на ее основе система биоморф с указанием модельных видов.

Гидроботаника, как наука о процессах зарастания водоемов и водотоков, о таксономическом и синтаксономическом разнообразии их растительного покрова, о морфологии, физиологии, биологии и экологии водных макрофитов, о роли их в природных экосистемах и жизни человека берет начало в конце XIX столетия, но активно начала развиваться лишь в конце 40-х – начале 50-х гг. XX в. [1].

Изучением флористического состава, условий и скорости зарастания различных водоемов и водотоков, выявлением видов-индикаторов загрязнения окружающей природной среды, составлением классификаций водных и прибрежно-водных растений и их дальнейшей апробацией, а также решением ряда других вопросов занимаются многие отечественные и зарубежные гид-

СЕМАКИНА Екатерина Валерьевна – аспирант кафедры ботаники ВятГУ © Е. В. Семакина, 2004

роботаники: А. А. Смирнский [2], В. Г. Папченков [3], Е. Мооре [4], С. Д. К. Коок [5] и др.

Прежде чем приступить к обследованию гидрофильного аспекта флоры региона, целесообразным будет остановиться на существующих проблемных вопросах. Так, при сравнении эколого-морфологических спектров региональных флор водоемов, составленных разными авторами, возникают значительные трудности. Зачастую это происходит из-за большого числа признаков, терминов и понятий, используемых при составлении классификаций жизненных форм растений данной группы. К водным относится всего около 1% видов от флоры сосудистых растений Земли, однако по обилию существующих ныне классификаций их жизненных форм они практически не уступают наземным.

Очевидная путаница, связанная с разграничением водных и наземных растений в связи с наличием переходной зоны, привела к еще одной проблеме — необходимости строгого размежевания таких понятий, как «водные растения, или водная флора» и «растения, или флора водоема». Данные понятия различны по своему объему: второе заметно шире, так как включает в себя не только водные растения, но и наземные, заходящие в воду. Под «водным растением» следует понимать растение, не просто встречающееся в условиях обводненных местообитаний, а приспособленное к жизни в них до такой степени, что эти местообитания являются для него оптимальными [6].

Кроме того, определение видов водных растений зачастую вызывает определенные трудности, связанные с полиморфизмом данных растений, их большой сезонной и экологической изменчивостью и высокой гибридогенной активностью.

В своей работе мы исследуем водные и прибрежно-водные семенные растения с позиций предложенной Н. П. Савиных системы жизненных форм, которая является одним из вариантов системы биоморф по эколого-морфологическим признакам [7]. На основе традиционного деления растений на экологические группы, называемые выбранные объекты «гидрофитами» и «гелофитами» соответственно и вкладываем в данные понятия следующее содержание:

Гидрофиты, или настоящие водные растения. Растения, свободно плавающие на поверхности воды или в ее толще, а также погруженные укореняющиеся, с плавающими листьями или без них. В данную группу входят также макроводоросли и водные мхи; сюда же могут быть включены и земноводные растения, у которых преобладает водная форма (виды рода *Callitriche*, *Persicaria amphibia* и др.). У растений данной группы развиваются наземные формы, но для

прохождения всего жизненного цикла им необходима водная среда. Представителями этой экологической группы являются виды родов *Batrachium*, *Callitriche*, *Utricularia*, *Potamogeton*, *Nymphaea* и др.

Гелофиты (прибрежно-водные, или воздушно-водные растения). Растения данной экологической группы занимают прибрежные мелководья с глубиной до 1 (2) м. Наиболее глубоко проникают высокотравные гелофиты; низкотравные обычны на глубинах до 0,5 м, однако некоторые из них могут проникать и на большие глубины, образуя погруженные формы с лентовидными листьями. Обычно базальные части надземных побегов гелофитов частично погружены в воду, однако эти растения способны переносить длительное обсыхание в период вегетации. Представителями этой экологической группы являются виды *Butomus umbellatus*, *Alisma lanceolatum*, *A. plantago-aquatica*, *Scirpus lacustris*, *S. tabernaemontani*, *Scolochloa festucacea*, *Typha angustifolia*, *T. latifolia* и др. [8].

Изучение водных и прибрежно-водных растений в Кировской области до настоящего времени было составной частью флористических исследований в целом. Специального их обследования не проводилось. Сборы, хранящиеся в гербарных коллекциях, весьма немногочисленны. С позиций географической, ценогической, экологической структур видов, а также с биоморфологической точки зрения растения данной группы изучены недостаточно.

В процессе работы, на основании собранного материала и полевых исследований, изучения гербарных коллекций кафедры ботаники ВятГУ и Института биологии внутренних вод им. И. Д. Папанина РАН, а также по данным литературных источников составлен конспект флоры водных и прибрежно-водных растений Кировской области. Материал расположен по системе Энглера в редакции, принятой авторами «Флоры СССР» [9], таксономия и номенклатура ориентированы на «Флору Европейской части СССР» [10] и «Сосудистые растения СССР» С. К. Черепанова [11].

Конспект флоры

Гидрофиты

- Сем. *Potamogetonaceae* — Рдестовые
 Род *Potamogeton* L. — Рдест
P. acutifolius Link — Р. остролистный
P. alpinus Balb. — Р. альпийский
P. berchtoldii Fieb. (*P. pusillus* auct. non L.) — Р. Берхтольда
P. compressus L. (*P. zosterifolius* Schum.)
 Р. сплюснутый

- P. crispus* L. — Р. курчавый
P. filiformis Pers. — Р. нитевидный
P. friesii Rupr. (*P. micronatus* auct.) — Р. Фриза
P. gramineus L. (*P. heterophyllus* Schreb.) — Р. злаковый
P. lucens L. — Р. блестящий
P. natans L. — Р. плавающий
P. obtusifolius Mert. et Koch. — Р. туполистный
P. pectinatus L. — Р. гребенчатый
P. perfoliatus L. — Р. пронзеннолистный
P. praelongus Wulf. — Р. длиннейший
P. pusillus L. (*P. panormitanus* Biv.-Bern.) — Р. маленький
P. trichoides Cham. et Schlecht. — Р. волосовидный
 Гибриды:
Potamogeton x *sparganiifolius* Laest. ex Fries. (*P. gramineus* L. x *natans* L.) — Р. ежеголовниколистный

- Сем. *Hydrocharitaceae* — Водокрасовые
 Род *Elodea* Michx. — Элодея
E. canadensis Michx. — Э. канадская
 Род *Stratiotes* L. — Телорез
S. aloides L. — Т. алозвидный, или обыкновенный
 Род *Hydrocharis* L. — Водокрас
H. morsus-ranae L. — В. обыкновенный, или лягушечник

- Сем. *Lemnaceae* — Рясковые
 Род *Spirodela* Schleid. — Многокоренник
S. polyrrhisa (L.) Schleid. (*Lemna polyrrhisa* L.) — М. обыкновенный
 Род *Lemna* L. — Ряска
L. minor L. — Р. маленькая
L. trisulca L. — Р. тройчатая

- Сем. *Polygonaceae* — Гречишные
 Род *Polygonum* L. — Горец
P. amphibium L. — Г. земноводный
 Сем. *Nymphaeaceae* — Кувшинковые
 Род *Nuphar* Smith — Кубышка
N. lutea (L.) Smith. — К. желтая
 Род *Nymphaea* L. — Кувшинка
N. candida Presl. — К. чисто-белая
N. tetragona Georgi. — К. четырехгранная

- Сем. *Ceratophyllaceae* — Роголистные
 Род *Ceratophyllum* L. — Роголистник
C. demersum L. — Р. темно-зеленый
 Сем. *Ranunculaceae* — Лютиковые
 Род *Batrachium* (DC.) C. F. Gray — Шелковник
B. circinatum (Sibth.) Spach. (*Ranunculus circinatus* Sibth., *B. foeniculaceum* (Gilib.) V. Krecz.) — III. жестколистный
B. kauffmannii (Clerc.) V. Krecz. (*Ranunculus kauffmannii* Clerc) — III. Кауфмана
B. trichophyllum (Chiax) Van den Bosch. (*Ranunculus trichophyllum* Chaix, *Ranunculus*

- divaricatus* (Schrank) Wimm.) — III. волосолистный
 Сем. *Callitricheaceae* — Болотниковые
 Род *Callitriche* L. — Болотник
C. cophocarpa Sendtner. (*C. polymorpha* Loenngr.) — Б. короткоплодный
C. bernaeroditica L. (*C. autumnalis* L.) — Б. обополюй
C. verna L. (*C. palustris* L.) — Б. болотный
 Сем. *Haloragaceae* — Слаяногодниковые
 Род *Myriophyllum* L. — Уруть
M. sibiricum Kom. — У. сибирская
M. spicatum L. — У. колосистая
M. verticillatum L. — У. мутовчатая
 Сем. *Lentibulariaceae* — Пузырчатковые
 Род *Utricularia* L. — Пузырчатка
U. australis R. Br. (*U. major* auct.) — П. южная
U. intermedia Hayne — П. средняя
U. minor L. — П. малая
U. vulgaris L. — П. обыкновенная

Гелофиты

- Сем. *Typhaceae* — Рогозовые
 Род *Typha* L. — Рогоз
T. angustifolia L. — Р. узколистный
T. latifolia L. — Р. широколистный
 Сем. *Sparganiaceae* — Ежеголовниковые
 Род *Sparganium* L. — Ежеголовник
S. angustifolium Michx. (*S. affine* Schnizl.) — Е. узколистный
S. emersum Rehm (*S. simplex* Huds.) — Е. простой
S. erectum L. (*S. ramosum* Huds.) — Е. ветвистый
S. glomeratum (Laest.) — Е. скученный
S. minimum Wallr — Е. маленький
 Сем. *Alismataceae* — Частуховые
 Род *Alisma* L. — Частуха
A. lanceolatum With. — Ч. ланцетная
A. plantago-aquatica L. — Ч. подорожниковая
 Род *Sagittaria* L. — Стрелолист
S. sagittifolia L. — С. стрелолистный
 Сем. *Butomaceae* — Сусаковые
 Род *Butomus* L. — Сусак
B. umbellatus L. — С. зонтичный
 Сем. *Poaceae* — Злаковые
 Род *Phragmites* Adans. — Тростник
Ph. australis (Cav.) Trin. ex Steud. (*Phragmites communis* Trin.) — Т. южный, или обыкновенный
 Род *Scolochloa* Link — Тростянка
S. festucacea (Willd.) Link — Т. овсяницевая
 Род *Glyceria* R. Br. — Манник
G. arundinacea Kunch (*Poa arundinacea* Bieb.) — М. тростниковый
G. maxima (Hartm.) Holmb (*G. aquatica* (L.) Wahl.) — М. большой

Сем. Сурегасеае – Осоковые

Род *Scirpus* L. – Камыш

S. lacustris L. – К. озерный

S. tabernaemontani Gmel. – К. Табернемонтана

Таким образом, водные и прибрежно-водные семенные растения Кировской области представлены 58 видами, объединенными в 16 семейств и 23 рода. Наиболее многочисленной по количеству видов является группа гидрофитов, или настоящих водных растений, представленная 41 видом (10 семейств, 14 родов). Гелофиты, или прибрежно-водные растения, представлены 17 видами (6 семейств и 9 родов соответственно).

Potamogeton acutifolius Link для области указывается впервые. Обнаружен автором в зарастающем пруду у поч. Лебедевский Уржумского района 13.08.2004. А. И. Лисицына и др. во «Флоре водоемов волжского бассейна» среди областей распространения данного вида Кировскую область не отмечают [12]. Н. Н. Цвелев указывает, что данный вид «заслуживает охраны» и относит его к категории редких [13].

По данным Е. М. Тарасовой [14], *Utricularia australis* R. Br. для области также указывается впервые. А. И. Лисицына и др. среди областей распространения вида Кировскую область не отмечают.

Кроме того, Е. М. Тарасовой среди не определенных ранее видов, хранящихся в гербарии Кировского областного краеведческого музея, обнаружен *Potamogeton filiformis* Pers., ранее для области также не отмечавшийся. А. И. Лисицына и др. среди областей распространения вида Кировскую область не указывают.

Сотрудниками Института биологии внутренних вод им. И. Д. Папанина РАН обследована часть гербарных образцов, хранящихся в Гербарии ВятГУ. Среди них обнаружены гибридные виды, которые для области указываются впервые. Среди них *Potamogeton* x *sparganiiifolius* Laest. ex Fries. (*P. gramineus* L. x *natans* L.) – Р. ежеголовниколистный.

Исследуя водные и прибрежно-водные растения, необходимо, на наш взгляд, иметь четкую программу для их описания. Несмотря на кажущееся обилие классификаций жизненных форм данных растений, их единая и общепринятая классификация до сих пор не выработана. Это существенно сдерживает исследования растительного компонента водоемов, а также препятствует сравнению региональных флор между собой. Проанализировав подходы к характеристике и классификации наземных и водных растений, для описания водных и прибрежно-водных растений предлагаем использовать следующие признаки:

1. Число плодоношений (монокарпики, поликарпики).

2. Длительность жизни особей (однолетники, вегетативные одно/малолетники, многолетники).

3. Степень вегетативной подвижности (вегетативно подвижные, вегетативно неподвижные).

4. Степень воздействия особи на среду обитания (моноцентрические, явнополицентрические, неявнополицентрические).

5. Длительность жизни надземных осей (травянистые, полукустарники...).

6. Тип морфологической дезинтеграции (специализированная, неспециализированная).

7. Время морфологической дезинтеграции (ранняя, поздняя, нормальная).

8. Степень морфологической дезинтеграции (частичная, полная).

9. Тип подземных органов (стержнекорневые, кистекорневые, длиннокорневищные, короткокорневищные, клубнеобразующие...).

10. Группы растений по длительности жизни листьев (летнезеленые, летне-зимнезеленые).

11. Количество генераций листьев и их тип (погруженные, плавающие, воздушные).

12. Тип побега по длине междоузлий (длиннопобеговые, розеточные, полурозеточные).

13. Тип побега по положению в пространстве (ортотропные, плагиотропные, анизотропные).

14. Тип побега по отношению к водной поверхности (погруженные, плавающие, всплывающие, полупогруженные).

15. Тип соцветия.

16. Модель побегообразования (моноподальная длиннопобеговая, моноподальная розеточная, симподиальная длиннопобеговая, симподиальная полурозеточная, симподиальная розеточная).

17. Жизненные формы по С. Raunkiaer, в связи с положением почек возобновления (геофиты, гидрофиты, гемикриптофиты...) [15].

При таком подходе будут учтены все морфологические особенности растений и исключена необходимость уточнения их экологической группы, особенно по отношению к воде. Уже в самой характеристике будет указано положение их ассимилирующей поверхности.

Так, с учетом вышеизложенных признаков, водную форму *Polygonum amphibium* L. предлагаем характеризовать как вегетативно подвижный, явнополицентрический, длиннокорневищный, летнезеленый, погруженный, укореняющийся, симподиальный длиннопобеговый, анизотропный, травянистый многолетний поликарпический геофит с полной поздней специализированной морфологической дезинтеграцией, плавающими и воздушными листьями и плотными конечными соцветиями из колосовидных кистей.

Тип I.
Поликарпики

Подтип I. Многолетники

Класс I. Вегетативно подвижные многолетники

Подкласс I. Вегетативно подвижные многолетние травы

Группа А. Вегетативно подвижные многолетние травы со специализированной морфологической дезинтеграцией

Подгруппа а. Длиннокорневищные, явнополицентрические

Секция 1. Анизотропные геофиты, длиннопобеговые гидрофиты с плавающими и воздушными листьями (*Polygonum amphibium*)

Секция 2. Анизотропные геофиты, длиннопобеговые гидрофиты с погруженными листьями (*Potamogeton lucens*)

Секция 3. Анизотропные геофиты, полурозеточные гелофиты с воздушными листьями (*Typha latifolia*)

Секция 4. Анизотропные гемикриптофиты, полурозеточные гелофиты с плавающими и воздушными листьями (*Sparganium emersum*)

Подгруппа б. Короткокорневищные, явнополицентрические

Секция 1. Плагиотропные, розеточные гидрофиты с погруженными и плавающими листьями (*Nuphar lutea*)

Подгруппа в. Короткокорневищные, неявнополицентрические

Секция 1. Плагиотропные гидрофиты, розеточные гелофиты с воздушными листьями (*Butomus umbellatus*)

Секция 2. Ортотропные гелофиты, полурозеточные гемикриптофиты с плавающими (погруженными) и воздушными листьями (*Alisma plantago-aquatica*)

Подтип II. Одно/малолетники
вегетативного происхождения

Класс I. Вегетативные одно/малолетники со специализированной морфологической дезинтеграцией

Группа А. Столонно-клубневые, явнополицентрические

Подгруппа а. Анизотропные геофиты, полурозеточные гелофиты с погруженными, плавающими и воздушными листьями (*Sagittaria sagittifolia*)

Подгруппа б. Анизотропные геофиты, длиннопобеговые гидрофиты с погруженными листьями (*Potamogeton pectinatus*)

Группа Б. Длиннокорневищные, явнополицентрические

Но при составлении системы жизненных форм целесообразно учитывать все признаки, используемые при их характеристике, так как она будет слишком громоздкой и дробной. Поэтому для построения системы биоморф предлагаем использовать следующие характеристики: число плодоношений, длительность жизни особей, степень вегетативной подвижности, длительность жизни надземных осей, способ разрастания особи, тип подземных органов, тип побега по длине междоузлий и положению в пространстве, положение почек возобновления – жизненную форму по С. Raunkiaer.

Для определения таксонов при классификации жизненных форм мы не нашли ничего более приемлемого, как именно эти: отдел, тип, класс, группа.

В системе Н. П. Савиных [7] все водные растения объединены в один отдел – водные растения. Типы выделены на основании числа плодоношений растений. При выделении подтипов учитывалась длительность жизни особей, классов – способность растений к вегетативной подвижности и степень воздействия особи на среду обитания, подклассов – длительность жизни надземных осей. При вычленении групп учитывали тип морфологической дезинтеграции, подгрупп – тип подземных органов и число центров воздействия особи на среду, секций – положение побегов в пространстве, в средах водной и воздушной, тип побегов по длине междоузлий и положение почек возобновления.

В некоторых случаях ранг таксономической единицы повышается в связи с используемым признаком. Так, очевидно, что вегетативные одно/малолетники – вегетативно подвижные травы. Поэтому основной признак при выделении класса в этой группе – тип морфологической дезинтеграции, группы – число центров воздействия особи на среду, подгруппы – тип побегов.

Особо подчеркиваем, что жизненные формы целесообразно характеризовать по особям зрелого генеративного возрастного состояния в фазе цветения. Термины «геофит» и «гидрофит» мы используем лишь в смысле С. Raunkiaer. В случае, когда названия экологической группы и жизненной формы при описании растения совпадают, указываем из двух повторяющихся характеристик только одну: гидрофит. Малолетники вегетативного происхождения и вегетативные однолетники объединены в одну группу: «Одно/малолетники вегетативного происхождения», так как наши исследования в данной области продолжаются.

С учетом вышеизложенных позиций, система жизненных форм водных и прибрежно-водных растений Кировской области (с указанием модельных видов) выглядит следующим образом:

Подгруппа а. Анизотропные геофиты, длиннопобеговые гидрофиты с погруженными и плавающими листьями (*Potamogeton natans*)

Группа В. Без специализированных подземных органов, явнополицентрические

Подгруппа а. Анизотропные столонно-розеточные гидрофиты с плавающими листьями (*Hydrocharis morsus-ranae*)

Подгруппа б. Анизотропные столонно-розеточные гидрофиты с погруженными и воздушными листьями (*Stratiotes aloides*)

Подгруппа в. Анизотропные длиннопобеговые гидрофиты с погруженными листьями (*Potamogeton crispus*)

Группа Г. Без специализированных подземных органов, моноцентрические

Подгруппа а. Плавающие длиннопобеговые гидрофиты с погруженными листьями (*Utricularia vulgaris*)

Подгруппа б. Укореняющиеся длиннопобеговые гидрофиты с погруженными листьями (*Myriophyllum verticillatum*)

Группа Д. Без специализированных подземных органов, неявнополицентрические

Подгруппа а. Плавающие листцевые гидрофиты (*Lemna minor*)

Подгруппа б. Погруженные листцевые гидрофиты (*Lemna trisulca*)

Класс 2. Вегетативные одно/малолетники с неспециализированной морфологической дезинтеграцией

Группа А. Без специализированных подземных органов, явнополицентрические

Подгруппа а. Анизотропные верхнерозеточные гидрофиты с погруженными и плавающими листьями (*Callitriche sophocarpa*)

Подгруппа б. Анизотропные длиннопобеговые гидрофиты с погруженными листьями (*Batrachium kauffmannii*)

Подтип III. Однолетники

Класс 1. Вегетативно подвижные однолетники

Группа А. Моноцентрические вегетативно подвижные однолетники

Подгруппа а. Анизотропные длиннопобеговые гидрофиты с погруженными листьями (*Callitriche hermaphroditica*)

Подобная программа требует дальнейших исследований. Она является новым подходом к изучению жизненных форм водных и прибрежно-водных растений с биоморфологических позиций, что позволяет как можно более полно использовать накопленные знания о гидрофильных растениях.

В последующем с применением предложенного алгоритма станет возможным сравнение растений с типичной организацией с таковыми из различных измененных условий обитания. Это позволит наметить влияние окружающей среды на структурную организацию растений и выявить признаки, наиболее реагирующие на изменение того или иного фактора. Применение алгоритма при периодической ревизии и эколого-биологическом контроле над состоянием популяций (фитомониторинг) также представляется весьма перспективным.

Примечания

1. Гидроботаника: методология, методы [Текст]: м-лы Школы по гидроботанике (п. Борок, 8-12 апреля 2003 г.). Рыбинск, 2003. С. 3.

2. Смиренский, А. А. Водные кормовые и защитные растения в охотничье-промысловых хозяйствах [Текст] / А. А. Смиренский. М., 1952. 181 с.

3. Папченков, В. Г. Растительный покров водоемов и водотоков Среднего Поволжья [Текст]: монография / В. Г. Папченков. Ярославль, 2001. 213 с.

4. Moore, E. The Potamogeton in relation to pond culture [Text] / E. Moore // Bull. Bur. Fisheries. 1916. 33. P. 251-291.

5. Cook, C. D. K. A monographic study of Ranunculus subgenus Batrachium (DC.) A. Grey [Text] / C. D. K. Cook // Mitt. Bot. Staatssamml. München, 1966. 6. P. 47-237.

6. Лапиров, А. Г. Основные термины и понятия гидроботаники [Текст] / А. Г. Лапиров // Бот. журн. 2002. Т. 87. № 2. С. 113-119.

7. Савиных, Н. П. О жизненных формах водных растений [Текст] / Н. П. Савиных // Гидроботаника: методология, методы: м-лы Школы по гидроботанике (п. Борок, 8-12 апреля 2003 г.). Рыбинск, 2003. С. 39-48.

8. Лапиров, А. Г. Экологические группы растений водоемов [Текст] / А. Г. Лапиров // Гидроботаника: методология, методы: м-лы Школы по гидроботанике (п. Борок, 8-12 апреля 2003 г.). Рыбинск, 2003. С. 5-22.

9. Флора СССР [Текст] М.; Л., 1934-1964. Т. 1-30.

10. Флора Европейской части СССР [Текст] Л., 1974-1987. Т. 1-6.

11. Черепанов С. К. Сосудистые растения СССР [Текст] / С. К. Черепанов. Л., 1981.

12. Лисицына А. И. Флора водоемов Волжского бассейна [Текст] / А. И. Лисицына, В. Г. Папченков, В. И. Артемченко. СПб., 1993. 220 с.

13. Цвелев, Н. Н. Определитель сосудистых растений Северо-Западной России (Ленинградская, Псковская и Новгородская области) [Текст] / Н. Н. Цвелев. СПб., 2000. 781 с.

14. Тарасова, Е. М. Новые и редкие для г. Кирова и Кировской области виды сосудистых растений [Текст] / Е. М. Тарасова // Бот. журн. 2003. Т. 88. № 2. С. 113-123.

15. Жмылев П. Ю. Биоморфология растений: иллюстрированный словарь [Текст]: учебное пособие / П. Ю. Жмылев и др. М., 2002. 240 с.

В. В. Чермных

О РЕГУЛЯРНЫХ ПОЛУКОЛЬЦАХ С НЕКОТОРЫМИ УСЛОВИЯМИ

В работе исследуется класс полуколец, характеризующихся полукольцами глобальных сечений пучков полуколец с делением над нульмерными компактами.

В статье [1] введены в рассмотрение булевы полукольца, которые с точки зрения пучковых представлений являются полукольцами глобальных сечений пучков полутел (не являющихся телами) над нульмерными компактами. В данной работе мы рассмотрим более широкий класс, отказавшись от условия положительности полукольца.

Определение. Непустое множество S с бинарными операциями $+$ и \cdot называется *полукольцом*, если выполняются следующие аксиомы:

1) $(S, +)$ – коммутативная полугруппа с нейтральным элементом 0 ;

2) (S, \cdot) – полугруппа с нейтральным элементом 1 ;

3) умножение дистрибутивно относительно сложения:

$a(b+c) = ab+ac$, $(a+b)c = ac+bc$ для любых $a, b, c \in S$;

4) $0a = 0 = a0$ для любого $a \in S$.

Определение. Полукольцо S называется *слабо симметрическим*, если $ac=ab \Leftrightarrow ca=ba$ для любых элементов a, b, c полукольца S ; *регулярным (строго регулярным)*, если для любого элемента $a \in S$ существует такой элемент $s \in S$, что $asa = a$ ($a^2s = a$).

Примерами слабо симметрических строго регулярных полуколец являются ограниченные дистрибутивные решетки, полукольца с делением (каждый ненулевой элемент обратим). Под полутелом будем понимать полукольцо с делением, не являющееся телом; таким образом, класс полуколец с делением исчерпывается всеми телами и полутелами.

Легко показать, что строго регулярное полукольцо не содержит ненулевых нильпотентов, а каждый его односторонне обратимый элемент обратим. Очевидно также, что в классе слабо симметрических полуколец регулярность и слабая регулярность совпадают.

Идемпотент $e = e^2 \in S$ назовем *центральным*, если $es = se$ для любого $s \in S$; центральный идемпотент назовем *дополняемым*, если $e+e'=1$, $ee'=0$ для некоторого $e' \in S$. Стандартно проверяется, что

элемент e' определяется однозначно и является дополняемым идемпотентом.

В слабо симметрическом полукольце все идемпотенты центральны. Действительно, $es = e^2s$, что влечет $se = ese$. Аналогично, $es = ese$.

Лемма 1. В регулярном полукольце каждый главный односторонний идеал порождается идемпотентом.

Доказательство. Пусть aS – произвольный главный правый идеал и $asa = a$ для некоторого $s \in S$. Элемент $e = as$ является идемпотентом и $eS \subseteq aS$. Для любого $t \in S$ $at = asat = eate \in eS$, т. е. $aS \subseteq eS$.

Определение. Полукольцо S назовем *инверсным*, если для любого элемента a этого полукольца существует единственный к нему инверсный элемент b из S такой, что $aba = a$ и $bab = b$. Другими словами, полукольцо инверсно, если инверсна мультипликативная полугруппа полукольца [2, с. 34].

Предложение 2. В слабо симметрическом регулярном полукольце S справедливы утверждения:

i) каждый главный односторонний идеал порождается однозначно определенным идемпотентом;

ii) каждый односторонний идеал является двусторонним;

iii) если каждый идемпотент полукольца S дополняем, то S – полупервично, т. е. пересечение всех его первичных идеалов равно нулю;

iv) S является инверсным полукольцом.

Доказательство. i) Рассмотрим произвольный главный правый идеал aS , порождаемый по лемме 1 некоторым идемпотентом e из S . Поскольку в слабо симметрическом полукольце все идемпотенты центральны, то $aS = eS = Se = (e) = (a)$. Предположим, что идеал (a) порождается также идемпотентом f . Имеем $(f) = (a) = (e)$, значит, $e = fs$ и $f = et$ для некоторых элементов s, t из S . Тогда $ef = eet = et' = f$ и $fe = ffs = fs = e$. Но в силу центральности идемпотентов имеем $f = ef = fe = e$.

ii) Произвольный правый идеал J является суммой главных правых идеалов aS , $a \in J$, каждый из которых по доказанному в i) двусторонний. Следовательно, идеалом будет и J .

iii) Покажем, что для произвольного ненулевого элемента a существует первичный идеал, не содержащий его. Рассмотрим правый идеал aS , порождаемый некоторым идемпотентом e . Предположим, что для его дополнения выполняется $(e') = S$. В этом случае e' обратим. Так как a имеет вид es для некоторого s из полукольца S , то $a = es = ee'(e')^{-1}s = 0$, противоречие. Значит, (e') содержится в некотором максимальном идеале M . Поскольку $1 = e' + et \in M$, то $et \in M$, а максимальный идеал первичен.

iv) Возьмём произвольный элемент a из S и пусть $asa = a$ для некоторого $s \in S$. Рассмотрим

элемент $b=sas$ и покажем, что он инверсен к элементу a . Действительно, $aba=asasa=asa=a$ и $bab=sasas=sasas=sas=b$. Покажем единственность инверсного элемента к элементу a . Элементы $e=ab$ и $f=ba$ являются центральными идемпотентами, поэтому $eS=(a)=fS$. По свойству $i) f=e$, то есть $ab=ba=e$. Но eS можно рассматривать как подполукольцо с единицей e . Поскольку каждый инверсный к элементу a обязан лежать в eS , то он будет определяться однозначно как обратный к a в полукольце eS .

Лемма 3. В регулярном полукольце, каждый идемпотент которого дополняем, произвольный первичный идеал является максимальным.

Доказательство. Пусть P – первичный идеал и $a \notin P$. Для подходящего $s \in S$ $asa=a$ и $e=as$ – идемпотент, не лежащий в P . Для произвольного $r \in S$ $ere'=0$ в силу центральности идемпотентов, поэтому $e' \in P$. Получаем $1=e+e' \in P+(a)$, следовательно, P – максимальный идеал.

Напомним, что полукольцо S называется прямой суммой своих идеалов J_1, \dots, J_k , если $S = J_1 + \dots + J_k$, и каждый элемент из S однозначно выражается в виде суммы представителей из идеалов J_i . Обозначим прямую сумму через $J_1 \oplus \dots \oplus J_k$. Известно, что если $S = J_1 \oplus \dots \oplus J_k$, то J_i является главным идеалом, порожденным дополняемым идемпотентом e_i и $e_i e_j = 0$ для различных i, j . При этом J_i является полукольцом с единицей e_i . Существует естественная связь между прямыми суммами и (внешними) прямыми произведениями полуколец. Так, если S изоморфно прямому произведению полуколец $A_1 \times \dots \times A_k$ (обозначим изоморфизм через φ), то $S = \varphi(A_1) \oplus \dots \oplus \varphi(A_k)$. Обратно, $S = J_1 \oplus \dots \oplus J_k$ влечет $S = J_1 \times \dots \times J_k$.

Пусть сейчас $S = J_1 \times \dots \times J_k$, где J_i – полукольца с делением. Полукольцо S строго регулярно, так как уравнение $(a_1, \dots, a_k)^2 (x_1, \dots, x_k) = (a_1, \dots, a_k)$ разрешимо. Действительно, если $a_i \neq 0$, то возьмем $x_i = a_i^{-1}$. В противном случае положим $x_i = 0$. Если (e_1, \dots, e_k) – идемпотент, то, очевидно, каждая компонента равна либо нулю, либо единице, т. е. идемпотент дополняем. Наконец, S слабо симметрическое, поскольку таковым является любое полукольцо с делением. Получили, что прямое произведение полуколец с делением является слабо симметрическим регулярным полукольцом, каждый идемпотент которого дополняем. В случае конечного полукольца верно также и обратное.

Теорема 4. Конечное ненулевое слабо симметрическое полукольцо S , в котором каждый идемпотент дополняем, регулярно тогда и только тогда, когда оно изоморфно прямому произведению нескольких конечных полуколец с делением.

Доказательство.

Начнем со вспомогательного утверждения.

Лемма 5. Всякий конечно-порожденный идеал слабо симметрического регулярного полукольца

S , каждый идемпотент которого имеет дополнение, является главным идеалом.

Доказательство. Достаточно показать, что сумма двух главных идеалов полукольца S есть главный идеал. Рассмотрим главные идеалы eS и gS полукольца S . По предложению 2 e и g можно считать дополняемыми идемпотентами. Рассмотрим элемент ge' полукольца S . Так как S регулярно, то $(ge')s(ge') = ge'$. Пусть $c = ge's$. Элемент c является идемпотентом, поскольку $c^2 = (ge's)(ge's) = (ge')s(ge')s = ge's = c$. Стандартно проверяется, что $cS = ge'S$. Теперь покажем, что $eS + gS = (e+c)S$. Имеем $(e+c)e = e$, так как $ce = ge'se = 0$ в силу центральности идемпотентов слабо симметрического полукольца. Значит, $e \in (e+c)S$. В то же время

$g = g(e+e') = ge + ge' = ge + (ge')s(ge') = ge + ge'c = g(e+c)$, что и означает, что $g \in (e+c)S$. Таким образом, получили, что $eS + gS \subseteq (e+c)S$. Обратно, $e+c = e + ge's$, т. е. $e+c \in eS + gS$ и $(e+c)S \subseteq eS + gS$. Доказательство леммы завершено.

Пусть S – ненулевое слабо симметрическое строго регулярное полукольцо, каждый идемпотент которого дополняем. Рассмотрим множество A всех идемпотентов полукольца S . На множестве A введём отношение \leq , положив $e \leq f \Leftrightarrow ef = e$. Это отношение является отношением порядка, т. е. оно рефлексивно, антисимметрично и транзитивно. Так как множество A конечно, в нём есть атомы – ненулевые минимальные элементы; обозначим множество всех атомов через $M = \{e_1, \dots, e_n\}$. Множество M не пусто, поскольку $1 \in A \setminus \{0\}$ и под каждым элементом конечного упорядоченного множества $A \setminus \{0\}$ содержится хотя бы один атом. Покажем, что $S = e_1 S \oplus \dots \oplus e_n S$ и $e_i S$ – полукольца с делением. По лемме 5 сумма $e_1 S + \dots + e_n S$ даёт идеал J , который порождается некоторым идемпотентом e . Рассмотрим случай, когда $e \neq 1$. Идемпотент e имеет дополнение e' , причём, $e' \neq 0$; значит, существует атом e_i такой, что $e_i \leq e'$. Так как $e_i \in (e)$, то e_i имеет вид se для некоторого s из S . Тогда $e_i = e_i e' = s e e' = 0$, противоречие, следовательно $e = 1$. Таким образом, $S = J = e_1 S + \dots + e_n S$. Заметим, что произведение различных атомов равно нулю и допустим, $s = e_1 s_1 + \dots + e_n s_n = e_1 t_1 + \dots + e_n t_n$. Умножив равенство на e_i , получаем, $e_i s_i = e_i t_i$, что означает однозначность разложения произвольного элемента полукольца.

Осталось показать, что $e_i S$ – полукольца с делением. На $e_i S$ можно смотреть как на полукольцо, единицей которого является e_i . Возьмём ненулевой элемент a из $e_i S$. По предложению 2 $aS = gS$ для некоторого идемпотента g из множества A . Поскольку $g = e_i s$ для некоторого $s \in S$, то $ge_i = e_i^2 s = e_i s = g$ и $g \leq e_i$. Идемпотент g отличен от нуля, поэтому совпадает с атомом e_i . Получаем $at = e_i$ для некоторого $t \in S$. Наконец, $ae_i t = e_i^2 = e_i$ и элемент a обратим в полукольце $e_i S$. Теорема доказана.

Следствие 6. Конечное регулярное слабо симметрическое полукольцо, каждый идемпотент которого дополняем, коммутативно.

Доказательство. Достаточно показать, что любое конечное полукольцо с делением коммутативно. Это так, если кольцо с делением является телом (Веддерберн). Пусть T – конечное полукольцо с делением, не являющееся телом и a_1, \dots, a_k – все его ненулевые элементы. Элемент $a = a_1 + \dots + a_k$ отличен от нуля, иначе T – тело. Тогда $aa_i = a$ для любого i , откуда $a_i = 1$. Таким образом, T – двухэлементная цепь, очевидно, коммутативная.

Следствие 7. Конечная булева решетка изоморфна прямому произведению двухэлементных цепей.

Далее рассмотрим пучковое представление полуколец. Пространство $Spec S$ всех первичных идеалов полукольца S со стоуновской топологией называется первичным спектром полукольца; его подпространство $Max S$, состоящее из всех максимальных идеалов, называется максимальным спектром. Базис $Spec S$ составляют открытые множества

$$D(a) = \{P \in Spec S : a \notin P\}.$$

Для первичного идеала P рассмотрим конгруэнцию

$$a \theta_P b \Leftrightarrow (\exists c \in S \setminus P) (\forall s \in S) asc = bsc.$$

Обозначим через (L, X) ламбековский пучок со слоями S/θ_P и базисным пространством X в виде первичного или максимального спектра полукольца.

Пусть сейчас S – слабо симметрическое регулярное полукольцо, каждый идемпотент которого дополняем. Оно бифекулярно (=каждый главный идеал порождается дополняемым идемпотентом), поэтому изоморфно полукольцу $\Gamma(L)$ всех глобальных сечений своего ламбековского пучка ([3], следствие 2.1.10 и теорема 3.5.4). Базисное пространство $X = Max S$, гомеоморфное $Spec S$ (лемма 3), и является нульмерным компактом. Напомним, что пространство называется нульмерным, если существует базис открыто-замкнутых множеств. Для нашего полукольца такой базис будет состоять из множеств вида $D(e)$, где e – дополняемый идемпотент. Пусть \hat{a} , $a \in S$, – произвольное глобальное сечение пучка L . В слое L_M , $M \in Max S$, $\hat{a}(M) \neq \hat{0}(M)$ тогда и только тогда, когда $a \in M$, откуда вытекает, что каждый слой пучка L является полукольцом с делением. Действительно, $M + aS = S$ влечет $m + ar = 1$ для некоторого $r \in S$. Для подходящего $s \in M$ и любого $se \in S$ получаем $ars = 1sc$, что означает $ar \theta_M 1$ или $\hat{a}(M) \hat{r}(M) = \hat{1}(M)$.

Теорема 8. Слабо симметрические регулярные полукольца, в которых каждый идемпотент дополняем, – это с точностью до изоморфизма полукольца глобальных сечений пучков полуколец с делением над нульмерными компактами.

Доказательство. Пусть P – пучок полуколец с делением над нульмерным компактом X и σ – произвольное глобальное сечение пучка. Для каждой точки x из носителя $supp \sigma$ элемент $\sigma(x)$ обратим в слое P_x , следовательно, найдется глобальное сечение γ такое, что $\gamma(x)\sigma(x) = 1(x)$ и $\gamma \sigma$ совпадает с единичным сечением на некоторой открытой окрестности U_x точки x , причём $U_x \subseteq supp \sigma$. Следовательно, $supp \sigma$ – открыто-замкнутое подмножество пространства X . В силу нульмерности найдется открыто-замкнутое множество $V_x \subseteq U_x$, содержащее точку x . Компактность X позволяет выбрать из покрытия $\{V_x : supp \sigma\}$ множества $supp \sigma$ конечное подпокрытие V_1, \dots, V_k , причём, можно считать множества непересекающимися. Для соответствующих сечений $\gamma_i \in \Gamma$ имеем $\sigma \gamma_i = 1$ на V_i . Пусть $\delta_i = \gamma_i e_i$, где e_i – соответствующее характеристическое глобальное сечение, равное 1 на V_i и 0 на $X \setminus V_i$. Очевидно, что $\sigma \delta_i = 1$ на V_i . Обозначим $\delta = \delta_1 + \dots + \delta_k \in \Gamma$ и получаем $\sigma \delta = \sigma$ в каждой точке пространства X . Действительно, если $x \in supp \sigma$, то $\delta(x) = \sigma^{-1}(x)$, а для $x \in X \setminus supp \sigma$ обе части равенства равны нулю слоя P_x . Показали, что Γ – регулярное полукольцо. Пусть сейчас $\sigma \gamma = \sigma \delta$ для произвольных $\sigma, \gamma, \delta \in \Gamma$. Как и при доказательстве регулярности возьмем глобальное сечение ρ , которое обратимо в каждой точке из $supp \sigma$ и равно нулю на $X \setminus supp \sigma$. Умножив $\sigma \gamma = \sigma \delta$ на ρ слева и на σ справа, получим $\rho \sigma \gamma = \rho \sigma \delta$. Аналогично доказывается обратная импликация, и Γ – слабо симметрично. Наконец, произвольный идемпотент из Γ принимает в каждом слое значение, равное или нулю, или единице. Ясно, что он дополняем. Теорема доказана.

Определение. Произвольное полукольцо S называется положительным, если $a+1$ обратимый элемент для любого $a \in S$; регулярное положительное полукольцо, каждый идемпотент которого дополняем, называется булевым.

Можно показать, что булевы полукольца являются слабо симметрическими, поэтому образуют подкласс слабо симметрических регулярных полуколец с дополняемыми идемпотентами. Слои ламбековского пучка булева полукольца будут положительными полукольцами, следовательно, полутелами. Поэтому справедливо

Следствие 9. ([4], теорема 6.4) Полукольцо булево тогда и только тогда, когда оно изоморфно полукольцу всех глобальных сечений пучка полутел над нульмерным компактом.

Примечания

1. Вечтомов, Е. М. Абелево-регулярные полукольца [Текст] / Е. М. Вечтомов, А. В. Михалев, В. В. Черных // Труды семинара им. И. Г. Петровского. Вып. 20. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. С. 282-309.
2. Общая алгебра [Текст]. Т. 2 / под общ. ред. Л. А. Скорнякова. М.: Наука, 1991.
3. Черных, В. В. Полукольца [Текст] / В. В. Черных. Киров: Изд-во ВГПУ, 1997.
4. Вечтомов, Е. М. Указ. соч.

**О МЕТАМОРФОЗЕ В РАЗВИТИИ РАСТЕНИЙ
НА ПРИМЕРЕ ВИДОВ СЕМЕЙСТВА
ГРУШАНКОВЫЕ (PYROLACEAE)**

Рассмотрена возможность применения понятия «метаморфоз» при описании онтогенеза микопаразитных растений. Показано наличие сходных тенденций в развитии растений и животных.

Понятие «развитие с превращением (метаморфозом)» традиционно используют в биологии для описания онтогенеза у животных. При этом понимается, что личиночная стадия значительно отличается от взрослой особенностями внешнего и, отчасти, внутреннего строения, образом жизни, кормовыми предпочтениями и т. д. То есть метаморфоз – это «более или менее кардинальное преобразование организации индивида в процессе его онтогенетического развития» [15, с. 62]. Однако возможно ли применение этого понятия для описания онтогенеза растений?

Впервые на подобную возможность обратил внимание Э. С. Терёхин [16] при изучении эмбриологии паразитных покрытосеменных, а затем это было развито в трудах ряда ученых [5 и др.; 15 и др.; 16]. Терёхин трактовал метаморфоз в основном как переход «от униполярного к биполярному способу развития спорофита» [15, с. 63]. При этом, как только начиналось любое биполярное развитие, даже отдельного органа, а не всего растения, метаморфоз считался завершённым. Но возможна и иная трактовка метаморфоза у этих растений.

В настоящее время наиболее распространена методика описания онтогенеза типичных зелёных фотосинтезирующих (автотрофных) растений, предложенная Т. А. Работновым [10] и дополненная его последователями ([6] и др.; [17]; [19]; и др.). При этом в онтогенезе выделяется четыре периода: латентный, прегенеративный, генеративный и постгенеративный. Из них только в латентном периоде (в состоянии семени) растение чётко отличается от растений остальных периодов по типу питания, особенно в том случае, когда в это время происходит доразвитие зародыша, и он питается гетеротрофно, и несколько отличается внешне; в целом эта стадия вполне подобна стадии яйца животных.

Таким образом, можно заключить, что развитие типичного автотрофного растения совершается без метаморфоза.

Однако развитие ряда паразитных растений, в том числе растений, паразитирующих на грибах

БОБРОВ Юрий Александрович – старший преподаватель кафедры ботаники ВятГУ
© Ю. А. Бобров, 2004

(микопаразитов), описать подобной схемой практически невозможно. Примером таких растений являются виды семейства Грушанковые (*Pyrolaceae*).

Различные исследователи по-разному трактуют объём семейства и степень его самостоятельности: его то включают в состав семейства Вересковые (*Ericaceae*) на правах подсемейства [7; 13; 21; 25;] или трибы [20], то объединяют с семейством Верляниевые (*Monotropaceae*), включая виды последнего в состав грушанковых [18], то считают самостоятельным в составе четырёх родов – зимолобка (*Schimafrila* Pursh), ортилия (*Orthilia* Rafn.), грушанка (*Pyrola* L.) и одноцветка (*Moneses* Salisb.) [3; 11; 12]. В этой работе мы принимаем семейство Грушанковые как самостоятельное семейство, состоящее из четырёх родов, перечисленных выше; их эколого-географическая характеристика была дана ранее [1].

Отличительной особенностью этих растений является крайняя редукция зародыша, отмирание побегового (апикального) полюса проростка ещё в семени и формирование из корневого (базального) полюса особой структуры – протосомы. Хотя для описания этой структуры J. Velenovsky [26] предложил термин «прокаулом», мы принимаем термин «протосома», предложенный Э. С. Терёхиным и З. И. Никитичевой [16] в качестве общего понятия для всех структур подобного рода.

В связи с отмиранием апикального полюса зародыша ещё в семени и формированием абсолютно непохожей на генеративное растение структуры в начале для описания индивидуального развития (онтогенеза) грушанковых применение универсальной схемы Работнова-Уранова затруднительно. Поэтому мы [2] предложили иную схему (см. рис. 1). Она основана на двух признаках: наличие или отсутствие протосомной части растения и степень развития побеговой системы (наличие побегов и корневищ). Соответственно выделено четыре фазы онтоморфогенеза: фаза протосомы, фаза протосомно-побегового растения, фаза протосомно-корневищного растения и фаза корневищного растения.

Фаза протосомы начинается с момента прорастания семени и продолжается до начала внепочечной фазы развития первого побега. Растение состоит только из протосомной части, которая представляет собой недифференцированное вегетативное тело из тонких (толщиной до 0,5-1 мм) ветвящихся нематамерных элементов («нитей»). Они нарастают в различных направлениях как в горизонтальной, так и в вертикальной плоскости, нередко меняя направление роста. В результате формируется трёхмерная структура диаметром в 10-12 см и толщиной 3-4 см.

В абсолютном выражении растения всех видов семейства находятся в этой фазе как минимум до 3,5 лет [22; 23; 24].

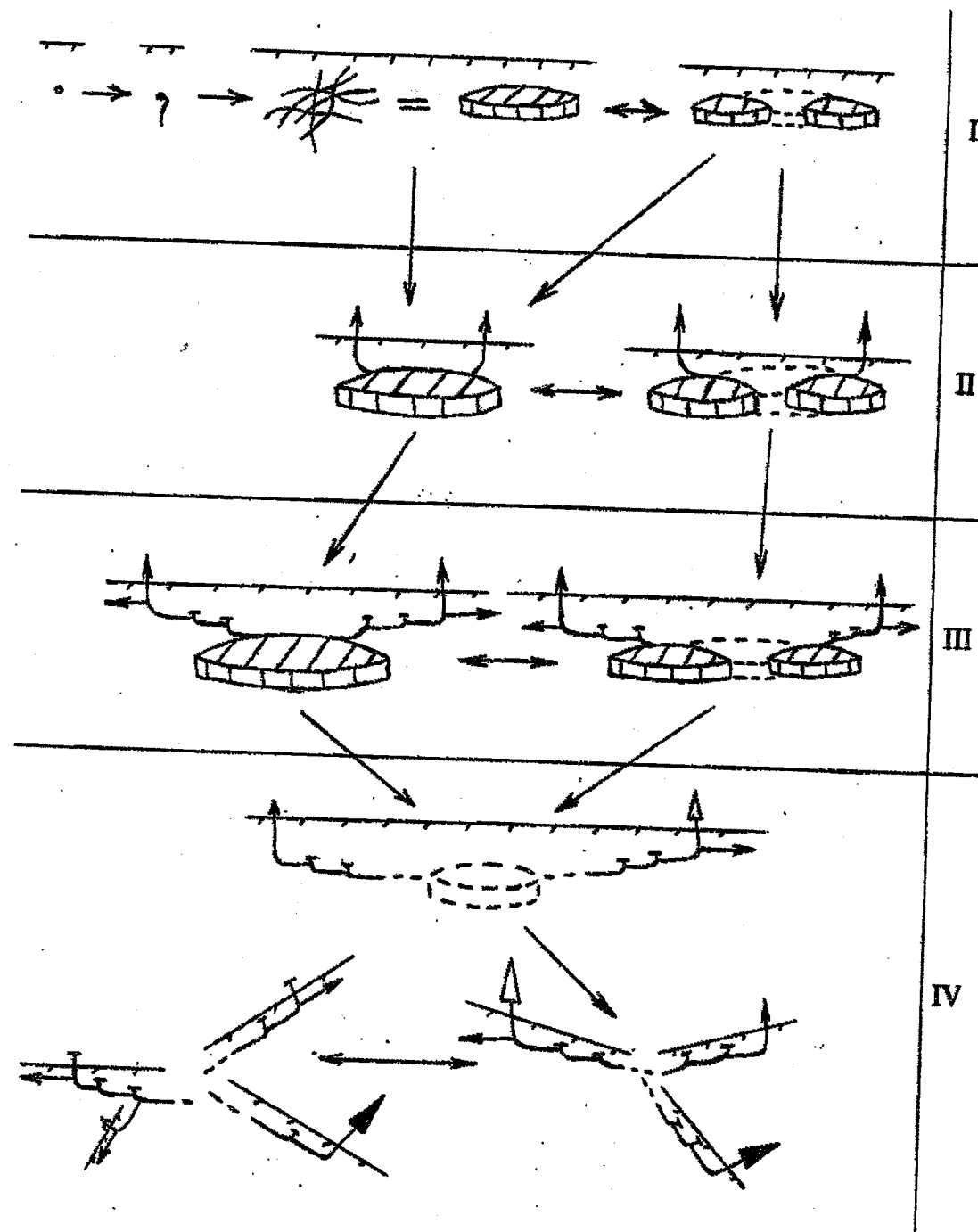

Рис. 1. Общая схема онтоморфогенеза видов семейства Pyrolaceae
I – фаза протосомы; II – фаза протосомно-побегового растения;
III – фаза протосомно-корневищного растения; IV – фаза корневищного растения

- Условные обозначения:
- ↑ растущий побег
 - ▲ соцветие этого года
 - уровень почвы
 - ▭ протосома
 - ┆ побег с отмершей верхушкой
 - соцветие прошлого года
 - ▲ отмершая часть побеговой системы

Основная функция протосомной части у зимолюбок, ортилии и грушанок – поиск питающего субстрата – будущего симбионтного гриба и первичное освоение пространства. Для одноцветки основная функция протосомы сводится к освоению пространства.

Нити протосомной части тонкие, хрупкие; протосома легко распадается на части – «партикулы», в результате чего образуется клон. При наличии микосимбионта каждое дочернее растение – клонист (терм.: [9]) – продолжает своё развитие.

Таким образом, в фазе протосомы растение не имеет побегового – корневого (кормофитного) строения. С известной долей обобщения можно сказать, что растение находится на слоевцовом уровне организации.

На протосомной части закладываются (по-видимому, эндогенно) придаточные (адвентивные) почки. Наши наблюдения позволяют предположить возможность превращения протосомного апекса нити у протосомы в побеговый, подобно отмеченному для видов семейства Орхидные (*Orchidaceae*) (Rasmussen, 1986; цит. по: [4]).

Фаза протосомно-побегового растения начинается с внепочечной фазы развития первого побега и продолжается до формирования первого корневища. Под корневищем мы понимаем симподий из резидов (терм.: [8]), а не любой подземный побег или его часть. Растение во второй фазе онтоморфогенеза состоит из протосомной части и побеговой системы, представленной ветвящимися и неветвящимися побегами, сформировавшимися, в основном, из адвентивных почек разных нитей протосомной части.

Наиболее простое строение имеет побеговая система у грушанок – это несколько неветвящихся почвенных (не выходящих на поверхность) побегов. У одноцветки побеговая система образована множеством (до нескольких десятков) неветвящихся почвенно-воздушных цветущих (монокарпических) побегов и побегов с неполным циклом развития, как почвенно-воздушных, так и почвенных. У зимолюбок и ортилии побеговая система представлена немногими (до 2-3 десятков) ветвящимися и неветвящимися почвенно-воздушными побегами, как монокарпическими, так и с неполным циклом развития; кроме них есть также почвенные и воздушные побеги с неполным циклом развития. Придаточные корни в этой фазе отсутствуют на побегах всех видов семейства.

Длительность второй фазы около года у грушанок, несколько десятков лет у зимолюбок и ортилии и неопределённо долго (в течение всей жизни растения) у одноцветки.

В фазе протосомно-побегового растения протосомная часть обеспечивает связь с микосимбионтом и за счёт этого – снабжение элементами минерального питания, водой и, вероятно, орга-

ническими веществами (последнее однозначно так в отношении грушанок) и захват пространства в горизонтальной плоскости – в почве. Побеговая система обеспечивает захват пространства в горизонтальной и вертикальной (над почвой) плоскости (у грушанок – только в горизонтальной). У зимолюбок, ортилии и одноцветки побеговая система обеспечивает также воздушное питание и семенное размножение (однако цветение у зимолюбок и ортилии наблюдается очень редко).

Растение продолжает находиться в виде клона, сформировавшегося как в результате развития клонистов – частей протосомы, так и в результате партикуляции материнских протосомно-побеговых растений. Разрушению здесь, как и в предыдущей фазе, подвергается протосомная часть.

Таким образом, в фазе протосомно-побегового растения у грушанковых сочетается два уровня организации – слоевцовый и кормофитный – с определённым доминированием первого.

Фаза протосомно-корневищного растения начинается с появления корневища из резидов побегов и длится до отмирания протосомной части. Эта (и следующая) фаза отсутствует у одноцветки. Растение во второй фазе состоит из протосомной части и побеговой системы, в которую обязательно входит корневище. В составе побеговой системы всех видов появляются цветущие побеги. На почвенных побегах, подземных (геофильных) частях почвенно-воздушных побегов и на корневищах есть придаточные корни.

Основные функции и протосомной и побеговой части в целом те же, что и в предыдущей фазе. Однако роль протосомной части уменьшается, её роль как субстрата для прикрепления симбионтного гриба начинают принимать придаточные корни побегов. При этом формируется типичная микориза, а сами отношения «растение – гриб», вероятно, становятся более сбалансированными. Новые побеги формируются теперь в основном из пазушных почек побегов предыдущего порядка, а не адвентивных почек протосомной части. Побеговая система окончательно принимает на себя функцию освоения пространства, она обеспечивает воздушное питание, семенное и вегетативное размножение.

Определённым исключением является грушанка безлистная (*Pyrola aphylla* Im.), которая практически полностью лишена фотосинтезирующих органов и питается, очевидно, за счёт гриба.

Растение обычно произрастает одиночно; партикуляция возможна, при этом разрушается побеговая система.

Таким образом, в фазе протосомно-корневищного растения также сочетаются два уровня организации (слоевцовый и кормофитный) с явным доминированием последнего.

Фаза корневищного растения начинается после отмирания остатков протосомной части и длится до гибели последнего из клонистов. Растение состоит только из побеговой системы. Все необходимые для жизни растения функции выполняет побеговая система; субстрат для прикрепления симбионтного гриба – придаточные корни.

В целом растения находятся на кормофитном уровне организации и вполне напоминают (за исключением грушанки безлистной) типичные автотрофные растения. Именно строение растений в этой фазе описано во всех Флорах и Определителях растений.

Таким образом, развитие зимолюбок, ортилии и грушанок происходит с метаморфозом: после прорастания семени формируется особая «личинчатая» структура – протосома, из которой постепенно образуется генеративное растение, в целом напоминающее типичное автотрофное растение. Соотносить протосому с личинками животных позволяет и её явно выраженный вегетативный характер: основная функция как личинки животного, так и протосомы микопаразита – питание, к генеративному размножению они не способны (хотя протосома в отличие от большинства личинок животных может размножаться вегетативно).

Заканчивается метаморфоз, по нашему мнению, не при смене униполярного развития протосомы на биполярное развитие первого побега, как считал Э. С. Терёхин [15], а только при полном отмирании протосомной части – «сбросе личинчатых покровов».

Особый интерес представляет одноцветка. У этого растения развитие останавливается на второй фазе онтоморфогенеза. При этом растение вступает в генеративный период, сохраняя «личинчатые» черты организации – протосомную часть.

Одноцветка никогда полностью не переходит на кормофитный уровень организации, так как на протяжении всей жизни растения сохраняется протосомная часть, новые побеги образуются только из адвентивных почек протосомы, придаточные корни не образуются.

Подобное явление – переход к генеративному размножению на личинчатой стадии – отмечен и среди животных. Ярким примером этого является аксолотль.

Заключение. Развитие микопаразитных видов трёх родов – зимолюбка (*Chimaphila*), ортилия (*Orthilia*) и грушанка (*Pyrola*) – семейства Грушанковые (*Pyrolaceae*) происходит с метаморфозом. Метаморфоз заканчивается при полном исчезновении протосомной части и формировании корневищного растения.

Развитие одноцветки останавливается на промежуточной стадии – протосомно-побегового растения. При этом растение переходит в генеративный период и существует в таком состоя-

нии неопределённо долго. Подобное явление можно соотнести с переходом к размножению личинок животных, например аксолотля, закрепившемся в результате эволюционного развития.

Всё вышесказанное демонстрирует наличие сходных тенденций в эволюции индивидуально-развития представителей двух Царств живой природы – растений и животных: развития с метаморфозом и переход в половозрелое состояние на личинчатой стадии.

Примечания

1. Бобров, Ю. А. Эколого-географический очерк видов семейства *Pyrolaceae* Dumortier [Текст] / Ю. А. Бобров // Вестник ВятГУ. 2003. № 8. С. 141-144.
2. Бобров, Ю. А. О ранних стадиях развития особой европейской формы семейства *Pyrolaceae* [Текст] / Ю. А. Бобров // Бот. журн. 2004. Т. 89. № 8. С. 1341-1350.
3. Буш, Н. А. Сем. СХХI. Грушанковые – *Pyrolaceae* Lindl. [Текст] / Н. А. Буш // Флора СССР. Т. XVIII / гл. ред. В. Л. Комаров; ред. тома Б. К. Шишкин, Е. Г. Бобров. М.; Л., 1952. С. 7-19.
4. Варлыгина, Т. И. Род Тайник [Текст] / Т. И. Варлыгина // Биологическая флора Московской области. Вып. 10 / под ред. В. Н. Павлова, В. Н. Тихомирова. М., 1995. С. 52-63.
5. Жук, А. В. Стратегия повилки (*Cuscuta* L.) во взаимоотношениях с хозяевами [Текст] : автореф. дис. ... канд. биол. наук / А. В. Жук. СПб., 2000. 22 с.
6. Жукова, А. А. Популяционная жизнь луговых растений [Текст] / А. А. Жукова. Йошкар-Ола, 1995. 224 с.
7. Кожевников, Ю. П. Семейство Вересковые (*Ericaceae*) [Текст] / Ю. П. Кожевников // Жизнь растений: в 6 т. / гл. ред. А. А. Фёдоров. Т. 5. Ч. 2. Цветковые растения / под ред. А. Л. Тахтаджяна. М., 1981. С. 88-95.
8. Нухимовский, Е. А. О термине и понятии «каудекс». 2. Современное состояние вопроса [Текст] / Е. А. Нухимовский // Вестник МГУ. Сер. биол.-почвовед. 1969. № 1. С. 55-62.
9. Нухимовский, Е. А. Основы биоморфологии семенных растений [Текст] / Е. А. Нухимовский. М., 1997. Т. 1. 630 с.
10. Работнов, Т. А. Жизненный цикл многолетних травянистых растений в луговых ценозах [Текст] / Т. А. Работнов // Труды БИН АН СССР. Сер. 3. Геоботаника. М.; Л., 1950. Вып. 6. С. 77-204.
11. Скворцов, А. К. Сем. 73. *Pyrolaceae* Dum. Грушанковые [Текст] / А. К. Скворцов // Флора европейской части СССР. Т. V / отв. ред. А. А. Фёдоров; ред. тома Р. В. Камелин. Л., 1981. С. 52-57.
12. Тахтаджян, А. Л. Происхождение и расселение цветковых растений [Текст] / А. Л. Тахтаджян. Л., 1970. 146 с.
13. Тахтаджян, А. Л. Система магнолиофитов [Текст] / А. Л. Тахтаджян. Л., 1987. 439 с.
14. Терёхин, Э. С. Метаморфоз в онтогенезе покрытосеменных растений-паразитов [Текст] / Э. С. Терёхин // Доклады АН СССР. 1968. Т. 178, № 4. С. 957-959.
15. Терёхин, Э. С. Паразитные цветковые растения: Эволюция онтогенеза и образа жизни [Текст] / Э. С. Терёхин. Л., 1977. 220 с.

16. Терехин, Э. С. Постепенное развитие паразитных *Angiospermae*. 1. Метаморфоз [Текст] / Э. С. Терехин, З. И. Никитичева // Бот. журн. 1968. Т. 53, № 1. С. 39-57.

17. Уранов, А. А. Онтогенез и возрастной состав ценопопуляций (вместо предисловия) [Текст] / А. А. Уранов // Онтогенез и возрастной состав популяций цветковых растений. М., 1967. С. 3-8.

18. Цвелёв, Н. Н. Определитель сосудистых растений Северо-Западной России (Ленинградская, Псковская и Новгородская области) [Текст] / Н. Н. Цвелёв. СПб., 2000. 781 с.

19. Ценопопуляции растений: Основные понятия и структура [Текст]. М., 1976. 214 с.

20. Copeland, H. F. Observations on the structure and classification of the *Pyroleae* [Text] / H. F. Copeland. Madrono. 1947. № 9. P. 65-102.

21. Haber, E. Generic limits in the *Pyroloideae* [Text] / E. Haber, J. E. Cruise // Canad. Journ. Bot. 1974. Vol. 52, № 4. P. 877-883.

22. Libnell, D. Keimungsversuche mit *Pirolasamen* [Text] / D. Libnell // Symb. Bot. Upsal. 1942. Vol. VI, № 3. S. 1-37.

23. Lück, R. Zur Biologie der heimischen *Pirola*-Arten [Text] / R. Lück // Schrift. der Physikokonom. 1940. Vol. 71, № 2. S. 300-334.

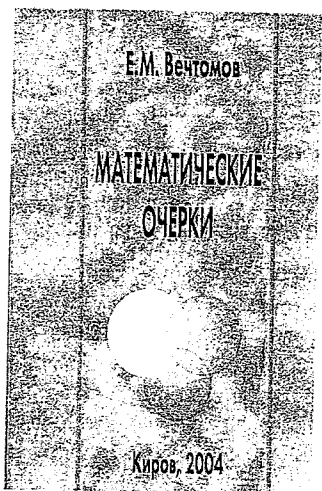
24. Lück, R. Zur Keimung der heimischen *Pirola*-Arten [Text] / R. Lück // Flora. 1941. Vol. 35, № 1. S. 1-5.

25. Takhtajan, A. L. Outline of the classification of flowering plants *Magnoliophyta* [Text] / A. L. Takhtajan // The bot. rev. ew. 1980. Vol. 46, № 3. P. 225-359.

26. Velenovsky, J. Über die Biologie und Morphologie der Gattung *Moneses* [Text] / J. Velenovsky // Rozpravy Trida. 1892. Vol. 11, № 39. S. 147-159.

НОВЫЕ КНИГИ

Вечтомов Евгений Михайлович
Математические очерки:
Учебно-методическое пособие.
Киров: Изд-во ВятГГУ, 2004. – 215 с.

Книга содержит ряд тематически объединённых математико-методических очерков, имеющих ярко выраженную познавательную направленность. В очерках отражены система натуральных чисел, числовая и абстрактная делимость, порядковая и алгебраическая структуры, научно-методические и методологические вопросы. Книга адресована студентам, аспирантам и преподавателям математических факультетов вузов.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

С. В. Савиных, С. В. Михайлова

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИНВЕСТИЦИИ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ

Статья представляет собой попытку моделирования влияния государственных инвестиций в сфере образования на экономику России с целью выявления его количественного характера.

В современных эколого-экономических условиях, когда традиционные природные ресурсы и источники близки к исчерпанию, развитие общества все в большей мере обеспечивается за счет использования информационных ресурсов и источников.

Главным носителем таких ресурсов является человек. В последние годы развитые страны особенно активно вкладывают средства в сферу образования, так как инвестиции в образование рассматриваются как главный фактор роста производительности труда [1, 75]. Главным инвестором в эту сферу в России является государство.

Влияние инвестиций в образование на главный показатель экономического роста – внутренний валовой продукт (ВВП) – очевидно, но попытаемся выявить количественную сторону этой взаимосвязи.

Моделирование инвестиций в человеческий капитал имеет ряд ограничений из-за следующих особенностей:

- отдача от инвестиций непосредственно зависит от носителя человеческого капитала, от срока жизни и состояния здоровья человека;
- инвестиционный период значительно отличается от физического капитала и в среднем длится – 15–20 лет;
- инвестиции в человеческий капитал по сравнению с инвестициями в физический капитал являются наиболее выгодными, так как повышение творческого потенциала приводит к росту синергетического эффекта, который имеет место в процессе производства, и далее к росту прибавочного продукта и росту ВВП.

САВИНЫХ Светлана Викторовна – старший преподаватель кафедры бухгалтерского учета и налогов ВятГГУ
МИХАЙЛОВА Светлана Вячеславовна – студентка V курса факультета экономики ВятГГУ
© С. В. Савиных, С. В. Михайлова, 2004

Кроме того, в условиях российской экономики моделирование макроэкономических процессов затруднено рядом факторов:

– растущая неадекватность оценок в силу быстрого изменения экономических условий (динамика и структура цен);

– приближенная оценка минимальной средней величины производственной ценности совокупного образовательного потенциала работающих;

– трудности при сборе, обработке, оценке достоверности необходимой статистической информации. Некоторых данных в отечественной официальной статистике нет, т. е. отсутствует статистика образования;

– в связи с переходом в России на систему национальных счетов некоторые текущие показатели стали несопоставимы с аналогичными показателями прошлых лет, рассчитанными на основе балансов народного хозяйства, поэтому достаточно сложно построить достоверные динамические ряды показателей.

Целью данного исследования является выявление наиболее общей взаимосвязи между государственными расходами на образование и основными макроэкономическими показателями.

Моделирование проводилось на основе статистических данных по России за период с 1990 по 2002 гг. При этом данные по расходам на образование в России были использованы за период за 1970 по 1982 гг., так как имеет место временной лаг – 20 лет.

Учитывая нестабильность экономики в анализируемый период (с 1992 по 1994, 1998 гг.), все значения ВВП взяты в сопоставимых ценах (по отношению к 1990 г.). В качестве аргументов были взяты наиболее важные макроэкономические показатели: доходы бюджета, расходы бюджета, расходы на образование, импорт.

С целью исключения действия инфляционных процессов на модель все величины взяты в долях по отношению к ВВП за исключением расходов на образование.

На первом этапе исследования с помощью корреляционного анализа выявим существующие взаимосвязи между рассматриваемыми макропоказателями и государственными инвестициями. Для этого рассмотрим матрицу коэффициентов корреляции (см. табл. 1).

На основе приведенной таблицы можем утверждать, что самая сильная взаимосвязь суще-

ствует между ВВП и долей расходов на образование, где коэффициент корреляции наибольший (92%), при этом это практически «чистое» влияние, т. е. без других факторов. Таким образом, между данными величинами существует тесная и прямая линейная связь.

На основании предположения о существовании линейной связи между переменными построим регрессионную модель, отражающую взаимосвязь между инвестициями и ВВП при прочих равных условиях.

При построении модели использовался метод наименьших квадратов, который заключается в минимизации следующего функционала:

$$F = \sum (y_i - \hat{y}_i)^2 > \min. \quad (1)$$

Отметим, что ВВП России рассматривается дисконтированное к 1990 г. В качестве аргумента рассматривается доля расходов на образование в расходах бюджета. Получаем следующую модель:

$$\text{ВВП} = -1,27 + 12,84 * P_{\text{обр}} \quad (2)$$

$P_{\text{обр}}$ – доля расходов на образование к общим расходам консолидированного бюджета России, %;

ВВП – внутренний валовой продукт страны, скорректированный на инфляцию и деноминацию, в млрд. руб.;

Данная модель на основании показателей качества регрессии является полностью адекватной.

Рассмотрим константу модели. Это отрицательное число, т. е., если предположить, что государство вообще не выделяет средства на образование, то спустя около 20 лет это отразится на ВВП страны следующим образом: ВВП умень-

шится на 1,27 млрд. руб. (необходимо учитывать, что это дисконтированная величина, поэтому если привести ее к настоящему моменту, то сумма будет в несколько раз больше!).

В результате, если рассмотреть увеличение доли расходов на образование в бюджете на 1%, ВВП увеличится через 20 лет при прочих равных условиях в среднем на 12,84 млрд. руб. (приведенных к 1990 г.).

На основе этой модели можно сделать следующий прогноз: в 2005 г. только за счет увеличения доли расходов на образование с 1985 г. ВВП будет составлять в среднем 0,6 млрд. руб., приведенных к 1990 г., современная стоимость этого ВВП составит порядка 30 млрд. руб.

Следует отметить, что модель является значимой, это подтверждают показатели качества модели: коэффициент детерминации (85%), Т-статистика, F-статистика. График модели представлен на рис. 1.

Однако данная модель имеет ограничение в применении – она действительна только при прочих равных условиях, т. е. при условии, что все остальные макроэкономические показатели остаются постоянными, что в современной экономике практически невозможно. Вследствие этого имеет смысл рассматривать влияние государственных инвестиций в образование на ВВП в совокупности с другими показателями.

В результате получаем следующую модель:

$$\text{ВВП} = -1,13 + 1,74 * A_6 - 1,55 * P_6 + 13,37 * P_{\text{обр}} - 3,91 * I_{\text{мп}} \quad (3)$$
 A_6 – доля доходов бюджета России к ВВП России, %;

Матрица коэффициентов корреляции

	ВВП, млрд. руб.	Доля доходов бюджета к ВВП	Доля расходов бюджета к ВВП	Расходы на образование, доля к расходам бюджета	Доля импорта к ВВП
ВВП, млрд. руб.	1				
Доля доходов бюджета к ВВП	0,423	1			
Доля расходов бюджета к ВВП	0,429	0,999	1		
Расходы на образование, доля к расходам бюджета	0,923	0,319	0,334	1	
Доля импорта к ВВП	0,380	0,399	0,404	-0,172	1

P_6 – доля расходов бюджета России к ВВП России, %;

$I_{\text{мп}}$ – доля импорта России в ВВП России, %.

Следует отметить, что данная модель и все коэффициенты в ней значимы (на основании проверки статистических гипотез). При этом наиболее значимыми (близкими к действительным) являются коэффициенты при аргументах, обозначающих долю расходов на образование, и константа.

Полученную модель можно интерпретировать следующим образом.

Коэффициент -1,13 оценивает агрегированное влияние прочих (кроме учтенных в модели) факторов на ВВП. Как видим, это влияние относительно невелико. Заметим, что данное значение получено в ценах 1990 г.

Рассмотрим экономический смысл коэффициентов при аргументах модели.

Коэффициент при A_6 означает, что при увеличении доли доходов на 1% ВВП в среднем увеличится на 1,74 млрд. руб., приведенных к 1990 г.

При увеличении доли расходов бюджета на 1% ВВП уменьшится в среднем на 1,55 млрд. руб. (к 1990 г.). Но, как показывает коэффициент при следующей переменной, многое зависит от того, куда направляются средства из бюджета. Увеличение доли расходов на образование в бюджете страны приводит к увеличению ВВП в среднем на 13,37 млрд. руб. через 20 лет. Следует отметить, что это наибольший из всех коэффициентов.

Существенную роль на ВВП оказывает импорт, так как при увеличении доли импорта на 1% ВВП уменьшится на 3,91 млрд. руб. (приведенных к 1990 г.).

Следует отметить, что полученные модели весьма условны и действительны только до 2010 г., так как с 90-х гг. структура бюджета кар-

Plot of Fitted Model

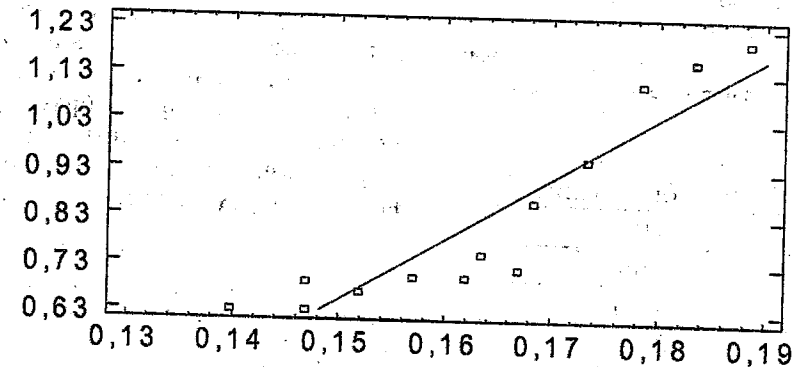
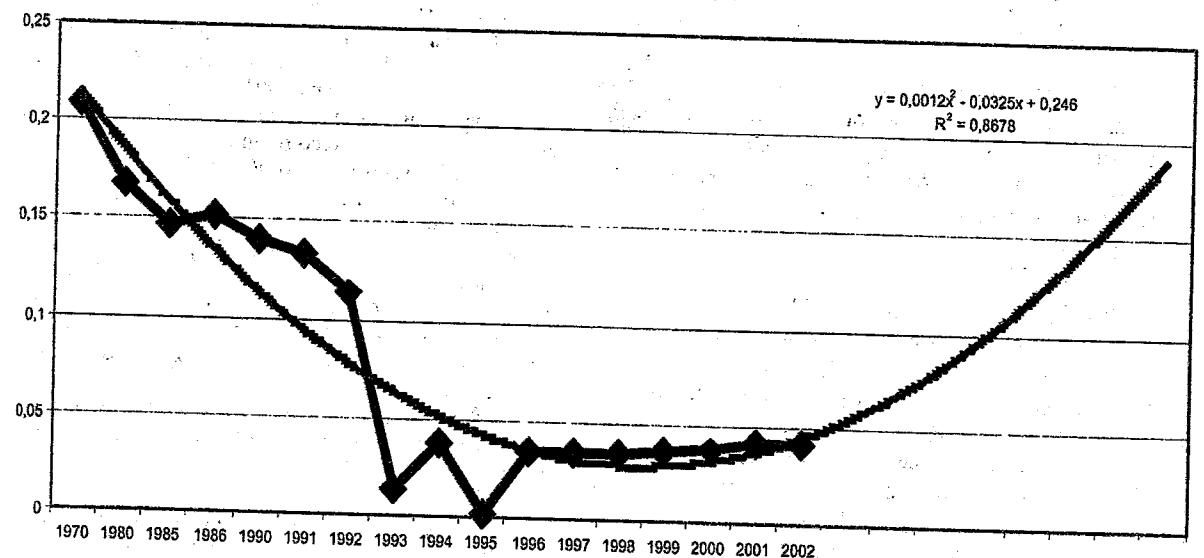

Рис. 1. График модели
Динамика доли расходов на образование, прогноз

— динамика расходов на образование — Полиномиальный (динамика расходов на образование)

Рис. 2. Трендовый анализ

динально изменилась, но полученные значения коэффициентов свидетельствуют о большом влиянии государственных инвестиций на ВВП, а значит, и на экономику страны в целом.

Попытаемся также выявить тенденцию во времени для государственных инвестиций в сферу образования и спрогнозировать их значение до 2010 г.

На основе статистических данных с 1970 по 2002 гг. был проведен трендовый анализ, получаем, что наилучшим трендом к данному ряду является полином второй степени; графический прогноз представлен на рис. 2. Коэффициент детерминации данного тренда довольно высок – 87%, что позволяет утверждать, что данная модель значима.

Тренд имеет вид:

$$P_{обр} = 0,0012 \cdot t^2 - 0,0325 \cdot t + 0,246 \quad (4)$$
 где t – время = 1, 2...17

На основе данной модели можем спрогнозировать значение доли расходов на образование до 2010 года при условии сохранения существующей тенденции (табл. 2).

Таблица 2

Прогнозные значения доли расходов на образование

Годы	Доля расходов на образование
2003	0,0498
2004	0,0617
2005	0,076
2006	0,0927
2007	0,1118
2008	0,1333
2009	0,1572
2010	0,1835

На основе представленного прогноза можем сказать, что в 2010 г. доля расходов на образование почти достигнет уровня 1980 г.

По Кировской области было проведено аналогичное исследование и получена следующая модель:

$$ВРП = -62679,9 + 212388,0 \cdot P_{обр} \quad (5)$$
 где ВРП – валовый региональный продукт;
 $P_{обр}$ – доля расходов на образование.

Однако полученный коэффициент корреляции между долей расходов на образование и ВВП равен 19,4%, что свидетельствует о слабой взаимосвязи между рассматриваемыми величинами, (т. е. расходы на образование региона не повлекли за собой увеличение ВВП).

Объяснить этот факт можно рядом причин.

1. Вероятно, повлияла миграция экономического активного населения, которая особенно остро наблюдается в последние годы.

2. Возможно, недостаточно эффективна структура расходов на образование (может быть перекос в сторону в сторону финансирования учебных заведений низшего уровня по сравнению с финансированием заведений высшего уровня).

Эти процессы характерны и для России в целом, но на общероссийском уровне их отрицательное влияние несколько сглаживается.

Полученные модели могут служить для *долгосрочного прогнозирования*, которое в свою очередь является основой стратегического планирования. Следует отметить, что в России стратегическое планирование применяется достаточно редко, и если ранее этот факт объяснялся нестабильностью экономики, то сейчас следовало бы уделять этому виду планирования больше внимания.

Кроме того, для возможности формирования инвестиционных программ в сфере образования необходима достоверная статистическая информация, а для этого необходимо организовать статистику сферы образования. Это позволит оперативно выявлять определенные тенденции и закономерности в этой сфере и решать существующие проблемы в сфере образования и своевременно применять полученную информацию при формировании расходной части бюджета регионального и федерального уровня.

Примечания

1. Митихин, М. В. Моделирование процессов инвестирования в интеллектуальный капитал [Текст] / М. В. Митихин.
2. Народное хозяйство СССР. 1922–1982 [Текст] : Юбилейный стат. ежегодник / ЦСУ СССР. М.: Финансы и статистика, 1982. 624 с.
3. Народное хозяйство РСФСР за 70 лет [Текст] : Стат. ежегодник / НЗО Госкомстат РСФСР. М.: Финансы и статистика, 1987. 471 с.
4. Саати, Т. Аналитическое планирование. Организация систем [Текст] / Т. Саати, К. Кернес / пер. с англ. М.: Радио и связь, 1991. 224 с.
5. Стратегическое планирование [Текст] / под ред. Э. А. Уткина. М.: Ассоциация авторов и издателей «ТАНДЕМ»: Изд-во ЭКМОС, 1998. 440 с.
6. Чернейко, Д. Прогноз воспроизводства человеческого капитала – необходимый элемент экономической стратегии [Текст] / Д. Чернейко.
7. Крушвиц, А. Финансирование и инвестиции. Неоклассические основы теории финансов [Текст] / А. Крушвиц / пер. с нем.; под общ. ред. В. В. Ковалева и З. А. Сабова. СПб.: Питер, 2000. 400 с.: ил. (Серия «Базовый курс»).
8. Федосеев, В. В. Экономико-математические методы и модели в маркетинге [Текст] : учеб. пособие / В. В. Федосеев / ВЗФИ. М.: АО «Финстатинформ», 1996. 110 с.
9. Кировская область в Приволжском округе и России [Текст] : анализ. сб. Киров: Киров. обл. комитет гос. статистики, 2002. 45 с.
10. Российский стат. ежегодник 2002 [Текст] : стат. сб. / Госкомстат России. М., 2002. 690 с.

В. В. Кислицына

ЭФФЕКТИВНОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ ТОВАРА КАК ФАКТОР УСПЕШНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ

Статья посвящена маркетинговым решениям в отношении каналов распределения, способствующим эффективному распространению товара.

Маркетинговые решения в отношении каналов распределения являются одними из самых важных, поскольку в этих сложных поведенческих системах каждый участник находится в зависимости от других и координация их действий определяет эффективность системы канала. В интересах производителя и продавца использовать так называемые короткие каналы нулевого или первого уровня, но для обеспечения объема продаж необходимо осуществлять более широкий выход на рынок, в связи с чем возникает проблема взаимодействия участников и усложнение канала.

На выбор структуры канала влияют такие факторы, как тип продукта; характеристики производителя, посредников; типы каналов, используемых конкурентами; факторы маркетинговой окружающей среды. Таким образом, в целом эффективная стратегия каналов основывается на создании комплекса преимуществ, что требует от организаторов каналов наличия должного знания и опыта не только для эффективного обслуживания сегментов, но и для поддержания конкурентного преимущества производителя.

Канал распределения представляет собой путь движения товара от производителя к потребителю и выполняет множество функций: сбор информации, стимулирование сбыта, налаживание контактов с покупателями, приведение товара в соответствие с их требованиями и пр. Маркетинговые решения относительно каналов распространения являются одними из самых важных, поскольку именно они определяют, как целевые потребители получат доступ к продукции фирмы и является ли система канала эффективной с точки зрения затрат на нее. Каналы распределения представляют собой сложные поведенческие системы, в которых люди и организации взаимодействуют между собой, где каждый участник находится в зависимости от других участников [2]. В идеальном случае участники должны тесно сотрудничать между собой с целью поддержания нормальной прибыли и увеличения продаж,

поскольку успех каждого зависит от работы всего канала.

Часто для распространения товара оптимальным является использование каналов нулевого или первого (розничные торговцы) уровня (см. рис. 1).

Такие каналы обладают сразу двумя преимуществами: невысокими затратами на транспортировку товара и обеспечением сохранности его потребительских свойств. Кроме того, данный способ позволяет получить максимально возможную информацию о вкусах и предпочтениях потребителей соответствующего рыночного сегмента, объемах реализации, необходимых для удовлетворения потребностей местного рынка.

Вместе с тем для обеспечения объема производства и продаж, необходимых для прибыльной деятельности фирмы, следует осуществлять более широкий выход на рынок, в связи с чем возникает проблема взаимодействия участников канала. Согласование целей и действий, кооперирование позволит им лучше понять и обслуживать целевой рынок, отвечать его требованиям, создавая тем самым выигрышную ситуацию. К сожалению, большинство участников в основном заботятся о собственных целях и действуют обособленно. В связи с этим можно порекомендовать развитие и распространение такой структуры канала, как вертикальное распределение, когда производитель и торговец функционируют как единая система. Использование таких систем дает экономию средств за счет размеров, управления процессом снижения цен, а также устранения дублирования функций. Простейшим примером может служить договорная система, когда участники заключают официальное соглашение по всему спектру деятельности – от характеристик товара и условий оплаты до франчайзинговых контрактов (см. рис. 2).

В корпоративной системе координация усилий достигается за счет того, что все уровни канала распределения принадлежат одному владельцу. Примером может служить ситуация, когда производитель продает товар через свои же торговые точки (см. рис. 3).

Для государственных предприятий можно предложить управляемую систему, координирующую последовательные этапы производства и распределения, где роль координатора и контролера в области стимулирования сбыта и ценовой политики играют органы местной исполнительной власти (см. рис. 4).

Применимой считается и горизонтальная маркетинговая система, в которой две или более фирмы, занимающиеся реализацией, создают кооператив и объединяют свои усилия для формирования общей ценовой политики, пакета требований к качеству товара и пр., что позволит

КИСЛИЦЫНА Валентина Васильевна – кандидат экономических наук, зав. кафедрой коммерции и маркетинга ВятГУ
 © В. В. Кислицына, 2004

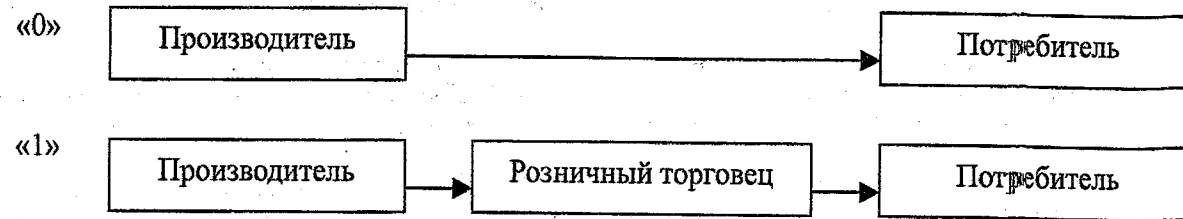

Рис. 1. Нулевой и первый уровни каналов распространения

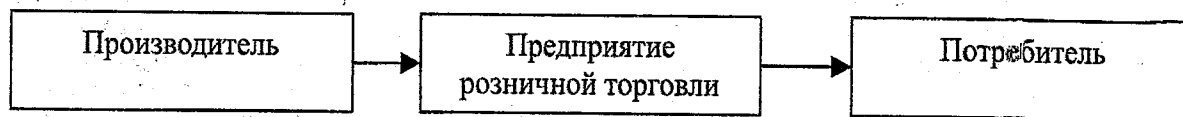

Рис. 2. Вариант вертикальной системы распределения товара

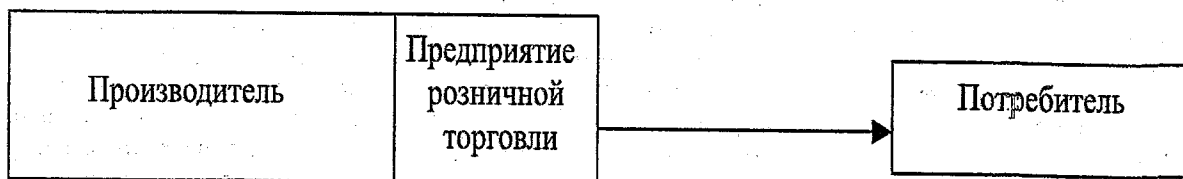

Рис. 3. Вариант корпоративной системы распределения товара

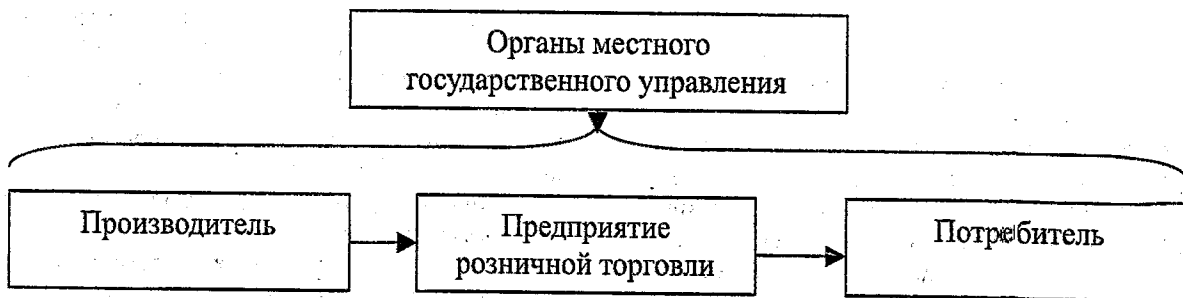

Рис. 4. Управляемая вертикальная система распределения товара

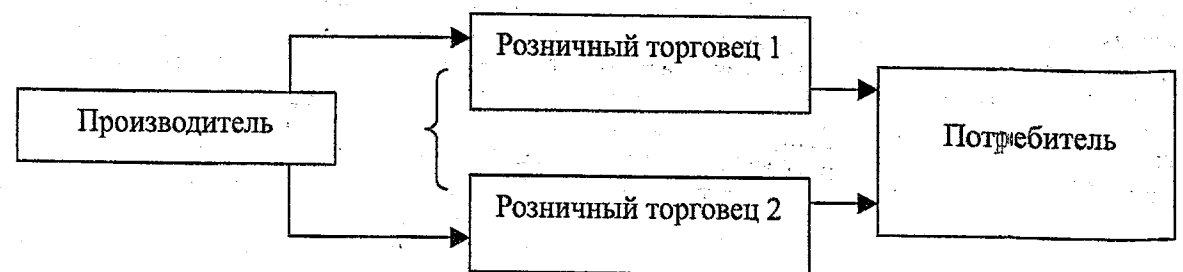

Рис. 5. Вариант горизонтальной системы распределения товара

им воздействовать на производителя и частично диктовать свои условия (рис. 5).

В настоящее время набирает силу тенденция вложения прибыли в модернизацию производства, поскольку выживают только те, кто уже сейчас проводит реконструкцию и расширяет ассортимент. В среде практиков существует мнение, что ускорению процесса модернизации промышленных предприятий может способствовать только одно – полная государственная их приватизация [1]. При этом часть предприятий может быть куплена крупными интегрированными структурами; другие же образуют крупные горизонтальные компании – путем слияния и поглощения. Концентрация и усиление конкуренции приведет к существенному изменению структуры производства, особенно в области социально значимых продуктов: часть продукции – несколько дешевых сортов товара – будет выполнять социальный заказ, а акцент прибыли переместится на ассортиментное разнообразие.

Система каналов распределения должна также соответствовать возможностям и требованиям локальных местных рынков. Для разработки структуры канала прежде всего нужно определить необходимые потребителю виды обслуживания, для чего нужно знать, какие ценности хотят получить потребители от канала. Также на выбор структуры канала влияют следующие факторы:

- характеристики продукта (например, хлеб, как скоропортящийся продукт, требует применения методов прямого маркетинга, чтобы избежать задержек и слишком длительного хранения). В свою очередь, стратегия фирмы, основанная на быстрой доставке товаров потребителям, влияет на количество торговых точек посредника, выбор транспортных средств;

- характеристики и возможности фирмы-производителя: учитывая размеры фирмы и ее финансовое состояние, можно определить, какие маркетинговые функции фирма может выполнять сама, а какие поручить посредникам. Например, поручить разработку новых рецептов специализированным лабораториям или воспользоваться услугами дилеров могут позволить себе лишь крупные производители;

- характеристики посредника: он должен выражать готовность и иметь возможность выполнять необходимые функции. В простейшем случае посредник должен обладать способностью управлять стимулированием сбыта, устанавливать контакты с потребителями и хранить товары. Посредник, который работает на несколько фирм, может устанавливать контакты с по-

требителями при более низких затратах, но усилия по реализации продукта каждого предприятия будут меньшими;

- каналы распределения конкурентов: признается рациональной конкуренция в тех же торговых точках, где продаются подобные изделия, или недалеко от них, хотя такой вид принимает агрессивный характер и может вызвать активизацию деятельности конкурента. Кроме того, на выигрыш может рассчитывать только та фирма, товар которой имеет значительные преимущества по сравнению с товаром конкурентов;

- факторы маркетинговой окружающей среды (состояние экономики, юридические, административные ограничения и т. д.): например, в условиях экономики, находящейся в состоянии кризиса, производителям следует распространять товар самым экономичным способом, отказываясь от дополнительных услуг, повышающих цены на товар. Государственное регулирование препятствует созданию таких каналов, которые могут привести к значительному снижению конкуренции или созданию монополии.

Для эффективного распространения необходимо также определить, какую часть рынка стоит охватить и какое количество участников выделить для одного уровня. Например, интенсивное распределение позволяет разместить товар в максимально возможном количестве торговых точек, что позволит обеспечить удобство его приобретения и добиться увеличения объемов сбыта. Но с учетом появления все большего числа производителей крупные предприятия начинают придерживаться стратегии селективного распределения и реализуют продукт через отобранные розничные магазины, что позволяет добиться тесного сотрудничества с продавцами, надеяться на высокий уровень эффективности их усилий и дает возможность достижения более высокой степени управляемости продажами с меньшими издержками.

Таким образом, эффективная стратегия каналов основывается на создании комплекса преимуществ, позволяющих фирме успешно вести конкурентную борьбу на целевых рынках. Соответственно, организаторы каналов должны иметь знания и опыт не только для эффективного обслуживания данных сегментов, но и для поддержания конкурентного преимущества производителей.

Примечания

1. Костина, Г. Жернова концентрации [Текст] / Г. Костина // Эксперт. 2002. № 13. С. 29-30.
2. Котлер, Ф. Основы маркетинга [Текст] / Ф. Котлер, Г. Армстронг, Д. Сондерс, В. Вонг / пер. с англ. 2-е европ. изд. Киев; М.; СПб.: Издат. дом «Вильямс», 1998. 1056 с. Парал. тит. англ.

Е. А. Кочеткова

ОСОБЕННОСТИ
ТРАНСПОРТНОЙ РЕКЛАМЫ

Если раньше все наши автобусы были одинаково оранжевого цвета, а троллейбусы – голубого, и различались они только по номерам, то сейчас общественные транспортные средства пестрят яркими картинками с самой разной рекламой. Транспортная реклама охватывает самую разную целевую аудиторию, она эффективна, ненавязчива и долговечна по сравнению со многими другими видами рекламы. Это достаточно молодой вид рекламы, представляющий большой интерес для рекламодателей. Статья будет адресована преподавателям, студентам, а также всем, кому интересны принципы и механизмы современного предпринимательства.

За последние десять лет количество автомобилей на дорогах Европы, Америки и других континентов возросло на 20%. По данным мониторинговых служб в ближайшие годы ожидается увеличение этой цифры еще на 40% [4]. Дорожное строительство не успевает за ростом числа машин, и нагрузка на транспортные магистрали возрастает. Это, в свою очередь, приводит к тому, что на дорогах возникает все больше «пробок», следовательно, средняя скорость автомобилей сокращается, а потенциальная аудитория наружной рекламы значительно расширяется. Кроме того, различными видами транспорта в любом городе пользуются до 90% населения.

Сравнительно молодая транспортная реклама с каждым годом приобретает все большую популярность у рекламодателей. Например, в России объем наружной рекламы на транспорте оценивается в 60-65 млн. \$. То есть сегодня этот динамично развивающийся сегмент рекламного рынка вполне может конкурировать по объему с некоторыми другими видами рекламы – например, рекламой на радио (40 млн. \$) или директ-маркетингом (70 млн. \$) [3].

Трудно представить более противоречивое понятие, чем «транспортная (транзитная) реклама». Под этим термином объединено сразу несколько совершенно различных форм распространения рекламной информации:

- реклама на поверхности уличных транспортных средств;
- реклама на поверхности вагонов метрополитена;
- звуковая реклама в общественном транспорте;
- реклама на билетах общественного транспорта;

КОЧЕТКОВА Екатерина Александровна – ассистент кафедры коммерции и маркетинга ВятГУ
© Е. А. Кочеткова, 2004

– наклейки и постеры в салонах общественного транспорта;

– рекламные установки в метро.

Существует два вида транспортной рекламы – внутренняя и внешняя [5]. Внутреннюю транспортную рекламу видят люди, едущие в автобусах, автомобилях и некоторых такси. Внешняя реклама размещается на боковых сторонах этих транспортных средств, на крыше, ее видят пешеходы и люди из проезжающих мимо автомобилей и автобусов. Внутренняя реклама радикально отличается от внешней транспортной рекламы. Люди, сидящие в автобусах или троллейбусах, – внимательная аудитория. Их поездка в среднем занимает от 20 до 30 минут. Некоторые читают книги или газеты, но большинство смотрит на других пассажиров, в окно и читают объявления. Кроме того, большинство людей едет туда и обратно, поэтому обращения изучаются дважды. В результате внутренняя транспортная реклама может использовать длинные и более сложные обращения, которые читаются с расстояния и часто под углом, поэтому шрифт должен быть достаточно большим. Основное отличие внешней транспортной рекламы в том, что транспортное средство, несущее обращение, так же, как и читатель, находится в движении. Это делает восприятие обращения более трудным, следовательно, оно должно быть простым, отчетливым, легко привлекающим внимание и не может содержать подробную информацию. Проведенные исследования показали, что ни пешеходы, ни пассажиры не обращают внимание на адресные данные, размещенные на бортах транспорта. Обычно такой вид сообщения должен являться «рекламой-напоминанием».

Как и наружная реклама, качественно оформленный транспорт рассматривается не только как рекламный носитель, но и как неотъемлемый элемент оформления города. Кроме того, оригинально украшенный автомобиль – это один из немногих видов ненавязчивой рекламы, не вызывающей массового раздражения. Уже с момента изобретения автомобиль использовался не только как средство передвижения, но и как рекламный носитель: на первых корпоративных автомобилях были укреплены транспаранты с названием фирмы-владельца. Вскоре транспаранты были дополнены надписями на бортах. В 40-х гг. прошлого столетия сотрудники американской компании Minnesota Mining & Manufacturing изобрели виниловые самоклеящиеся пленки, которые до сих пор преобладают в транспортной рекламе [2]. С тех пор данная фирма остается лидером в этом виде продукции, практически каждый год предлагая на рынке новые технологии по нанесению изображения. Впрочем, сегодня развитие транспортной рекламы не только идет по пути повы-

шения эксплуатационных качеств изображения, но и связано с активным поиском новых форм воздействия на потребителя. Вообще же на Западе передвижная реклама получила особенно широкое распространение уже в 1960-е гг. В России все началось с рекламы на троллейбусах. Первые оформленные троллейбусы выехали на улицы Москвы в 1995 г. [1]. Поначалу российские рекламодатели восприняли рекламу на транспорте с большой осторожностью, и первыми заказчиками передвижной рекламы стали иностранные фирмы. Примерно в то же время проводились опыты со звуковой транзитной рекламой. Кризис 1998 г. выявил преимущества транспортной рекламы. Вынужденные следовать жесткой экономии, рекламодатели по достоинству оценили ценовые и другие плюсы транзитной рекламы. Творчески взглянув на транзитную рекламу, сетевые, крупные российские рекламные и PR-агентства нашли в ней также средство для поддержки различных акций продвижения. В посткризисный период произошло укрупнение заказов, многие агентства расширили спектр предоставляемых услуг и перешли на новые технологии. Сегодня транзитная реклама стала неотъемлемой частью времяпрепровождения горожан в общественном транспорте, а следовательно – частью крупномасштабных рекламных акций. Несмотря на то что специалисты не проявляют единодушия в оценке ближайших перспектив развития транспортной рекламы, практически все участники рекламного рынка признают за ней большой потенциал.

Степень воздействия транспортной рекламы можно гибко регулировать в зависимости от задач рекламодателя. Например, троллейбусная реклама оптимально подходит для ознакомления потребителей с новой торговой маркой. Это происходит благодаря структуре троллейбусных маршрутов, которые, как правило, пересекают город радиально. Следовательно, рекламное сообщение разносится во все концы города, от центра до спальных районов. И напротив, автобусные маршруты, охватывающие отдельные сегменты города, могут быть использованы в рекламных кампаниях «местного» значения.

Эффективную рекламную кампанию на транспорте можно спланировать также исходя из качеств рекламируемого товара и свойств самого транспорта. Реклама прохладительных напитков эффективно выгладит на бортах речных катеров. Раскрашенные автомобили-фургоны, перевозящие по улицам увеличенные макеты товаров, неизменно привлекают всеобщее внимание. Важно определить целесообразность применения транзитной рекламы. В первую очередь, следует исходить из специфики целевой аудитории, которой является, в основном, население с невысоки-

ми доходами. Поэтому чаще всего объявления снаружи и внутри городского транспорта являются составной частью рекламных кампаний продукции массового спроса. Помимо этого значительный объем «транзита» занят социальной рекламой.

Таким образом, в условиях, когда большая часть населения живет в крупных городах с разветвленной сетью автомобильных дорог, реклама на транспорте и внутри его воздействует на огромную аудиторию.

Примечания

1. Салех, А. Энциклопедия транспортной рекламы. Ч. 1. Подвижный бизнес [Текст] / А. Салех // Маркетолог. 2001. № 9. С. 30.
2. Голубкова, Е. Н. Маркетинговые коммуникации. Реклама на транспорте [Текст] / Е. Н. Голубкова, А. А. Заикин // Маркетинг в России и за рубежом. 2001. № 1. С. 93.
3. Лебедев, А. Опыт психологической экспертизы наружной рекламы [Текст] / А. Лебедев // Реклама и Жизнь. 1997. № 1. С. 32.
4. Росситер, Дж. Р. Реклама и продвижение товаров [Текст] / Дж. Р. Росситер, Л. Перси / пер. с англ.; под ред. А. А. Войковой. СПб.: Питер, 2001. 656 с.
5. Уэллс, У. Реклама: принципы и практика [Текст] / У. Уэллс, Дж. Бернет, С. Мориарти / пер. с англ. СПб.: Питер, 1999. 736 с.

А. С. Чеглакова

ИЗУЧЕНИЕ СТИЛЯ ЖИЗНИ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

Данная статья посвящена исследованию жизненного стиля потребителей как одного из факторов потребительского поведения. Знание жизненного стиля позволяет выявить потребности покупателей.

Концепция жизненного стиля

Жизненный стиль потребителя – это его образ жизни и использование ресурсов – времени, денег, информации [1].

Стиль жизни отражает деятельность людей, их интересы и мнения. С помощью таких понятий, как стиль жизни, люди дают толкование происходящим вокруг них событиям, интерпретируют, осмысливают и предсказывают их, согласовывают с событиями свои ценности. Такая конструктивная система не является сугубо личной. Она постоянно изменяется в зависимости от потребности человека осмысливать сигналы изменяющейся внешней среды. Изменения стиля жизни

ЧЕГЛАКОВА Лариса Сергеевна – аспирант кафедры научного управления ВятГУ
© А. С. Чеглакова, 2004

ни необходимы для того, чтобы поддерживать его соответствие ценностям и личности человека [2].

Жизненный стиль влияет на потребности, отношения потребителей и, соответственно, на поведение при покупке и использовании. Потребительские решения поддерживают или изменяют жизненный стиль.

Влияние жизненного стиля на потребительское поведение не всегда осознается самими потребителями. Однако многие маркетинговые решения ориентированы на конкретный жизненный стиль, например спортивный или консервативный стили одежды, престижная цена товара, сценарии рекламных роликов [1].

Методы изучения жизненного стиля

Количественное описание, анализ и моделирование жизненного стиля потребителей в интересах маркетинга часто связывают с психографикой (психографика – количественное исследование жизненного стиля и личностных характеристик потребителей). С ее помощью можно получить количественные данные, ее можно применять к большим выборкам, которые необходимо разбить на рыночные сегменты. «Мягкие», качественные методики (фокус-группы и «глубинные» интервью) хотя и не дают количественных результатов, все же позволяют более глубоко взглянуть на построение стратегии, дают интересные идеи. Общий психографический подход основывается на учете личностных особенностей каждого потребителя в изучаемой группе, мотивов их поведения именно как потребителей, их жизненных ценностей, поведенческих установок и даже верований.

Психографические измерения являются куда более обширными по сравнению с измерениями демографическими, поведенческими и социально-экономическими.

Психографический анализ позволяет продавцам понять, каких стилей жизни придерживаются покупатели их продукции, а это в свою очередь дает возможность более эффективно общаться с представителями разных сегментов. Одновременно с этим можно выяснить, как позиционировать новый или существующий товар, как лучше «донести» его до потребителей, придерживающихся определенного стиля жизни. Основная идея метода – заглянуть за рамки стандартных переменных, представить товар в соответствии с действиями, надеждами, страхами и мечтами целевой аудитории.

Интерес к изучению образа жизни потребителей привел к возникновению универсальных и комплексных инструментов, позволяющих сегментировать потребителей по стилю жизни. В России наиболее известной из них является американский продукт VALS™.

Измерение стиля жизни потребителей на основе методики VALS™

Модель VALS™ (value and lifestyle – ценности и типы образа жизни), разработанная калифорнийской компанией SRI International (Simmons Market Research Bureau, Mediamark Research International Inc.) в 1978 г., единственная на сегодня получившая мировое признание методика психографической сегментации. Она в значительной степени основывается на иерархии потребностей Маслоу [4].

Данная типология разделяет американских потребителей на четыре группы (рис. 1):

– Потребители, которыми руководят потребности. Они тратят деньги в связи со своими потребностями, а не предпочтениями. Это беднейшие слои населения, без образования.

– Потребители, которыми руководят внешние факторы. Совершая покупки, эти люди заботятся о том, что подумают об этом другие.

– Потребители, которыми руководят внутренние факторы. Для них, прежде всего, важны собственные потребности и желания.

– «Интегрированные». Эти потребители составляют самую малочисленную группу. Они представляют индивидуумов, которые сочетают в себе лучшие качества двух предыдущих групп. Хотя их число невелико, данная группа может играть важную роль в качестве законодателей мод, групп, через которые проходят все успешные идеи и товары. Этот сегмент быстро растет.

Перечисленные группы подразделяются на девять типов: выживающие, терпеливые, убежденные, подражающие, преуспевающие, индивидуалисты, рискующие, социально озабоченные, интегрированные.

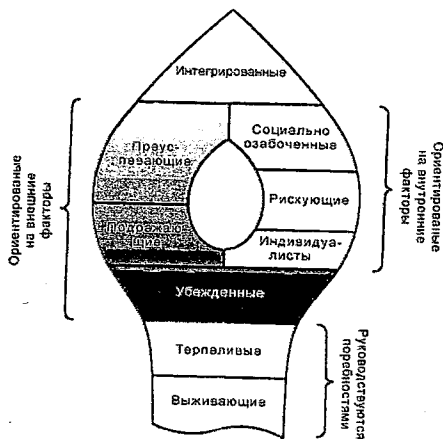

Рис. 1. Модель VALS™ (1978 г.)

Измерение стиля жизни потребителей на основе методики VALS-2™

В 1989 г. в систему VALS™ были внесены изменения, призванные подробнее осветить потребительское поведение, благодаря чему была создана новая методика определения стиля жизни американцев – VALS-2™. Ее суть состоит в том, что, согласно ответам на вопросы анкеты о мнениях респондентов, население США подразделяется на 3 общие потребительские группы, а затем на 8 типов. Наглядно это представлено на рис. 2.

Потребительские группы образуются в зависимости от ориентации человека на принцип, статус или действие.

Потребители, ориентированные на принцип, при выборе определенных товаров основываются на личных убеждениях, а не на мнениях других.

Потребителям, ориентированным на статус, важно одобрение других людей.

Потребители, ориентированные на действие, руководствуются желанием социальной и физической активности, разнообразием и чувством риска.

Кроме ориентации потребители отличаются и наличием (уровнем) ресурсов. Ресурсы – это психологические, физические, социально-экономические факторы, которые влияют на выбор и принятие решения о покупке каждого потребителя. В частности, это такие факторы, как образование, доход, уверенность в себе, умственные способности, покупательская активность.

Изучение стиля жизни потребителей – популярное направление отечественной и зарубеж-

ной исследовательской практики последнего десятилетия. Один из недавних проектов такого рода был реализован английской компанией Setapa под руководством профессора Ричарда Скейса. В основе проекта – долгосрочное исследование образа жизни британцев. Проведение исследования позволило его авторам увидеть появление новых потребительских групп, объединенных не сходством социально-демографических параметров, а единством покупательских привычек, ценностных ориентиров и способов проведения досуга.

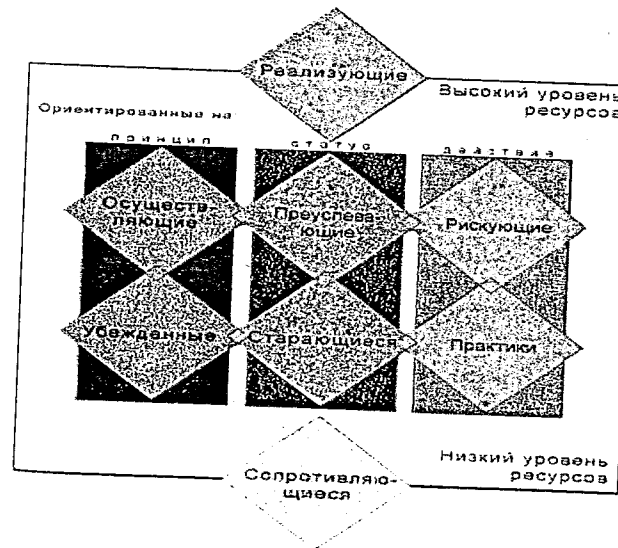
Типичный пример исключительно «стилевой группы» – работники умственного труда. Они зарабатывают на жизнь за счет собственного интеллекта. Их решения основаны на анализе и оценке. Они, как правило, ярко выраженные индивидуалисты и нонконформисты. Как потребители эти люди скорее склонны проявлять недоверие и скептицизм, поэтому традиционные рекламные усилия в их отношении часто не работают.

Исследователи говорят, что одна из главных причин недееспособности традиционной демографии состоит в изменениях, которые затронули сферу межличностных отношений европейцев. Это напрямую влияет на положение главной ячейки общества – домохозяйства. Например, когда-то женщины выходили замуж не позже 20 лет, а первый ребенок в семье появлялся, когда им было около 24 лет. С рождением ребенка в семье возникали новые потребности и покупательские мотивы. Сегодняшняя статистика показывает, что средний возраст рождения первенца сдвинулся на 5-10 лет, а женщины, заинтересованные в построении карьеры, планируют рождение ребенка еще позже [3].

Ученые полагают, что эти открытия должны переориентировать маркетинговую тактику компаний – начиная от сегментации потребителей и заканчивая продажами.

Примечания

1. Алешина, И. В. Поведение потребителей [Текст]: Учеб. пособие для вузов / И. В. Алешина. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000. 384 с.
2. Блэкуэлл, Д. Поведение потребителей. 9-е изд. [Текст] / Д. Блэкуэлл, П. Миниард, Дж. Энджел / пер. с англ. А. А. Волковой. СПб.: Питер, 2002. 624 с.: ил.
3. Стильный бренд? Как сегментировать рынок по образу жизни потребителей [Текст] // Маркетолог. 2003. № 8. С. 13-14.
4. Федько, Н. Г. Поведение потребителей [Текст]: Учеб. пособ. / Н. Г. Федько, В. П. Федько. Ростов-на-Дону: Феникс, 2001. 352 с.

© 1997 SRI Consulting. All rights reserved. Unauthorized reproduction prohibited.

Рис. 2. Модель VALS-2™ (1989 г.)

Н. В. Шалина

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ОРГАНИЗАЦИИ ПРЯМОГО МАРКЕТИНГА В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Статья посвящена рассмотрению содержания таких нововведений при установлении непосредственной взаимосвязи с потребителями, как интерактивный маркетинг, CRM-технологии, директ-маркетинговый аудит.

На современном этапе развития России одной из основных задач Правительства является обеспечение высокого темпа развития страны, так как именно экономический рост позволит решить такие сложные проблемы, как бедность, безработица, воспроизводство основного капитала, устранение задолженности государства и т. д. Экономический рост является следствием более результативной деятельности хозяйственных субъектов. Одним из вариантов повышения эффективности функционирования предприятий можно считать внедрение прямого маркетинга. Прямой маркетинг – один из методов распространения товаров, позволяющий установить непосредственный, длительный контакт с покупателем с целью получения определенной реакции (заключения сделки, выражения пожеланий и т. д.).

В то время как в России прямой маркетинг только осваивается производителями, на Западе и в Японии он становится все более массовым и динамичным. Например, в Японии товарооборот при помощи прямого маркетинга составляет порядка 540,9 млрд. \$, в Германии – 110,6 млрд. \$, во Франции – 108,6 млрд. \$, в Великобритании – 99 млрд. \$.

Современный маркетинг, чтобы быть эффективным, должен базироваться на быстром, гибком планировании нововведений, в центре которых всегда должен быть потребитель. В условиях динамично развивающейся среды потребитель становится другим. В первую очередь следует отметить высокую активность и занятость населения, что сокращает свободное время. У многих потребителей, особенно западных, не хватает времени для совершения покупок. Во-вторых, на рынке появляется так много товаров, что потребителю становится сложно выбирать и получать информацию о новинках.

Учесть эти особенности современного покупателя позволяет прямой маркетинг. Хотя прямой маркетинг начал активно развиваться лишь во второй половине XX века, можно выделить определенные новшества в этой сфере.

ШАЛИНА Надежда Викторовна - аспирант кафедры менеджмента, ст. преподаватель кафедры экономической теории ВятГУ
© Н. В. Шалина, 2004

В последние десятилетия при организации прямого маркетинга весьма активно используются компьютерные сети. Этот подход именуется интерактивным маркетингом.

Интерактивный маркетинг – форма прямого маркетинга, осуществляемая с помощью интерактивных компьютерных сетей, предоставляющих информационные услуги в оперативном режиме. Для этого используются системы, обеспечивающие двустороннюю электронную связь между продавцом и покупателем. Такая форма взаимосвязи дает определенные преимущества потребителю:

- покупателю не нужно куда-то ездить, ходить по торговым залам, следовательно, экономится время, появляется возможность больше отдыхать, уделять внимание себе и своей семье;
- в Интернете представлена продукция различных производителей, следовательно, можно сравнить различные модели одного товара, сопоставить цены;
- можно заказывать товар круглые сутки;
- при заключении сделки нет свидетелей покупки, что бывает важным для некоторых покупателей;
- повышается рентабельность торговли, так как не нужно платить за аренду, выплачивать заработную плату продавцам;
- интерактивный маркетинг является более гибким, позволяет вносить коррективы;
- в современных условиях проще и дешевле создать собственный Web-узел, чем покупать время на телевидении;
- глобальная сеть распространяется практически везде, следовательно, появляется возможность привлечь покупателей из других стран и регионов.

Современные технологии совершенствуются настолько динамично, что предполагается создать холодильники, которые будут сами заказывать продукты через Интернет.

Следующее нововведение в сфере прямого маркетинга – использование CRM-технологии.

CRM-технология – это направленная на построение устойчивого бизнеса концепция и бизнес – строения, ядром которой является «клиентоориентированный» подход. Эта стратегия основана на использовании передовых управленческих и информационных технологий, с помощью которых компания собирает информацию о своих клиентах на всех стадиях принятия решений о покупке, извлекает из нее знания и использует эти знания в интересах своего бизнеса путем выстраивания взаимовыгодных отношений с клиентами. Технология CRM поддерживается с помощью специального оборудования и программного обеспечения, обслуживающего сбор, обработку и оперативное обновление данных о

клиентах и взаимоотношениях компаний с ними, а также способствующего автоматизации и координации бизнес-процессов в маркетинге, продажах и обслуживании. Обеспечиваются участие потребителя в деятельности компании, его влияние на процесс создания, производства и сервисного обслуживания продукта.

Анализирующийся цикл продаж по времени и затратам, в свою очередь, позволяет оптимизировать издержки, выявить приоритетные сегменты и предпочтительных клиентов, а также наиболее доходные каналы сбыта. На Западе проводятся исследования эффективности внедрения CRM-технологии.

По данным Marketing News о последнем исследовании отношения к CRM менеджеров компаний, его внедривших:

- для 17% менеджеров результат внедрения CRM превысил их ожидания;
- для 42% результат соответствовал их ожиданиям;
- 41% потерпели фиаско.

Наиболее выгодно инвестировать средства в CRM тем компаниям, которые:

- собирают много данных (банки, страховые компании и т. д.);
- имеют потребителей с высокодифференцируемыми потребностями, ожидающих получить от компании разностороннее обслуживание.

В России CRM-технология используется очень редко, однако в обозримом будущем производители оценят ее привлекательность.

Также встает вопрос об оценке кампании по организации прямого маркетинга. Некоторые организации начинают разрабатывать мероприятия директ-маркетингового аудита. При проведении оценки кампании по прямому маркетингу следует остановиться на следующих ключевых областях: потребители, маркетинговое предложение, креатив.

Анализируя потенциальных потребителей, следует найти ответы на вопросы:

- Кого мы хотим привлечь, то есть на какую аудиторию по возрасту, полу, доходу и т. д. ориентирована компания;
- Что мы ждем от наших потенциальных потребителей;

– Почему наши потенциальные потребители не взаимодействуют с компанией в данный момент?

– Кто ответственен за принятие решений о приобретении товаров (муж, жена, родители и др.), следовательно, нужно строить маркетинговое предложение с учетом восприятия лица, принимающего решения.

При анализе маркетингового предложения нужно помнить о том, что лучшими предложениями являются не те, которые нацелены на потенциальных потребителей, а те, которые помогают преодолеть сомнения покупателей в отношении необходимости данного товара или услуги. Работая с предложением, целесообразно задуматься над тем:

- Что вы предлагаете, насколько привлекателен, удобен ваш товар?
- Сколько стоит новый клиент. Стоимость предложения должна быть прямо пропорциональна величине затрат на привлечение потенциального клиента.

Креатив должен работать с максимальной эффективностью. Оценивая возможную реакцию на маркетинговое предложение, следует отметить:

- Все ли ясно?
- Действительно ли это нечто новое, захватывающее и отличное от других;
- Правдоподобно ли ваше предложение, учтены ли потребности и выгоды клиента.

Таким образом, значение директ-маркетингового аудита заключается в следующем:

- 1) обеспечивает независимую, объективную оценку программы внедрения прямого маркетинга;
- 2) определяет направления, которые следует улучшить, и представляет подробные предложения насчет того, как их улучшить;
- 3) в ходе анализа намечается несколько путей улучшения маркетингового предложения;
- 4) представляются новые идеи, новые возможности и новые направления деятельности на будущее.

Обобщая вышеизложенное, можно отметить, что прямому маркетингу в данный момент уделяется немало внимания и происходит постоянное совершенствование способов взаимодействия компании с клиентами, разрабатываются и внедряются различные новшества.

УЧЕНЫЕ – ШКОЛЕ

О. В. Коршунова

ИНТЕГРАТИВНО-ДИФФЕРЕНЦИРОВАННЫЙ ПОДХОД ПРИ ИЗУЧЕНИИ ТЕМЫ «ЭЛЕМЕНТЫ СТО» В ШКОЛЬНОМ КУРСЕ ФИЗИКИ

В статье рассматривается новый дидактический принцип, выражающий две противоположные, но не взаимоисключающие тенденции, находящие отражение в современном образовательном процессе – интеграцию и дифференциацию. Описаны методологические основания интегративно-дифференцированного подхода в дидактике физики и приведена технология его осуществления при изучении одной из важных мировоззренческих тем курса физики общеобразовательной школы.

Современный этап развития науки характеризуется двусторонним процессом интеграции и дифференциации наук. С одной стороны, каждая наука развивается в направлении все более глубокого проникновения в сущность познаваемых ею закономерностей природы. С другой стороны, науки развиваются как единый комплекс, взаимно обогащаясь как научными идеями, так и методами познания, что приводит к возникновению пограничных наук (биофизики, биохимии, физической химии, геофизики и т. д.). Образование всегда являлось и является «зеркалом» общественного развития, следовательно, его сфера отражает все происходящие экономические, социально-политические и научные изменения (процессы), а значит, появляется необходимость учета и продуктивного применения глобальных феноменов – интеграции и дифференциации в сфере образования, в том числе и физического.

Дискуссия между сторонниками вариативности образования («дифференционистами») и сторонниками единых жестких требований, введения образовательных стандартов («интегральщиками») в настоящее время достигла «пика развития», верхней точки накала. «Дифференционисты» упрекают «интегральщиков» в консерватизме, а последние первых – в развале системы образования. Но в реальном образовании «встречные» процессы интеграции и дифференциации «взаимно дополняющие, взаимнеизбежны, двуедины»

КОРШУНОВА Ольга Витальевна – кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры дидактики физики ВятГУ
© О. В. Коршунова, 2004

[4, с. 18]. В. Ф. Морзун [3] вводит в педагогический тезаурус для обозначения двуединого процесса интеграции и дифференциации в образовании понятие «интедиффия образования» (от интеграция и дифференциация). Это понятие данный автор определяет следующим образом: «Интедиффия образования – это пульсирующий взаимопереход между интеграцией и дифференциацией образования, методов обучения и воспитания, учебно-воспитательных учреждений, который обуславливается как потребностями и возможностями общества, так и способностями и интересами личности» [3, с. 6].

Доказано, что интедиффия свойственна процессу развития интеллекта в онтогенезе.

Поэтому считаем, что в дидактике физики должен занять свое достойное место интегративно-дифференцированный подход к обучению предмету, отражающий обозначенную выше тенденцию развития сферы образования. Для этого необходимо разработать теоретико-методологические и методические основы применения принципиально нового интегративно-дифференцированного подхода к обучению физике и соответствующих персональных педагогических технологий, отражающих процесс проецирования объективных глобальных тенденций развития науки – интеграции и дифференциации – на уровень общеобразовательной подготовки в школе. Применение интегративно-дифференцированного подхода нацелено на увеличение качества физического образования школьников по показателям: прочность, действенность, способность к переносу физических знаний в другие области и, наоборот, целостность системы знаний. Это, в свою очередь, должно привести к положительной динамике развития таких свойств личности учащихся, как самостоятельность, ответственность, самоорганизованность, способность к самоуправлению при выполнении учебной деятельности не только по физике, но и по другим школьным дисциплинам. Таким образом, будут созданы продуктивные условия для формирования обобщенных компетентностей личности, имеющих надпредметное содержание. Важным моментом интегративно-дифференцированного подхода является принятие идеи дифференциации в образовательном пространстве, создание адаптивных условий обучения для каждого школьника, что будет способствовать самоопределению,

самораскрытию и саморазвитию потенциалов каждой личности за счет построения индивидуальных образовательных траекторий.

Интегративно-дифференцированный подход как дидактический принцип связан с применением модульно-дифференцированной организации содержания элементов школьной физики с элементами других учебных дисциплин, интегрированных в основной, выступающий в роли стержневого, курс (в нашем случае – в курс физики). Такой способ «подачи» материала предполагает, во-первых, модульную его организацию (по известной модульной технологии), во-вторых, дифференцированность учебных элементов по уровням. Согласно общепринятым взглядам в педагогике и методике преподавания физики, считается оптимальным выделение трех уровней дифференциации, получивших названия минимального, общего и продвинутого [2, с. 64]. Такая градация уровней дифференциации соответствует известным видам модулей: полному (минимальный уровень), сокращенному (общий уровень) и углубленному (продвинутый уровень).

Кроме того, интегративно-дифференцированный подход основан на учете когнитивного стиля школьников. Под когнитивным стилем понимается способ восприятия окружающего мира, той информации, которая поступает «извне» в мозг школьника, создание собственного «образа мира». В предлагаемой модели организации учебно-познавательной деятельности по физике принимается классификация Г. А. Берулава и М. Н. Берулава [1], которые выделяют 6 когнитивных типов.

– Интегрально-теоретический – ИТ (смысл предъявляемой ситуации воплощен для субъекта

в одном понятии, при этом ситуация воспринимается в статике).

– Интегрально-деятельностный – ИД (оцениваясь как единый смысловой образ, ситуация воспринимается в действии).

– Интегрально-эмоциональный – ИЭ (обобщенная оценка ситуации содержит эмоциональную окраску).

– Дифференциально-теоретический – ДТ (предъявляемая ситуация устойчиво воспринимается в статике, при этом субъект дифференцирует ее на множество объектов).

– Дифференциально-деятельностный – ДД (ситуация и объекты, ее опосредующие, рассматриваются фрагментарно и в действии).

– Дифференциально-эмоциональный – ДЭ (ситуации придается эмоциональная насыщенность за счет введения сюжетной основы или же использования ряда эмоционально окрашенных понятий).

Таким образом, для модульно-дифференцированной организации содержания учебных элементов по каждой учебной теме (разделу) проектируется 18 модулей различных типов, которые удобно представить в виде матрицы (табл. 1).

Покажем на примере темы «Элементы специальной теории относительности» (старшая ступень школы) технологию разработки интегративно-дифференцированных модулей и их отличие друг от друга.

1. Анализ числа часов, отведенных по примерным учебным программам [6, 7] разных профилей для изучения основных характеристик данной физической теории.

Таблица 1

Тип когнитивного стиля	ИТ	ИД	ИЭ	ДТ	ДД	ДЭ
Вид уровня дифференциации, вид учебного модуля						
1-й уровень дифференциации (минимальный) модуль полный	ИТ1	ИД1	ИЭ1	ДТ1	ДД1	ДЭ1
2-й уровень дифференциации (общий) модуль сокращенный	ИТ2	ИД2	ИЭ2	ДТ2	ДД2	ДЭ2
3-й уровень дифференциации (продвинутый) модуль углубленный	ИТ3	ИД3	ИЭ3	ДТ3	ДД3	ДЭ3

Для уровня «А» (гуманитарное направление) материал выделен в отдельную тему «Релятивистская картина мира», и в учебнике А. Н. Мансурова элементам СТО посвящаются 6 параграфов (§ 38: Поиски мирового эфира. Скорость света; § 39: Постулаты специальной теории относительности; § 40: Пространство и время в СТО; § 41: Четырехмерное пространство-время. Мир Минковского; § 42: Связь между энергией и импульсом в СТО; § 43: Релятивистская картина мира). В учебнике С. А. Тихомировой предлагается 4 параграфа для обязательного изучения (§ 36: Постулаты специальной теории относительности; § 37: Относительность длин и промежутков времени. Преобразование скоростей; § 38: Закон взаимосвязи массы и энергии; § 39: Релятивистская и ньютоновская механика) и один – для дополнительного (§ 40: История создания специальной теории относительности).

Для уровня «Б» (основное направление) на изучение элементов СТО отводится 6 часов, для уровня «В» (или «С»; углубленное, физико-математическое) – 9 часов.

II. Определение комплексной дидактической цели. В качестве комплексной дидактической цели для данного раздела принимаем следующую:

овладение содержанием трех модулей должно обеспечить знакомство школьников с основными характеристиками такой физической теории, как СТО.

III. Изучение нормативных методических документов, регламентирующих преподавание физики в общеобразовательных учреждениях [5, 6, 7].

Учащимся необходимо знать:

1. Теоретическое и экспериментальное обоснования физической теории – опыт Майкельсона-Морли: нет «ЭФИРА» (1887 г.).

2. Формулировки основных положений теории (элементы ядра физической теории): два постулата А. Эйнштейна: о постоянстве скорости света в вакууме по всем направлениям и независимости ее от скорости движения источника и приемника световых волн; релятивистский принцип относительности; формула связи массы и энергии в релятивистской области.

3. Следствия теории и факты их экспериментальной проверки: следствия сокращения длины и замедления времени в движущихся системах отсчета; новый релятивистский закон сложения скоростей; обратимая реакция взаимопревращений частиц вещества в кванты поля (1932 г.); опыт Бонч-Бруевича (1965 г.) (вращение Солнца вокруг своей оси не влияет на скорость излучаемого света).

4. Границы применимости теории (сравнимость скорости движения объекта со скоростью света в вакууме, инерциальные системы отсчета).

5. Примеры практического значения теории, ее применение человеком.

Конкретизируем комплексную дидактическую цель для облегчения определения частных дидактических целей темы.

Учащимся необходимо уметь:

1. Приводить примеры, показывающие, что а) наблюдения и эксперимент являются основой для выдвижения гипотез и теорий: экспериментальные исследования по обнаружению эфира послужили основной предпосылкой формулирования постулатов СТО А. Эйнштейном (1-й, 2-й, 3-й уровни);

б) эксперимент позволяет проверить истинность теоретических выводов: например, второй постулат Эйнштейна был подтвержден опытом Бонч-Бруевича в 1965 г. (1-й, 2-й, 3-й уровни); связь массы и энергии, установленная Эйнштейном в СТО в 1905 г., подтверждается точностью сделанных на ее основе расчетов энергии, выделяющейся в ядерных реакторах или при ядерных взрывах (2-й уровень);

в) физическая теория дает возможность объяснить известные явления природы и научные факты: взаимодействие элементарных частиц в ускорителях (1-й, 2-й, 3-й уровни);

г) физическая теория позволяет предсказывать еще неизвестные явления, их особенности: объяснение особенностей поведения загадочного астрономического объекта – «черной дыры» (2-й, 3-й уровни);

д) один и тот же природный объект или процесс можно описать (исследовать) на основе разных моделей: описание движения электрона по классическим и релятивистским формулам (1-й, 2-й, 3-й уровни);

е) законы физики и физические теории имеют определенные границы применимости; для СТО: скорость объекта должна быть сравнима со скоростью света в вакууме; рассмотрение процессов в ИСО (инерциальных системах отсчета) (1-й, 2-й, 3-й уровни); с помощью второго закона Ньютона можно рассчитать траекторию электрона в электронно-лучевой трубке, но нельзя это сделать для электрона в атоме водорода (2-й уровень); законы классической механики не выполняются при движении тел со скоростью, близкой к скорости света в вакууме и при расчетах движения частиц в атоме (2-й уровень).

2. Раскрывать влияние научных идей и теорий на формирование современного мировоззрения: в связи с изучением элементов СТО важно объяснить ограниченность механистической картины мира с ее идеей дальнего действия; установление представлений о близком действии – распространении любого сигнала с конечной скоростью, не превышающей скорости света в вакууме; основные идеи о пространстве и времени, сформулированные А. Эйнштейном в СТО и ОТО (1-й, 2-й, 3-й уровни); называть значимые черты со-

временной физической картины мира: законы физики верны как на Земле, так и во всей Вселенной; фундаментальные взаимодействия осуществляются с помощью физических полей, распространяющихся с конечной скоростью; законы физики носят вероятностный характер; принцип соответствия и его роль в развитии современной физики; корпускулярно-волновой дуализм (электрон – волна или частица?) (1-й, 2-й, 3-й уровни); приводить примеры физических явлений и процессов, изучаемых в теории: эффекты «сокращения длины» и «замедления времени» в движущихся системах отсчета; движение под действием постоянной силы с непостоянным ускорением; движение безмассовых частиц (фотонов, нейтрино) со скоростью света (1-й, 2-й, 3-й уровни); иллюстрировать роль физики в создании и (или) совершенствовании важнейших технологических объектов: атомные электростанции с ядерными реакторами; ядерные и водородные бомбы; ускорители элементарных частиц (1-й, 2-й, 3-й уровни).

3. Воспринимать, перерабатывать и предъявлять учебную информацию в различных формах (словесной, образной, символической); излагать суть содержания текста учебной книги по физике; выделять в тексте учебника важнейшие категории научной информации (описание явления или опыта; постановка проблемы; выдвижение гипотезы; моделирование объектов и процессов; формулировка теоретического вывода и его интерпретация; экспериментальная проверка гипотезы или теоретического предсказания); выдвигать гипотезы для объяснения предьявленной системы научных фактов; делать выводы на основе экспериментальных данных, представленных таблицей: зависимость кинетической энергии электрона от скорости его движения (1-й, 2-й, 3-й уровни), графиком: зависимость кинетической энергии, импульса объекта от скорости его движения (1-й, 2-й, 3-й уровни) или диаграммой.

Учащимся необходимо владеть:

1. Основными понятиями и законами физики: соотносить изучаемые понятия с теми свойствами (особенностями) тел и процессов, для характеристики которых эти понятия введены в физику (например, относительность движения связана с зависимостью характеристик механического движения одного и того же объекта от выбора той или иной системы отсчета, релятивистский означает «связанный с движением, скорость которого сравнима со скоростью света»; масса является мерой энергосодержания; релятивистский импульс как величина, равная

$$\vec{p} = \frac{m\vec{v}}{\sqrt{1-\frac{v^2}{c^2}}}; \text{ полная энергия объекта как ха}$$

рактеристика не только его движения, но и покоя (1-й, 2-й, 3-й уровни); пространственно-временной интервал как инвариант относительно разных ИСО; преобразования Лоренца как модели перехода от одной инерциальной системы отсчета к другой (3-й уровень);

описывать опыты, оказавшие существенное влияние на развитие физики: Майкельсона-Морли (2-й, 3-й уровни);

раскрывать смысл изучаемых физических законов и принципов: классический и Эйнштейна принципы относительности, дальнего действия и близкого действия, соответствия; постулаты специальной теории относительности; классический и релятивистский законы сложения скоростей; закон взаимосвязи (эквивалентности) массы и энергии; основной закон релятивистской динамики (1-й, 2-й, 3-й уровни); закон сохранения импульса (3-й уровень); закон сохранения энергии-массы (3-й уровень);

описывать преобразования энергии в процессах, происходящих при движениях со скоростями, сравнимыми со скоростью света в вакууме (1-й, 2-й, 3-й уровни); в процессах, сопровождающихся изменением массы (при ядерных реакциях) (2-й, 3-й уровни);

вычислять: релятивистскую длину движущегося объекта по формуле $l = l_0 \sqrt{1-\frac{v^2}{c^2}}$ (1-й уровень); релятивистское время по формуле

$$\Delta t = \frac{\Delta t_0}{\sqrt{1-\frac{v^2}{c^2}}} \text{ (1-й уровень); результирующую скорость объекта по формуле релятивистского закона сложения скоростей}$$

$x_{\text{рез}} = 1 + \frac{v_{\text{отн.}} \cdot v_{\text{перенос.}}}{c^2}$ (1-й уровень); изменение энергии по формуле $\Delta E = \Delta mc^2$ (1-й уровень); полную энергию релятивистского объекта по

$$E = \frac{mc^2}{\sqrt{1-\frac{v^2}{c^2}}}, \text{ (1-й уровень); кинетическую энергию релятивистского объекта по формуле } E_k = \frac{mc^2}{\sqrt{1-\frac{v^2}{c^2}}} - mc^2 \text{ (1-й уровень); собственную длину и скорость движения объекта из формулы } l = l_0 \sqrt{1-\frac{v^2}{c^2}} \text{ (2-й уровень); соб-}$$

ственное время и скорость движения объекта из формулы $\Delta t = \frac{\Delta t_0}{\sqrt{1 - \frac{v^2}{c^2}}}$ (2-й уровень); относительную скорость релятивистских объектов при их движении навстречу друг другу из релятивистского закона сложения скоростей (2-й уровень); изменение массы по изменению энергии в конкретных процессах (нагревание чайника с водой, излучение Солнцем энергии в пространство) с использованием закона взаимосвязи массы и энергии (2-й уровень); скорость движущегося объекта при известном соотношении его кинетической и полной или энергии покоя (2-й уровень); параметры систем (скорость, массу, энергию, импульс) относительно разных систем отсчета с использованием законов сохранения релятивистского импульса, энергии-массы, внутрисистемных (информация из теории «Классическая механика») и межпредметных знаний (о химических реакциях, астрономических объектах и константах, биологической и экологической информации) (3-й уровень).

2. Понятиями и представлениями физики, связанными с жизнедеятельностью человека: физические условия на Земле, обеспечивающие существование жизни человека (1-й, 2-й, 3-й уровни);

опасность для здоровья человека источников радиоактивных излучений (эксплуатация атомных электростанций; ядерных реакторов на подводных лодках, космических кораблях и спутниках; испытание ядерного и термоядерного оружия; проведение научных исследований при помощи ускорителей элементарных частиц) и методы защиты от них (1-й, 2-й, 3-й уровни);

IV. Определение числа модулей в модульной программе.

В модульной программе «Элементы специальной теории относительности» выделяем три модуля:

1. Постулаты СТО и их следствия - элементы релятивистской кинематики (М 1).
2. Элементы релятивистской динамики (М 2).
3. Контрольный модуль (М 3).

Выделенные интегрирующие дидактические цели (ИДЦ) для каждого модуля и учебные элементы представим в виде табл. 2.

V. Определение частных дидактических целей и проектирование различных видов модулей.

На основании выделенных учебных элементов определяются частные дидактические цели и согласно матрице (см. табл. 1) проектируются модули с учетом особенностей когнитивного стиля школьников и уровней дифференциации.

Модуль задается таблицей, общая форма которой представлена ниже (см. табл. 3). Для удоб-

Таблица 2

Название модуля	М1 Постулаты СТО и их следствия (элементы релятивистской кинематики)	М2 Элементы релятивистской динамики	М3 Контрольный модуль
Интегрирующая цель	Усвоение основных положений релятивистской кинематики	Знакомство с основными положениями релятивистской динамики, закономерностями, выраженными формулами	Осуществление самоконтроля учебных достижений, выявление ошибок и их исправления
Учебные элементы	УЭ 1 История создания СТО: предпосылки и причины возникновения. А. Эйнштейн	Закон взаимосвязи массы и энергии	Дифференцированные задания по выявлению уровня усвоения содержания всех учебных элементов модулей М1 и М2
	УЭ 2 Постулаты СТО: Постулат о постоянстве и предельности скорости света в вакууме. Релятивистский принцип относительности	Виды энергии в СТО: энергия покоя, кинетическая энергия, релятивистская энергия	
	УЭ 3 1-е следствие постулатов - релятивистское преобразование скоростей	Соотношения между физическими величинами - характеристиками релятивистских объектов (массой, импульсом, энергией)	
	УЭ 4 2-е следствие постулатов - относительность длин	Принцип соответствия между релятивистской и ньютоновской механикой. Границы их владений (действия их законов)	
	УЭ 5 3-е следствие постулатов - относительность промежутков времени	Законы СТО в природе, технике, быту	

Таблица 3

№ модуля (М1, М2, ...). Тема модуля. Вид модуля (полный, сокращенный, углубленный). Уровень дифференциации (1-й уровень минимальный, 2-й уровень общий, 3-й уровень продвинутый). Тип когнитивного стиля, на который ориентирован модуль (ИТ, ИД, ИЭ, ДТ, ДД, ДЭ)				
УЭ 0		Интегрированная дидактическая цель...		
Учебный элемент	Учебный материал с указанием заданий	Руководство по усвоению учебного содержания		
1	2	3	4	5
Вид УЭ	№ п/п	Частная дидактическая цель (ЧДЦ)	Содержание учебного материала	Примечание. Руководство учитывает особенности индивидуальных технологий, вытекающих из типа стиля
Актуализация знаний или умений. Изучение теоретического материала. Осмысление его при решении стандартных, в нескольких иных и новых ситуациях задач. Закрепление учебного материала. Систематизация и обобщение учебного материала. Контроль изученного. Коррекция изученного		Воспроизводить; решать стандартные, в несколько измененных или новых ситуациях задачи; спланировать эксперимент; различать формулы для расчета; заполнить таблицы формул; знать границы применимости закона, теории; сравнить; оценить	ИТ, ИД, ИЭ	Содержательная интеграция, «паутиноное» обучение (от общего к частному)
			ИД	Содержательная интеграция, «паутиноное» обучение (от общего к частному) с использованием активных форм учебной деятельности
			ИЭ	Содержательная интеграция, «паутиноное» обучение (от общего к частному), использование эмоционального компонента
			ДТ, ДД, ДЭ	Содержательная дифференциация, линейное обучение (от частного к общему)
			ДД	Содержательная дифференциация, линейное обучение (от частного к общему) с использованием активных форм учебной деятельности
ДЭ	Содержательная дифференциация, линейное обучение (от частного к общему), использование эмоционального компонента			
Подведение итогов	ИТ, ИЭ, ИД. Заполнение листа контроля. Оценка знаний		Заполните лист контроля. Подсчитайте баллы за выполнение заданий. Поставьте себе итоговую оценку:	
Домашнее задание	Оценка	Дифференцированное домашнее задание		Запишите домашнее задание в дневник в соответствии с результатом своей работы на уроке

ства оформления модулей задания для сходного типа когнитивного стиля по полюсам «интегральность-дифференцированность» помещают в одной таблице.

Для каждого уровня дифференциации разрабатывают отдельный модуль (см. столбец № 4 в табл. 2). При этом частные дидактические цели по овладению учебными элементами разные для различных уровней дифференциации, но одинаковые для сходных групп когнитивных стилей (ИТ, ИД, ИЭ и ДТ, ДД, ДЭ). При этом способы освоения учебных элементов соответствуют типам когнитивных стилей и учитывают их специфику: в модулях данные отличия закладываются в столбце № 5 (Руководство по усвоению учебного содержания) (см. табл. 3).

Примечания

1. *Берулава, Г. А.* Стиль индивидуальности: теория и практика [Текст] : учеб. пособие / Г. А. Берулава. М.: Пед. обществ. России, 2001. 236 с.
2. *Бершадский, М. Е.* Дидактические и психологические основания образовательной технологии [Текст] / М. Е. Бершадский, В. В. Гузев. М.: Центр «Пед. поиск», 2003. 256 с.
3. *Моргун, В. Ф.* Интедиция освіти [Текст] : курс лекций / В. Ф. Моргун. Полтава: Наукова зміна, 1996. С. 5.
4. *Остапенко, А. А.* Непрерывность образования: Теоретические основы концепции развития системы непрерывного образования Кубани [Текст] / А. А. Остапенко. Краснодар: Кубанский учебник, 2001. 58 с.
5. Оценка качества подготовки выпускников основной школы по физике [Текст] / сост. В. А. Коровин. 2-е изд. М.: Дрофа, 2001. 64 с.; Оценка качества подготовки выпускников средней (полной) школы по физике [Текст] / сост. В. А. Коровин, В. А. Орлов. М.: Дрофа, 2001. 192 с.
6. Программно-методические материалы. Физика. 7-11 кл. [Текст] / сост. В. А. Коровин, Ю. И. Дик. М.: Дрофа, 1999; 2002.
7. Программы для общеобразоват. учреждений: Физика. Астрономия. 7-11 кл. [Текст] / сост. Ю. И. Дик, В. А. Коровин. 3-е изд., стереотип. М.: Дрофа, 2002. 256 с.
8. *Громов, С. В.* Физика: Механика. Теория относительности. Электродинамика [Текст] : учеб. для 10 кл. общеобразоват. учреждений / С. В. Громов; под ред. Н. В. Шароновой. 2-е изд., перераб. М.: Просвещение, 2001. 383 с.
9. *Касьянов, В. А.* Физика. 10 кл. [Текст] : учеб. для общеобразоват. учеб. заведений / В. А. Касьянов. 3-е изд., стереотип. М.: Дрофа, 2002. 416 с.
10. *Мякишев, Г. Я.* Физика [Текст] : учеб. для 11 кл. общеобразоват. учреждений / Г. Я. Мякишев, Б. Б. Буховцев. 11-е изд. М.: Просвещение, 2003. 336 с.
11. *Тихомирова, С. А.* Физика. 11 кл. [Текст] : учеб. для учащихся общеобразоват. учреждений / С. А. Тихомирова, Б. М. Яворский. М.: Школьная пресса, 2000. 256 с.
12. Физика [Текст] : учеб. для 11 кл. шк. и кл. с углубл. изучением физики / А. Т. Глазунов, О. Ф. Кабардин, А. Н. Малинин и др.; под ред. А. А. Пинского. 8-е изд. М.: Просвещение, 2003. 432 с.

ИЗУЧЕНИЕ ЛИНЕЙНОЙ И КУСОЧНО-ЛИНЕЙНЫХ ФУНКЦИЙ

В статье изложены содержание и методы изучения функций $y=kx$, $y=kx+b$, $y=|x|$, $y=\operatorname{sgn} x$, $y=[x]$, $y=\{x\}$. Предложены варианты изучения свойств этих функций, построения их графиков, даны приложения к решению конкретных математических задач.

1. Линейная функция

Начинать изучение конкретных функций лучше всего с задач. Задачи, приводящие к линейной функции, рассмотрены в учебнике алгебры для 7-го класса [5]. Однако подбор задач в нём имеет недостаток: при их решении получаются линейные функции, у которых и коэффициент при переменном x , и само это переменное, и свободный член в формуле, задающей функцию, принимают только положительные значения. Несколько лучше обстоит дело с подбором задач (процессов), приводящих к линейной функции, в учебнике математики для 8-х классов под редакцией Г. В. Дорофеева [2]: там есть задача с отрицательным коэффициентом при x . И всё же следует учесть советы Ф. Ф. Нагибина, высказанные им в статье [6]: задачи следует подбирать так, чтобы были получены формулы, в которых бы по условию задачи аргумент принимал в первой задаче только натуральные значения, во второй – положительные, а в третьей и отрицательные значения. Аналогичны требования к значениям коэффициентов в формуле, задающей линейную функцию. Это может быть задача о стоимости телеграммы ($P = kx + b$, где k , x , b принимают натуральные значения), задача о вычислении остатка бензина в баке автомобиля ($M = 40 - kx$, где 40 – вместимость бака, l ; k – норма расхода горючего, $l/\text{км}$; x – расстояние, которое проехал автомобиль (км)), задача о движении поезда относительно разъезда, расположенного на расстоянии b (км) от станции, от которой ведётся отсчёт ($y = kx + b$), и др.

Такой подход позволяет убедить учеников, что и переменная (аргумент), и коэффициенты в формуле $y = kx + b$ могут принимать любые известные им числовые значения.

Теперь можно сформулировать определение линейной функции. Это функция, задаваемая формулой $y = kx + b$.

Разъяснить, что формулой $y = kx + b$ задается функция, можно, исходя из единственности операций умножения и сложения в известных учащим-

КАНИН Евгений Степанович – кандидат педагогических наук, профессор по кафедре математического анализа и МПМ ВятГУ
© Е. С. Канин, 2004

ся числовых системах: для каждого числового значения x имеется единственное при заданном k произведение kx и единственная сумма $kx + b$.

Сразу возникает вопрос о графике линейной функции. Доказать, что графиком линейной функции является прямая линия, в 7-м классе не представляется возможным, для доказательства потребуется знание подобия треугольников, которые учащиеся получают не ранее 8-го класса. Поэтому следует как-то иначе убедить семиклассников, что график линейной функции есть прямая. Для этого можно провести такую лабораторную работу.

Каждому ученику предлагается построить график по формуле, задающей линейную функцию (можно одинаковые функции на ряд столов (парт) класса). Обязательное условие – коэффициенты k и b должны иметь значения как целые, так и дробные, как положительные, так и отрицательные, например:

$$y = 2x + 2; \quad y = 0,5x - 2,3;$$

$$y = -\frac{2}{3}x - 2; \quad y = -3,2x + 1,2.$$

Ученики, произвольно выбирая значения x , но также с соблюдением чередования целые – дробные, положительные – отрицательные, строят в выбранной декартовой системе координат 4-5 точек, вычислив предварительно для каждого выбранного x соответствующее значение y . Затем к построенным точкам прикладывается линейка. Если ординаты вычислены правильно, то все построенные точки оказываются на одной прямой. Отсюда вывод: при различных выбранных значениях x и вычисленных соответствующих значениях y графики для всех заданных функций (с положительными, отрицательными, целыми и дробными значениями коэффициентов k и b) являются прямыми линиями. Можно с большой степенью достоверности утверждать, что график линейной функции есть прямая линия.

Далее желательно строить графики линейной функции по двум выбранным точкам (по аксиоме геометрии две точки определяют прямую). Однако выбор точек желательно производить таким образом, чтобы эти точки не были достаточно близко расположены. Чем дальше выбранные точки друг от друга, тем точнее строится график линейной функции. Наиболее часто применяется вариант построения графика после преобразования формулы, задающей линейную функцию, в уравнение прямой в отрезках:

$$y = kx + b \Rightarrow \frac{y}{b} - \frac{kx}{b} = 1, \quad b \neq 0. \text{ Можно строить точки } (0; b) \text{ и } \left(-\frac{b}{k}; 0\right).$$

Но этот способ хорошо при-

менять только при достаточно больших $|b|$ и $\left|\frac{b}{k}\right|$ (хотя бы $|b| > 1$ и $\left|\frac{b}{k}\right| > 1$). В противном случае построение будет не очень точным. После построения 3-4 графиков нет необходимости составлять таблицу значений (всего 2 точки!) для построения графика линейной функции.

Обучив семиклассников построению графиков линейной функции, можно приступить к элементарному исследованию линейной функции. Но для исследования знакопостоянства и монотонности линейной функции приходится применять решение неравенств, а неравенства изучаются в 8-м или в 9-м классе (см. [2]). Поэтому в 7-м классе возможно лишь выделить значения аргумента, при которых линейная функция принимает положительные (отрицательные) значения, да доказать монотонность линейной функции. При этом придётся обходиться определениями операций над положительными и отрицательными числами. Все остальные свойства (например, роль и геометрический смысл коэффициентов в уравнении линейной функции) можно установить из геометрических соображений.

Достаточно легко устанавливается, что коэффициент b есть значение линейной функции при $x = 0$: $y = kx|_{x=0} + b$. Геометрически b численно равен отрезку, отсекаемому на оси ординат, считая от 0. А коэффициент k находится в случае прямой пропорциональности как $k = y|_{x=1}$, в общем случае линейной функции как $y|_{x=1} - b = k$. Разумеется, все это надо показать на графиках функций (см. рис. 1, 2).

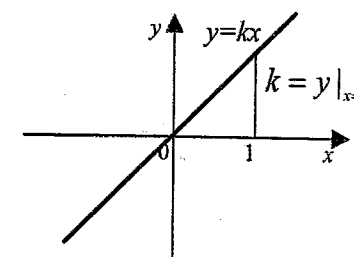

Рис. 1

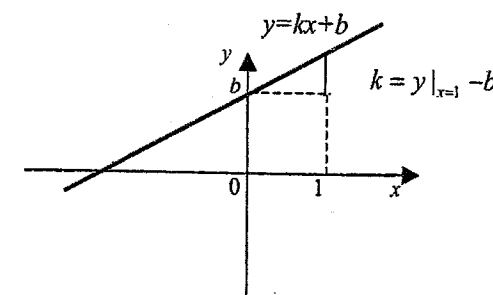

Рис. 2

Аналогично при отрицательном k . При построении графика прямой пропорциональности надо учесть, что любой такой график проходит через точку $(0; 0)$. Значит, для построения графика прямой пропорциональности достаточно выбрать ещё одну точку. Построение графика функции $y = kx$ по сравнению с графиком функции $y = kx + b$ упрощается.

Конечно, нужны упражнения в отыскании коэффициентов линейной функции по графикам конкретных линейных функций. Начальные упражнения должны быть простыми и иметь своей целью усвоение геометрического смысла коэффициентов формулы, задающей функцию.

1. Найдите значения коэффициентов k в уравнениях прямых $y = kx$ (рис. 3). Запишите уравнения этих прямых.

2. 1) Найдите значения коэффициентов b для прямых $y = kx + b$, изображённых на рис. 4. 2) Каковы числовые значения коэффициентов k для этих прямых? 3) Запишите уравнения прямых, изображённых на этом рисунке.

Выполняя такие упражнения, учащиеся постепенно овладевают умением «читать» график, готовятся к элементарному исследованию функции $y = kx + b$. Их развитием и обобщением являются упражнения, в которых оценивается роль не только числовых, но и буквенных коэффициентов (это упражнения для сильных учащихся):

3. На рис. 5 изображён график функции $y = kx + b$. Вычертите графики функций: а) $y = kx$, б) $y = b$, в) $y = kx - b$, г) $y = -kx + b$, д) $y = -kx - b$.

Указания к задачам № 3-6: ясно, что $k = y_{x=1} - b$; прямые с противоположными угловы-

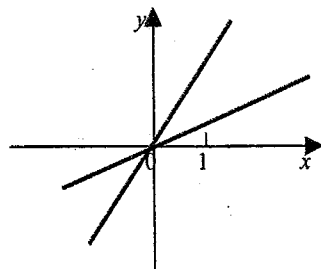

Рис. 3

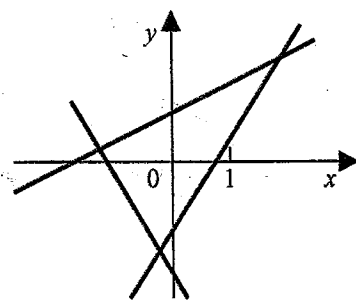

Рис. 4

ми коэффициентами и равными коэффициентами b обладают свойством симметрии графиков относительно оси ординат.

4. Определите, выше или ниже прямой $y = ax + a^2$ находится точка $(0; 0)$.

5. Может ли прямая $y = kx + \frac{1}{k}$ отсекал на

координатной плоскости треугольник, лежащий в первом квадранте и образованный отрезками осей координат и этой прямой?

6. Могут ли прямые, изображенные на рис. 6, быть графиками функций $y = ax + b$, $y = bx + a$ и $y = (a+b)x^2$?

Нужно заметить, что данные линейные функции принимают в точке $x=1$ одно и то же значение $y = a + b$, следовательно, их графики должны пересекаться в одной точке, а прямые на рис. 6 не имеют общей точки.

В 7-м классе можно доказать монотонность линейной функции, опираясь на определение действий над положительными и отрицательными числами. Приводимое доказательство имеется в учебниках, здесь оно лишь слегка подработано.

Пусть задана функция формулой $y = kx + b$. Выберем два произвольных неравных значения аргумента. Для определенности пусть $x_1 > x_2$. Оценим разность значений функции в выбранных точках:

$$y_1 - y_2 = (kx_1 + b) - (kx_2 + b) = k(x_1 - x_2).$$

По нашему выбору $x_1 - x_2 > 0$. Поэтому знак разности $y_1 - y_2$ зависит от знака коэффициента k .

1) $k > 0$, тогда по определению умножения положительных и отрицательных чисел $k(x_1 - x_2) > 0$ и $y_1 - y_2 > 0$, то есть $y_1 > y_2$, $y = kx + b$ возрастает.

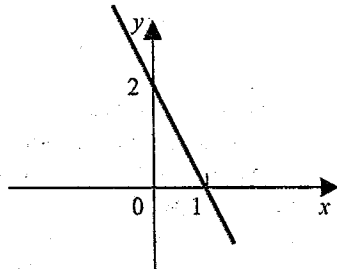

Рис. 5

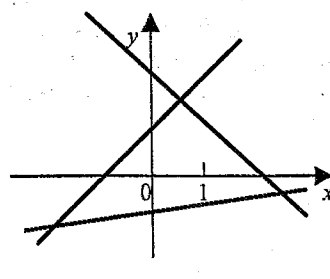

Рис. 6

2) $k < 0$, тогда $k(x_1 - x_2) < 0$, $y_1 < y_2$, функция $y = kx + b$ убывает.

Доказанное стоит иллюстрировать графиками.

Итак, рассмотрены случаи положительности и отрицательности k . Остается установить, что происходит с линейной функцией при $k=0$. В этом случае $y=b$, имеем частный случай линейной функции, при котором для любого x из области определения функция принимает одно и то же значение b . Такая функция называется постоянной. Полезно построить её графики при конкретных значениях b и показать, что это прямая, параллельная оси абсцисс и расположенная от неё на расстоянии b , если $b > 0$, и на расстоянии $-b$, если $b < 0$.

Как ведёт себя функция $y = kx + b$ при $b=0$? В этом случае имеем функцию $y = kx$, с которой учащиеся частично знакомы при изучении прямо пропорциональной зависимости. «Частично», потому что определение прямо пропорциональных величин было сформулировано в 6-м классе для положительных значений x , y , k . В линейной же функции $y = kx$ аргумент x может принимать положительные, нулевые и отрицательные значения. В качестве примера можно привести движение транспорта относительно некоторого пункта (разъезда на железной дороге, наблюдательного пункта на шоссе и др.), выбрав положительное направление движения (обычно слева направо).

Выбранный пункт можно считать началом отсчёта времени и пути. Тогда коэффициент k по смыслу есть скорость движения, время и путь слева от выбранного начала отсчёта отрицательны, справа — положительные.

Существенно показать учащимся некоторые приложения линейной функции. Рассмотренные выше процессы движения с постоянной скоростью могут быть заданы формулой $S = S_0 + Vt$, где S_0 — начальное расстояние, V — постоянная скорость движения, t — время движения. Существенно при расчетах соблюдать размерность, производить вычисления в одной системе единиц. Позднее, в 8-9-х классах, полезно показать, что равномерное нагревание описывается с помощью линейной функции $Q = mc(t - t_0)$, где m , c и t_0 —

постоянные. Линейная функция применяется при вычислениях по закону Гука ($F = -kx$), массы в зависимости от объема при известной плотности и др. Можно в 7-м классе показать формулу для вычисления номера (размера B) валенок по известному номеру (размеру A) кожаной обуви

$$B = \frac{2}{3}A + 1.$$

Не вредно показывать учащимся и другие приложения линейной функции.

Графики линейной функции применяются при графическом решении систем двух линейных уравнений с двумя переменными и вообще для графического решения текстовых задач. С помощью графиков можно достаточно легко решать такие, например, задачи:

7. Два велосипедиста движутся по окружности в противоположных направлениях, начиная с одного пункта. Первый объезжает окружность за 12 минут, а второй выезжает на 5 минут позже первого и объезжает окружность за 10 минут. Когда велосипедисты встретятся?

Поскольку движение по окружности совершается равномерно, то его можно изобразить движением по прямой. Можно условие задачи изобразить в прямоугольной системе координат, выбрав в качестве оси времени ось абсцисс, а оси расстояний — ось ординат. За единицу отсчёта по оси ординат удобно выбрать длину окружности.

Графическое изображение задачи и её решения см. на рис. 7. График движения первого велосипедиста проходит через точки $(0; 0)$ и $(12; 1)$, график движения второго — через точки $(5;$

1) и $(15; 0)$. Время встречи $8\frac{2}{11}$ минуты со времени начала движения первого велосипедиста (построение желательно выполнять на миллиметровой бумаге).

Другие задачи читатель найдёт, например, в [7], с. 101-102 и в [8].

2. Функции $y = |x|$, $y = \operatorname{sgn} x$, $y = [x]$, $y = \{x\}$. Изучение функций «модуль x », «сигнум x », «антье от x » и «дробная часть x » программой общеобразовательной школы не предусмотрено, эти функции предлагается изучать лишь в шко-

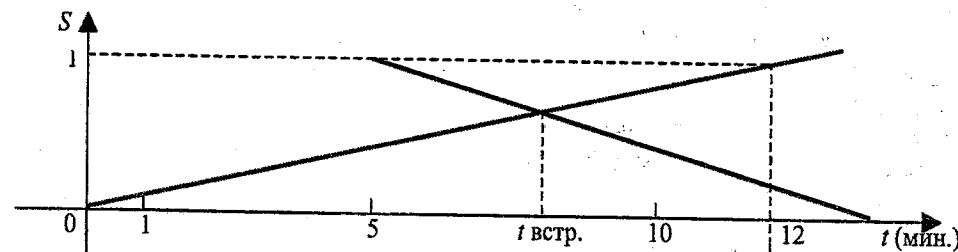

Рис. 7

лах и классах с углублённым изучением математики [2].

Внимательное рассмотрение определений названных функций и их графиков позволяет заметить, что все они являются «кусочно-линейными», то есть заданными линейно (в виде различных линейных зависимостей) на различных промежутках области определения. Это и упрощает, и затрудняет их изучение. Облегчает потому, что технически построить графики достаточно просто. Затрудняет, так как привычное построение графиков «по точкам» приводит к серьёзным и частым ошибкам, являющимся следствием различного задания функции на различных промежутках области определения.

Для изучения указанных функций необходимо чёткое знание и понимание таких понятий, как модуль и сигнум (знак) числа, целая и дробная части числа. Это необходимо для понимания свойств рассматриваемых функций и для построения их графиков.

Функция $y=|x|$.

Понятие модуля числа известно учащимся ещё из курса арифметики рациональных чисел. Однако опыт показывает, что не все ученики сознательно усваивают это понятие. Поэтому перед изучением функции $y=|x|$ было бы полезно выполнить некоторые упражнения, помогающие учащимся восстановить в памяти и лучше осознать понятие модуля. Примеры таких упражнений:

8. Докажите, что: а) $|a|=-|a|$; б) $|a| \geq a$; в) $|a| \geq -a$.
9. Решите уравнения: а) $|-a|=a$; б) $|-a|=-a$;
в) $|a+a|=0$; г) $|a-a|=0$.

Определение модуля числа x для изучения функции $y=|x|$ следует записывать аналитически, одних геометрических представлений о модуле числа для изучения функции «модуль x » недостаточно:

$$|x| = \begin{cases} x, & \text{если } x \geq 0 \\ -x, & \text{если } x < 0. \end{cases}$$

Из этого определения отчётливо видно, что функция $y=|x|$ различно задаётся для неотрицательных и отрицательных значений аргумента, хотя на каждом из этих множеств она задана линейно: $y=x$, если $x \geq 0$, и $y=-x$, если $x < 0$. Отсюда вытекают все свойства и вид графика функции.

1) Область определения её есть R — множество всех действительных чисел.

2) Ясно также, что $y=|x|$ является чётной функцией, ограниченной снизу числом 0, множество значений функции есть $[0; \infty)$, то есть функция неотрицательна.

3) Функция $y=|x|$ убывает при отрицательных значениях, возрастает при неотрицательных значениях x .

4) Её график является биссектрисой второго координатного угла при $x \leq 0$ и биссектрисой первого координатного угла при $x \geq 0$. В точке $x=0$ график функции как бы «переломлен» (рис. 8):

Итак, особенности изучения функции $y=|x|$ заключаются в том, что построение её графика выполняется не «по точкам», а «по определению» и свойствам, из него вытекающим. Это относится и к другим кусочно-линейным функциям.

Для лучшего усвоения свойств модуля полезны следующие упражнения.

10. Решите неравенства:

а) $|a| \leq -a$; б) $|-a| \leq a$; в) $|a| \leq |a|$; г) $|a| \geq a^2$.

11. Докажите следующие соотношения:

а) $|a+b| \leq |a|+|b|$; б) $|ab| \leq |a||b|$; в) $|a-b| \geq |a|-|b|$.

Другие упражнения и задачи можно найти в [4].

Сведения о функции $y=|x|$ можно сообщать сразу же после изучения линейной функции, изучение же функций $y=[x]$ и $y=\{x\}$ лучше отнести на более позднее время.

Функция $y=\operatorname{sgn} x$

Изучение кусочно-линейных функций лучше построить так, чтобы функция «сигнум» следовала за функцией «модуль числа». У обеих названных функций имеется только одно значение переменной (аргумента), при котором меняется поведение функции: $x=0$. Кроме того, графически обе функции изображаются «похоже»: двумя лучами и точкой между ними. Правда, функция «модуль» непрерывна, а функция сигнум в точке $x=0$ имеет разрыв.

Название функции «сигнум» происходит от латинского signum и переводится «знак». Таким образом, функции «модуль x » и «сигнум x » являются характеристиками действительного числа.

Определение функции сигнум следующее:

$$\operatorname{sgn} x = \begin{cases} 1, & \text{если } x > 0, \\ 0, & \text{если } x = 0, \\ -1, & \text{если } x < 0. \end{cases}$$

Из определения следуют некоторые свойства функции: 1) Область определения — множество R ; 2) Множество значений состоит из трёх чисел $y \in \{-1; 0; 1\}$; 3) Функция постоянна при $x < 0$ и

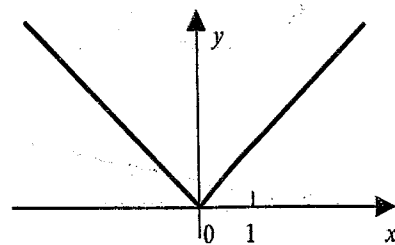

Рис. 8

при $x > 0$. 4) Функция нечётная: $\operatorname{sgn}(-x) = -\operatorname{sgn} x$.

5) Функция не является периодической. График функции строится по определению (рис. 9):

Можно сообщить учащимся, что функцию сигнум ввёл Л. Кронекер в 1878 г.

И ещё один интересный факт. Оказывается, $|x|=x \operatorname{sgn} x$, а $x=|x| \operatorname{sgn} x$.

Иногда в литературе встречается обозначение функции $y = \operatorname{sgn} x$.

Функция $y=[x]$ (антье от x)

Определение: Антье от x (целая часть x) есть наибольшее целое число, не превосходящее x .

Так, $[5,72]=5$; $[-3,2]=-4$; $[B]=3$; $[\sqrt{3}]=1$; $[-2]=-2$; $[100]=100$ и др.

В определении надо выделить два слова: «наибольшее» и «не превосходящее», пояснить приведёнными примерами.

Можно сообщить ученикам, что термин «антье» происходит от французского «entier» — целый, что обозначение $[x]$ ввёл К. Гаусс в 1808 г.

Из определения сразу вытекают основные свойства функции «антье».

1) Область определения R .

2) Множество значений Z .

3) Функция является «кусочно-постоянной»: на каждом промежутке $[k; k+1)$, $k \in Z$ функция принимает одно значение k . Поэтому функция неубывающая, то есть для любых $x_1 \leq x_2$ имеет место неравенство $[x_1] \leq [x_2]$. Поэтому же при $x < 0$ функция отрицательна, при $x=0$ и $y=0$, при $x > 0$ $y > 0$.

Можно отметить и некоторые специальные свойства изучаемой функции: 4) $[x+n]=[x]+n$, если $x \in R$, а $n \in N$; 5) если $x \in Z$, то $[-x] = -[x]-1$; наконец, 6) при любых действительных значениях x выполняется система неравенств $[x] \leq x < [x]+1$. Эти свойства желательно доказать хотя бы в качестве упражнений.

Указанные свойства используются при построении графика функции (рис. 10).

Надо отметить особенности построения и расположения графиков $y=[x]$.

1) На каждом из промежутков $[k; k+1)$, $k \in Z$, график изображается отрезком, открытым справа, то есть правая точка (точка с координатами $(k+1; k)$ графику функции не принадлежит. На

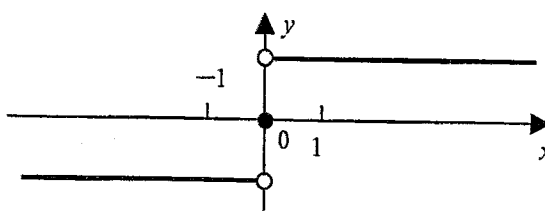

Рис. 9

указанных рисунках это изображено «белой» точкой. Иными словами, в каждой точке с целочисленными абсциссами функция $y=[x]$ терпит разрыв. Таких точек «разрыва» столько же, сколько существует целых чисел, то есть «бесконечно много» (счётное множество).

2) График функции $y=[x]$ состоит, таким образом, из отрезков прямых, параллельных оси абсцисс (на промежутке $[0; 1)$ — отрезок оси абсцисс), образующих «лесенку», длина и высота каждой «ступеньки» которой равна 1.

Функция $y=\{x\}$ (дробная часть числа)

Дробную часть числа можно определить через его целую часть: $\{x\}=x-[x]$. Поскольку целая часть x не превосходит x , то дробная часть числа всегда неотрицательна. Дробная часть целого числа равна 0. Примеры: $\{-7\}=0$; $\{5\}=0$;

$$\left\{3\frac{1}{4}\right\} = \frac{1}{4}; \{-27,52\} = -27,52 - (-28) = 0,48.$$

Исходя из определения, устанавливаются свойства функции $y=\{x\}$.

1) Область определения R . 2) Множество значений $[0; 1)$. 3) Функция ограничена: $0 \leq \{x\} < 1$. 4) Для любого действительного числа x и любого натурального n выполняется равенство $\{x+n\}=\{x\}$. Таким образом, исследуемая функция является периодической, её период — любое натуральное число, наименьший период 1. 5) На каждом промежутке $[k; k+1)$ функция $y=\{x\}$ возрастает, хотя на всей области определения возрастающей не является, она немонотонная. Как следствие первых четырёх свойств — $\{x\}=1-\{x\}$. График функции см. на рис. 11.

Вследствие периодичности функции её график достаточно построить на промежутке $[0; 1)$, на остальных промежутках области определения график строится «продолжением по периодичности».

Таким образом, график функции $y=\{x\}$, как и график функции $y=[x]$, изображается изолированными отрезками прямых на каждом промежутке $[k; k+1)$, $k \in Z$, области определения. Эти отрезки геометрически представляют диагонали квадра-

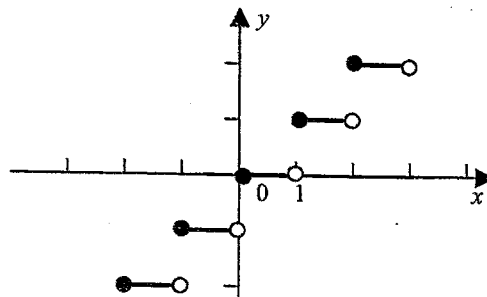

Рис. 10

тов со стороны, длина которой равна 1 (длина каждого из отрезков $[k; k+1]$). Левая крайняя точка диагонали имеет координаты $(k; 0)$, правая крайняя точка (с координатами $(k+1; 1)$) графику функции не принадлежит. На каждом из указанных промежутков области определения это будет отрезок прямой, параллельной прямой $y=x$. Следовательно, функция $y=\{x\}$, как и функция $y=[x]$, имеет «разрыв» в каждой точке с целочисленными абсциссами.

Для закрепления изученного могут оказаться полезными следующие упражнения:

12. Докажите тождества: а) $[3+x]=3+[x]$;
 б) $[x-5]=[x]-5$; в) $[x+k]=[x]+k, k \in \mathbb{Z}$.
 13. Докажите тождество: $\{x+k\}=\{x\}, k \in \mathbb{Z}$.
 14. Решите уравнения (можно графически):
 а) $|x|=[x]$; б) $|x|=\{x\}, x \in [0; 1)$;
 в) $|x|=\{x\}, x \in [-1; 0)$; г) $|x|=\{x\}$;
 д) $[x]=2x$; е) $3[x]=2x$.

Другие упражнения см. в [4], с. 10-11.

Приложения кусочно-линейных функций достаточно разнообразны. Без модуля числа нет операций над рациональными, а значит, и действительными числами. Функции «антье» и «дробная часть числа» широко используются в логарифмах («антье» – целая часть логарифма или его характеристика, «дробная часть» логарифма – его мантисса). Но имеются и другие приложения. При решении текстовых задач «на движение» под скоростью понимается модуль скорости (известно, что скорость – вектор). Некоторые классы текстовых задач решаются с помощью функций $y=[x]$ и $y=\{x\}$. Например.

15. Длина полных метров в куске кабеля в 5 раз больше длины неполного метра. Какова максимально возможная длина кабеля?

Для решения обозначим длину кабеля x (м). Тогда составляется уравнение $5\{x\}=[x]$ или

$\{x\} = \frac{[x]}{5}$. Так как $x \in [0; 5)$, то $[x] \in [0; 5)$, поэтому $[x]=4$. Тогда $\{x\}=0,8$. Искомая длина кабеля 4,8 (м).

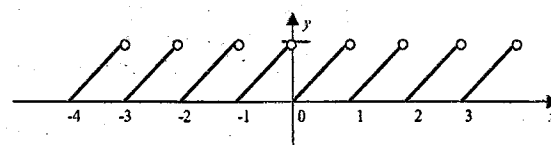

Рис. 11

Применяются сведения и свойства кусочно-линейных функций также при решении уравнений и неравенств, их систем (см. также задачи в [3]).

Примечания

1. Виленкин, Н. Я. Алгебра для 9 класса: учебное пособие для школ и классов с углубленным изучением математики [Текст] / Н. Я. Виленкин / под ред. Н. Я. Виленкина. М.: Просвещение, 1996. 384 с.: ил.

2. Дорофеев, Г. В. Математика. 8 кл. [Текст] / Г. В. Дорофеев / под ред. Г. В. Дорофеева. М.: Дрофа, 1999. 304 с.: ил.

3. Еровенко, В. А. Методологический принцип Оккама на примере функций целой и дробной части числа [Текст] / В. А. Еровенко, О. В. Михалкова // Математика в школе. 2003. № 8. С. 57-67.

4. Калинин, С. И. Задачи и упражнения по началу математического анализа [Текст] / С. И. Калинин, Е. С. Канин, Г. М. Маянская и др. / сост. Е. С. Канин, С. И. Калинин / под ред. Е. С. Канина. М.: Московский лицей, 2001. 208 с.

5. Макарычев, Ю. Н. Алгебра: Учебник для 7 кл. сред. шк. [Текст] / Ю. Н. Макарычев и др. / под ред. С. А. Теляковского. 3-е изд. М.: Просвещение, 1993.

6. Нагибин, Ф. Ф. Изучение линейной функции в VII и VIII классах [Текст] / Ф. Ф. Нагибин // Из опыта преподавания алгебры в средней школе: [сб.] / под ред. П. В. Стратилатова. М.: УИП, 1958. С. 86-101.

7. Нагибин Ф. Ф. Математическая шкатулка [Текст] / Ф. Ф. Нагибин, Е. С. Канин. 5-е изд. М.: Просвещение, 1988. 160 с.: ил.

8. Островский, А. И. Геометрия помогает арифметике [Текст] / А. И. Островский, Б. А. Кордемацкий. М.: Физматгиз, 1960.

МОЛОДЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ

А. А. Белик

К ВОПРОСУ О ПРЕИМУЩЕСТВАХ
ТОРГОВЛИ ВЯТСКИХ КУПЦОВ
В АРХАНГЕЛЬСКОМ ПОРТУ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Статья анализирует малоизученные аспекты внешней торговли вятских купцов первой половины XIX в., их предпочтения в выборе основного рынка сбыта своих товаров. Статья выявляет способы доставки и реализации товара вятским купечеством, также проводится характеристика основных затруднений при заграничной торговле. Предпочтения Архангельскому порту в среде купцов первой и второй гильдий этого времени отдавались и по причине получения крупной прибыли за короткий срок минимумом средств, а также потому, что торговля здесь в первой половине XIX в. уже была хорошо налажена.

За всю историю развития купеческого сословия на Вятской земле, как и в первой половине XIX в., основную часть его предпринимательской деятельности составляла торговля. Этому во многом способствовали особенности социально-экономического положения губернии. Аграрный характер экономики Вятской земли позволил ей уже во второй половине XVII в. стать основным хлебным рынком. «По Каме, Волге и Оке вятское зерно поступало в центральные города, в том числе, в Москву» [1, с. 225].

В первой половине XIX в. торговые приоритеты вятского купечества изменились. К этому времени в стране сложился единый всероссийский рынок, наблюдался рост ярмарочной торговли, а купеческий капитал все больше вкладывался в промышленное производство. Однако в Вятской губернии в среде крупного предпринимательства продолжала доминировать оптовая скупка и перепродажа сельскохозяйственной продукции, а именно: хлеба, муки, льна, льняного семени, винного спирта, кожи и т. д. Как указывает М. С. Судовиков, это был один из видов деятельности купцов первой и второй гильдий. Отправлялась эта продукция в Архангельск, Петербург и Астрахань [2, с. 80]. Также небольшая доля товаров поступала на Нижегородскую ярмарку.

Дальнейшее изучение этого факта показало, что значительная часть вятского купечества пред-

почитала Архангельск всем другим рынкам сбыта. При этом причины такого выбора в среде самого вятского предпринимательства назывались разные и противоречивые.

Суть этого вопроса ярко демонстрируют две статьи, размещенные в Вятских Губернских Ведомостях за 1838 г. Первая, под названием «Общие замечания о торговле», была опубликована со слов вятского купца первой гильдии Василия Аршаулова. Автор подтверждал, что «сбыт произведений Вятской губернии, как известно, идет большей частью к Архангельскому порту» [3, л. 2-3]. Купец отмечал, что в 1837 г. «остановка в продаже товаров и недостаток наличных денег были ощутительны в Архангельском порте и наши торговцы потерпели значительные убытки от пакали, льняного семени, поташа и сала. Одна ржаная мука и хлебные припасы проданы с выгодой и то для внутреннего потребления» [3, л. 3]. То есть большая часть сельскохозяйственных товаров, привезенная вятскими купцами, не была реализована, причем понесли значительные убытки купцы первой гильдии, так как не смогли сбыть свой товар заграничным предпринимателям. Как известно, только купцы первой гильдии имели право на торговлю с иноземными покупателями.

Аршаулов видел причину «остановки торговли» в экономическом кризисе, охватившем Америку и Англию в середине 30-х гг. XIX в. [3, л. 3]. По сути, купец утверждал, что это лишь временное явление, при разрешении которого Архангельск будет приносить вятским купцам ту же прибыль, что и раньше. Отсюда вытекает причина предпочтения данного рынка сбыта: колоссальная прибыль за малый промежуток времени.

Однако Аршаулову нашелся оппонент, опубликовавший в ВГВ статью под названием «Взгляд на статью: общие замечания о торговле, помещенную в № 1». (К сожалению, имя этого человека не сохранилось. Но можно предположить, что это один из представителей вятского купечества первой половины XIX в.) Автор подтверждал, что «Архангельский порт способствовал образованию значительных капиталов предкам торгующего сословия Вятской Губернии и постоянное обращение их к Архангельскому порту согласовывалось с обстоятельствами времени...» [4, л. 27].

При этом оппонент обращал внимание на деятельность орловского купца второй гильдии С. Е. Изергина: «...в прошедшем году (т. е. в

БЕЛИК Александр Анатольевич – аспирант кафедры истории и краеведения ВятГГУ
© А. А. Белик, 2004

1837 г. — А. Б.) поднял завесу и второе действие Вятской торговой драмы открыл сплавом своих товаров к Санкт-Петербургу» [4, л. 27]. По словам автора статьи, данное купеческое предприятие завершилось успехом. Изергин получил крупную прибыль как раз в то время, когда в Архангельском порту вятские предприниматели несли большие убытки. Оппонент Аршаулова задается вопросом: выгоден ли в настоящее время сбыт товаров в Архангельске и не происходит ли доставка товаров в этот порт только по причине «наследственной привычки»? «При одинаковой ценности за сплав товаров, не выгоднее ли будет, обратясь с ними в Петербург, торговаться со всеми народами, нежели в Архангельске с несколькими только покупателями» [4, л. 28].

Но, несмотря на присутствие подобных идей в вятской предпринимательской среде, большинство местных купцов предпочитало торговлю в Архангельском порту в течение всей первой половины XIX в. При этом доставка товаров в другие порты могла расцениваться как нечто исключительное, как «подвиг».

Такому положению дел были реальные причины, одна из которых — состояние вятских дорог. «Военно-статистическое обозрение...» изданное в 1850 г., делает заключение: «В Вятской губернии замечательных торговых дорог две: 1) ведущая от г. Вятки и Слободского к Ношувской пристани (Вологодской губернии) и 2) Устюжская» [5, с. 39]. Обе дороги из-за болотистости почвы и разлива рек были более пригодными для передвижений только в зимнее время, но и тогда они обыкновенно были изрыты глубокими выбоинами. Прочие дороги губернии были в еще более худшем положении. Причем такое состояние дорог характеризовало не только Вятскую губернию, но и всю Россию. В 1814 г. «главно-управляющий» дорогами сообщал, что даже под Петербургом дороги в жалком состоянии [6, с. 61–62].

По этим торговым путям вятское купечество доставляло свои грузы «волоком на протяжении 180 верст» (192,1 км) до пристаней, расположенных на реках Лузе и Юг; далее товары сплавались по Северной Двине до Архангельска. Извозом в зимнее время чаще всего занимались крестьяне, так как в этот сезон они не бывали занятыми на полевых работах. Цены за доставку грузов в зависимости от товарооборота могли колебаться от 5 до 50 копеек серебром с каждого пуда [5, с. 40]. Доставка по воде могла обойтись от 20 до 50 копеек серебром с пуда [5, с. 92].

Предприниматели Вятки и Слободского передвигались по Ношувской дороге к одноименной пристани на реке Лузе. «Военно-статистическое обозрение...» отмечает, что на этой реке суще-

ствовала еще одна пристань — Быковская, расположенная ближе к реке Юг и способная экономить время по доставке грузов, так как корабли могли выходить с нее сразу после схода льда. Однако в «Обозрении» упоминается о том, что «на Быковскую почти нет возможности пробраться. Сюда проложена, чрез лес, не дорога, а тропинка, по которой едва может пройти одна лошадь с санями...» [5, с. 91]. Это объяснялось тем, что пристани находились в юрисдикции Вологодской губернии. Однако, так как здесь грузились только вятские купцы, начальство губернии не было заинтересовано в улучшении условий доставки товаров.

Сложно объяснить тот факт, почему вятские купцы сами не могли профинансировать обустройство хороших дорог хотя бы в северной части Вятской губернии, если от их качества напрямую зависело повышение уровня их прибыли. Сохранность груза во время сплава из Вятки в Архангельск могла бы гарантировать предпринимателя от случайного разорения. Возможно, что подобная незаинтересованность купцов в улучшении главных торговых дорог губернии объяснялась их стремлением к личной наживе.

В первой половине XIX в. значительная часть провинциального купечества первой и второй гильдий в торговых делах не стремилась к совместной деятельности. Как отмечает Б. Н. Миронов, тогда как «иностранные часто работали фирмами... русские действовали поодиночке» [7, с. 167]. Купцы в свои дела могли привлекать лишь членов собственной семьи. Жесткая конкурентная борьба вынуждала российских предпринимателей идти на крайний риск, если появлялась возможность получить высокую прибыль. Качество дорог, при которой один купец доставлял товар и получал «большой барыш», а другой терял грузы и разорялся, было вполне весомо в этой борьбе.

Риск испытывали вятские купцы первой гильдии и непосредственно при продаже своего товара иностранным покупателям. В стремлении сбыть товар предприниматели могли использовать любые возможности русской торговли. Томас Оуэн, изучая особенности подобных торгов, писал о том, что английские и американские купцы, будучи в России начала XIX столетия, удивлялись мастерству малограмотных русских в использовании простых счетов. Также они отмечали особенности ведения дел русскими, ставшие клеймом их традиционной культуры: скрытные, стремящиеся обмануть и избежать закон, а также поторговаться с чужестранцами. По мнению Т. Оуэна, такие технологии доказывают, что для русских дорожечестности было получение чистой прибыли в отсутствии хорошей банковской системы, сильных законных гарантий на частную собственность пра-

вительственной политики, благоприятствующей коммерции и производству. Один британский купец отмечал гордость, с которой русские купцы рассказывали о своих нечестных доходах: «На проворное воровство, умение перехитрить они смотрят как на очень большое достижение своего таланта» [8, р. 1–2]. При таких взаимоотношениях русских и иноземных купцов более выгодные условия торговли оставались на стороне иностранцев. Однако в течение первой половины XIX в. образовательный уровень купечества явно возрастал. В 1838 г. на выборах в общественные службы все без исключения крупнейшие купцы Вятки на вопрос «знают ли грамоту» сообщали, что «грамоту знают» [9, л. 32–45].

В редких случаях купцы, в обход представителей заграничных фирм в портах, нанимали или покупали корабли для доставки своих грузов прямо к иностранным портам. Известны и вятские купцы, которые занимались подобным предпринимательством: К. Анфилов, И. Колошин [2, с. 80]. В первой половине XIX в. собственных торговых домов за границей русские купцы не имели, поэтому были вынуждены обращаться за помощью к иностранным фирмам, которые не стремились к тесному сотрудничеству с российскими предпринимателями, а иногда и вслеськи их притесняли [10, с. 272]. Фактически, в обратный путь корабль мог отправиться с товаром, не позволявшим надеяться на высокую прибыль. Правда, в Архангельском порту вятские купцы также не закупали товара на крупные суммы. Причиной были нетребовательность и небольшие финансовые возможности населения Вятской губернии. Как отмечал автор «Военно-статистического обозрения», «главная масса населения требует простых и незатейливых предметов. Вследствие этого вся торговая деятельность края обращается на изделия сельских обывателей» [5, с. 84]. Поэтому при «чистом барыше» в 5 миллионов рублей серебром купцы ежегодно ввозили в Вятскую губернию товара всего на 700 тысяч рублей серебром [5, с. 93].

Серьезно затруднять торговлю вятским купцам в порту могли и новые таможенные тарифы, а также особенности внешней политики Российской империи на протяжении первой половины XIX в. В. Витчевский отмечает, что во внешней торговле для России характерно положение «кто хочет брать — тот должен давать»; страна «сурово неприязненна и в то же время предусмотрительно дружелюбна» [6, с. 27]. Континентальная блокада, к которой присоединилась Россия после Тильзитского мира 1807 г., оказала и негативное, и позитивное влияние на торговлю в Архангельске. По указу от 28 октября 1807 г. на все английские суда в российских портах и на все имущество англичан в России был наложен

арест. В 1808 г. русским судам, находившимся в Англии, было приказано вернуться без груза и ввоз в Россию английских товаров прекратить. Но давние торговые отношения с Англией этими указами было сложно разрушить. В этих условиях на российских границах стала активно использоваться контрабанда. В портах товарообмен происходил на судах под нейтральными флагами. В 1809 г. русским правительством было принято решение, чтобы нейтральность груза была доказана корабельщиком перед «комиссией нейтрального плавания» в Петербурге или Архангельске [6, с. 34].

В это время товары российских купцов сильно обесценились. «Русские промышленники и торговые круги горько жаловались на континентальную систему» [11, с. 88]. Для их поддержки был разработан новый тариф, позволявший с 1811 г. торговать с Англией под нейтральным флагом в строго отведенных таможенных пунктах и портах; в их числе был и Архангельский порт [6, с. 35]. По мнению В. А. Бутенко, на подобное решение Александра I повлияли действия Наполеона, объявившего континентальную блокаду, но все же допускающего ввоз во Францию английских товаров [11, с. 88].

В сложившейся международной ситуации российские, в том числе и вятские, купцы фактически стали полными монополистами по продаже зерна в Англию, что способствовало получению ими огромных прибылей после нескольких лет убытков и разорений. Помимо хлеба, английский покупатель нуждался в поставках льна и пеньки, которые в достаточном количестве производились в Вятской губернии начала XIX в. Добавим, что успехи в войне с Францией, поднявшие престиж России на мировой арене, еще больше способствовали улучшению торговых взаимоотношений с Англией.

После войны в отношении к внешней торговле в правительстве Российской империи начался постепенный переход от протекционистской к фритредерской системе, т. е. покровительственное отношение к отечественному предпринимательству со стороны государства сменилось стремлением к полному невмешательству в частную инициативу. В это время происходит постепенное понижение таможенного тарифа. В рассматриваемый период были приняты три важных таможенных тарифа: в 1816, 1819 и 1822 гг.

Тариф 1816 г. значительно ограничил число товаров, запрещенных к привозу, а на остальные товары была наложена пошлина в размере 15–30% от их стоимости. Тариф 1819 г. В. А. Бутенко характеризовал как самый либеральный из всех, что существовали. В этот год были весьма значительно понижены пошлины и разрешен ввоз ранее запрещенных товаров. При этом тариф

1822 г., разработанный при непосредственном участии Е. Ф. Канкрин, министра финансов с 1823 г., облагал высокими пошлинами иностранные товары. Такая таможенная система действовала практически в течение всего правления Николая I [11, с. 89]. Принятие подобных тарифов наглядно демонстрирует высокую заинтересованность российского правительства в повышении уровня отечественного предпринимательства. В этих условиях вятское купечество могло получать чрезвычайно высокие доходы даже на одном рынке сбыта.

При этом выгодной была доминирующая позиция предпринимателей Вятки в Архангельске. О том, что в Архангельском порту вятские купцы занимали видное положение, свидетельствует следующий факт. В 1817 г. для содействия торговому сословию и оживления промышленности в Санкт-Петербурге был открыт Государственный коммерческий банк [12, с. 7]. Как отмечал петербургский купец первой гильдии Михайло Самойлов, «повелено коммерческому банку производить ссуды под российские товары и принимать вексели со взиманием процентов сообразно с движением коммерческих оборотов, имея в предмете понижение количества оных, а не умножение прибыли банка» [13, л. 4]. В последующих годах были учреждены Отделения Банка в Москве, Одессе, Астрахани, Архангельске и Риге [13, л. 4]. Уже вскоре после основания в директора Архангельской конторы банка иногда избирались лица из вятского купечества. Причем зачастую эту должность купцы Вятки старались избежать как мешающую в их торговле обузу [14, с. 390]. Впрочем, такое неприятие к должностям проявлялось и на местном уровне. В среде купечества Вятки были случаи, когда предприниматели стремились разными способами отказаться от выборных должностей в органы самоуправления. Известно дело вятского купца третьей гильдии Ивана Колотова. В нем описываются различные причины, которые сообщил купец для отказа от должности бургомистра городского магистрата. Среди них — и то, что он уже до этого состоял на выборной должности, и то, что он выполняет контракт с конторой Императорской Петербургской фабрики [9, л. 76–77]. Отказ удовлетворить прошение Колотова указывает на обоснованность купеческой просьбы. При высоких прибылях начала XIX в. купцы вполне могли выполнять некоторые обременительные функции управления. Хотя возможно, что купцы третьей гильдии не имели столь крупных доходов по причине низкого экономического развития губернии.

Тем не менее все вышесказанное подтверждает давние традиции торговли вятских купцов первой и второй гильдий в Архангельском порту.

Данное предпринимательское дело в первой половине XIX в. уже было хорошо налажено и воспринималось как основной источник крупных доходов. Именно Архангельск способствовал укреплению и увеличению в Вятской губернии крупного купеческого капитала. Так, А. Спицын, описывая историю рода Рязанцевых, упоминает, «что Филат Михайлович приобрел свои средства торговлей с другими местностями и прежде всего, конечно, с Архангельском» [15, с. 36].

Несмотря на изменения цен, но при довольно стабильном доходе, крупные вятские купцы не стремились искать новый рынок сбыта своих товаров. Тем более что к середине XIX в. в Вятской губернии все большее количество предпринимателей предпочитало вложение своих средств в развитие местной промышленности. К этому времени торговая деятельность все больше становилась привилегией мещанского и крестьянского сословий.

Также нужно отметить, что сплав товаров в Санкт-Петербургский порт с помощью Волжско-Камской водной системы, помимо большого расстояния, чем до Архангельска, и при малом задействовании в торговом обороте, нес в себе много сложностей непосредственно на таможене столицы. В середине XIX в. поступали жалобы на эту таможенную о том, что на ней часто пропадали целые тюки товаров на значительные суммы. Как отмечается в документах, несмотря на принятые меры, «находится всегда довольно охотников, действующих открыто, т. е. набивают себе карманы без церемоний» [16, л. 4].

Тогда, давая ответ на вопрос оппонента Аршаулова, можно отметить, что на выбор Архангельского порта как главного рынка сбыта торговцев Вятской губернии влияла и «наследственная привычка», и более стабильный доход при меньших затратах. Даже если стоимость доставки грузов в Петербург и Архангельск была одинаковой, риск при провозе и продаже товаров в столице был значительно выше, так как здесь в конкуренцию с вятскими купцами вступало гораздо больше предпринимателей со всей империи, чем в Архангельске. Поэтому успех предприятия купца Изергина можно рассматривать как единичный случай, совсем не обещавший прибыли его последователям. К концу 30-х гг. XIX в. для вятских купцов более актуальным стало вложение капитала в новые для них виды промышленной деятельности.

Примечания

1. Буганов, В. И. Эволюция феодализма в России: социально-экономические проблемы [Текст] / В. И. Буганов, А. А. Преображенский, Ю. А. Тихонов. М., 1980.
2. Судовиков, М. С. К характеристике торгово-предпринимательской деятельности вятского купечества в конце XVIII — начале XIX вв. [Текст] / М. С. Су-

довиков // Вятская земля в прошлом и настоящем (к 125-летию со дня рождения П. Н. Луппова): тез. докл. и сообщений II науч. конф. Т. 1. Киров, 1992.

3. ВГВ. 1838. № 1 (неоф.).
4. ВГВ. 1838. № 6 (неоф.).
5. Военно-статистическое обозрение Российской империи [Текст] / Изд. по высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Ген. Штаба. Т. 2. Ч. 4. Вятская губерния. СПб., 1850.
6. Витчевский, В. Торговая, таможенная и промышленная политика России со времен Петра Первого до наших дней [Текст] / В. Витчевский. СПб., 1909.
7. Мифонов, Б. Н. Русский город в 1740-1860-е гг.: демографическое, социальное и экономическое развитие [Текст] / Б. Н. Мифонов. А., 1990.
8. Thomas, C. Owen The Corporation under Russian Law, 1800-1917. A Study in Tsarist Economic Policy [Text] / C. Thomas. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
9. ГАКО. Ф. 630. Оп. 8. Д. 265.
10. Кулишер, И. М. Очерк истории русской торговли [Текст] / И. М. Кулишер. М.; А., 1923.
11. Бутенко, В. А. Краткий очерк истории русской торговли в связи с историей промышленности. Курс коммерческих училищ [Текст] / В. А. Бутенко. М., 1910.
12. Исторический очерк развития торговых учреждений в России [Текст] / под ред. П. Х. Спасского. СПб., 1911.
13. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3. Д. 1563.
14. Столетие Вятской губернии. 1780-1880 [Текст]: сб. м-лов к истории Вятского края. Т. II. Вятка, 1880-1881.
15. Спицын, А. История рода Рязанцевых [Текст] / А. Спицын. Вятка, 1884.
16. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3. Д. 1671.

А. В. Скутнев

МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПРИХОДСКОГО ДУХОВЕНСТВА В РОССИИ ПОСЛЕ РЕФОРМ 60-х гг. XIX в.

Данная статья посвящена актуальному и спорному вопросу в отечественной истории — материальному положению и доходам духовенства. Анализируются источники дореволюционных и современных авторов, их взгляд на проблему. Тема материального положения духовенства в Вятской губернии до сих пор почти не рассматривалась. В статье широко используются местные источники. В заключение автор делает выводы о значительном улучшении материального положения священнослужителей в начале XX в. Этому способствовали церковные реформы во 2-й половине XIX в. и отдельные мероприятия правительства.

История Русской Православной Церкви — один из наиболее актуальных и спорных вопросов в отечественной исторической науке. Инте-

СКУТНЕВ Алексей Владимирович — аспирант кафедры истории и краеведения ВятГУ
© А. В. Скутнев, 2004

рес к данной теме не случаен. Россия, определяя свое место в мире в XXI в., все чаще обращается к христианству. Тысячу лет наше государство и православие были вместе, их судьбы до 1917 г. неразрывно связаны. Поэтому в момент поиска самоидентификации Россия не могла не обратить свой взгляд на церковь.

Однако отношения государства и церкви на протяжении такого большого отрезка времени не могли оставаться идеальными. Были и противоречия, и взаимные обвинения, и претензии друг к другу. Тем не менее до 1917 г. государство так и не смогло полностью отказаться от услуг церкви. Именно благодаря этому обстоятельству после революции новая власть и обрушилась на нее всей своей мощью.

Пожалуй, самым болезненным вопросом для приходского духовенства, составлявшего большую часть духовного сословия, оставался вопрос о материальном положении. Священнослужители, поддерживая власть, рассчитывали на соответствующую заботу. Во второй половине XIX в. государство провело значительные реформы по церковному ведомству. Важнейшей задачей этих преобразований считалось улучшение материального положения духовенства. Несмотря на это жалобы священнослужителей не прекратились. И накануне революционных событий 1917 г. данная проблема волновала духовенство совсем не меньше, чем перед реформами Александра II.

Безусловно, церковные реформы, начатые в 60-х гг. XIX в., имели значительные недочеты. Но тем не менее они принесли определенное улучшение.

Во-первых, по положению от 2 августа 1864 г. создавались церковно-приходские попечительства. Это были выборные органы прихожан под руководством священника. На них было возложено благоустройство и украшение церквей, забота о школах и благотворительных учреждениях, а также устройство помещений для причта и улучшение способов содержания местного духовенства. К 1871 г. было создано около 9000 попечительств, которые собрали около миллиона рублей. Сумма довольно внушительная, однако оказалось, что прихожане охотно жертвуют деньги лишь на благоустройство храмов и открытие школ. Для причтов собрали всего 56566 рублей, т. е. 5% от общей суммы [1, с. 139].

Рост церковных попечительств шел крайне медленно. К началу XX в. их было менее 18 тысяч. Например, в самой многочисленной епархии России, Вятской, в 1905 г. было 540 попечительств, за год собиравших до 400 тыс. рублей, из которых только 46 тыс. поступало на церковные причты [2, с. 29]. В богатых городских приходах собирали немалые суммы. Так, Александровское попечительство Ижевского оружей-

ного завода за 32 года сумело собрать более 26 тыс. рублей. Совсем другим было положение попечительств в бедных сельских приходах. В селе Тушка Малмыжского уезда за 11 лет попечительство набрало лишь 6 руб. 90 коп. [2, с. 33].

Во-вторых, государство ускоренными темпами стало переводить приходы на оклады. До этого момента государство крайне неохотно использовало данный ресурс. Причем размер этих окладов также возрастал. Если в начале царствования Александра II гос. жалованием были обеспечены 13862 прихода, то за последующие 15 лет число обеспеченных причтов увеличилось до 17780, что составляло примерно половину всех причтов. Сумма, отпускаемая из казны, возросла соответственно с 3,7 млн. руб. до 5,4 млн. [3, с. 12].

Обер-прокурор К. П. Победоносцев добился еще более весомых результатов. В 1893 г. появилось высочайшее повеление о скорейшем переводе всех священников и служащих на казенное обеспечение. Однако это оказалось лишь пустым обещанием. В 1910 г. жалованием было обеспечено 29984 причта, а 10996 продолжали получать доходы из других источников [3, с. 13]. При переводе причтов на казенное жалование на местах случалось немало злоупотреблений. Все священники писали о своем бедственном существовании и просили назначить жалование. Но оклады назначали не всем. Например, причт с. Большойское Уржумского уезда Вятской губернии был обвинен в том, что получил жалование только благодаря подкупу работников консистории [4, с. 83].

Таким образом, за вторую половину XIX в. государству удалось перевести на гос. жалование 2/3 причтов России. Полностью переведены на оклады были только причты западных епархий, в центре России дело обстояло гораздо хуже. В Вятской епархии даже в 1905 г. гос. жалование выдавалось лишь причтам 132 церквей, т. е. 1/5 всех приходов [5, с. 220]. Данная проблема осталась нерешенной. В дополнение к ней постепенно добавлялась еще одна. С таким трудом полученное жалование в условиях роста цен и инфляции заметно снизило его значимость. Если при Александре II священники получали от 140 до 240 руб. в год, а дьячки от 48 до 80, то этого явно не хватало [6, с. 140]. Уже в начале XX в. епархиальные ведомости пестрели объявлениями о вакантных местах при церквях. Понимали это и церковные власти и государство. Особое Собрание при Св. Синоде предусматривало на 1910 г. оклад священнику в 1200 руб. в год, дьякону — 800, псаломщику — 400. Для подобных зарплат требовалось 75 млн. руб., казна же выделила всего 450 тыс. [7, с. 29].

В-третьих, в списке мероприятий по улучшению материального положения духовенства боль-

шие надежды возлагались на сокращение причтов. До начала реформ численность духовенства по стране заметно превышала потребность в нем. 16 апреля 1869 г. вышло положение о сокращении числа приходов и о новых штатах приходского духовенства. В результате нормой был признан штат из одного священника и одного причетника. Мелкие приходы объединялись в крупные. Дьяконы были исключены из штата. Им было разрешено занимать места псаломщиков или оставаться на своих местах, но только за счет церковной общины. Государство пыталось избавиться от «лишних» представителей духовного сословия. С отменой указом 11 июля 1869 г. наследования духовного звания от отца к детям очень многие потянулись из духовенства на более престижные и высокооплачиваемые светские должности.

Правительству казалось, что с сокращением числа священнослужителей их материальное положение улучшится. Однако это был крупный просчет, так как православное население страны постоянно увеличивалось. В Российской империи происходит демографический взрыв. И уже очень скоро пришлось решать другую проблему: рост числа сектантов и раскольников. Кроме этого вдруг неожиданно в 70-е гг. резко встала проблема нехватки священников. Молодые люди из среды духовенства активно уходили в университеты, в военные училища, на гос. службу. Премнику царя-реформатора, Александру III, пришлось 9 января 1882 г. отменить указ от 16 апреля 1869 г. А в 1885 г. епархиальным архиереем при наличии средств предписывалось восстанавливать ранее ликвидированные приходы и даже образовывать новые.

В такой большой стране, как Российская империя, любой указ должен был учитывать региональную специфику. Так, в Вятской епархии, где с 1850 г. по 1900 г. православное население увеличилось с 2 млн. чел. до 3 млн. чел., сокращать духовенство было совершенно нелепо. Тем не менее, если в 1873 г. православного духовенства насчитывалось 15377 чел., то в 1881 г. оно уменьшилось до 12967 чел. [8, с. 10; 9, с. 150]. К большому сожалению, для церковных реформ Александра III характерны незавершенность и непродуманность последствий. Впрочем, это не может уменьшать их значимость для страны и духовного сословия.

В результате во второй половине XIX в. сформировалась новая система получения доходов и материального обеспечения духовного сословия. Помимо вышеперечисленных способов улучшения благосостояния духовного сословия оставались и те источники средств, что были до реформ.

Главным источником содержания духовенства по-прежнему, как и сто, и двести лет назад, про-

должали оставаться платы за требы. Многие причты не получали жалование, а те, которые получали, не могли прожить на такую незначительную сумму. Поэтому духовенство продолжало зависеть от своих прихожан. Отношение к вознаграждению священнослужителей за требы, как у современников, так и у нынешних исследователей, никогда не было однозначным. Так, Т. Г. Леонтьева говорит, что «...в своем развитом виде треба — не что иное, как разновидность феодального корма, точнее — жалкая и унижительная пародия на него» [7, с. 27]. Отношение к взимаемым требам как к чему-то унижительному имело веские причины. Большинство населения страны составляли крестьяне, доходы их были невелики. Возможность неурожаев также необходимо учитывать. Сельские иереи постоянно стремились в богатые и, как правило, многочисленные приходы. А так как богатые приходы были скорее исключением, то получалось, что большая часть духовенства должна была постоянно подталкивать своих прихожан к выплатам. Епархиальному начальству не раз приходилось обращаться за помощью к властям, чтобы те силой заставили прихожан содержать своих священнослужителей. Так, прихожане всего Пьяноборческого благочиния Вятской губернии в течение нескольких лет не платили своему духовенству, ссылаясь на неурожай и бедность. Губернатор вынужден был лично обязать прихожан исполнить возложенные на них обязанности по содержанию духовенства [10].

Кроме того, некоторые современники утверждали, что даже при казенном жаловании духовенство не только не перестанет брать за требы, но и начнет более халатно относиться к своим обязанностям, не чувствуя зависимости от прихожан [11]. Кстати, вопрос личных отношений прихожан и причта был едва ли не самым главным. Если прихожанам не нравился священник, то и его доходы резко сокращались.

Что же представляли собой платы за требы? В городах прихожане платили больше деньгами, отсюда и обеспеченность городского духовенства. В сельских приходах деньги как таковые были нужны только при поездке на ярмарку или в город за покупками. А значит, были не у всех. Поэтому половину оплаты услуг священнослужителей во все времена составляли продукты. Духовенству же были необходимы именно деньги, так как подсобное хозяйство они вели точно так же, как и остальные жители деревни. В этом, вероятно, кроется еще одна причина постоянной нехватки средств у духовного сословия.

Вопрос о том, сколько получало духовенство только за требы, до сих пор остается открытым. Точно подсчитать эту сумму не представляется

возможным, ведь официально требы считались бесплатными. Тем не менее постепенно сложилась довольно четкая система платежей. В дореформенный период за крещение младенца полагалось 6 коп., за молитву родильнице — 4 коп., за венчание — 20 коп., за погребение младенца — 6 коп., за отпевание взрослого — 20 коп. Со временем эти суммы неизменно росли вместе с инфляцией, и в начале XX в. за венчание уже полагалось 5 руб., за крещение — 50 коп., за панихиду — 3 руб. [7, с. 27]. За исповедь и причастие брать что-либо категорически запрещалось, но прихожане по наивности платили и за это.

Исходя из этих данных, исследователь церкви Кильчевский подсчитал, что только за 1902 г. приходское духовенство получило не менее 16 572 931 руб. [12, с. 29]. Получается примерно 400 руб. на причт. Совсем неплохо, если учесть, что церковно-приходские попечительства за 1902 г. собрали в пользу причтов лишь 295127 руб. [12].

Однако эти данные разительно отличаются по разным губерниям. Например, в очень многочисленном (более 6800 прихожан) и небедном приходе при станции Зуевка Вятской губернии прихожане в 1905 г. установили следующие расценки за требы: за крещение — 35 коп., за погребение взрослого — 2 руб., за погребение младенца — 40 коп., за браки — от 5 до 7 руб., за елосвящение — 2 руб., за молебны и панихиды — 20 коп. [4, с. 203]. Судя по тому, что было немало и более бедных приходов, цифру общего дохода за требы, выдвигаемую Кильчевским, необходимо еще уменьшить.

С другой стороны, были так называемые праздничные обходы, когда в дни общецерковных и храмовых праздников священнослужители обходили дома своих прихожан. Однако платили за это очень мало, часто же обходились угощением и вином. Некоторые священники считали подобное занятие лишь тяжкой обузой [7, с. 28]. Поэтому для большего дохода священники стремились под любым предлогом отстранить низших служителей причта от обходов, нередко они даже забывали их приглашать [4, с. 534]. Тем не менее для приходского духовенства требоисправление продолжали оставаться одним из главных источников доходов.

В целом можно констатировать, что данная проблема могла быть характерна только для нашей страны. За границей священники также содержались на пожертвования прихожан. Возникает вопрос, почему при сходных источниках получения доходов священнослужители в России были намного беднее своих западных коллег? Вероятно, доходы русских крестьян не позволяли выделять значительные средства на своих пастырей. Доходы же городского духовенства

в России были намного выше. Жалоб городских священников на прихожан практически не было. В странах Европы процент городского населения был несопоставим с Россией XIX в. Отсюда и подобные проблемы.

Еще одним очень важным источником содержания духовенства являлась земля и связанное с ней подсобное хозяйство. Начатое при Екатерине II отведение земель сельским церквям продолжалось вплоть до начала XX в. Земля отводилась как из казенного фонда, так и из крестьянской общинной. На одну церковь полагалось 33 десятины — 30 пашни и 3 сенокоса. Земля эта была неотчуждаема и навечно закреплялась за церковью. Причт же только распоряжался ей. Ушедшие за штат автоматически теряли право пользования церковной землей. Поэтому земля церкви не подлежала передаче в заклад, дарению, продаже, передаче по наследству.

По закону предполагалось, что причту будет выделяться только хорошая по качеству земля, в одном месте и недалеко от храма. На деле же все оказалось иначе. Обычно церковный надел находился в нескольких местах и не всегда был достаточно хорошим. Понять общину можно, ведь для крестьян земля в отличие от духовенства была главным источником существования. Кроме того, норма в 33 десятины почти нигде не выполнялась. В занимающей 6-е место в России по размерам церковного землевладения Тверской епархии священник в среднем имел 9–11 дес. земли [7, с. 26]. При общем малоземелье в центральной России в приходах, где у крестьян было менее 4 дес. на душу, прихожане обязаны были вместо земли назначать причту соразмерное вознаграждение. В 1905 г. у 30 тыс. причтов оказалось 1 млн. 871 тыс. десятин земли [12, с. 7]. 1/4 причтов так и не получили землю. Поделенная между членами причта земля была не больше крестьянского надела, однако она была и единственным источником дохода.

Изначально через обеспечение приходского духовенства землей государство стремилось малой кровью, используя только внутренние ресурсы, улучшить положение священнослужителей. И, как всегда, эта попытка принесла немало негативных моментов. Жизнь приходского священника все больше стала напоминать жизнь крестьянина: то же хозяйство, тот же скот. Не случайно И. С. Беллюстин сравнивает священника с крестьянином и не видит между ними особой разницы [13]. Кроме того, занятие земледелием приходилось совмещать с церковной службой, что, конечно же, не облегчало жизнь духовенства. Священник часто не успевал обрабатывать свой земельный участок. И тогда он опять же обращался за помощью к прихожа-

нам, которые «за угощение» помогали вспахать или убирать поля.

Еще одним связанным с церковной землей источником получения доходов для духовенства в XIX в. стала сдача ее в аренду. Кроме того, оказалось выгодным сдавать дома и лавки, построенные на ней. Аренда разрешалась на 12 лет. Прибыль от этого была небольшой, но зато она выплачивалась наличными деньгами. Хотя и здесь не все было гладко. Крестьяне постоянно забывали платить за аренду, надеясь на списание платы, как это было не раз во время крепостного права. Но в целом такой способ получения доходов остался маловостребованным. В Тверской губернии сдавалась 1/5 церковных земель. В Ярославской губернии ни один из 73% причтов не сдавал землю или постройки в аренду [7, с. 26]. В городах большое значение имело расположение церковных земель. Например, в г. Вятке купец купил 2 лавки у церкви, так как они находились между его строениями и мешали построить магазин. Цену им определили по 10 тыс. руб. за каждую, а до этого их арендовали за 60 руб. в год [4, с. 571].

Другой ощутимой статьей доходов служили добровольные пожертвования прихожан для церкви, помещаемые в банк. Несмотря на то, что вклады помещали на «вечные времена» и причту полагался лишь процент, в некоторых городских церквях эта сумма была весьма внушительной. Например, Сретенской церкви г. Вятки во второй половине XIX в. прихожане пожертвовали денег на общую сумму более 3 тыс. руб. [14, с. 2–7]. Исходя из этой суммы, трехсоставной причт церкви получал около 120 руб. годовых. В основном вкладами могли похвастаться лишь городские церкви, большинство же сельских церквей вкладов в банках не имели.

С повсеместным созданием после реформ 60-х гг. земских школ и обязательным обучением в ней детей Закону Божьему священнослужители получили еще один очень не большой, но массовый приработок. До этого они помучали 24–30 коп. за час лишь в светских, а потому городских школах [7, с. 31].

На этом основные источники доходов духовенства заканчивались. Как видно из вышеизложенного, общая их сумма могла прокормить любого трудоспособного члена причта. Городское духовенство жило совсем не плохо, так же, как и духовенство богатых сельских церквей. Однако доходы в чистом виде не могут воссоздать цельной картины материального положения духовного сословия. Для этого необходимо выяснить, на какие расходы нужны были деньги, почему духовенство не могло жить, как крестьяне, только плодами своего хозяйства.

Главной статьей расходов духовенства в XIX в. без преувеличения можно назвать обучение детей в духовных учебных заведениях. Семьи священнослужителей были большие, более 3–4 детей. После издания указа о том, что занимать священническое место могут лишь окончившие семинарию, отправить своих детей учиться мечтали абсолютно все священно- и церковнослужители. Каким бы ни был доход семьи, но деньги на учебу пытались найти. Обучение же сначала в духовном училище, а затем семинарии требовало немалых средств. Кроме платы за жилье и одежду, питание и на мелкие расходы, были многочисленные негласные поборы. Приходилось давать взятки при поступлении, на переводных и выпускных экзаменах. По воспоминаниям самих священников, с сына причетника учителя брали от двух рублей, с сына священника — в несколько раз больше [13, с. 11]. Гораздо больше платили выпускники служащим консистории, чтобы те определили их на лучшие и прибыльные места в епархии.

В совокупности, если обучалось несколько детей, священнослужитель вынужден был львиную долю заработка вкладывать в учебу. Во второй половине XIX в. повсеместно заводились и женские училища, а значит, расходы духовенства еще более увеличивались. Епархиальное начальство, понимая сложность обучения бедных детей многодетных священнослужителей, брало часть расходов на свои плечи. До половины учеников считались казеннокоштными и проживали в общежитии. За проживание здесь они платили совсем немного. Если в семье священника обучалось несколько детей, то, как правило, одного-двух он обучал на свои личные средства, а остальных либо полностью, либо частично содержала церковь. За общежитие платили обычно 20–40 рублей, те, кто жили на квартире, платили по договоренности [15, с. 65].

Далее, как и у любого человека, большие расходы были связаны с постройкой дома и прочих помещений для домашнего скота и утвари. Тем не менее в сравнении со своими прихожанами священнослужители пользовались весьма значительными льготами. По письменному разрешению благочинного разрешалась вырубка строевого леса для ремонта и постройки домов. В XIX в. епархиальное начальство ставило в обязанность прихожанам, просящим об открытии в их местности прихода, обеспечить причт домами, землей и жалованием. Траты же на покупку домашнего скота были не больше, чем у сельского населения.

Отдельно можно остановиться на тратах на одежду и пищу. Семьи духовенства чаще всего питались не хуже крестьянина, но и не намного лучше. По воспоминаниям самих священников,

такие излишества, как чай и сахар, были редким блюдом на столе. Траты на одежду действительно были в несколько раз больше, чем у тех же крестьян. Облачение для церковной службы духовенство покупало на свои деньги, свою семью также пытались приодеть достойно социальному положению. Внутреннее убранство домов образованные батюшки пытаются приукрасить. Часть расходов шла на книги и газеты.

Сами священнослужители жаловались и на отсутствие жалования, и на поборы со стороны начальства, и на непрекращающиеся сборы на благотворительность, на миссионерскую и противораскольническую миссии. Но нередко забывали, что духовенство, освобожденное от налогов, все же получало небольшое жалование и пользовалось рядом льгот.

В целом можно сказать, что материальное положение духовенства в XIX в. улучшалось с каждым годом, хотя процесс этот шел крайне медленно. Б. Н. Миронов утверждает, что за 1714–1913 гг. реальные доходы рядового приходского духовенства выросли в 3 раза, при этом до 1850 г. только в 2,5 раза [16, с. 109]. Конечно, при этом нужно учитывать и инфляцию, и сокрытие доходов от начальства. Тем не менее к 1917 году средний священнослужитель был гораздо богаче среднего крестьянина и горожанина и составлял верхний слой мещанского и крестьянского общества города или деревни.

Примечания:

1. Преображенский, И. Отечественная церковь по статистическим данным с 1840/41 по 1890/91 [Текст] / И. Преображенский. СПб., 1901.
2. ВЕВ. 1905. № 1.
3. Смолич, И. К. История Русской Церкви 1700–1917 г. [Текст] / И. К. Смолич. Ч. 1. М., 1996.
4. ГАКО. Ф. 237. Оп. 1. Д. 254.
5. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1889.
6. Рункевич, С. Г. Русская церковь в XIX веке [Текст] / С. Г. Рункевич. СПб., 1901.
7. Леонтьева, Т. Г. Вера и прогресс: православное духовенство в России во 2-й пол. XIX — нач. XIX в. [Текст] / Т. Г. Леонтьева. М., 2002.
8. Памятная книжка Вятской губернии на 1873 г. [Текст]. Вятка, 1873.
9. Календарь Вятской губернии 1882 г. [Текст]. Вятка, 1882.
10. ГАКО. Ф. 576. Оп. 1. Д. 104.
11. Голубинский, Е. К. Вопрос о церковной реформе [Текст] / Е. Голубинский. М., 1906.
12. Кильчевский, В. Богатства и доходы духовенства [Текст] / В. Кильчевский. СПб., 1908.
13. Беллюстин, И. С. Описание сельского духовенства [Текст] / И. С. Беллюстин. Париж, 1858.
14. ГАКО. Ф. 237. Оп. 70. Д. 250.
15. Луттов, П. И. В духовном училище [Текст] / П. И. Луттов. СПб., 1913.
16. Миронов, Б. Н. Социальная история России [Текст] / Б. Н. Миронов. Т. 1. М., 2000.

О. В. Бочков

ЛИЧНОСТЬ НАЛОГОВОГО ПРЕСТУПНИКА

В статье проводится криминологический анализ личности налогового преступника, рассматриваются криминологические отличия личности налогового преступника от других криминологических характеристик преступников.

В настоящее время в России происходит рост количества возбужденных уголовных дел по налоговым преступлениям. В 1993 г. за налоговые преступления были осуждены 54 человека, в 1994 – 212 человек, в 1995 – 434, в 1996 – 850, в 1997 – 470, 1998 – 1280, в 1999 – 1925. В настоящее время в связи с вступлением в силу изменений в статьи 198 и 199 Уголовного кодекса РФ и в связи с вступлением в силу новых статей 199.1 и 199.2 Уголовного кодекса РФ, предусматривающих уголовную ответственность за налоговые преступления, тенденция роста совершения налоговых преступлений продолжается. Вследствие этого возникает необходимость для более углубленного криминологического изучения налоговых преступлений в целях повышения раскрываемости и снижения количества совершаемых налоговых преступлений. Одним из основных элементов криминологической характеристики преступности, в том числе и налоговой, является характеристика личности преступника. Факт совершения преступления является основанием для качественной оценки личности как личности преступника [1]. Налоговые преступления в силу ряда особенностей, присущих только данной категории преступлений, требуют выяснения личностных характеристик преступника. В настоящее время сложилось общепринятое понятие личности преступника. Личность преступника – социальный тип гражданина, который характеризуется антиобщественной ориентацией, дефективным правовым и нравственным сознанием, общественной опасностью и противоправностью действий [2]. Исследования по изучению личности налогового преступника в России начали проводиться относительно недавно. Вследствие решения задач по выявлению особых характеристик личности налогового преступника появилась новая научная дисциплина – налоговая девиантология, предметом изучения которой является весь спектр аномального (девиантного) поведения в сфере налогообложения [3].

В настоящее время в России сложилась ситуация в сфере налогообложения, когда юридичес-

кие лица несут большую по сравнению с индивидуальными предпринимателями налоговую нагрузку. В силу данного обстоятельства наибольшее количество налоговых преступлений связано с уплатой налогов организациями, юридическими лицами. Из общего числа юридических лиц лишь 16,6% производят все предусмотренные налоговые платежи вовремя, а 49,8% имеют задолженность перед бюджетом и 29,9% не предоставляют бухгалтерскую отчетность и не платят налоги [4]. Специалистами наблюдается рост совершения налоговых преступлений и среди физических лиц. Например, от постановки на учет уклоняются до 15% индивидуальных предпринимателей.

В настоящее время 74% лиц, совершивших налоговые преступления, – мужчины, а средний возраст налогового преступника составляет 38 лет [5]. Основное количество налоговых преступлений совершается лицами в возрасте от 35 до 45 лет – 41,4%, в возрасте от 25 до 35 лет – 26,4% и в возрасте свыше 40 лет – 20,5%. Из этого следует, что отличительная особенность лица, совершившего налоговое преступление, – более высокий средний возраст по сравнению с лицами, совершившими общеуголовные преступления.

Также одним из элементов криминологической характеристики личности налогового преступника является семейное положение. Среди мужчин на момент совершения налогового преступления 78,4% находились в браке, а среди женщин этот показатель ниже – 54% [6]. Как отмечает И. И. Кучеров, это связано с тем, что наибольших успехов в бизнесе достигают женщины, не обремененные семьей.

Налоговые преступления, в силу того, что их относят к категории «интеллектуальных преступлений» и их совершение требует широких знаний в области права и экономики, отличаются от всех других преступлений уровнем образования преступников: 58% осужденных за налоговые преступления имели высшее, неполное высшее образование или ученую степень, а 22% имели среднее образование. Эти статистические данные говорят о том, что лица, совершившие налоговые преступления, отличаются высоким уровнем интеллекта и высоким уровнем знаний, необходимых для совершения налоговых преступлений.

И. Н. Соловьев при анализе уголовных дел, связанных с уклонением от уплаты налогов с организаций, пришел к выводу, что 76% лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, – руководители предприятий, 16% – бухгалтеры предприятий, а 8% – и руководители, и бухгалтеры одновременно. Из них 78% являются руководителями и бухгалтерами негосударственных коммерческих предприятий, 14% – обще-

БОЧКОВ Олег Валентинович – аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин ВятГУ
© О. В. Бочков, 2004

ственных некоммерческих организаций, 6% – организаций, где доля государства составляет более 50%, и 2% – государственных бюджетных организаций.

Если рассматривать статистические данные по уклонению от уплаты налогов и (или) сборов с организаций с точки зрения организационно-правовых форм юридических лиц, то складывается следующая картина: наибольшее количество налоговых преступлений совершается работниками обществ с ограниченной ответственностью – около 40% налоговых преступлений, индивидуально-частных предприятий – 15%, государственных и муниципальных предприятий – 14%, акционерных обществ – 8%, кооперативов – 6%, малых предприятий – 5%.

Большинство налоговых преступлений совершается городским населением. Данное обстоятельство объясняется несколькими причинами. В частности, жители городов обладают большими знаниями в области налогообложения с правовой и экономической точек зрения. Также, как отмечает Ю. Ф. Кваша, налоговое преступление, совершенное в крупном населенном пункте, требует больших усилий со стороны правоохранительных органов для его раскрытия.

Необходимо отметить, что особенностью налоговых преступлений является то, что количество налоговых преступников, ранее судимых, не превышает 7% от общего числа осужденных за налоговые преступления.

Также специалисты отмечают, что количество групповых налоговых преступлений составляет не более 10% от общего числа. В основном налоговые преступления совершаются по стовору между директором, руководителем юридического лица и бухгалтером.

В заключение хотелось бы отметить, что личность налогового преступника разительно отличается от общекриминологических обобщенных характеристик личности современного преступника как такового, но в отдельных случаях сходна с типологическими характеристиками преступников, совершивших преступления, отнесенные Уголовным Кодексом РФ к категории экономических [7]. Наиболее эффективное расследование и предупреждение налоговых преступлений возможно лишь в случае, когда будут полнее изучены криминологические характеристики налогового преступника, так как личность преступника является носителем причин совершения налоговых преступлений.

Примечания

1. Шаров, А. Б. Об антиобщественных чертах личности преступника [Текст] А. Б. Шаров // Советское государство и право. 1970. № 10. С. 113.
2. Кваша, Ю. Ф. Налоговое расследование [Текст] / Ю. Ф. Кваша. М., 2000. С. 455.

3. Зрелов, А. П. Личность налогового правонарушителя: комплексный анализ [Текст] / А. П. Зрелов // Право и экономика. 2004. № 2. С. 55.
4. Долгова, А. И. Криминология [Текст] / А. И. Долгова. М., 2003. С. 593.
5. Кучеров, И. И. Налоговые преступления [Текст] / И. И. Долгова. М., 1997. С. 57.
6. Ларичев, В. Д. Налоговые преступления [Текст] / В. Д. Ларичев, А. П. Бембетов. М., 2001. С. 47.
7. Зрелов, А. П. Личность налогового правонарушителя: комплексный анализ [Текст] / А. П. Зрелов // Право и экономика. 2004. № 2. С. 56.

Е. П. Гагаринова

О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ
«КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ КАРТИНА МИРА»
И «ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА»

Предлагаемая статья посвящена основным понятиям нового лингвистического направления – когнитивной лингвистики. Главной проблемой, рассматриваемой в статье, является отображение картины мира в языке. Основываясь на тезисе, что язык и мышление – две самостоятельные, хотя и тесно связанные между собой области, различаются две картины мира – концептуальная и языковая, рассматривается вопрос об их взаимоотношении, выявляются сходства и различия.

В конце XX в. проблема познания мира выходит на первый план, что обуславливает возникновение нового направления в науке – когнитологии. Это направление занимается изучением приобретения, переработки и использования человеком информации и возникло на стыке логики, лингвистики и психологии. Среди когнитивных процессов речь занимает особое место. Она универсальна, так как включается в любые познавательные акты (мышление, перцепция). Чрезвычайно существенным является то, что речь (язык) представляет собой особое средство передачи, хранения и разнообразного использования информации. Это обусловило возникновение когнитивной лингвистики – отрасли языкознания, в рамках которой язык рассматривается как общий когнитивный механизм. В зарубежной науке когнитивный подход связан с именами А. Вежбицкой, Т. А. Ван Дейка, Дж. Лакоффа, Ч. Филлмора; в отечественной – Б. А. Серебряникова, Ю. С. Степанова, Е. С. Кубряковой, Е. В. Падучевой, Ю. Г. Панкраца, В. Н. Телия, З. А. Харитончик и др.

Антропологический принцип современной лингвистики активизировал исследования в об-

ГАГАРИНОВА Елена Петровна – аспирант кафедры романо-германской филологии ВятГУ
© Е. П. Гагаринова, 2004

ласти связей языка, мышления человека и окружающей его объективной действительности. В последнее время все большее число исследователей связывает решение различных вопросов теории языкового значения и функционирования языка с изучением особенностей представления знаний в языке и, следовательно, с когнитивной деятельностью человека. В связи с этим в лингвистический обиход прочно вошли такие понятия, как «языковая картина мира», «языковое видение мира», «наивная модель мира» и т. п., восходящие к идеям Гумбольдта о языке как особом мировидении, суть которых заключается в том, что в системе языка, в его грамматическом строе и лексиконе отражается то, как человек видит окружающий его реальный мир и свое место в нем, при этом условия естественной среды обитания отдельной языковой общности играют немаловажную роль в формировании концептуальной системы того или иного языка [1].

В своей реальной действительности человек оперирует сведениями о мире, и в голове носителя языка образуется некая база таких сведений, посредством которых создается картина мира. Термин «картина мира», впервые введенный Людвигом Витгенштейном в «Логико-философском трактате», в лингвистику пришел из трудов немецкого ученого Лео Вайсгерберера, который, как отмечает Б. Н. Караулов, «поставил знак равенства между «внутренней формой» Гумбольдта и «языковой организацией мира». В современной литературе картина мира соотносима с содержанием сознания и описывается как «система представлений человека об окружающей действительности», своего рода «встроенный в сознание концептуальный каркас, включающий как невербальные, так и вербализованные модели» [2].

Мир в человеческом сознании процеживается через сетку этих моделей и соответствующим образом трансформируется, категоризируется, интерпретируется [3].

Таким образом, картина мира предстает как единство когнитивного («чисто» познавательного) и нормативно-оценочного аспектов, поскольку синтезируемая в ней действительность истолковывается под углом зрения определенной ее оценки и характер интерпретации «задает» человеку соответствующий способ действия и поведения [4].

Картина мира имеет двойственное существование: субъективный образ реальности, являясь идеальным образованием, опредмечивается в различных знаковых формах. Поэтому, как указывает Е. С. Кубрякова [5], можно говорить о двух картинах мира – картине мира 1 (КМ-1) и картине мира 2 (КМ-2). КМ-1 имеет необъективированный (или полубъективированный) статус как неопредмеченный элемент сознания и жиз-

недеятельности человека, относясь к миру идеального. КМ-2 опредмечена, хотя и не во всей полноте, в знаковых системах – в языке, жестах, музыке, искусстве – и поэтому имеет объективированный статус. КМ-1 неизмеримо сложнее и богаче КМ-2, она незамедлительно реагирует на все изменения, происходящие в мире. Во взаимоотношениях с КМ-2 именно ей принадлежит роль импульса.

Главным семиотическим воплощением КМ является язык. Рассматривая участие языка в процессах, связанных с картиной мира, лингвисты отмечают:

1. Один из наиболее глубинных слоев картины мира – языковая картина мира – формируется в ее недрах:

а) «картина мира, заключенная во всей семантической системе языка, есть продукт познавательной деятельности человека» [6];

б) результат его познавательной деятельности [7].

2. При помощи картины мира происходит означивание основных элементов концептуальной картины мира.

3. В значениях нам дана «преобразованная и свернутая в материи языка идеальная форма существования предметного мира, его свойств, связей и отношений» [8].

4. «Являясь как бы звуковой книгой, в которой запечатлены все пути понятийного усвоения мира человеком на всем протяжении его истории» [9], язык, аккумулируя человеческий опыт, знания и умения, превращает опыт индивида: а) в коллективное достояние и б) позволяет объединить все картины мира всех эпох в единое целое (то есть именно посредством языка происходит интеграция различных картин мира и трансляция их во времени).

Исходя из тезиса о взаимодействии языка и мышления, разграничивая последние как два самостоятельных феномена, каждый со своими единицами и законами их формирования и использования, в отечественной философии (Г. А. Брутян, Р. И. Павленис) и лингвистике (Ю. Н. Караулов, Г. В. Колшанский, Е. С. Кубрякова, Г. В. Рамишвили) проводят различие между концептуальной и языковой картинами мира (термины предложены Г. А. Брутяном), границы которых, по выражению Ю. Н. Караулова, очень «зыбки и неопределенны» [10].

Концептуальная картина мира (ККМ) – это представление и воспроизведение картины мира в человеческом сознании. Описание же картины мира с помощью языка дает языковую картину мира (ЯКМ). Ю. Д. Тильман подчеркивает, что концептуальная картина мира закрепляется в структуре языка и вербализуется посредством языка [11].

ККМ, являясь отображением в сознании окружающего действительного мира, создается при участии различных типов мышления (и невербального в том числе), что делает ее неизмеримо сложнее и богаче ЯКМ. ККМ также более динамична в своем развитии, чем языковая, так как незамедлительно реагирует на все изменения постоянно меняющегося мира. Поэтому во взаимодействии концептуальной и языковой картин мира именно первой, как уже упоминалось выше, принадлежит роль импульса. Оперативными единицами ККМ являются образные концепты, гештальты и идеальные сущности, не всегда имеющие обозначение в языке, – это *lingua mentalis* (ментальный лексикон) в терминах когнитивной лингвистики. То есть концепт рассматривается как ментальное образование, единица концептуальной системы, и как понятие он «отвечает представлению о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких «квантов» знания» [12].

Языковая картина мира существует как часть более широкой и целостной картины мира; в ней зафиксирована специфическая для данного языкового коллектива схема восприятия действительности. Фундамент языковой картины мира составляют значения, «извлекаемые из языковых форм и затем абстрагированные на этой основе» [13]. Субстратами языковой картины мира являются языковые формы, то есть знаки, которые как члены семиотической системы являются двуплановыми и объединяют значения с телами знаков. В когнитивной лингвистике значение трактуется как фрагмент концептуальной информации, «квант опыта, подведенный под крышу знака» [14], то есть языковая форма рассматривается по линии знак – референт сквозь призму опыта человека от общения с референтом. Вербализованная часть знаний об объектах и составляет ЯКМ.

Ученые, занимающиеся изучением роли языковых факторов в создании картины мира, не отвергают возможности разведения ККМ и ЯКМ, равно как и их взаимодействия, и признают существование областей взаимного пересечения и наложения. Но трактуют это по-разному. Так, Г. А. Брутян и Г. В. Колшанский считают, что ЯКМ, возникающая в процессе познания в связи с активной ролью языка и в силу его специфических особенностей, «в целом и в основном совпадает с логическим отражением мира в сознании людей» [15]. Это объясняется единством и универсальностью абстрактного характера человеческого мышления, единым категориальным аппаратом и единой биологической организацией

человека. Однако, поскольку эта картина мира складывается в результате познавательной деятельности различных групп людей – деятельности, обусловленной историческими, географическими и другими факторами, – в ЯКМ сохраняются периферийные участки. В них, по мнению данных авторов, сосредоточена информация о мире, дополняющая и характеризующая общую картину и варьирующая от языка к языку (гипотеза «лингвистической дополнителности»).

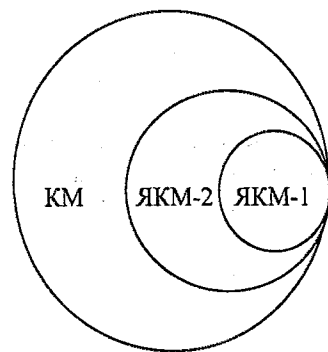
В качестве возражения данной точке зрения Е. С. Кубрякова приводит тот факт, что мысль человека в акте номинации фиксируется в виде признанного обществом знака, и поэтому все, что «получило наименование, вычленено человеческим разумом и вошло в фонд знаний, разделенный с другими людьми» [16]. В этом смысле позиция Е. С. Кубряковой, которая считает сферу языковой картины мира подчиненной концептуальной картине мира, кажется более убедительной. Внутри ККМ лингвист выделяет две зоны языкового взаимодействия. Зона языковой картины мира-1 – это зона полного наложения ЯКМ и ККМ, в которой язык непосредственно влияет на формирующие концепты и понятия и в которой и те, и другие имеют конвенциональную языковую форму их выражения. Будучи опосредованными языковыми обозначениями, знания в этом случае имеют вербализованный характер и «вливают на процесс наименования новых понятий и явлений действительности: облик новой единицы будет выбран в соответствии с имеющимися словообразовательными моделями» [17]. Иначе говоря, ЯКМ-1 задается готовыми обозначениями реалий действительности, которые указывают на связь между референтом и классом референтов и их отражением в сознании человека. Это упрощает человеку задачу соотношения действительного мира с миром его концептов. ЯКМ-1 сравнивается с физической картой, на которую нанесен рельеф местности, но ничего не говорится о ее заселении [18].

В зоне ЯКМ-2 язык влияет на концепты абстракциями, сформированными на основе знаний о свойствах знаков и их функционировании, нежели языковыми знаками как таковыми. Так, например, при категоризации и членении мира новый опыт и обозначение его отображения в когнитивной системе человека подводятся под привычные рубрики классификаций, то есть воспринимаются через призму привычных понятий и ономастических категорий [19]. ЯКМ-2 является вследствие этого более сложной по сравнению с ЯКМ-1. Если продолжить метафору географической карты, то ЯКМ-2 предстает как «карта, уже освоенная человеком, на которую нанесены государства, города и другие населенные пункты» [20].

В ККМ существует также и третья, предельно высвобожденная от языкового влияния, зона, в которой концепты и другие абстракции приобретают невербальную форму, то есть их осмысление происходит в каком-то невербальном субстрате (образов, схем, стереотипов, представлений и др.). М. Бирвиш отмечал: «Нельзя сомневаться в том, что существуют некие единицы нашей мыслительной деятельности, некие концепты и операции, обладающие своей собственной – внутренней – формой их репрезентации; форма такой репрезентации, однако, далеко не всегда должна быть языковой» [21]. Схематически это можно представить следующим образом (схема предложена Е. С. Кубряковой [22], см. рис.).

Исходя из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что ЯКМ рассматривается как важная составляющая часть общей ККМ в голове человека, то есть «совокупности представлений и знаний человека о мире, интегрированной в некое целое и помогающей человеку в его дальнейшей ориентации при восприятии и познании мира» [23]. Предполагается, что в психике или интеллекте человека есть своеобразный ментальный уровень, где человек в ситуации взаимодействия с природой и людьми оперирует разного рода концептами, представлениями, установками и т. п., объединенными в единую оперативную систему. ККМ постоянно находится в состоянии развития, она постоянно преобразуется под влиянием приходящей извне, причем по различным каналам, информации, а также в результате усвоения и переработки этой информации мыслящим человеком.

Поскольку мозг человека перерабатывает информацию, полученную не только вербальным, но и опытным путем, образующиеся концепты, умения, навыки обращения с предметами и т. п. также могут приобретать не только вербальную, но и невербальную форму. Это не исключает того, что существенная часть ККМ человека состоит из концептов, известных ему в языковой форме. Проблема ЯКМ понимается в таком случае как «проблема вклада языка и языковых категорий в

Соотношение языковой и концептуальной картин мира

выработку и создание глобальных принципов восприятия и членения мира, как проблема воздействия языка уже не на способы описания мира и отражения наших знаний в языке, а на способы получения знания в процессах категоризации или концептуализации действительности и в формировании целеполагающих начал в такой категоризации» [24].

Подводя итог вышесказанному, можно констатировать, что ККМ богаче ЯКМ, поскольку в ее создании участвуют различные типы мышления, в том числе и невербальные. ЯКМ выполняет, таким образом, две основные функции: означивание основных элементов концептуальной картины мира и экспликацию средствами языка концептуальной картины мира.

Примечания

1. Гумбольдт, В. фон. О различии строения человеческих языков и о его влиянии на духовное развитие человечества [Текст] / В. фон Гумбольдт // Избранные труды по языкознанию. М.: Наука, 1984. С. 245-390.
2. Борухов, Б. А. Зеркальная метафора в истории культуры [Текст] / Б. А. Борухов // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991. С. 109.
3. Руднев, В. П. Словарь русской культуры XX века. Ключевые понятия и тексты [Текст] / В. П. Руднев. М., 1997. С. 184.
4. Давыдов, Ю. Н. Картина мира и социально-историческое развитие [Текст] / Ю. Н. Давыдов // Гайдено П. П., Давыдов Ю. Н. История и рациональность. М., 1991. С. 208.
5. Кубрякова, Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира [Текст] / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Поставалова и др. // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 142.
6. Колшанский, Г. В. Объективная картина мира в познании и языке [Текст] / Г. В. Колшанский. М.: Наука, 1990. С. 59.
7. Вежицка, А. Язык. Культура. Познание [Текст]: пер. с англ. / А. Вежицка; отв. ред. М. А. Кронгауз; вступ. ст. Е. В. Падучевой. М.: Русские словари, 1996. С. 6.
8. Леонтьев, А. А. Исследование грамматики [Текст] / А. А. Леонтьев // Основные теории речевой деятельности. М., 1975. С. 14.
9. Колшанский, Г. В. Объективная картина мира в познании и языке [Текст] / Г. В. Колшанский. М.: Наука, 1990. С. 24.
10. Караулов, Ю. Н. Общая и русская идеография [Текст] / Ю. Н. Караулов. М., 1976. С. 271.
11. Тильман, Ю. Д. Культурные концепты в языковой картине мира (поэзия Ф. И. Тютчева) [Текст]: автореф. ... дис. канд. фил. наук / Ю. Д. Тильман. М., 1999. С. 9.
12. Кубрякова, Е. С. и др. Краткий словарь когнитивных терминов [Текст] / Е. С. Кубрякова; под ред. Е. С. Кубряковой. М.: МГУ, 1996. С. 90.
13. Кубрякова, Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира [Текст] / Е. С. Кубрякова // Роль человеческого фактора в язы-

ке: Язык и картина мира / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Поставалова и др. М.: Наука, 1988. С. 143.

14. Там же. С. 143.

15. Брутян Г. А. Язык и картина мира [Текст] / Г. А. Брутян // НДВШ. Филос. науки. 1973. № 1. С. 42.

16. Кубрякова, Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира [Текст] / Е. С. Кубрякова // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Поставалова и др. М.: Наука, 1988. С. 148.

17. Там же. С. 145.

18. Там же. С. 178.

19. Там же. С. 146.

20. Bierwisch, M. Semantische und konzeptuelle Repräsentation lexikalischer Einheiten [Text] / M. Bierwisch // Untersuchungen zur Semantik. Studia Grammatica. Berlin, 1983. XXII. S. 63-64.

21. Кубрякова, Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира [Текст] / Е. С. Кубрякова // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Поставалова и др. М.: Наука, 1988. С. 171.

22. Там же. С. 146.

23. Там же. С. 169.

24. Там же. С. 170.

Е. Г. Костина

ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АППАРАТА ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВА В ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРИОД СТОЛЫПИНСКОЙ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ

В статье исследуется деятельность землеустроительного аппарата Вятской губернии в 1906-1914 гг., раскрывается его состав, изучается роль каждого звена – от губернатора и земских начальников до рядовых членов губернских и уездных землеустроительных комиссий, анализируются компетенция, средства и методы реализации реформы, дается оценка достигнутым результатам, выявляются недостатки в работе. Статья позволяет более детально рассмотреть процесс проведения столыпинской аграрной реформы.

Одним из актуальных вопросов социально-экономической жизни России начала XX в. явилось проведение столыпинской аграрной реформы. Монархическая власть предприняла последнюю попытку трансформации крестьянского хозяйства в надежде приспособить его к новым капиталистическим условиям. С этой целью в российской деревне был создан специальный землеустроительный аппарат, который должен был осуществлять на местах задуманные аграрные преобразования. В данной статье пойдет речь о функци-

КОСТИНА Елена Геннадьевна – аспирант кафедры отечественной истории ВятГУ
© Е. Г. Костина, 2004

ях землеустроительного аппарата губернии, его составе, компетенции, средствах и методах реализации реформы, о достигнутых успехах и недостатках в его работе.

Аппарат управления и координации столыпинской аграрной реформы был достаточно громоздким. Непосредственными участниками и исполнителями землеустроительного процесса являлись МВД (во главе которого стоял автор реформы), Министерство юстиции, Главное Управление Землеустройства и Земледелия (ГУЗЗ). На последнем ведомстве прежде всего лежала землеустроительная сторона проводимых мероприятий. На местах проводниками реформы считались весь административно-полицейский аппарат губернии во главе с губернатором, губернские и уездные землеустроительные комиссии, уездные съезды и земские начальники.

Процесс производства землеустроительных дел был чрезвычайно длителен и сложен. Выдел земли к одним местам осуществлялся двумя путями и имел множество этапов. Участниками этого процесса являлись: сельскохозяйственное общество, уездная и губернская землеустроительные комиссии, землеустроитель и землемер, уездный съезд и земский начальник [1]. Неудивительно на этом фоне многочисленны прошения и жалобы крестьян в вышестоящие инстанции о медленности и приостановке их дел. Правительственные органы по реализации реформы могли в любой момент вмешаться в процесс землеустройства и оказать влияние на его ход и направление. Известно, что в случае недостаточности сторонами согласия, на всех этапах этого процесса у реализаторов столыпинской аграрной реформы существовали лазейки для продолжения дела в обязательном порядке. Земские начальники и землеустроительные комиссии должны были всеми возможными мерами форсировать разрушение общины, принимать активное участие в правительственной агитации в пользу новых форм крестьянского землевладения, разъяснять крестьянам «выгоду» проводимой правительством земельной реформы.

Основной фигурой в осуществлении земельных мероприятий был не агроном, а земский начальник. Он являлся ближайшим исполнителем землеустроительных законов: выдавал укрепительные и удостоверительные акты на землю, разрешал предварительные споры, принимал участие в работе уездной землеустроительной комиссии. Один из видных теоретиков партии кадетов, специалист по сельскому хозяйству начала XX века А. И. Чупров писал по этому поводу: «Вместо того чтобы продельвать весь тот сложный процесс, при помощи которого совершается аррондирование земель на западе, вместо того, чтобы пускать в дело целый ряд специа-

листов, землемеров, оценщиков, бонитёров, чертёжников и т. п., указ 9 ноября возлагал эти действия на земского начальника, в руки которого переходит вся процедура создания свободной отрубной собственности в России. Этот универсальный специалист должен быть отныне и землемером, и оценщиком, и судьей, и приставом, исполняющим собственные решения. Так как однако большинство наших земских начальников, получив воспитание в казарме, имеют очень слабое понятие о съёмке и бонитировке да зачастую не больше того смыслят и в крестьянском хозяйстве, то в делах по отводу хуторов агрикультурные соображения останутся на заднем плане, а решающими факторами окажутся, в конце концов, произвол начальника и взятка его письмоводителю» [2]. Как показала практика, во многих случаях эти слова оказались пророческими. Должность земского начальника была для многих привлекательной, так как давала огромную власть над крестьянами ещё со времени отмены крепостного права. Немудрено, что земские начальники зачастую допускали превышения власти и иные преступления.

Министр внутренних дел, главноуправляющий землеустройством и земледелием в многочисленных циркулярах требовали от губернаторов, крестьянских учреждений, земских начальников, членов землеустроительных комиссий принять самые решительные меры для перехода от общинного владения к подворному. Уже в самом начале проведения реформы вятскому губернатору приходили циркуляры по линии МВД, в которых отмечалось замедление дела землеустройства в Вятской губернии. Обращение к цифрам показывает, что к 1 мая 1907 г. требования об укреплении земли заявлены 1078 домохозяевами, по ним состоялось только 10 общественных приговоров и лишь 5 постановлений земских начальников [3]. Один из циркуляров напоминал губернатору, что в случае уклонения сельских обществ от утверждения приговора, укрепление надельной земли может производиться особыми постановлениями земских начальников. На замечания такого рода, спускаемые сверху, обычно вятские губернаторы телеграфировали, что замедление землеустроительного дела может быть отнесено не столько к умышленной вине земских начальников, сколько к иным причинам, как-то: обширность земских участков, загруженность земских начальников другими сезонными делами (например семенными и продовольственными) [4]. После подобных оправданий перед начальством губернатор обрушивался с циркулярными указаниями на землеустроителей.

Несмотря на подчёркивание особой роли указа 9 ноября 1906 г. и требование скорейшего воплощения его в жизнь, землеустроителям предпи-

сывалось исполнять работы, по возможности, «на основе полюбовного соглашения». Текст секретного циркуляра вятскому губернатору И. М. Страховскому от главноуправляющего землеустройством и земледелием содержит следующие указания: «...умелый землеустроитель, знающий нужды населения, внимательно и бережно к ним относящийся, всегда сумеет успешно выполнить самые сложные работы, не вызывая трений и несогласий между участниками землеустройства». Циркуляр категорически запрещает землеустроителям в случае возникновения недоразумений обращаться к содействию полиции и возлагать на неё восстановление порядка. Согласно документу, неприменимый член землеустроительной комиссии «не имеет права покинуть место работ до полного успокоения и обеспечения беспрепятственного их продолжения» [5].

Подобные мотивы звучат в речи П. А. Столыпина, произнесённой им в Государственном Совете: «Не вводя силою закона никакого принуждения к выходу из общины, правительство считает совершенно недопустимым установление какого-либо насилия, какого-либо гнёта чужой воли над свободной волей крестьянства в деле землеустройства его судьбы, в распоряжении его собственной надельной землею. Это главная коренная мысль, которая залегла в основу нашего законопроекта» [6]. Эти слова отчасти ставят под сомнение устоявшееся в историографии утверждение по поводу указаний сверху на решительные и даже насильственные меры в процессе землеустройства. Вопрос состоит в том, как правительственные документы воспринимали и интерпретировали чиновники и насколько ревностно и ответственно несли они свою службу? Ведь зачастую жёсткий директивный тон указаний сверху был вызван нерадивостью на местах. Уже в августе 1907 г. губернатор С. Д. Горчаков констатировал по отчетным ведомостям и многочисленным жалобам крестьян тот факт, что земские начальники допускают в производстве дел «крайнюю медленность». Данное обстоятельство губернатор считал нетерпимым отношением к делу и предлагал земским начальникам «безотлагательно, в кратчайший срок дать делам об укреплении земли законное направление; так чтобы в самом ближайшем времени не оставалось за ними самими ни одного дела» [7]. Уже через 20 дней следует новый циркуляр С. Д. Горчакова с предостережением всё тем же земским начальникам о том, что «всякая, даже малейшая небрежность в сём деле будет приниматься за нежелание исполнять возложенные на них обязанности, будет иметься в виду при оценке их служебной деятельности» [8].

Казалось бы, такие весьма строгие указания должны были подействовать на подчинённых.

Отнюдь, подобные циркуляры, адресованные земским начальникам, уездным съездам, членам землеустроительных комиссий, не перестают выходить периодически из-под пера сменявших друг друга на этом посту вятских губернаторов — С. Д. Горчакова, П. К. Камышанского, И. М. Страховского [9].

Нерадивые землеустроители подвергались административным взысканиям, отстранялись от службы. Наиболее старательные получали премии и награды. 7 декабря 1912 г. был учреждён особый нагрудный знак за труды по землеустройству. В 1913 г. в ходе обследования земских начальников губерний Северо-Восточного региона было выделено три выдающихся землеустроителя в Вятской губернии, которых следовало бы поощрить: М. Н. Вознесенский (Слободской уезд), И. А. Манзуров и И. Н. Яшин (оба из Сарапульского уезда) [10]. Переписка неприменимых членов землеустроительных комиссий Вятской губернии с вышестоящими органами содержит конфиденциальные справки с характеристиками служебной деятельности земских начальников [11]. Всего земских начальников в Вятской губернии на тот момент — 90 человек, среди них в направлении землеустройства: выдающиеся — 3, работают успешно — 32, весьма успешно — 16, удовлетворительно — 16, малоуспешно — 16, малоуспешно, но подаёт надежды — 3, работает первый год, трудно определить — 2, неудовлетворительно — 11.

Из отчётов неприменимых членов землеустроительных комиссий видно, что были среди вятских землеустроителей и достойные, деятельность которых по реализации столыпинской аграрной реформы можно, безусловно, считать успешной, и чьи характеристики могли бы служить основой для их поощрения по службе: «весьма тщательный землеустроитель», «энергичный землеустроитель, обнаруживает интерес, живое отношение к делу», «обнаруживающий интерес к землеустройству и оказавший своими распоряжениями большое содействие в его развитии», «деятельность должна быть особенно отмечена» [12]. Были и те, чью работу в деревне можно назвать однобокой: «Подготавливает дело очень обстоятельно и без промедления. Лучший землеустроитель в уезде, хотя много пренебрегает интересами общинников и резок с ними» [13]. Но это ещё, как правило, не худший вариант землеустроителя. Например, из семи земских начальников Орловского уезда трое за весь период землеустройства не подготовили ни одного дела. В их адрес звучат следующие слова: «работать по землеустройству не может», «ленив, но мог бы работать», «нет ещё опыта, содействия землеустройству не оказывает», «деятельности не проявляет», «интереса к землеустройству и землеустроительным

законам не обнаруживает», «содействие землеустройству и интерес к знакомству с землеустроительными законами недостаточны» [14]. Последнее обстоятельство не раз служило предметом заботы со стороны вятского губернатора П. К. Камышанского. Вот выдержка из одного его циркуляра по этому поводу: «...замечается, что Уездные Съезды и Земские начальники, разрешая дела об укреплении земли, вследствие малого знакомства с указаниями и разъяснениями Министерства... допускают весьма важные ошибки, что весьма неблагоприятно отражается на правильной постановке дела» [15]. Губернатор настоятельно советовал землеустроителям во избежание ошибок внимательно следить за разъяснениями и указаниями МВД и Правительствующего Сената, которые достаточно часто и подробно печатались в «Известиях земского отдела» и в специально изданном «Руководстве по применению указа 9 ноября 1906 г.». Между тем ревизии земских начальников и уездных съездов свидетельствовали, что зачастую землеустроители не выписывали «Известия» и совершенно не были знакомы с изданным руководством.

На слабую работу земских начальников в процессе землеустройства указывают также жалобы и прошения крестьян из различных уездов Вятской губернии. Характерным примером тому служит прошение министру внутренних дел от крестьянина Слободского уезда Сезневской волости деревни Жилыковской С. Е. Соболева: «1913 года 23 июля Земский Начальник выехал по нашему требованию в деревню Жилыковскую для того, чтобы осмотреть землю для выдела нам земли к одному месту. Которое место мы показали, то место Земский Начальник не осмотрел и, говоря, дураки те, которые землю в собственность заводят...» [16]. В. В. Бальбердин, крестьянин Котельничского уезда, 15 мая 1907 г. подал заявление об укреплении в личную собственность участка и с тех пор не мог ничего добиться ни от старосты, ни от земского начальника — «всё тщетно. Дело и сейчас без результатов». 5 июля он шлёт длинную телеграмму, где заключает: «Земский начальник бездействует» [17].

По мнению кадета Б. Черненко, «центр тяжести применения 1–8 статей закона 14 июня лежит не в ходатайствах населения, а в признании или непризнании общества, а это находится всецело во власти земских начальников и уездных съездов...». Но, как мы видим из многочисленных прошений крестьян, циркуляров губернатора и докладов в вышестоящие органы, земские начальники сплошь и рядом не спешили приступать к делам о выделе и укреплении [18]. Доказательством сказанному служит цитата из доклада неприменимого члена Елабужской уездной землеустроительной комиссии в январе 1914 г.:

«Из 128 заведённых Комиссией землеустроительных дел, лишь 29 признаны Комиссией подготовленными и подлежащими включению в план работ, остальные дела находятся в подготовке. Большая часть дел, поступающих от Земских Начальников, снова им возвращается для дополнительной подготовки и на скорое возвращение этих дел нет никакой надежды, так как зачастую Земские Начальники задерживают у себя дела в подготовке по 5–7 месяцев, не обращая ни малейшего внимания на устанавливаемые Уездной Комиссией сроки для подготовки» [19].

Согласно докладу губернских землеустроительных комиссий о ходе землеустройства в Северо-Восточном районе, тот материал, который представилось собрать по ряду губерний, «присутствует подчас безотрадное положение», а именно: «Одиночными в разных уездах района являются те из Земских Начальников, коих справедливо было бы признать сознательными и полезными работниками в этом первостепенной важности деле – деле землеустройства» [20]. Слабую работу местных земских начальников также отмечал чиновник особых поручений из Санкт-Петербурга А. К. Боянус, проводивший ревизию вятских крестьянских учреждений [21].

Обобщая всё сказанное, к числу «минусов» в работе земских начальников можно отнести следующее:

1. Торможение процесса землеустройства вследствие собственной медлительности и халатности (замедляли передачу сельским старостам принятых заявлений об укреплении, задерживали проверку землеустроительных приговоров).
 2. Чересчур усердное рвение [22].
 3. Допущение ошибок в деятельности вследствие невнимания к разъяснениям и указаниям МВД и Сената по применению указа 9 ноября 1906 г.
 4. Не всегда точные, достоверные и своевременные сведения со стороны земских начальников, подаваемые в более высокие инстанции. Так, при сравнении ведомостей о числе совершенных сделок по продаже наделной укрепленной земли, составленных земскими начальниками и нотариусами, видны довольно значительные расхождения.
 5. Отсутствие всякого интереса к делу землеустройства и, соответственно, его игнорирование. Бывало, что земские начальники отказывались от исполнения обязанностей землеустроителей, редко посещали открытые заседания уездных землеустроительных комиссий, даже когда обсуждались дела по их участкам.
- Многое в землеустройстве губернии зависело от личности человека, возглавляющего её. Период 1906–1914 гг. – время форсированного разрушения общины и насаждения новых форм соб-

ственности – связан с деятельностью в Вятской губернии трёх губернаторов: С. Д. Горчакова, П. К. Камышанского и И. М. Страховского. Все они люди неместные, но много сделавшие для города Вятки и губернии в целом. В основном вся деятельность князя Горчакова, который находился в родстве со Столыпиным, была направлена на подавление революционных выступлений [23]. Горчаков и Страховский были отмечены знаком отличия за особые труды по землеустройству [24].

Одним из самых ревностных проводников столыпинского курса реформ в деревне был губернатор П. К. Камышанский, управлявший Вяткой достаточно короткий срок в 1909–1910 гг., но зарекомендовавший себя активным сторонником аграрных преобразований. Широко известна его речь, обличавшая общину и защищавшая указ 9 ноября 1906 г., произнесённая в губернском земском собрании: «Работа головы и мысли, теория и практика привели к отказу от старых юридических норм владения землей. Община с её рабством и гнётом связала инициативу, парализовала волю и обратила крестьянина, если не в лежебоку, то в человека инертного, который отвык думать... Все остановилось на мертвой точке, наступал застой и земледельческая страна Россия могла бы погибнуть, задохнувшись под тяжестью инерции единообразного владения. Дальше идти было некуда...» [25]. В конечном счёте Камышанский выступал за финансовую и агрономическую помощь хуторским хозяйствам, за установление контроля над этим процессом, «чтобы ни один грош не получил другого назначения, кроме как на земельное улучшение» [26].

Довольно лестно отзывался о деятельности Камышанского в землеустроительном направлении чиновник особых поручений из Петербурга А. К. Боянус: «Личность П. К. Камышанского слишком крупна и известна, чтобы на ней останавливаться. Скажу только, что даже очень кратковременное пребывание его в Вятской губернии сказалось во всём, что касается учреждений по крестьянским делам... Губернатор придает громадное значение деятельности земских начальников по землеустройству, живо интересуясь делом, и даже пожертвовал 600 рублей из личных средств на улучшение двух хуторов... Число укреплений за последнее время, когда губернатор смог серьезно следить за земскими начальниками, заметно увеличилось» [27].

Как отмечалось, строго следили за продвижением процесса землеустройства в крае и другие губернаторы. И. М. Страховский являлся одним из ярких инициаторов открытия в губернии губернской и уездных землеустроительных комиссий. Об этом свидетельствуют неоднократно посылаемые им прошения на имя главноуправ-

ляющего землеустройством и земледелием А. В. Кривошеина. По словам Страховского, «землеустроительное дело настолько обширное дело и, в то же время, настолько своеобразное, что оно требует особой специализации деятелей, особой, можно сказать, тренировки в методах действий, почему являлось бы необходимым сосредоточение на нём особых учреждений (Комиссий), а не Уездных Съездов, которые имеют свою достаточно широкую компетенцию в другой области деятельности, чем землеустроительное дело» [28].

И всё-таки главным проводником землеустроительной политики на местах являлись землеустроительные комиссии. Они были образованы на основании Высочайшего Указа 7 марта 1906 г. в целях оказания помощи Крестьянскому банку в выполнении возложенных на него задач по облегчению покупки крестьянами земель. Деятельностью уездных и губернских землеустроительных комиссий руководило Главное управление землеустройства и земледелия Комитета по землеустроительным делам. Технической частью землеустроительного дела ведало Управление межевой частью Министерства юстиции. Оно занималось подготовкой новых землемеров, открытием курсов, училищ, заготовкой необходимого инструмента.

В ведении Главного управления землеустройства и земледелия были средства, отпускаемые из государственного казначейства на содержание комиссий, оплату труда должностных лиц, а также на оказание денежной помощи населению при землеустройстве. Так, в 1906 г. в распоряжение ГУЗЗ было отпущено 1 млн. рублей на содержание и открытие землеустроительных комиссий и 800 тыс. на оказание денежной помощи населению [29]. Таким образом, основная часть выделенных средств поглощалась бюрократическим аппаратом. В 1906 г. было создано по России 184 уездные землеустроительные комиссии, а в 1909 г. существовало уже 38 губернских и 411 уездных землеустроительных комиссий.

В Вятской губернии первые землеустроительные комиссии открылись в Сарапульском, Елабужском, Яранском уездах 1 марта 1907 г. Открытию землеустроительных комиссий в других уездах предшествовали множество прошений губернатора Страховского, так как уже функционирующие три были расположены на юге губернии и не могли обслуживать северные районы. 15 октября 1911 г. начали свою работу Вятская и Глазовская уездные землеустроительные комиссии, а 11 мая 1912 г. Комитет по землеустроительным делам постановлением за № 123 санкционировал открытие с 1 октября 1912 г. землеустроительных комиссий во всех остальных уездах губернии [30].

До открытия в Вятке губернской землеустроительной комиссии её функции были возложены на Губернское присутствие, которое, опять же, по мнению губернатора Страховского, «не обеспечивает должного успеха в движении дела» из-за отвлечения непрямых членов присутствия на свои непосредственные служебные дела [31]. К своим обязанностям Вятская губернская землеустроительная комиссия приступила 15 октября 1912 г.

Землеустроительные комиссии представляли собой сложные по составу организации. В комиссию входили и назначаемые, и выборные лица. Членами по назначению являлись уездный предводитель дворянства (возглавлял комиссию), непрямый член комиссии, назначаемый ГУЗЗ, уездный член окружного суда или председатель съезда мировых судей, представитель от удельного ведомства, земский начальник, податной инспектор. Среди членов по выбору были: три представителя уездного земского собрания; три выборных от крестьян, назначаемых по жребию из числа кандидатов, избираемых волостями данного уезда; выборщик от той волости, по которой рассматривается дело [32]. Губернские комиссии по своему составу были построены аналогично уездным с той лишь разницей, что председателем комиссии здесь являлся сам губернатор.

Для осуществления столыпинской аграрной реформы было необходимо учитывать конкретные местные условия. Правительство внедряло идею выборности в народную среду, чтобы крестьянство не считало землеустроительные комиссии чем-то чужеродным, сформированным сверху, а принимало за «свои» учреждения. Эта мысль прослеживается в печатном рекламном листке «Слово к русским крестьянам»: «Так как в комиссиях этих, как известно, заседают местные люди, а в том числе и крестьянские выборные, то надо надеяться, что дело у них пойдет хорошо и решения будут постановляться законные и справедливые» [33]. Объединяя в одном органе различные сословия, правительство надеялось, что «совместными усилиями всех местных сил будут постепенно облегчены насущные нужды сельского населения при непрременном сохранении законных прав частных владельцев» [34].

Однако на деле обнаруживалась далеко не всегда идеальная картина. Вот как описывает работу выборных от крестьян непрямый член Вятского губернского присутствия: «...они оказываются более или менее аккуратными посетителями заседаний Комиссии [в отличие от выборных от землевладельцев. – Е. К.], но... участие их в Комиссии какого-либо существенного значения для деятельности Комиссии не имеет; эти члены заинтересованы, главным образом, получаемым ими содержанием и весьма мало су-

ществом работ и задач Землеустроительной Комиссии» [35].

Выборы членов землеустроительных комиссий осуществлялись согласно постановлению Комитета по землеустроительным делам от 19 июня 1911 г. за № 200. Выборы представителей от крестьян были многоступенчатыми. Вначале сельские сходы избирали кандидатов от волости, затем из них по жребию выбирали членов комиссии от уезда. Срок полномочий избранных земствами членов комиссий составлял срок полномочий самих земских собраний; выборные члены от крестьян работали по три года.

Круг прав и обязанностей землеустроительных комиссий охватывал следующие направления деятельности:

1. Помощь Крестьянскому банку в продаже помещичьих земель.
2. Участие в делах о сдаче крестьянам в аренду и продаже казенных земель.
3. Облегчение нуждающимся крестьянам переселения на свободные земли, как в пределах одной губернии, так и из одной губернии в другую.
4. Посредничество между крестьянами и частными землевладельцами при полюбовном разрешении земельных споров в порядке обоюдных уступок.
5. Содействие крестьянам в улучшении условий землевладения и порядков землепользования и в установлении более совершенных способов ведения хозяйства на надельных землях [36].

Землеустроительные комиссии также выступали в качестве судебных организаций по решению споров, связанных с землеустройством.

С открытием новых комиссий ширился штат землеустроителей в стране. Если в 1907 г. их насчитывалось 600 человек, то к началу первой мировой войны их число выросло в десять с лишним раз (6500 чел.) [37]. В Вятской губернии (без учёта губернской землеустроительной комиссии) числилось 142 землеустроителя, из них всего 30 землемеров и 33 их помощника [38], в то время как ГУЗЗ циркуляром от 29 декабря 1912 г. установило для Вятской губернии число межевых чинов — 150 (82 землемера и 68 их помощников) [39]. Зачастую на уезд было всего лишь по 1–2 землемера (например в Котельничском, Малмыжском, Нолинском, Орловском, Слободском), что не всегда удовлетворяло насущные нужды населения. В докладной записке о ходе землеустройства в губернии от 1913 г. констатировалось, что надежду на дальнейшее пополнение землемерного состава пришлось оставить, так как желающих работать в Вятской губернии землемеров уже более не оказалось». Среди причин, обусловивших такую ситуацию, докладчик выделял, во-первых, климатические условия гу-

бернии, а именно слишком краткий рабочий период; во-вторых, «мало интересный в смысле заработка род землеустроительных работ». Вывод напрашивался сам собой: «...в интересах дела существенно необходимо теперь же принять энергичные меры для улучшения условий заработка и подыскания опытных работников. Иначе землеустроительному делу в Вятской губернии не будет суждено выйти из стадии зарождения» [40].

При ближайшем рассмотрении в работе землеустроительных комиссий Вятской губернии можно обнаружить множество недостатков и просчетов. Причин этому, на наш взгляд, несколько:

1. Позднее открытие губернской и большинства уездных землеустроительных комиссий (в конце 1912 г.).
2. Произвольность распределения между уездными комиссиями кредитов и землемерного состава [41].
3. Недостаток количества землемеров, так как их комплектование шло, главным образом, из помощников землемеров и учащейся молодежи, работающей лишь летом [42].
4. Большое число дел для подготовки уездные землеустроительные комиссии возлагали на земских начальников, которые были заняты своими проблемами и в основной массе не считали землеустроительную работу задачей первоочередной важности.
5. Отсутствие необходимого служебного опыта некоторых землеустроителей и недостаточное знакомство с законодательной базой столыпинской аграрной реформы, что не раз подчёркивали ревизоры.

В деятельности землеустроителей можно найти примеры различного отношения к своему делу: от разгильдяйства и показного служебного рвения до действительной преданности исполняемой службе. Заслужившие были премированы и представлены к правительственным наградам [43].

Ещё одним органом, способствующим делу землеустройства в Вятском крае, было Особое губернское землеустроительное совещание, открытое в октябре 1908 г. указом Министерства внутренних дел, с целью

1. «Объединения и упорядочения дела применения указа 9 ноября 1906 г. в отношении как укрепления надельных земель, так и отвода укрепленных участков к одним местам»;
2. «Безотлагательного решения возникающих по сему указу сомнений и недоразумений»;
3. «Энергичного и правильного ведения огромной государственной важности дела разверстания внутринадельной чересполосицы» [44].

Правда, к 1914 г. это Особое совещание утратило характер постоянного органа и принцип коллегиальности. Следствием этого явилась полная разобщённость непреходящих членов уездных

комиссий и неосведомленность их о ходе дела в соседних комиссиях. Совещание сосредоточилось исключительно на составлении плана работ, не выполняя своей наиболее важной функции — выработки общих директив для направления дела на местах [45].

Таким образом, незаинтересованность большей части землеустроительного персонала в результатах деятельности, зачастую индифферентное отношение к грозным циркулярам губернатора и правительственным поощрениям, а также чересчур усердное рвение на службе, приводящее к противоположным результатам, послужили причинами медленного продвижения дела землеустройства в Вятской губернии и в итоге провала столыпинской аграрной реформы в регионе.

Примечания

1. ГАКО. Ф. 696. Оп. 1. Д. 157. Л. 37об.-40.
2. Чупров, А. И. Крестьянский вопрос [Текст] / А. И. Чупров. М., 1909. С. 276-277.
3. РГИА. Ф. 1291. Оп. 63. Д. 30. Л. 44.
4. Там же. Л. 60.
5. ГАКО. Ф. 1254. Оп. 2. Д. 740. Л. 21-22.
6. Известия земского отдела МВД. 1910. № 4. С. 174.
7. ГАКО. Ф. 627. Оп. 1. Д. 863. Л. 143-143об.
8. ГАКО. Ф. 622. Оп. 2. Д. 1208. Л. 3об.
9. ГАКО. Ф. 622. Оп. 2. Д. 1208. Л. 1-3об., 40, 112; Ф. 623. Оп. 1. Д. 1172. Л. 2; Ф. 625. Оп. 1. Д. 1224. Л. 4, 6; Ф. 625. Оп. 1. Д. 1299. Л. 2-3; Ф. 693. Оп. 1. Д. 103. Л. 7-7об.; Ф. 1254. Оп. 2. Д. 17. Л. 22-24.
10. РГИА. Ф. 408. Оп. 3. Д. 9. Л. 80.
11. РГИА. Ф. 408. Оп. 3. Д. 7. Л. 107-118.
12. Там же. Л. 112об.-113.
13. Там же. Л. 111.
14. Там же. Л. 111-113.
15. ГАКО. Ф. 626. Оп. 1. Д. 488. Л. 34.
16. ГАКО. Ф. 1254. Оп. 2. Д. 1557. Л. 68.
17. Бородин, А. П. Досье без ретуши. Столыпин. Реформы во имя России [Текст] / А. П. Бородин. М., 2004. С. 193.
18. Черненко, Б. Принудительное разрушение общины и «инициатива» населения [Текст] / Б. Черненко // Заветы. 1912. Апрель. № 1. С. 116.
19. ГАКО. Ф. 1254. Оп. 2. Д. 1139. Л. 10.

20. РГИА. Ф. 408. Оп. 3. Д. 9. Л. 78об.
21. РГИА. Ф. 1291. Оп. 122. Д. 38 (1910 г.). Л. 17об.
22. Газета «Вятская речь» писала: «Малые чины администрации продолжают внедрять земельную реформу с прежней энергией, близкой к наскоку». Цит. по: Жилкин И. Провинциальное обозрение [Текст] / И. Жилкин // Вестник Европы. 1914. Авг. Кн. 8. С. 379.
23. Энциклопедия земли Вятской. Т. 6. С. 111.
24. Там же. С. 425.
25. Губернское земское собрание. Заседание от 10 января // Вятская речь. 1910. 12 янв. С. 2.
26. Там же. С. 3.
27. РГИА. Ф. 1291. Оп. 122. Д. 38 (1910 г.). Л. 15-17об.
28. ГАКО. Ф. 1254. Оп. 2. Д. 114. Л. 34об.
29. Невская, Т. А. Проведение столыпинской аграрной реформы на Северном Кавказе (1906–1917 гг.) [Текст]: дис. ... д-ра ист. наук / Т. А. Невская. Ставрополь, 1998. С. 167.
30. Там же. Л. 149.
31. Там же. Л. 33.
32. Там же. Л. 3.
33. ГАКО. Ф. 627. Оп. 1. Д. 848. Л. 201.
34. Цит. по: Невская, Т. А. Указ. соч. С. 167-168.
35. РГИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 1453. Л. 31об.
36. ГАКО. Ф. 616. Оп. 1. Д. 1373. Л. 141об.; См. также: Ефремов, П. Н. Столыпинская аграрная политика [Текст] / П. Н. Ефремов. М., 1941. С. 27.; Шулейкин, И. Д. История земельных отношений и землеустройства [Текст] / И. Д. Шулейкин. Ч. 1. М.; Л., 1933. С. 409.
37. Шулейкин, И. Д. Указ. соч. С. 422.
38. РГИА. Ф. 408. Оп. 3. Д. 20. Л. 142.
39. ГАКО. Ф. 1254. Оп. 2. Д. 1139. Л. 700.
40. ГАКО. Ф. 1254. Оп. 2. Д. 740. Л. 139об.
41. РГИА. Ф. 408. Оп. 3. Д. 21. Л. 71об. В докладе неизвестного автора «Недостатки землеустроительного дела» говорилось: «Общим результатом такой постановки дела является развитие землеустройства не вглубь, авширь, причем поверхностно затрагиваются, правда, обширные по площади пространства Вятской губернии, но при этом не создается условий, необходимых для ускорения землеустройства в том или ином уезде».
42. ГАКО. Ф. 1254. Оп. 2. Д. 1074. Л. 364.
43. ГАКО. Ф. 1254. Оп. 2. Д. 2523. Л. 4-5.
44. ГАКО. Ф. 584. Оп. 19. Д. 218. Л. 1.
45. РГИА. Ф. 408. Оп. 3. Д. 21. Л. 71об.

ПЕРСОНАЛИИ

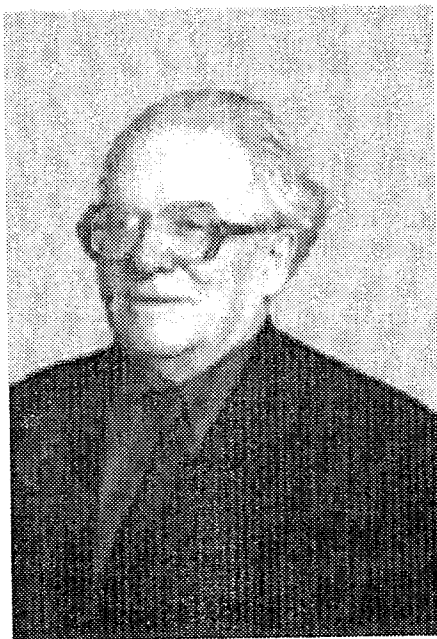
ЯКОВУ ПЕТРОВИЧУ ПОНАРИНУ – 70 ЛЕТ

Яков Петрович Понарин родился 29 октября 1934 г. в деревне Шишкино Лебяжского района Кировской области. В 1950 г. после окончания семилетней школы поступил в Нолинское педучилище на специальность учителя начальной школы. После окончания педучилища в 1954 г. один год работал учителем в деревне Мысы Лебяжского района.

В 1955 г. поступил на физико-математический факультет Кировского государственного педагогического института им. В. И. Ленина. В годы учебы был редактором всеми любимой факультетской сатирической газеты «Зоркий глаз». В 1960 г. Яков Петрович окончил КГПИ им. В. И. Ленина, получив специальность учителя математики и черчения средней школы.

В 1961–1964 гг. обучался в аспирантуре на кафедре геометрии нашего института под руководством профессора Н. А. Колмогорова, специалиста по тетраэдрометрии. После окончания аспирантуры в 1964 г. был направлен на работу в Сыктывкар, в Коми госпединститут. Там Яков Петрович продолжал активно заниматься геометрическими исследованиями, сотрудничал с известным профессором З. А. Скопцом из Ярославля и 6 марта 1968 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию «Геометрия симплекса в некоторых пространствах Клейна» в Ученом Совете Ярославского госпединститута им. К. Д. Ушинского. С 1968 по 1970 г. заведовал кафедрой алгебры и геометрии Коми пединститута. В 1970 г. Яков Петрович был утвержден в ученом звании доцента. С 1970 по 1984 г. работал в Запорожском госпединституте, при этом с 1973 по 1981 г. заведовал кафедрой математики. В 1984 г. вернулся на родину, был избран на должность доцента кафедры геометрии Кировского пединститута. 27 апреля 1989 г. избран на должность профессора этой же кафедры. В 1990 г. ВАК СССР присвоил Понарину Якову Петровичу ученое звание профессора по кафедре геометрии и топологии.

Яков Петрович – ведущий профессор кафедры алгебры и геометрии, талантливый вузовский преподаватель и методист. Его занятия отличаются логичностью и четкостью, высоким научным уровнем. Большинство разделов основного курса геометрии он читает в оригинальном изложении. Разработал и прочитал спецкурсы «Геометрические приложения комплексных чисел»,

«Геометрия тетраэдра», «Конечные проективные плоскости», «Флаговая геометрия», «Квадратичные преобразования». В настоящее время читает спецкурсы «Преобразование евклидова пространства» и «Избранные вопросы стереометрии».

Я. П. Понарин является автором более 50 научных трудов, среди которых одна монография, 7 учебных пособий, 46 статей. Общий объем его работ составляет более 160 печатных листов. Только что в Москве издано учебное пособие «Алгебра комплексных чисел в геометрических задачах». В настоящее время находятся в печати и готовятся к изданию в Московском центре непрерывного математического образования еще два учебных пособия («Геометрия: планиметрия, преобразование плоскости», «Геометрия: стереометрия, преобразование плоскости»).

Многие годы Яков Петрович возглавлял УМО по математике Волго-Вятского региона, многократно приглашался председателем ГАК в вузы России. Регулярно выступает с докладами на различных научно-методических конференциях. Поражают его энтузиазм, неутомимость, стремление творить!

Поздравляя Якова Петровича с юбилеем, мы желаем ему здоровья, претворения всех научных планов, хороших студентов!

ЮРИЮ МИХАЙЛОВИЧУ РЯБОВУ – 70 ЛЕТ

Исполнилось 70 лет Юрию Михайловичу Рябову – кандидату исторических наук, доценту, зав. кафедрой политологии ВятГГУ. 52 года его жизни и деятельности непосредственно связаны с нашим вузом и развитием системы образования в г. Кирове и области. Родился Юрий Михайлович 2 августа 1934 г. в г. Уржуме Кировской области. В 1952–1956 гг. он учился на историческом факультете Кировского государственного педагогического института им. В. И. Ленина. Будучи от природы наделенным тягой к знаниям, Юрий Михайлович отличной учебой заслужил персональную стипендию и еще студентом сделал свои первые шаги в науке под руководством доцента В. С. Арутюняна. Одновременно он активно приобщался к педагогической деятельности. В 1953 г. он руководил фотолабораторией Кировского дворца пионеров, а, окончив институт, в течение года работал воспитателем в школе-интернате № 1 г. Кирова.

В 1957 г. молодого педагога приглашают на кафедру всеобщей истории родного вуза. Он читает лекционные курсы по новой и новейшей истории стран Запада и Востока. Из печати выходят его первые статьи по актуальным проблемам международных отношений.

В 1961 г. Юрий Михайлович поступает в аспирантуру на кафедре новой и новейшей истории Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина, где его научными руководителями стали профессор А. И. Молок и академик А. А. Нарочницкий. В 1962–1963 учебном году он, как аспирант Берлинского университета им. Гумбольдта, основательно изучает фонды архивов ГДР. В 1964 г. в Москве выходит монография Ю. М. Рябова «Борьба Объединенной Коммунистической партии Германии за единство действий рабочего класса и уроки мартовских боев (декабрь 1920 г. – август 1921 г.)». Объем книги составлял 15 печ. л., тираж 1500 экз. Тогда, в условиях острого идеологического противоборства «холодной войны», исследование Юрия Михайловича, конечно, несло на себе печать своего времени, но оно отличалось тем, что опиралось на ранее не использованные историками архивные материалы и восполняло пробел в изучении истории Германии начала 20-х гг. XX в.

Монография получила положительную оценку специалистов в журнале Академии наук СССР «Новая и новейшая история» и высокий индекс цитирования. В качестве кандидатской диссертации книга была выдвинута на защиту, которая состоялась 12 апреля 1965 г. в МГПИ. В 1966 г. Ю. М. Рябову было присвоено ученое звание доцента.

Творческие и организаторские способности молодого педагога и ученого по-новому раскрылись на следующем этапе его жизни и деятельности в должности проректора КГПИ по научной работе (1965–1978). Вместе с другими членами ректората он внес весомый вклад в достижения коллектива института в эти годы. Количество преподавателей с ученой степенью и ученым званием увеличилось почти вдвое, достигнув к 1980 г. 47%. Значительно умножилось число публикаций ученых института. Новые импульсы получила совместная работа института с органами народного образования, школами, учителями и учащимися. Важной формой становления личности учителя стало привлечение студентов к научной работе, в связи с чем Юрий Михайлович как проректор по НИР был награжден Почетным дипломом Минвуза СССР и ЦК ВЛКСМ (1974). Характерно, что и сам он лично «вводил» в науку многих своих учеников.

В 1978–1986 гг. Ю. М. Рябов на партийной работе: заведующий отделом науки и учебных заведений Кировского обкома КПСС, член обкома КПСС (1979–1987). Он курирует деятельность парторганизаций учреждений социальной сферы, анализирует состояние и тенденции развития этой сферы. В соавторстве с И. П. Беспаловым Юрий Михайлович публикует ряд статей в центральных

изданиях, в том числе большую статью «Лицом к школе» в журнале «Народное образование», № 7 за 1981 г. Нельзя не отметить и то, что в этот период он активно содействует улучшению кадрового состава и материальной базы Кировских вузов, в том числе и педагогического.

С 1986 г. по настоящее время Ю. М. Рябов продолжает научно-педагогическую деятельность, заведует кафедрой политологии ВятГГУ (с 1990 г.). Во многом благодаря его инициативе и усилиям на кафедре успешно прошло становление учебного курса политической науки как новой базисной дисциплины.

Перу Юрия Михайловича принадлежит более 40 опубликованных работ по проблемам новейшей истории, политологии, образования. Как один из авторов и ответственный редактор, он отдал много сил и энергии подготовке капитальных изданий, посвященных истории нашего института («Полвека в пути: Кировский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина. 1918–1968». – Киров, 1970) и университета («Вятский государственный гуманитарный университет. 1914–2004. Памятная книга». – Киров, 2004; «Преподаватели ВятГГУ». – Киров, 2004).

Отличительной чертой Ю. М. Рябова всегда была его общественная активность. С 1957 г. в

течение 25 лет он неутомимый лектор общества «Знание» и организатор просветительской работы среди населения области. Его избирают заместителем (1965), а затем председателем (1976) правления Кировской областной организации общества «Знание» РСФСР. В 1972–1982 гг. он был членом Всероссийского правления общества «Знание». В 1978 г. в Москве опубликована его брошюра «Пропаганда научно-технических знаний и передового производственного опыта», обобщившая работу областной организации общества «Знание». Юрий Михайлович награжден знаком Всесоюзного общества «Знание» «За активную работу».

Большую общественную работу Ю. М. Рябов проводил в 1971–1977 гг. как депутат Кировского городского Совета народных депутатов, председатель постоянной комиссии по народному образованию.

Весьма ответственно и динамично выполнял он и обязанности председателя совета по гуманитарному образованию ВятГГУ в 1996–2002 гг.

Отмечая 70-летний юбилей, Юрий Михайлович полон сил, энергии и творческих планов. Сердечно желаем ему здоровья, радости в жизни и дальнейшей успешной деятельности.

ВЛАДИМИРУ ФЕДОРОВИЧУ ЮЛОВУ – 60 ЛЕТ

Владимир Федорович Юлов родился 7 сентября 1944 г. в поселке Черная Холуница Омутнинского района.

В 1968 г. закончил факультет физики Кировского государственного педагогического института.

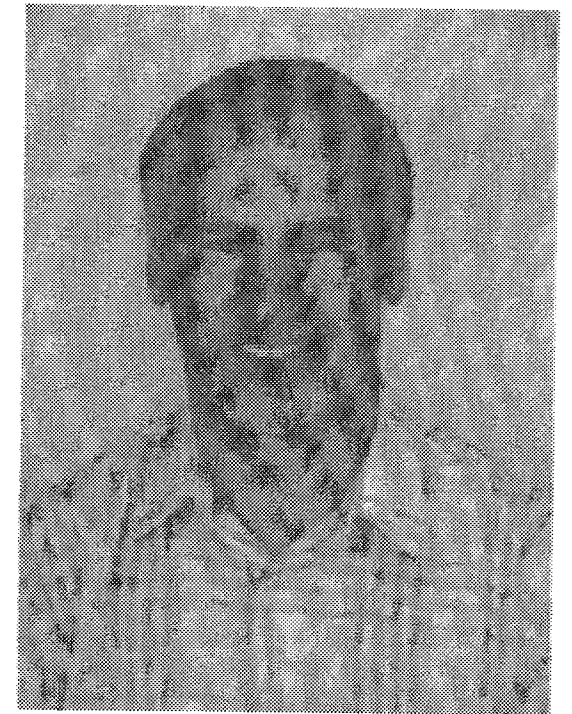
С 1971 г. году Владимир Федорович Юлов начал работать старшим преподавателем кафедры марксистско-ленинской философии Кировского государственного педагогического института. В 1972 он стал кандидатом философских наук. В 1978 г. Владимиру Федоровичу было присвоено звание доцента. В 1991 г. Владимир Федорович успешно защитил докторскую диссертацию, а в 1993 г. ему было присвоено звание профессора. С 1991 г. по настоящее время В. Ф. Юлов является бессменным заведующим кафедры философии (сейчас кафедры философии и социологии социально-гуманитарного факультета ВятГГУ).

В процессе научной и преподавательской деятельности Владимиром Федоровичем опубликовано около 50 научных и научно-методических работ, в том числе две монографии: «Активность естественнонаучного сознания» (1990) и «Мышление в контексте сознания» (2004). Кроме того, Владимиром Федоровичем подготовлена хрестоматия по учебной дисциплине «Концепции современного естествознания», учебники по дисциплинам «Философия» и «Концепции современного естествознания».

Владимир Федорович Юлов является председателем диссертационного совета по специальностям «Онтология и теория познания» и «Теория и история культуры», членом диссертационного совета по специальности «Общая педагогика, история педагогики и образования». Кроме занятий со студентами Владимир Федорович Юлов ведёт занятия с аспирантами и соискателями университета. Владимиром Федоровичем Юловым подготовлена программа кандидатского минимума по дисциплине «Философия и история науки».

Основные научные интересы Владимира Федоровича – философия и методология науки, теория человеческого сознания и мышления. Кроме вышедших монографий эти научные интересы отражены в статьях «Мышление: логический путь к истине или орудийное преобразование проблемы в результате?», «Научное познание как единство интуиции и логики», «Может ли структура мозга определять содержание мышления?».

При участии Владимира Федоровича Юлова в 2003 и 2004 гг. были организованы две международные научные конференции: «Становление со-

знания специалиста: междисциплинарный диалог» (Россия – Белоруссия, 2003 г.) и «Профессиональное сознание специалиста: методологические, идеологические, психолого-педагогические факторы формирования» (Россия – Белоруссия, 2004 г.).

За время работы в университете Владимир Федорович Юлов проявил себя как крупный специалист в науке и выдающийся педагог, подготовивший немало молодых ученых. Десять аспирантов Владимира Федоровича стали кандидатами наук.

За многолетнюю работу в области науки и преподавания Владимир Федорович Юлов награжден званиями «Почетный работник высшей школы Российской Федерации» и «Почетный работник ВятГГУ».

Среди коллег и студентов Владимир Федорович пользуется заслуженным уважением как талантливый, эрудированный и творческий педагог-профессионал, как исключительно порядочный, доброжелательный и ответственный человек.

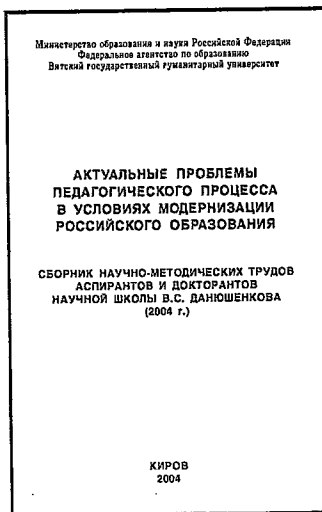
Факультет сердечно поздравляет Владимира Федоровича с юбилеем и желает ему крепкого здоровья, семейного благополучия, прекрасного настроения и дальнейших творческих успехов на благо российской науки и образования.

НОВЫЕ КНИГИ

Актуальные проблемы педагогического процесса в условиях модернизации российского образования: сборник научно-методических трудов аспирантов и докторантов научной школы В. С. Данюшенкова (2004 г.)

Киров: Изд-во ВятГГУ, 2004. – 150 с.

В сборник включены статьи, являющиеся результатом исследовательских работ аспирантов и докторантов по педагогике и методике обучения и воспитания, выполненных под научным руководством д. п. н., профессора В. С. Данюшенкова.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

III ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО МАТЕМАТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ВУЗАХ И ШКОЛАХ РОССИИ»

Конференция проходила 12–14 мая 2004 г. в Вятском государственном гуманитарном университете и была посвящена 90-летию со дня образования учебного заведения. Открыли конференцию председатели оргкомитета зав. кафедрой алгебры и геометрии, доктор физико-математических наук, профессор Е. М. Вечтомов и проректор по научной работе ВятГГУ, доктор исторических наук, профессор В. Т. Юнгблюд. Е. М. Вечтомов познакомил участников конференции с порядком ее работы. В приветственном слове В. Т. Юнгблюд рассказал о достижениях в научной работе коллектива университета.

Состоялась компьютерная презентация математического факультета ВятГГУ, подготовленная аспирантом П. М. Горевым. Затем последовали пленарные доклады. В докладе «Какая философия познания соответствует природе математики?» Е. М. Вечтомов проанализировал два основных направления в развитии философии математики – фундаменталистское и социокультурное, обосновав первое из них. Член-корреспондент РАО, доктор педагогических наук, профессор Г. И. Саранцев (Саранск) сделал глубокий доклад на тему «Подготовка учителя математики в условиях фундаментализации образования». К.ф.-м.н., доцент Е.А. Перминов (Екатеринбург) рассказал о проблемах и перспективах обучения дискретной математике в школе. Доктор педагогических наук, профессор В. А. Тестов (Вологда) предложил ввести понятия жесткой и мягкой модели в теорию и методику обучения. Большой интерес вызвал доклад доктора физико-математических наук, профессора А. А. Фомина (Москва) «История и современное состояние международных математических олимпиад».

Два дня работали три секции: 1) методики обучения математике в вузе (руководители – профессора Я. П. Понарин, В. А. Тестов); 2) методики обучения математике в школе (руководители – профессора Е. С. Канин, Г. И. Саранцев); 3) математических исследований (руководители – профессора Е. М. Вечтомов, А. А. Фомин). На первой секции сделано 12 содержательных докладов.

Среди выступавших – профессора Е. С. Петрова (Саратов) и Я. П. Понарин (Киров), докторант О. А. Сотникова (Коряжма). Ставились и обсуждались вопросы преподавания вузовских курсов математики, применения компьютерных образовательных технологий, организации самостоятельной работы студентов. На второй секции с интересными докладами выступили доценты Е. А. Перминов, Г. А. Клековкин (Самара), Р. А. Гильманов (Казань), Е. М. Елисеев (Арзамас), М. В. Крутихина (Киров), А. И. Глушкова (Киров) и др. (всего 10 докладов). Третья секция собрала наибольшее число участников. Свои новые результаты по математике доложили профессор Г. Г. Брайчев (Москва), Е. М. Вечтомов, Я. П. Понарин, А. Г. Порошкин (Сыктывкар), А. А. Фомин, докторант В. В. Чермных (Москва), доцент С. И. Калинин (Киров), аспирант Т. В. Караваева (Москва), магистр Г. В. Фофанова (Пермь) – сделано 15 докладов. В большом докладе диссертант А. Н. Семенов (Киров) изложил ряд своих теорем о структуре полутел, существенно продвинувших теорию полутел.

В конференции приняло участие около 100 человек (в том числе 14 докторов наук и профессоров), среди которых 40 иногородних ученых из педвузов и университетов России. К началу работы конференции были опубликованы тезисы докладов конференции, шестой выпуск периодического межвузовского сборника «Математический вестник педвузов и университетов Волго-Вятского региона» и монография Е. М. Вечтомова «Философия математики». Проведена выставка-продажа книг и брошюр участников конференции.

Уже традиционно в программу работы конференции было включено очередное – девятое по счету – заседание Совета УМО по математике педвузов Волго-Вятского региона (председатель – Е. М. Вечтомов). На нем рассмотрены следующие вопросы: 1) об учебно-методическом обеспечении новых курсов «Дискретная математика», «Теория алгоритмов», «Исследование операций»; 2) о постановке курса «История математики» и возможности его расширения до курса «История и методология математики»; 3) присвоение поступившим учебным пособиям грифа УМО по математике педвузов Волго-Вятского региона.

Усилиями декана математического факультета, зам. председателя конференции, кандидата физико-математических наук, доцента В. И. Ва-

ранкиной, зам. декана А. В. Ончуковой, ученого секретаря кандидата физико-математических наук И. А. Семеновской, лаборантов, аспирантов и студентов была подготовлена и осуществлена большая культурная программа, включающая автобусную экскурсию и пешую прогулку по городу, посещение Кировского художественного музея имени братьев Васнецовых и художественной мастерской заслуженного художника России, мастерицы дымковской игрушки Л. С. Фалалеевой, выступление народного фольклорного ансамбля «Горенка», поездку в село Великоречное. Завершилась конференция защитой кандидатских диссертаций по методике математики О. В. Мишениной и Л. В. Карауловой.

Конференция позволила нам укрепить существующие научные контакты и наладить новые. По отзывам участников конференции, она была проведена на высоком научном и организационном уровне.

*Е. М. Вечтомов,
доктор физ.-мат. наук, профессор,
зав. кафедрой алгебры и геометрии ВятГГУ
В. И. Варанкина,
канд. физ.-мат. наук, доцент,
декан математического факультета ВятГГУ*

МЕЖДУНАРОДНАЯ ШКОЛА ПО ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ МОРФОЛОГИИ РАСТЕНИЙ «КОНСТРУКЦИОННЫЕ ЕДИНИЦЫ В МОРФОЛОГИИ РАСТЕНИЙ»

В начале весны (2–8 мая) на естественно-географическом факультете состоялась очередная – X Школа по теоретической морфологии растений. Основным организатором этой конференции была кафедра ботаники. Инициатива была поддержана администрацией университета, Управлением лесного комплекса, департаментом охраны окружающей среды и природопользования Кировской области, заказчиками «Былина» и «Пижемский».

На приглашение участвовать в работе Школы откликнулись 123 человека. Материалы на конференцию поступили из городов: Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск, Екатеринбург, Тверь, Пенза, Курган, Орел, Ханты-Мансийск, Сыктывкар, Майкоп, Орехово-Зуево, Владивосток, Сибай, Южно-Сахалинск, Челябинск, Кострома, Пущино-на-Оке, Томск, Чита, Ижевск, Самара, Петрозаводск, из городов ближнего зарубежья: Киева, Львова, Ташкента, Херсона, Алма-Аты, Ялты – и из Швейцарии (г. Цюрих).

Результаты своих исследований представили ученые ведущих научных центров России и ближнего зарубежья: БИН РАН (Санкт-Петербург),

ГБС РАН (Москва), ЦСБС СО РАН (Новосибирск), ПАБСИ РАН (Кировск), Ботанического сада УрО РАН, ИЭРиЖ УрО РАН (Екатеринбург), Института биологии КомиНЦ УрО РАН (Сыктывкар), ИБВВ РАН (пос. Борок Ярославской области), Института биологии УНЦ УрО РАН, Института биологии и почвоведения ДВО РАН, Сахалинского ботанического сада ДВО РАН, Национального ботанического сада НАН Украины, Никитского ботанического сада.

Непосредственное участие в работе Школы принял 91 человек из 23 городов России, Украины и Узбекистана. Самой многочисленной делегацией оказалась, естественно, кировская. Среди участников были почетные гости: В. П. Пересторонин, заместитель начальника Управления лесного комплекса, руководитель департамента охраны окружающей среды и природопользования Кировской области, декан естгеофака Н. Д. Охорзин, а также другие преподаватели, сотрудники, аспиранты и студенты естгеофака. 13 человек приехали из Санкт-Петербурга. В их числе д. биол. н. член-корреспондент РАН, академик РАЕН, профессор Т. Б. Батыгина, заведующий кафедрой ботаники СПбУ д. биол. н., профессор А. А. Паутов. В составе московской делегации, которая также состояла из 13 ученых, доктора наук Н. И. Шорина, Е. И. Курченко, М. Т. Мазуренко. Из Ташкента приехал профессор М. Ф. Абзалов, из Майкопа – доктор наук Г. Н. Гудкова. Всего в работе Школы приняли участие 13 докторов наук, в том числе – доктор философии наук профессор В. Ф. Юлов.

Юбилейная Школа прошла в лучших традициях таких совещаний, которые проводятся в России с 1977 г. Их принимали Ульяновск, Санкт-Петербург, Москва, Львов, Тверь, Калуга, Пущино-на-Оке. Главные задачи этих ботанических собраний – пропаганда современных достижений науки, учеба молодых ученых, научные контакты и обмен информацией.

Основные лекции традиционно читали ведущие ботаники страны. Но первой была лекция профессора В. Ф. Юлова, посвященная философской оценке взаимосвязи целого и части как методологической идеи науки. Вслед за ним кандидаты наук А. В. Жук и А. А. Осковский (Санкт-Петербург) рассказали о последних научных данных о границах и критериях органов растений. Таким образом понятие «орган» было рассмотрено в философском, структурном и физиологическом аспектах. Не менее значимой была лекция Н. И. Шориной о листе и путях его реализации в разных систематических группах растений, А. А. Паутова – об адаптациях в системной организации листа.

Целое заседание было посвящено особенностям соцветий и цветков. Об этом говорили на своих лекциях доктора биол. наук К. С. Байков

(Новосибирск) и Д. Д. Соколов (Москва), а также кандидат биол. наук Т. А. Федорова (МГУ).

Особое внимание было уделено основным теоретическим проблемам биоморфологии – жизненным формам растений, структурным единицам в строении их тела, модульной организации. В обсуждении этой группы проблем участвовали доктор биол. наук Е. И. Курченко, М. Т. Мазуренко (Москва), В. А. Черемушкина (Новосибирск), Н. П. Савиных (Киров), кандидаты биол. наук А. А. Нотов (Тверь), И. С. Антонова (Санкт-Петербург).

Незабываемы лекции и презентации докладов Т. Б. Батыгиной, сотрудников и аспирантов возглавляемой ею лаборатории по проблемам ствольных клеток, не так давно открытых у растений и уже во многом объясняющих ранее непонятные механизмы клеточной регуляции и реализации разных программ развития.

Отдельное заседание было посвящено роли морфологии растений и биоморфологии в частности в биологическом мониторинге, образовании и природопользовании.

Отличительной особенностью Школ всегда было наличие большого числа молодых учёных. На десятой Школе их было 38, почти 40% участников. Они не просто прослушали лекции, но и доложили результаты своих исследований и обсудили их со старшими коллегами.

Материалы Школы опубликованы в сборнике «Конструкционные единицы в морфологии растений» (общий объём 16,5 усл. печ. листов). Но не только он остался как память о конференции. Большое впечатление произвели встреча ведущих учёных России с ректором университета, профессором В. С. Данюшенковым, экскурсии по городу, поездка в одно из красивейших мест Вятского края – Медведский бор.

*Н. П. Савиных
доктор биол. наук, профессор,
зав. кафедрой ботаники ВятГГУ*

МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПСИХОЛОГИЯ ТВОРЧЕСКОГО САМОВЫРАЖЕНИЯ»

22-23 ноября 2004 г. в ВятГГУ на факультете психологии проходила научно-практическая конференция «Психология творческого самовыражения». Отличительной особенностью этой конференции, по сравнению с предыдущими, было участие в ней не только психологов, но и специалистов других профилей, а также представительной группы творческой интеллигенции города Кирова. На конференции было заслушано 3 пле-

нарных доклада, работали тематические секции, мастер-классы, было проведено заседание «круглого стола».

На открытии конференции с приветственным словом в адрес участников и гостей выступили проректор по научной работе, профессор В. Т. Юнгблюд, декан факультета психологии, доцент Е. Е. Рудницкая.

Пленарное заседание начиналось с доклада доктора философских наук, профессора В. Ф. Юлова (Киров). Он отметил необходимость тесного сотрудничества специалистов различных профилей в области творчества, высказал интересный подход к творчеству в контексте жизнедеятельности амебы и А. Эйнштейна, что вызвало дискуссию среди участников конференции.

Г. В. Ковалёва (Пермь) в своем пленарном докладе рассказала об актуальности изучения творчества в рамках психологии, обозначила ряд противоречий и проблем исследования данного феномена, рассмотрела основные предпосылки развития творческого мышления и творческого потенциала студентов в учебном процессе вуза.

В пленарном докладе Н. А. Низовских (Киров) рассматривалась связь между творческой деятельностью человека и такими элементами социальной действительности, как культура, политика, экономика, дан обзор применения психосемантического метода атрибуции мотивов жизненным принципам, суть которого – построение семантических пространств, что позволяет отследить роль мотивов самовыражения и творчества в организации жизнедеятельности испытуемых.

Проблематика секции «Проблема творческого самовыражения и саморазвития личности» отличалась необычайной широтой. Приведем несколько примеров. Доклад И. С. Володиной был посвящен рассмотрению особенностей социального интеллекта как детерминанты творческого процесса. О. А. Королева (Киров) анализировала предпосылки творческого мышления у студентов вуза. В докладе Г. И. Корчагиной раскрывалась позиция личности как продукт творческого самовыражения. Е. К. Черанёва (Киров) рассказала о связи творческого социального воображения и способности к социально-перцептивному предвидению.

В секции «Терапевтические аспекты творчества» одним из наиболее интересных был доклад Н. Т. Оганесян (Киров) «Поэтическое творчество как воплощение смыслов». Автор отметила, что творчество, в том числе и поэтическое, приносит не только эстетическое наслаждение, но и помогает через освобождение от душевных мук и кошмара переживаний приблизиться к пониманию себя, своего «Я». Именно поэтому поэтическое творчество есть средство лечения души. В. П. Кузьмина (Киров) рассмотрела вопрос о роли эмпатии в терапевтическом процессе и от-

метила, что в психотерапии она используется, прежде всего, зарубежными исследователями в целях налаживания эффективного взаимодействия психотерапевта и клиента. В отечественной психологии терапевтическая функция эмпатии практически не исследуется. Е. В. Сараева (Киров) представила доклад под названием «Сказкотерапия как метод активизации внутренних потенциальных возможностей». И. М. Кононенко (Астрахань) изложила свой взгляд на место ролевой игры в процессе творческого самовыражения студентов.

На секции «Творчество в системе «педагог-учащийся» наиболее интересно прозвучал доклад Л. И. Белозеровой (Киров), где был поставлен вопрос о научной деятельности преподавателя вуза как творчестве и показателе профессионального развития. Доклад Т. А. Ерофеевой (Киров) был посвящен исследованию воображения как условия профессионального развития личности психолога. В докладе Н. В. Лаптевой (Киров) рассматривался вопрос о психолого-педагогическом проектировании в контексте творческой деятельности педагога. В докладе Н. А. Росиной (Киров) излагались результаты изучения творческой активности студентов. М. А. Виниченко (Белгород) в своем докладе представила данные о программе развития сельских школ как культурных центров села, разрабатываемой Белгородским государственным университетом. Интересными были также доклады Т. А. Ивановой (Нижний Новгород) «Саморазвитие как внутренний творческий процесс самореализации современных студентов», О. П. Морозовой (Сыктывкар) «Использование активных методов обучения для развития творческого мышления студентов». Различные стороны творчества освещались в докладах С. Б. Башмаковой, С. Г. Касимовой, И. А. Крестининой, Н. В. Лещенко, Т. И. Порошиной, С. И. Смирновой, Я. Б. Частоконенко.

В заключении программы первого дня конференции были проведены мастер-классы: «Терапия поэзией» (Н. Т. Оганесян, старший научный сотрудник, доцент кафедры психологии ВятГГУ) и «Психологическая концепция игрушки» (Т. А. Ерофеева, старший преподаватель кафедры психологии ВятГГУ). В них приняли участие преподаватели ВятГГУ, гости конференции, аспиранты, студенты факультета психологии.

Во второй день конференции состоялась «круглый стол» по теме «Творчество как средство гармонизации личности». Заседание открыла его организатор Н. Т. Оганесян, доцент кафедры психологии ВятГГУ, подчеркнув, что цель встречи – обсуждение проблем интеграции психологии, культурологии, лингвистики, философии с творческой средой, поиск возможных путей взаимодействия между ними.

В заседании «круглого стола» приняла активное участие творческая интеллигенция города Кирова: заслуженный артист РФ Р. Ш. Аюпов, поэт, художник М. П. Аюпова, режиссер Театра на Спасской В. А. Ишин, актриса Театра на Спасской Н. Красильникова, поэт Т. К. Николаева, хореограф, художественный руководитель театра современного танца «Миграция» И. В. Брежнева.

В процессе встречи обсуждались точки соприкосновения научного и художественного творчества, вопросы интеллектуального, личностного, эмоционального развития как результатов творческого процесса, гармонизации личности. Влияние продуктов творчества на профессиональное становление и совершенствование человека.

В завершении участники конференции высказали пожелание по координации научной и практической деятельности и консолидации усилий заинтересованных сторон для поиска оптимальных средств решения актуальных проблем творчества как неотъемлемой части любой деятельности.

*В. П. Кузьмина, канд. психол. наук,
доцент, зав. кафедрой психологии ВятГГУ*

МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ СТУДЕНЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ ГЛАЗАМИ МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ»

Межрегиональная научно-практическая студенческая конференция «Актуальные вопросы психологии глазами молодых исследователей» проходила в г. Кирове 21-22 октября 2004 г. на базе Вятского государственного гуманитарного университета.

В работе конференции приняли участие студенты из 14 городов Российской Федерации (гг. Екатеринбург, Елабуга, Йошкар-Ола, Казань, Киров, Красноярск, Нижний Новгород, Новоуральск, Пермь, Рязань, Сыктывкар, Тюмень, Ярославль и др.).

Проведение межрегиональных студенческих конференций в ВятГГУ можно считать сложившейся традицией. Расширяется география конференции, растет число участников, меняются формы ее проведения, но несомненным остается интерес молодых исследователей к научным проблемам психологии.

Пленарное заседание конференции началось с приветствия в адрес участников конференции и завершилось презентацией факультетов в контексте «Студент как субъект учебной и научной деятельности».

Продолжение конференция получила в работе секций по общей и педагогической психологии, возрастной, специальной и социальной психоло-

гии. Наибольший интерес молодые исследователи проявили к секции «Студент как объект научных исследований». Это возможно объяснить их интересом к себе, своему «Я». Разнообразные по темам доклады объединяются стремлением молодых авторов найти пути и средства познания науки, повышения ее эффективности в образовательном процессе, в самообразовании, в организации собственной практической деятельности.

Большой интерес вызвал у студентов семинар на тему: «Программа подготовки студентов к будущему поиску работы». Семинар был подготовлен и проведен нашими гостями из г. Сыктывкара: кандидатом психологических наук, зав. кафедрой гуманитарных дисциплин Сыктывкарского лесного института Н. Н. Мачуровой и студентом III курса факультета экономики и управления данного вуза А. Печериным.

Не меньший интерес проявили участники конференции и к семинару «Использование кино в практике работы психолога» под руководством М. Горбуновой, студентки IV курса факультета психологии ВятГГУ. Анализ кинокартин дает большие возможности для повышения квалификации, накопления опыта по оценке жизненных ситуаций состояний героев сюжетов и нестандартных сцен. Именно это и вызвало у студентов желание поработать на данном семинаре.

Интересными были и предложенные участникам конференции мастер-классы и мастерские.

Мастер-класс «Технология построения собственного бренда, или Как выделиться из толпы» очень актуален в условиях высокой конкуренции кадров. Здесь студент усваивает навык самопрезентации, учится строить собственный имидж на основе внутренних ценностей и побуждений.

Мастер-класс «Медико-психотерапия» проводил гость конференции, кандидат психологических наук, доцент Пермского государственного университета Д. О. Смирнов.

Мастерской «Сценарий жизненного пути человека: возможности осмысления и изменения» руководила студентка факультета психологии ВятГГУ Ю. Зубарева.

Программа конференции была насыщенной и давала возможность выбора молодым исследователям того научного направления, которое для них наиболее актуально.

Проведение конференции стало возможным благодаря оргкомитету конференции в лице Н. В. Лаптевой, кандидата психологических наук, доцента кафедры психологии ВятГГУ, а также студентов факультета психологии. Огромную роль при этом сыграли поддержка ректората ВятГГУ, сотрудничество с другими вузами Российской Федерации.

*Е. К. Черанева, кандидат психол. наук,
доцент кафедры психологии ВятГГУ*

РЕЗУЛЬТАТЫ НАУЧНОГО СИМПОЗИУМА «РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СТАНОВЛЕНИЯ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ: ОТ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ К УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ПАРАДИГМЕ»

В рамках празднования 90-летия Вятского государственного гуманитарного университета 19 мая 2004 г. состоялся научный симпозиум «Региональные аспекты становления гуманитарного знания: от педагогической научной школы к университетской парадигме» по следующим направлениям работы:

1. Становление Кировской научно-педагогической школы как основы гуманитарного образования.

2. Гуманитарная парадигма университетского образования: проблемы, тенденции, перспективы.

3. Непрерывное гуманитарное образование как фактор интеграции регионального социокультурного пространства;

4. Гуманитарное сознание и проблемы его формирования в университете.

5. Современные технологии гуманитарного профессионального образования.

В симпозиуме приняли участие более ста ученых университета и других вузов России. Прозвучали следующие доклады: «Проблемы и перспективы развития ВятГГУ» (проф. В. С. Данюшенков, ректор ВятГГУ); «Становление научной школы ВятГГУ» (проф. В. Т. Юнгблюд, проректор по научно-исследовательской работе ВятГГУ); «Деятельностный подход к педагогическому процессу и его использование в гуманитарном образовании» (проф. Н. В. Котряхов); «Интегративный подход к профессионально-личностному становлению специалиста в университете» (проф. Е. О. Галицких); «Региональные особенности развития образования (исторический аспект)» (проф. В. Б. Помелов); «Социальное и профессиональное становление студента педагогического вуза» (проф. В. Ф. Сахаров); «Учебная деятельность и социальное самоопределение личности» (проф. Т. В. Машарова, проректор по учебно-воспитательной работе ВятГГУ); «Функциональная структура сознания» (проф. В. Ф. Юлов); «Эмоциональный фактор образовательного процесса» (проф. М. Г. Яновская); «Обучение русскому языку средствами субъективизации» (доц. Г. А. Бакулина); «Народное искусство как этнопедагогический феномен» (проф. Н. С. Александрова).

Целями симпозиума являлись: обмен научными идеями, мнениями; обсуждение проблем вхождения России в Болонскую конвенцию; решение вопросов структурирования педагогического потенциала университета; определение роли науч-

дения России в Болонскую конвенцию; решение вопросов структурирования педагогического потенциала университета; определение роли научно-педагогической школы в становлении гуманитарного образования в регионе университета; перспективы научно-педагогической школы.

Симпозиум пришел к выводу, что современная образовательная деятельность осуществляется в контексте реалий рубежа веков – состояния экономики, политики, экологической обстановки, национальных и международных отношений, глобализации культуры, дегуманизации общества, кризиса классического образования и т. д. Анализ современной социокультурной ситуации свидетельствует, что необходима модернизация форм и методов образовательной деятельности и выработка новых ориентиров образования, обеспечивающего формирование личности, способной и готовой к ответственному жизнетворчеству в сложном меняющемся мире.

Такие условия человеческого бытия требуют от современного образования обращения к гуманистической и гуманитарной традициям, к мировоззренческим основаниям личности, ценностям духовного мира.

Последнее десятилетие серьезное внимание уделялось гуманизации и гуманитаризации образования, которые в числе прочих задач предусматривали формирование собственной активности личности обучаемого, включенного в образовательный процесс в качестве его субъекта.

Анализ проблем развития образования осуществляется на основе философского и системно-деятельностного подходов. Философский подход предполагает рассмотрение общих закономерностей мироздания как целостной системы.

Человек, ребенок живет и учится в конкретной социокультурной среде, принадлежит к определенному этносу. В связи с этим культурологический подход трансформируется в этнопедагогический. В такой трансформации проявляется единство интернационального (общечеловеческого), национального и индивидуального.

Восприятие и интериоризация личностью общечеловеческих ценностей и выработка собственных ценностных ориентаций невозможны только на уровне осознания (когнитивном), в этом процессе активную роль играют эмоции. Таким образом, интериоризация общечеловеческих ценностей требует учета диалектического единства когнитивного и чувственного, рационального и практического, социального и индивидуального.

Учитель, владея разнообразием форм и методов, по возможности создает психолого-педагогические условия, направленные на самореализацию, самостоятельность каждого, на раскрытие и использование собственного опыта человека.

Социальная сущность молодежи обусловлена комплексом факторов. Среди этих факторов значительную роль играет образование. Сфера образования в настоящее время находится в постоянной динамике, чутко реагируя на изменения в обществе. Воспитание человека предполагает не только формирование личности, но и создание условий для развития индивидуальности.

Резолюция научного симпозиума:

1. Современное общество изменяет свою структуру, ставится задача создания гражданского общества, основанного на приоритете закона и равенства прав для всех граждан России. Если ранее динамично развивались сырьевые отрасли, то в настоящее время более высокими темпами развивается сфера услуг.

2. Создание гражданского общества, развитие сферы услуг невозможно без опережающего развития высшего гуманитарного образования.

3. В процессе развития гуманитарного образования важно сохранить лучшие традиции и наработки, накопленные в прошлом.

4. Фундаментом становления высшего гуманитарного образования в Вятском государственном гуманитарном университете являются, прежде всего, традиции, опыт, достижения Вятской научно-педагогической школы.

5. Именно в рамках педагогического направления происходило и осуществляется весьма интенсивное продвижение филологической, исторической, философской, культурологической, социологической и других гуманитарных научных школ.

6. Анализируя перспективы развития ВятГГУ в статусе государственного университета, симпозиум констатирует необходимость признания в качестве приоритетного именно научно-педагогического направления.

7. Необходимым условием опережающего развития научно-педагогической школы является диалог и интеграция научных школ, достижение единства теории и практики.

8. Образование, научная и исследовательская деятельность – база для развития любого направления, любого производства, любой сферы жизни гражданского общества, в том числе прогрессивных форм образования.

9. Особое внимание в научно-педагогических исследованиях следует уделить проблемам сельской школы.

10. Гуманитарное направление ВятГГУ вносит существенный вклад в развитие теоретических и практических проблем не только региона, но и Российской Федерации.

*Т. В. Машарова,
доктор педагогических наук, профессор,
проректор по учебно-воспитательной
работе ВятГГУ*

«ЯПОНСКИЙ ЦЕНТР» В ГОСТЯХ У ВятГГУ

Иностранные делегации давно уже стали привычным делом в нашем университете, так что приезды, например, англичан, французов и американцев уже никого не удивляют. А вот гости из Японии в ВятГГУ побывали впервые.

С 12 по 15 октября в стенах университета проходил учебно-отборочный семинар по теме «Вступление России в ВТО». Семинар проводила автономная некоммерческая организация «Японский центр», отделения которых есть в семи городах России: в Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде и других. Естественно, что в тех городах, где есть «Японские центры», больше возможностей проводить обучающие семинары, но руководители программы не хотят ограничиваться жителями семи городов, поэтому периодически проводят выездные семинары. В этом году очередь дошла и до Кирова.

Президентская программа и ее участники

Участниками семинара, кроме японской стороны, стали сорок специалистов-менеджеров (в том числе двое из Татарстана), каждый из которых является выпускником Президентской программы подготовки управленческих кадров для организаций народного хозяйства, действующей с 1996 г. Президентская программа включает в себя две части – обучение и стажировку в России или за рубежом. Ежегодно в декабре проходит отбор кандидатов на участие в Президентской программе. Требования к ее потенциальным участникам достаточно строги: кандидату должно быть не менее двадцати пяти и не более сорока лет, высшее образование, опыт работы не менее трех лет, опыт работы на управленческой должности не менее года. Каждый из участников проходит профессиональное интервью, психологическое тестирование и экзамен по иностранному языку. В Кирове экзамены обычно сдаются в ВятГГУ, а обучение проходит в другом университете – в ВГУ.

За время существования Президентской программы 63 кировчанина уже побывали на стажировке за границей, а семь из них уже познакомились с предприятиями Японии. Те же, кому не повезло попасть по программе за рубеж, стажировались в разных городах России. Для каждого участника составлялась индивидуальная программа стажировки – конечно, с учетом специфики его деятельности.

Зачем мы японцам?

«Японские центры» работают по своей Программе технического содействия России. Их цель – помочь россиянам окончательно приспособиться к рыночным условиям. Как сказал директор «Японского центра» и руководитель при-

ехавшей в Киров делегации Юкио Асадзума, экономическая ситуация в России – это не только дело самой России, это вопрос, который касается всего остального мира, поскольку наше государство оказывает огромное влияние на экономику и промышленное развитие всех стран. Именно этим объясняется стремление Японии к сотрудничеству с Россией. Особое внимание японцы обращают на молодых специалистов – управленцев и бизнесменов, видя в них будущих лидеров нашей страны и, возможно, друзей Японии.

На тему семинара

Почему темой кировского семинара стало именно вступление России в ВТО? Руководители делегации рассказали, что темы семинаров «Японский центр» планирует сразу на весь год. В этом году большая часть тем уже была проработана на семинарах, проходивших в других городах, так что выбор вопросов, которые можно было бы обсудить с кировчанами, оказался не большим. Японцы решили остановиться на актуальнейшей проблеме – вступлении нашей страны в ВТО – и, как и следовало ожидать, не ошиблись. Кировским слушателям эта тема показалась более чем интересной и стала поводом для горячих дискуссий.

«Кировчане – молодцы!»

Так отозвался господин Асадзума о слушателях, которые, как прилежные студенты, приходили в гуманитарный университет на занятия. Все они – специалисты своего дела, молодые, энергичные люди, которые знают, чего хотят от жизни, и всеми силами стараются этого добиться. Поэтому и работа на семинаре шла активно и продуктивно. Первые два дня японские гости читали «студентам» лекции по теме семинара и еще два дня отводилось на самостоятельную работу. Менеджеры разбивались на несколько групп с учетом рода занятий и готовили доклады по конкретным проблемам. А «под занавес» семинара слушатели прошли тест на понимание материала. Итоги этого теста и семинарской работы вообще будут обрабатываться несколько недель, и только тогда станут известны имена семерых счастливых, которые будут проходить обучение на предприятиях Японии.

Еще господин Асадзума тепло отозвался и о городе, который показался ему очень тихим и спокойным, о кировчанах, которых он назвал добрыми и гостеприимными, и о нашем университете, который представил «Японскому центру» все, что было необходимо для проведения семинара.

*О. В. Шалаева,
главный редактор газеты
«Университетский вестник»*

НАУЧНЫЕ КОНФЕРЕНЦИИ В 2005 ГОДУ

11 января 2005 г.

«Предпрофильное и профильное обучение по естественнонаучным дисциплинам» (областная) (г. Киров, ВятГГУ, ЕГФ, химический факультет, (8332) 356465, (8332) 356646)

Февраль 2005 г.

«Проблемы современного менеджмента» (областная студенческая) (г. Киров, ВятГГУ, факультет управления, (8332) 372994)

Март 2005 г.

«Актуальные проблемы управления» (региональная) (г. Киров, ВятГГУ, факультет управления, (8332) 372994)

Проблемы подготовки учебника «История Вятского края» (региональная) (г. Киров, ВятГГУ, СГФ, каф. истории и краеведения (8332) 374899)

Март – апрель 2005 г.

57-я научная сессия ВятГГУ по итогам научно-исследовательской работы за 2004 год (г. Киров, ВятГГУ, (8332) 678860)

Сентябрь 2005 г.

«Актуальные проблемы современной филологии и культурологии. Юбилейные Гриневские чтения» (международная) (г. Киров, ВятГГУ, факультеты филологический и культурологии (8332) 370265, (8332) 374885)

14-15 декабря 2005 г.

«Технология – дизайн, деятельность, личность» (региональная) (г. Киров, ВятГГУ, факультет Тид, (8332) 678956)

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА
ПРЕДЛАГАЕТ:

БЕРЕСНЕВА Е. В.
Современные технологии обучения химии: Учебное пособие. – М.: «Центрхимпресс», 2004. – 143 с.

В учебном пособии изложены теоретические основы современных развивающих технологий обучения и варианты использования этих технологий на уроках химии в школе. Адресовано студентам химико-педагогических специальностей вузов и учителям химии.

БУТЫРСКИЙ Г. А.
Спецкурс по физике: Пособие по подготовке в вузы. Ч. 4. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2004. – 60 с.

Четвёртая часть пособия соответствует темам раздела «Электродинамика», содержание которых связано с описанием нестационарных явлений.

Пособие будет полезно всем учащимся, занимающимся самообразованием и готовящимся к поступлению в вузы, учителям физики.

ДАНИУШЕНКОВ В. С., КОРШУНОВА О. В.

Игровые обобщающе-повторительные уроки по физике. 7–11: Книга для учителя. – М.: Просвещение, 2004. – 176 с.

В пособии рассматривается технология построения уроков обобщающе-повторительного характера на основе игровой деятельности при обучении физике, даются конкретные разработки самостоятельных игровых средств (планшетных и электронных), приводятся методические разработки уроков.

Предназначено для студентов педагогических вузов, преподавателей университетов и учителей общеобразовательных школ.

ДАНИУШЕНКОВ В. С., КОРШУНОВА О. В., ХРИСТОЛЮБОВА Г. Н.

Интегрированный лабораторный практикум естественнонаучного направления для сельской школы: Методическое пособие для учителей общеобразовательных учреждений. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2004. – 53 с.

Представлена интегрированная технология 12 практических занятий по формированию у учащихся сельских школ целостного восприятия природных явлений по физике, химии, биологии, экологии.

Книга будет полезна учителям физики, студентам, обучающимся в педагогических вузах по естественнонаучному направлению.

ЛЕБЕДЕВА О. В.

Гражданское образование в России (историко-педагогическое исследование). – М., 2004. – 242 с.

В монографии рассматриваются теоретико-методологические и практические проблемы гражданского образования в историко-педагогическом развитии. Новизна исследования состоит в выявлении и обосновании особенностей и тенденций развития идей гражданского воспитания в XVIII–XIX вв., в конце XIX - начале XX вв., в советский и постсоветский период. Для преподавателей педагогических учебных заведений, студентов и аспирантов, занимающихся изучением данной проблемы.

МАРТЫНОВА Г. А.

Теория и методика обучения школьников основам стандартизации: Монография. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2004. – 67 с.

В книге представлено теоретическое обоснование структуры и специфики методов обучения стандартизации. Показано место стандартизации в теории и методике, ее значение для активизации познавательной деятельности. Разработаны программа школьного курса «Элементы стандартизации в школе», методика обучения школьников основам стандартизации.

Предназначена для научных сотрудников, аспирантов; учителей технологии, черчения, математики, информатики; студентов.

Материалы X школы по теоретической морфологии растений. Конструкционные единицы в морфологии растений (Киров, 2-8 мая 2004 года). – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2004. – 252 с.

X школа по морфологии растений проводилась на Вятской земле. Особенности индивидуального развития растений, специфика их развития и строения в зависимости от условий обитания и воздействия факторов внешней среды, поиск видов-биоиндикаторов, введение растений природной флоры в культуру, разработка программ охраны видов и сообществ – вот лишь малый перечень практического приложения новейших достижений морфологии растений.

Опыт социальной адаптации личности. Вып. 2. Социально-педагогический комплекс как модель учреждения дополнительного образования: нормативный аспект: Сборник научно-методических материалов. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2004. – 59 с.

Отражен опыт работы Детско-юношеского центра Октябрьского района г. Кирова по созданию инновационной модели учреждения дополнительного образования детей – социально-педагогического комплекса. Представлены концептуальные основы деятельности учреждения; Положения о социально-педагогическом комплексе и его службах, должностные инструкции руководителей и сотрудников служб; Программа мониторинга.

Материалы сборника адресованы организаторам образования, руководителям образовательных учреждений, студентам и аспирантам.

Проблемы современного математического образования в педвузах и школах России: Тезисы докладов III Всероссийской научной конференции. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2004. – 166 с.

Конференция посвящается славному 90-летию юбилею одного из первых педагогических вузов России – ныне Вятскому государственному гуманитарному университету. Отражена работа четырех секций: преподавание математики в педвузе; обучение математике в школе, технологии обучения математике; математические исследования.

Сборник научно-методических материалов Центра детского творчества с изучением прикладной экономики г. Кирова (к отчету федеральной экспериментальной площадки по экономико-правовому обучению и воспитанию школьников). Ч. II. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2004. – 124 с.

В сборнике содержатся материалы экспериментальной работы педагогического коллектива Центра по реализации программы развития учреждения «Стань успешным!». Представлены концептуальные положения программы развития, разработанные в сотрудничестве с учеными Вятского государственного гуманитарного университета, методические рекомендации педагогов, а также тезисы учебно-исследовательских и проектных работ воспитанников ЦДТ.

Совершенствование преподавания иностранных языков в школе и вузе: Сборник научно-методических трудов. Вып. 8. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2003. – 112 с.

В сборник включены статьи, рассматривающие вопросы совершенствования средств и организационных форм обучения иностранным языкам. Особое внимание уделено проблемам обучения письменной коммуникации на иностранном языке и использования технологий личностно-ориентированного обучения в практике преподавания иностранных языков в вузе и школе, что делает сборник полезным как для научных работников, аспирантов, преподавателей, так и для учителей школ и студентов.

ХАРУНЖЕВ А. А., ХАРУНЖЕВА Е. В., ШИПИЦЫН Н. П.

Формирование информационной культуры при внедрении компьютерных технологий в управленческие образовательные учреждения. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2004. – 68 с.

В монографии изложены аспекты формирования информационной культуры руководителя общеобразовательного заведения с целью создания необходимых условий и возможностей использования новых информационных технологий в управленческой деятельности.

Подписной индекс
журнала «Вестник Вятского государственного гуманитарного университета»
в Объединенном каталоге,
том 1 – 10197 – на год
Цена подписки 100 рублей

Вестник
Вятского государственного гуманитарного университета
Научно-методический журнал № 11

Подписано в печать 22.11.2004
Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 27,0 Тираж 500. Заказ

Вестник
Вятского государственного гуманитарного университета
Научно-методический журнал № 11

Подписано в печать 22.11.2004 г.
Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 27,0. Тираж 500. Зак. № 2399
Отпечатано с готового оригинал макета в типографии МИАЦ,
г. Киров, ул. Энгельса, 82, тел. 62-10-19